Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

«Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (г. Москва, 23 апреля 2020 г.)

Москва 2020

УДК [341.231 + 342.3](082)
ББК 67.400 я 43 + 67.412.1 я 43
М 43

Авторы: Абросимов В.В., Алексеева Н. И., Альбертий Ю.В., Афанасьева С.А., Базыкин А.Ю., Бондарева Г.А., Бочкарев С. В., Буглимова О.В., Бурьянов С.А., Вепрев Р.И., Войтович Е.А., Воронина Т.В., Воронцов Н.Д., Гаврилова Ю.В., Гайворонская Я.В., Галактионов С.А., Гвоздецкий Д.С., Гоголина А.О., Голышев В.Г., Голышева А. В., Гриднева О. В., Дорская А. А., Дутова Н. В., Еремина Т.И., Ефимова О. В., Ефремова Н. Н., Ефремова Т.Д., Залоило М.В., Звонарев А. В., Звонарева Н. А., Иванова М. Г., Ивардава Л.И., Иванюк О.А., Игнатьева М.В., Ильин Н. С., Кадырова Л.А., Кайгородова Л. А., Карпенко К. В., Карташкин В. А., Климкин В. Н., Корнилова И. В., Корчагина Т. В., Костылева Е. Д., Кочеткова Е. В., Крупеня Е. М., Куксин И. Н., Кулаков А. В., Курушин С.А., Ладнушкина Н. М., Львов А. В., Матчанова З. Ш., Мельников А.Г., Минченко Т. П., Орлов М. А., Папа О. М., Пашенцев Д.А., Петрова Д.А., Пономарев М.В., Порываева Н.Ф., Протасов В.Н., Прохода В. А., Рахманова Е. Н., РомановА.Ю., Романова Г.В., Ростиславлев Д. А., Рязанов Е. Е., Северухин В. А., Сиваков О. В., Смирнова В. В., Ситникова М. О., Смолина И. Г., Соковиков Д. А., Степаненко Р. Ф., Степанов М. М., Стрельников А. О., Токмовцева М. В., Туранин В.Ю., Умнова-Конюхова И. А., Фёклин С. И., Шаповалов Н. И., Шершенева-Цитульская И. А., Шестопалов М. А., Шикула И. Р., Щекутьева Т. Б., Яровая М. В.

Редакционная коллегия:

Ладнушкина Н.М., к.п. н., доцент кафедры образовательного и информационного права, Пашенцев Д.А., д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права, Царев А.Ю., к.ю.н, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин имени Ф.М. Рудинского.

«Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»: Материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 23 апреля 2020 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – Москва : Саратовский источник, 2020 – 309 с.
ISBN 978-5-6044503-6-9

В сборнике представлены материалы и тезисы выступлений участников Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского и 25-летию Московского городского педагогического университета, которая состоялась в Московском городском педагогическом университете 23 апреля 2020г.

ISBN 978-5-6044503-6-9

© ГАОУ ВО МГПУ, 2020

Содержание

Абросимов В.В. *9*
Развитие жилищного законодательства в России в XX веке: основные этапы и перспективы

Алексеева Н. И. *11*
Кризисы в праве: теоретико-правовой анализ

Альбертий Ю.В. *14*
Законность: подходы к пониманию и соотношение с целесообразностью

Афанасьева С.А. *18*
К вопросу о реализации прав человека в условиях цифровизации

Базыкин А.Ю. *22*
Проблемы привлечения граждан к подготовке проектов нормативных правовых актов

Бондарева Г.А. *26*
Конституционно-правовое поле функционирования цензурной функции государства

Бочкарев С. В. *30*
Создание институционального баланса власти как механизма эффективного правового регулирования

Буглимова О.В. *33*
Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних в наследственных правоотношениях

Бурьянов С.А. *39*
Некоторые подходы к формированию стратегии университета мирового города в условиях перехода к цифровой глобализации

Вепрев Р.И. *43*
Юридическая техника в сфере частного права

Войтович Е.А. *48*
Нормативные основы конституционного правотворчества в австралийском союзе

Воронина Т.В. *52*
Проблемы определения правовой природы договоров транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам

Воронцов Н.Д. *54*
Опыт конституционно-правового регулирования приватизации в зарубежных государствах

Гаврилова Ю.В. *59*
Формирование правовой грамотности: опыт зарубежных стран

Гайворонская Я.В. *63*
Этические аспекты правового регулирования общественных отношений в условиях цифровизации

Галактионов С.А., Кулаков А.В. *67*
О квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера: еще раз к вопросу

Гвоздецкий Д.С. *69*
Модернизация российской экономики правовыми средствами (на примере ведомственного нормотворчества)

Гоголина А.О. *72*
Понятие мониторинга законопроектной деятельности в Российской Федерации

Голышев В.Г., Голышева А.В. *76*
Исполнения артистов-исполнителей и дирижеров: к вопросу об объектах и субъектах смежных прав

Гриднева О.В. *81*
Особенности страхования имущества в пользу выгодоприобретателя

Дорская А.А. *84*
Кризисы права и развитие прав человека: проблемы соотношения понятий

Еремина Т.И. *88*
О некоторых аспектах прав субъектов образовательных отношений в условиях развития цифровых технологий

Ефимова О.В., Дутова Н.В. *91*
Недействительные сделки в банкротных правоотношениях

Ефремова Н.Н. *94*
Из истории юридических гарантий прав и свобод личности в России: аналитический обзор

Ефремова Т.Д. *98*
Особенности формирования профессиональной этики юриста в современных условиях

Залоило М.В. *101*
Законотворческая деятельность в России: состояние, тенденции, вопросы цифровизации

Звонарев А.В. *104*
Влияние российского законодательства на развитие уголовного права Латвийской республики в 1918 – начале 1920-х годов

Иванова М. Г. *108*
Концепт «закона»: истоки правосознания

Ивардава Л.И. *115*
Проблемы правового регулирования новых сегментов цифровой экономики

Иванюк О.А. *119*
Роботизация правоприменения: проблемы и перспективы

Игнатьева М.В. *124*
Эффективность правового регулирования отношений в сфере международной защиты прав человека

Ильин Н.С. *127*
К вопросу о правовой охране изображения несовершеннолетнего

Кадырова Л.А. *129*
Кризисные явления в уголовном праве Российской империи в XIX - начале XX вв. и их научное осмысление (на примере религиозных преступлений)

Кайгородова Л.А, Папа О.М. *133*
Влияние модернизации высшего образования на стабилизацию процессов глобализации

Карпенко К.В. *137*
«Цифровое» завещание во Франции

Карташкин В.А. *141*
Конституция и верховенство международного права

Климкин В.Н. *145*
Актуальные проблемы реализации норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленных на охрану прав осужденных отбывающих наказание в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы России

Корнилова И.В. *149*
Волонтерство в системе образования: проблемы и перспективы

Корчагина Т.В., Звонарева Н.А. *153*
Некоторые аспекты формирования навыков критического мышления в подготовке современного учителя правовых дисциплин

Костылева Е.Д *157*
Ограничение прав и свобод человека в понимании соотношения свободы и безопасности

Кочеткова Е.В., Тагиева У.У. *162*
Банкротство физических лиц: плюсы и минусы

Крупеня Е.М., Смолина И.Г. *166*
Об эффективности социального государства: некоторые проблемные вопросы общеправовой теории

Куксин И.Н. *170*
Судебное примирение при разрешении юридических конфликтов: анализ и перспективы внедрения в российскую правоприменительную практику

Курушин С.А. *174*
О праве соотечественников, проживающих за рубежом, на российское гражданство

Ладнушкина Н.М. *179*
Новые подходы к государственной регламентации образовательной деятельности

Львов А.В. *183*
Материальное обеспечение служилых людей в XVII в.

Матчанова З. Ш. *186*
Критерии эффективности международно-правового регулирования защиты прав трудящихся

Мельников А.Г. *190*
Понятие и правовой статус космонавта

Минченко Т. П. *194*
Некоторые вопросы современного состояния и перспективы права на образование для студентов вузов в связи с воинской обязанностью в условиях современных глобальных процессов

Орлов М.А. *199*
Информационная экосистема распространения правовой информации как основа всеобъемлющей правовой автоматизации

Пашенцев Д.А. *203*
Влияние технологии «блокчейн» на правовое регулирование: тенденции и перспективы

Петрова Д.А. *205*
Организация Договора о коллективной безопасности: правовые основы

Пономарев М.В. *207*
Доктринальное развитие конституционного права в условиях «социал-консервативной волны» начала XXI века

Порываева Н.Ф. *212*
Проблемы правового регулирования парсинга

Протасов В.Н. *216*
Аспекты бюрократического управления в современной России

Прохода В.А. *221*
Доступность образования в ракурсе общественного мнения россиян

Рахманова Е.Н. *224*
Права человека и спорт

Романов А.Ю. *228*
Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации: свойства и значение в механизме правотворчества

Романова Г.В. *231*
Основные направления совершенствования законодательства о переводе земель и земельных участков из одной категории в другую

Ростиславлев Д.А. *235*
Л. де Бональд об организации армии

Рязанов Е. Е. *241*
Категория ограниченных вещных прав в гражданском праве современной России

Северухин В.А. *245*
Права человека и гражданина в условиях цифровой реальности

Сиваков О.В. *248*
Вопросы социальной справедливости в трудовых и социально обеспечительных отношениях

Смирнова В.В., Стиникова М.О. *252*
Защита прав и законных интересов кредиторов при банкротстве юридических лиц

Соковиков Д.А. *256*
Статистический анализ роли «нормативного правового договора» как формы права в правовой системе Российской Федерации

Степаненко Р.Ф. *260*
Концепция правовой образовательной политики о патриотизме в российской юридической науке и образовании (актуальные вопросы)

Степанов М.М. *264*
Реализация принципа социальной справедливости в конституционных поправках 2020 года

Стрельников А.О. *269*
О балансе властей в связи с изменениями Конституции (в аспекте ответственности исполнительных органов власти)

Токмовцева М.В. *272*
Особенности правового статуса нежилых помещений: апартаментов

Туранин В.Ю. *276*
Использование методов системного анализа при формировании терминологического аппарата законопроекта

Умнова-Конюхова И.А. *279*
Современные доктрины пределов ограничения прав и свобод в международном правосудии на примере ЕСПЧ

Фёклин С.И. *282*
Учредительный контроль в сфере образования

Циватый В. Г. *284*
Права человека и юридическое образование в условиях глобализации и полицентричности мироустройства XXI века: институциональный и внешнеполитический дискурсы

Шаповалов Н.И. *289*
Международный стратегический альянс как этап глобализации

Шершнева-Цитульская И.А. *292*
Историко-правовые проблемы учреждения в России патриаршества

Шестопалов М.А. *296*
Современные тенденции в методике преподавания теории государства и права по программам СПО

Шикула И.Р. *299*
Актуальные проблемы уголовно-правовой и виктимологической защиты женщин от семейно-бытового насилия

Щекутьева Т.Б. *302*
О некоторых особенностях деятельности педагога высшей школы в современных условиях

Яровая М.В., Дерябин Ф.Ю. *305*
Перспективы выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства: историко-правовой анализ

Абросимов Виктор Владимирович,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В XX ВЕКЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В XX веке жилищное законодательство в нашей стране развивалось неравномерно, разными темпами, в условиях смены общественных формаций и правовых ценностей и ориентиров (например, уничтожение с установлением советской власти института частной собственности и возврат к ней после распада СССР), под влиянием ряда причин прежде всего политического свойства, а также экономических и социальных факторов[1].

На основании проведенного исследования предлагается периодизация становления и развития правового регулирования жилищных отношений в России в XX веке:

дореволюционный этап;

советский этап: становление советского жилищного законодательства в первые годы существования советской власти (1917–1929 гг.); развитие жилищного законодательства СССР и РСФСР с 1929 по 1953 гг.; жилищная реформа и контрреформа в СССР и РСФСР в 1953–1977 гг.; систематизация жилищного законодательства СССР и РСФСР в 1977–1991 г.;

современный этап: постсоветский переходный период с 1991 по 2004 гг.; систематизация жилищного законодательства Российской Федерации в 2004 г.; модернизация и совершенствование современного российского жилищного законодательства.

Зарождение советского жилищного законодательства произошло в первые годы после Октябрьской революции 1917 года, вплоть до начала перестройки и демократических преобразований оно характеризовалось ярко выраженной классовой направленностью. Приоритет государственной формы обеспечения граждан жильем, искоренение частной собственности, установленные правовыми актами на заре советской власти, определили всю дальнейшую жилищную политику советского государства. Источники правового регулирования жилищных отношений в России в XX веке включают как нормативные правовые акты, так и судебную практику (в 1930–1950-е гг.) и революционное правосознание (в первые годы советской власти), прошли долгий путь развития от разрозненных правовых актов до упорядоченных кодифицированных норм права.

Жилищное законодательство прошло путь становления в условиях НЭПа, командно-административной системы управления, жилищной реформы и контрреформы 1953–1977 гг., слома советского строя и

[1] Верещак С.Б. Становление и развитие жилищного права в Советской России (1917–1991 гг.): историко-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. Б. Верещак. – Нижний Новгород, 2006. – С. 8.

построения рыночной экономики. Во времена НЭПа в дополнение к императивному методу регулирования жилищных отношений добавился диспозитивный, постепенно были сформированы отражающие социалистические реалии правовые институты жилищного найма, залога имущества, застройки, купли-продажи жилых строений и т.д. Особенности развития правового регулирования жилищных отношений в 1929–1953 гг. включают регламентацию преимущественно государственного обеспечения граждан жильем, введение нового административно-правового института прописки. Хрущевская оттепель ознаменовала некую либерализацию экономических отношений, что стимулировало развитие жилищного законодательства в стране, выделяется в отдельный правовой институт жилищный наём, в структуре жилищного фонда выделяются государственный, общественный, индивидуальный, а также фонд жилищно-строительных кооперативов. В ходе укрепления командно-административной системы с середины 1960-х годов на смену жилищной реформе приходит контрреформа.

С конца 1970-х годов с принятием Конституции СССР 1977 года начались работы по упорядочению, систематизации жилищного законодательства, до того представлявшего собой массив разрозненных правовых актов[2]. Работы по систематизации жилищного законодательства завершились принятием Основ жилищного законодательства СССР 1981 года, ставших базой для принятия жилищных кодексов Союзных Республик, в том числе Жилищного кодекса РСФСР 1983 года. Правовая традиция кодификации жилищного законодательства сохраняется и в настоящее время. Долгое время в России после распада СССР даже с обновлением законодательства продолжал действовать Жилищный кодекс РСФСР 1983 г. (вплоть до принятия Жилищного кодекса РФ в 2004 году).

В настоящее время ставится задача инкорпорации норм советского законодательства в нормативные правовые акты Российской Федерации[3], а также отмены фактически недействующих, устаревших норм советских правовых актов (в рамках механизма «регуляторной гильотины»[4]). В условиях цивилизационных вызовов современности (демографические, экологические, макроэкономические, технологические, потребление, социальное неравенство, цифровизация и пр.) важной задачей является учет выработанных в предшествующий исторический период правовых традиций жилищного законодательства, сохраняющих свое значение и положительные свойства и по сей день.

---

[2] Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 5–13.

[3] Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 24–36.

[4] Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 138–142; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019. – С. 105–106.

Литература

1. Верещак С.Б. Становление и развитие жилищного права в Советской России (1917–1991 гг.): историко-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С. Б. Верещак. – Нижний Новгород, 2006.
2. Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 10.
3. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 5–13.
4. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020.
5. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019. – С. 105–106.

Алексеева Наталья Ивановна,
к.ю.н., доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
СЗФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

КРИЗИСЫ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения»

Кризис в праве – это явление характерное для современной юриспруденции, о нем говорят не только ученые, но и практикующие юристы, поскольку его проявления наблюдаются как в самой науке, так и при реализации и применении права.

Тема кризиса права актуальна для отечественной и для зарубежной юридической науки[5]. При этом учеными по-разному толкуется понятие данной категории. С одной стороны, кризис права связывается с негативными тенденциями, невозможностью права выполнять свою основную функцию – упорядочивать общественные отношения. Так, Н.В. Власенко, исследуя проблему кризиса в праве, определяет его в первую

[5] Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С.16.

очередь, как негативную тенденцию, и предлагает различать внутренние и системные кризисы.[6]

С другой стороны, кризис права – это некий поворотный момент в развитии правовой системы. В условиях кризиса в правовой системе происходят изменения количественного и качественного характера, которые впоследствии приводят к обновлению системы. На наш взгляд, не стоит отождествлять кризис с понятием проблемы и определять кризисные явления только как негативные тенденции.

Некоторые ученые, исследуя проблему кризисов в праве, используют системный подход, называя ряд причин, обусловливающих кризисные явления в современном праве, и предлагая пути преодоления кризиса.

Профессор В.А. Лихобабин отмечая, что для права на современном этапе свойственны мировоззренческий и методологический кризисы, видит выход из мировоззренческого и методологического тупика позитивизма, из кризиса, в онтологическом понимании права, понимании его как национального образа. Право, по мнению автора, не должно отождествляться с законами и судебной практикой, оно должно стать производным от правоустанавливающих институтов. По мнению В.А. Лихобабина, ближе всего к онтологическому пониманию права находится естественнонаучное направление в теории права.[7]

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, связывая глобальный кризис в первую очередь с экономическим кризисом, отмечал, что «…Право – это живая сверхсложная система, чувствительная к культуре и религии, к политике и экономике, к социальной жизни и техническому прогрессу. Любое другое понимание права превращает нас, отвечающих за человеческое доверие к данному институту, в догматических жрецов, не способных хранить огонь в потухших, мертвых светильниках».[8]

Так, профессор Ю.К. Краснов определяет кризис права как диссонанс между правовыми нормами и потребностями общества, при этом автор указывает на следующие симптомы кризиса: конфликт ценностей; правовой конфликт между различными принципами, который свидетельствует о наличие межотраслевых противоречий; снижение эффективности права в регулировании общественных отношений; снижение мотивации к использованию права; трансформацию понятия международной юрисдикции. При этом, по мнению ученого, выход из кризиса невозможен без выхода человечества из кризиса современной системы общественных отношений.[9]

---

[6] Власенко Н.В. Кризис права: проблемы и подходы к решению / Н. В. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54.

[7] Лихобабин В.А. Мир права: Мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода их него (возвращение к истокам права) / В. А. Лихобабин // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5(49-50). – С. 87-88.

[8] Зорькин В. Глобальный кризис, право и права человека / В. Зорькин // Россия в глобальной политике. – 2009. – № 1. – Т. 7. С. 60.

[9] Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире / Ю. К. Краснов // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-26.

Ряд авторов обращается к проблеме кризиса в современном международном праве. Так, В.Л. Толстых, изучая вопросы преобразования концепции прав человека в рамках международного правопорядка, указывает на такие явления, свойственные современному праву как интернационализация и юридизация прав человека. Ученый обращает внимание, что «права человека стали центром постмодернистской культуры. Любому моральному аргументу, их ущемляющему, будет противопоставлена серия апологетических аргументов, взывающих к высшим правовым ценностям: конституции и международному праву».[10]

По мнению А.И. Казанника, кризис современного международного права проявляется в стремлении США и стран Евросоюза насадить вымышленные западные стандарты прав и свобод человека и гражданина «на всех обитаемых континентах земного шара», что может стать причиной возникновения реальной угрозы международному миру и безопасности, поскольку лишь естественные права (право на жизнь, право на имя и национальность, право на образование, право человека на физическую и психическую целостность) являются универсальными и существуют вне зависимости от признания их государством. Таким образом, международно-правовые требования и стандарты должны распространяться только на естественные права. Что касается остальных прав и свобод личности и гражданина они не могут быть простым копированием из международных стандартов, поскольку каждому конкретному государству присущ определенный уровень правовой культуры и правосознания, сложившиеся демократические традиции, которые необходимо учитывать.[11]

Анализ исследований, посвященных указанной проблеме, позволяет выделить следующие причины кризиса права: во-первых, несовершенство правовой базы; во-вторых, размывание роли государства в правовом регулировании, прежде всего, в создании права и осуществлении правосудия; в-третьих, снижение регулирующей роли права в результате господства системы ценностей, характерных для современного общества; в-четвертых, несоответствие между закрепленными нормами права в текстах правовых актов и реальными потребностями общества; в-пятых, снижение авторитета и влияния принципов и норм международного права; в-шестых, низкий уровень правового сознания граждан.

Вышеизложенный материал позволяет заключить, что кризис права признается современными учеными, данное явление изучается как в общетеоретическом, так и в отраслевом аспектах. При этом разработка проблемы кризиса права остается по-прежнему актуальной, поскольку отсутствует специальный предмет исследования правовых механизмов в юридической науке с точки зрения кризисности.

---

[10] Толстых В.Л. Интернационализация и юридизация прав человека / В. Л. Толстых // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1. – Т. 9. С. 94.

[11] Казанник А.И. Естественные права и кризис современного международного права / А. И. Казанник // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2 (43). – С. 52-53.

Литература

1. Власенко Н.В. Кризис права: проблемы и подходы к решению / Н. В. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54.
2. Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С. 15 – 24.
3. Зорькин В. Глобальный кризис, право и права человека / В. Зорькин // Россия в глобальной политике. – 2009. – № 1. – Т. 7. С. 54-61.
4. Казанник А.И. Естественные права и кризис современного международного права / А. И. Казанник // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2 (43). – С. 47-53.
5. Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире / Ю. К. Краснов // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-28.
6. Лихобабин В.А. Мир права: Мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода их него (возвращение к истокам права) / В. А. Лихобабин // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5(49-50). – С. 85-89.
7. Толстых В.Л. Интернационализация и юридизация прав человека / В. Л. Толстых // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1. – Т. 9. С. 90-95.

Альбертий Юлия Владимировна,
младший научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения Университета прокуратуры Российской Федерации, юрист 2 класса

ЗАКОННОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И СООТНОШЕНИЕ С ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬЮ

Проблематика законности и смежных с ней правовых феноменов (правопорядок, верховенство права, целесообразность) – одна из центральных в теоретико-правовой науке, а сама она всегда сопутствует государству и праву, предопределена их конкретными особенностями в тот или иной исторический период[12]. Свое развитие феномен законности получил в XX веке в трудах советских и современных правоведов.

[12] Кожевников С.Н. Теоретические аспекты законности / С. Н. Кожевников // История государства и права. – 2011. – № 15. – С. 15–19.

В переломные моменты истории система присущих обществу ценностей, в том числе, правовых, переживает трансформации[13]. В первые годы советской власти изменились подходы к правопониманию, роли и сущности права. Право воспринималось как отживающее свой век, отрицалось, с этим были связаны изменения в системе и иерархии источников права, важное место среди которых заняло революционное правосознание[14]. Однако уже на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года было объявлено о необходимости укрепления законности и борьбе с нарушениями законов, которую должны были вести судебные органы. А.Н. Трайнин писал об объективном характере законности, которая в отличие от характера самих законов (полезных и вредных, либеральных и консервативных) не бывает дурной или хорошей, а представляя собой верность, следование законам, является единой для пролетарского и буржуазного общества[15].

Тему единства законности, но уже в контексте территориального устройства советского государства, развил В.И. Ленин в своем письме «О двойном подчинении и законности», опубликованном в газете «Правда» 23 апреля 1925 года. В нем, в частности, в ответ на возникшие разногласия по вопросам подчинения работников прокуратуры было сказано, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей Федерации советских республик».

Вслед за А.Я. Вышинским, разграничившим буржуазную и революционную (социалистическую) законность[16], в доктрине последовательно утверждалась идея революционной законности – «единообразного толкования и обязательного выполнения всех законов советской власти»[17].

Отказ от революционного правосознания как источника права, систематизация советского законодательства в форме кодификации основных отраслей[18] усилили значение проблемы законности, которая на протяжении всей советской истории нашей страны занимала видное место в юридической доктрине, сводилась к неукоснительному соблюдению, исполнению норм закона (иного нормативного правового акта) всеми субъектами права[19].

---

[13] Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С.15.

[14] Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 7–8.

[15] Трайнин А. О революционной законности / А. Трайнин // Право и жизнь. – 1922. – № 1. – С. 24.

[16] Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты / А. Я Вышинский. – М., 1934. – С. 6.

[17] Сольц А. Революционная законность и наша карательная политика / А. Сольц. – М., 1925. – С. 69.

[18] Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 11.

[19] Чхиквадзе В.М. Вопросы социалистического права и законности в трудах В.И. Ленина / В. М. Чхиквадзе. – М., 1960. – С. 204–205.

Интересна точка зрения И.С. Самощенко, полагавшего под законностью господство закона, предполагающее недопущение произвола в отношении граждан со стороны государственных органов и должностных лиц[20]. Если традиционная трактовка налагает обязанность следовать законам на граждан, государственные органы в равной мере, то в понимании И.С. Самощенко основной акцент делается на соблюдение законов в первую очередь со стороны власти.

Важным вопросом является соотношение между категориями законности и целесообразности. В период «военного коммунизма» революционная целесообразность называлась революционной законностью[21]. С переходом к НЭПу дискутировались вопросы соотношения революционной законности и экономики переходного периода, а революционная законность понималась как правопорядок, признанный целесообразным высшими органами пролетарской диктатуры[22]. В более поздних работах законность уже не противопоставляется целесообразности, ученые исходят из презумпции целесообразности действующих норм права. Нормы права с течением времени могут не соответствовать динамике общественного развития[23], становясь нецелесообразными. Однако, как отмечается в литературе, отступление от норм закона, пока он сохраняет свою юридическую силу, недопустимо[24].

Основу законности в постсоветский период составила Конституция РФ 1993 года[25] (ч. 1 ст. 1, ст. 15, ст. 76, раздел второй). Законность понимается в настоящее время как мера действия закона, степень его фактической реализации[26]. Она выступает условием установления правопорядка[27], устойчивость которого определяется состоянием законности в данном обществе. Как отражение главного смысла правореализации законность трактуется в качестве неукоснительного соблюдения, исполнения, использования и применения нормативных правовых актов всеми субъектами права.

Актуальным в наши дни по-прежнему является определение соотношения законности и целесообразности. Безусловно, отраженное в Конституции требование соблюдения законодательства не допускает отступления от норм

---

[20] Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством / И. С. Самощенко. – М., 1960. – С. 14–24.

[21] Антонов-Саратовский В. О революционной законности / В. Антонов-Саратовский // Революционная законность. – 1926. – № 1–2. – С. 3.

[22] Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. И. Стучка. – Рига, 1964. – С. 323.

[23] Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства / Л. С. Галесник // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. – М., 1960. – С. 37.

[24] Недбайло П.Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права / П. Е. Недбайло // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. – М., 1960. – С. 333.

[25] Хабриева Т.Я. Конституция – основа законности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 3.

[26] Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. – 3-е изд. – М., 2017. – С. 36.

[27] Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019. – С. 49–54.

закона в угоду соображениям целесообразности, пользы, а также по иным мотивам. Для случаев пробельности права и законодательства установлены правила применения законодательства по аналогии, для целей толкования и конкретизации юридических норм, способствующих приближению их к конкретным обстоятельствам дела, судьи наделены свободой усмотрения с одновременным строгим соблюдением пределов таковой[28]. Вместе с тем, проблема отставания закона от реальных общественных отношений сохраняется[29], а задачей юридической науки является поиск действенных мер по обеспечению целесообразности действующего закона.

Литература

1. Антонов-Саратовский В. О революционной законности / В. Антонов-Саратовский // Революционная законность. – 1926. – № 1–2.
2. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты / А. Я Вышинский. – М., 1934.
3. Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства / Л. С. Галесник // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. – М., 1960.
4. Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм / М. В. Залоило // Адвокат. – 2011. – № 11.
5. Залоило М.В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2.
6. Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. – 3-е изд. – М., 2017.
7. Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). С.15-24.
8. Кожевников С.Н. Теоретические аспекты законности / С. Н. Кожевников // История государства и права. – 2011. – № 15.
9. Недбайло П.Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права / П. Е. Недбайло // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. – М., 1960.
10. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н.Н. Черногор. М., 2019.

[28] Подробнее см.: Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм / М. В. Залоило // Адвокат. – 2011. – № 11. – С. 28–37.

[29] Проблема отставания закона от развития общественных отношений особенно заметна в связи с развитием современных технологий и трансформацией правопорядка в условиях цифровизации (см. подробнее: Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 196–209).

11. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2018. – № 11.
12. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством / И. С. Самощенко. – М., 1960. – С. 14–24.
13. Сольц А. Революционная законность и наша карательная политика / А. Сольц. – М., 1925. – С. 69.
14. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. И. Стучка. – Рига, 1964.
15. Трайнин А. О революционной законности / А. Трайнин // Право и жизнь. – 1922. – № 1. – С. 24.
16. Хабриева Т.Я. Конституция – основа законности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 3.
17. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2017. – № 10.
18. Чхиквадзе В.М. Вопросы социалистического права и законности в трудах В.И. Ленина / В. М. Чхиквадзе. – М., 1960.

Афанасьева Светлана Анатольевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящее время права человека – это один из важнейших институтов демократического правового государства, а вопрос об обеспечении прав человека становится все более актуальным. Ценность прав и свобод человека состоит, прежде всего, в возможности их полноценной реализации. Провозглашение этих прав само по себе еще не создает подлинной свободы человека, для этого права человека, закрепленные в международном и внутригосударственном законодательстве, необходимо осуществить и обеспечить[30]. В современных условиях процессы глобализации, цифровые технологии, социальная трансформация общества, различные угрозы человеческому обществу создают серьёзные трудности в реализации прав человека. Цифровизация затрагивает все сферы общественной жизни, под влиянием цифровых технологий устоявшиеся государственные и

[30] Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере г. Москвы): дис. канд. юрид. Наук / С. А. Афанасьева. – М., 2009. – С. 90-105.

общественные институты претерпевают изменения[31]. Современные цифровые технологии, интернет стали предпосылками цифровой революции, трансформации различных видов общественных отношений, и сфера прав человека не стала исключением[32].

С развитием государства претерпевают изменения и все его институты, права человека конкретизируются в законодательстве с учетом особенностей каждой страны и мировых глобальных процессов[33]. В XXI веке становится очевидной потребность конкретизировать права человека, учитывая цифровую трансформацию общественных отношений, непосредственно влияющую на реализацию фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, новые технологии позитивно влияют на осуществление прав человека, способствуют появлению новых прав и свобод, механизмов их реализации. Человек, являясь участником всемирного цифрового пространства, становится носителем ранее неизвестных прав, «цифровых прав», таких как права «на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети интернет, право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации»[34].

Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни. Трудно представить современную жизнь без тех информационных возможностей, которыми располагает практически любой человек. «Современный мир уже невозможно представить без телефонов, планшетов, ноутбуков, сети Wi-Fi и даже роботов»[35]. Широкое распространение и доступность получили мобильные устройства, появились новые возможности получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, совершенствуются административные процедуры, значительно упростилась реализация отдельных прав и свобод, например, право на обращения, свобода

---

[31] Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 11.

[32] Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Предисловие // Трансформации правовой реальности в цифровую эпоху / под ред. Д.А. Пашенцева и М.В. Залоило. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 15.

[33] О феномене конкретизации в праве см. подробнее: Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2011. – № 6. – С. 41–49; Залоило М.В. Отечественная правовая мысль о феномене «конкретизация юридических норм» / М. В. Залоило // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26 – 28 мая 2010 г.) / отв. редактор В.И. Лафитский. – М., 2011. – С. 115–123.

[34] Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (Дата обращения: 16.03.2020).

[35] Организация и деятельность органов власти в городе Москве: монография / кол. авторов; под ред. А.Ю. Царёва. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – С. 60.

слова, право на образование и многое другое. Информационные технологии позволили в значительной степени упростить административные процедуры, снизить барьер между властью и обществом, повысить эффективность управления. Интернет значительно расширяет возможности осуществления прав и свобод, выступает как средство реализации других прав и свобод человека, таких, например, как права на информацию, свободы выражения мнения. Большинство современных конституционных актов доступ к сети интернет рассматривает как условие реализации других прав человека.

Вместе с тем цифровизация общественной жизни повышает риск нарушений прав и свобод человека. Важной и актуальной проблемой в современном мире стала проблема обеспечения прав человека в сети Интернет. «Интернет – не просто компьютерная сеть, создающая возможность обмена информацией и распространения знания, это также канал или средство ограничения свободы, инструмент, позволяющий осуществлять дистанционный мониторинг через камеры и датчики деятельности и процессов, которые происходят во всех социальных средах»[36].

Ограничения прав и свобод в сети Интернет часто связаны с социально-значимыми, экономическими или даже политическими мотивами. Так, например, в Китае доступ к Интернет-ресурсам в значительной степени регулируется властью. Зачастую имеют место и банальные экономические ограничения – не у каждого есть возможность оплатить услугу доступа к сети или приобрести необходимое оборудование для выхода в Интернет.

В связи с этим, перед мировым сообществом стоит цель – сделать Интернет открытым и безопасным для каждого, чтобы любой человек, находясь в любом месте земного шара имел возможность реализовывать в сети свои права и свободы. В настоящее время ведется активная работа в этом направлении, ежегодно принимаются международные акты, регламентирующие защиту прав и свобод человека в связи с технологическими открытиями, достижениями научно-технического прогресса. Разработаны ряд типовых международных актов в таких областях, как защита персональных данных, киберпреступность, предусматривающих основные принципы и стандарты прав человека в новых реалиях информационно-коммуникативного пространства. Значимые постановления в области онлайн-среды и защиты прав на свободу выражения мнений, доступа к информации было вынесено Европейским судом по правам человека. Вместе с тем, в условиях постоянного научно-технического прогресса представляется целесообразным разработать и принять единый международный акт, регулирующий поведение в сети Интернет, где ключевым должен стать принцип свободы Интернета и надлежащий баланс между правами в процессе их реализации.

[36] Алферова Е.В. Защита прав человека в интернете. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete (Дата обращения: 16.03.2020).

Таким образом, применение стандартов в области прав человека онлайн становится нормой, а выработка эффективных механизмов их защиты становится важной задачей мирового сообщества. Действующий механизм реализации прав человека не в полной мере отвечает потребностям времени, эпохе информационных технологий. Цифровизация, век цифровых технологий, Интернет оказывают самое непосредственное влияние на осуществление фундаментальных прав человека, способствуют появлению новых прав и свобод, диктуют необходимость трансформации и расширения фундаментальных ценностей и требуют совершенствования существующих гарантий реализации прав человека.

Литература

1. Алферова Е.В. Защита прав человека в интернете. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete (Дата обращения: 16.03.2020).
2. Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (на примере г. Москвы): дис. канд. юрид. наук / С. А. Афанасьева. – М., 2009. – 192 с.
3. Залоило М.В. Отечественная правовая мысль о феномене «конкретизация юридических норм» / М. В. Залоило // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26 – 28 мая 2010 г.) / отв. редактор В.И. Лафитский. – М., 2011.
4. Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2011. – № 6.
5. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (Дата обращения: 16.03.2020).
6. Организация и деятельность органов власти в городе Москве: монография / кол. авторов; под ред. А.Ю. Царёва. – Москва: РУСАЙНС, 2019.
7. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Предисловие // Трансформации правовой реальности в цифровую эпоху / под ред. Д.А. Пашенцева и М.В. Залоило. – М.: Инфра-М, 2019.
8. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Базыкин Аркадий Юрьевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН К ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Идея привлечения граждан к подготовке важнейших нормативных правовых актов известна Российскому государству достаточно давно. Примерами подобного служат и рассмотрение проектов отмены крепостного права губернским комитетами в 1858 г.[37], и обсуждение проекта Основных положений преобразования судебной части в России в 1862 г.[38], и советский опыт всенародного обсуждения проектов Конституций 1936 г. и 1977 г.

Прибегая к общественному обсуждению государство, как правило, преследовало следующие цели: 1) привлечение интеллектуальных ресурсов и опыта граждан к подготовке проекта нормативного правового акта; 2) получение поддержки гражданами принимаемого нормативного правового акта; 3) усиление доверия граждан к государству и его институтам.

До начала XXI века подобные практики не носили постоянного характера и использовались государством по мере необходимости. Хотя ст. 114 Конституции СССР 1977 г. предполагал возможность передачи проектов законов на всенародное обсуждение, указанная процедура не была обязательной[39].

Рост популярности идеи общественного обсуждения разрабатываемых государством нормативных правовых актов в России и мире был результатом действия нескольких факторов.

Во-первых, растущее отчуждение между органами представительной демократии и обществом, ставшее следствием усиления власти политических элит и крупных корпораций, влияние СМИ и недостаток политической сознательности граждан[40].

Во-вторых, частой проблемой принимаемых нормативных-правовых актов стал закрытый (аппаратный) характер процесса их разработки, что отрицательно сказывается на качестве правового регулирования[41].

---

[37] Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М.: 1968. – С. 93.

[38] Илюхин А.В. Общественное обсуждение законопроектов в России (на примере законотворческого процесса в отношении суда присяжных): историко-правовой аспект / А. В. Илюхин // История государства и права. – 2012. – № 5. – С. 11–14.

[39] Тем не менее следует отметить, что ряд принятых советским государством законов, таких как, например, Закон СССР от 14.07.1956 «О государственных пенсиях», Закон СССР от 13.12.1968 № 3401-VII «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» и Закон СССР 10 декабря 1970 года № 564-VIII «Об утверждении Основ водного законодательства союза ССР и союзных республик» прошли через всенародное обсуждение.

[40] См., например: Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / д. Дзоло. – М. 2010; Крауч К. Постдемократия / К. Крауч. – М., 2010.

[41] Тихомиров Ю.А. Эффективность закона и экономика / Ю. А. Тихомиров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. – № 4. – С. 6.

Во-третьих, новая цифровая реальность, в которой развивается право, появление новых информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе появление и развитие сети Интернет позволило упростить и сделать более доступной процедуру общественного обсуждения[42].

И, наконец, развитие Интернета дало толчок появлению новых социальных технологий, в том числе технологии краудсорсинга[43], позволяющей направлять усилия множества случайных добровольцев на решение задач в бизнесе, культурной социальной жизни и, в том числе, в праве.

Как показывает практика, процедура общественного обсуждения наиболее эффективно используется при подготовке нормативных-правовых актов, непосредственно влияющих на повседневную жизнь граждан. Так, в целом успешным, был признан эксперимент, проведенный в 2013 г. финским правительством по привлечению граждан к разработке закона, регулирующего движение транспорта вне дорог[44].

С другой стороны, попытка использовать технологию краудсорсинга в ходе реформы конституции Исландии закончилась неудачей[45], что стало свидетельством того, что несмотря на потенциал общественного обсуждения как института прямой и делиберативной демократии, оно не может стать заменой надлежащей работы институтов демократии представительной.

В России в настоящий момент процедура общественного обсуждения нормативных правовых актов урегулирована рядом подзаконных актов[46], Также процедура общественного обсуждения закреплена в конституция и уставах ряда субъектов РФ (Республика Татарстан, Вологодская обл. и др.), а также может быть урегулирована специальным законодательством субъектов (Республика Башкортостан, Архангельская обл. и др.).

Процедура общественного обсуждения федеральных нормативных правовых актов в настоящий момент производится путем использования федерального портала regulation.gov.ru, на котором публикуются проекты нормативных правовых актов, подготовленные федеральными органами исполнительной власти. В настоящий момент эффективность общественного

---

[42] Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019. – С. 167–173; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М., 2019. – С. 89 и др.; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 74–92.

[43] Howe J. The rise of crowdsourcing. 2006. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.wired.com/2006/06/crowds/ (Дата обращения: 15.02.2020).

[44] Crowdsourced off-road traffic law experiment in Finland: Report about idea crowdsourcing and evaluation.Publications of the Committee for the Future, Parliament of Finland, Helsinki. 2014. p. 81.

[45] Рейбрук Д.В. Против выборов / Д. В. Рейбрук. – М. 2018. – С. 77-78.

[46] См., например: указ Президента Российской Федерации 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и Правила раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851.

обсуждения ограничивает ряд проблем, которые еще ждут надлежащего решения.

К ним относятся проблемы, связанные с правовым закреплением института общественного обсуждения (проблема разграничения с другими формами общественного контроля, ограниченного круга подлежащих обсуждению проектов нормативных правовых актов[47]) и проблемы связанные с участием в обсуждении представителей государственных органов – разработчиков проект (исключительно формальное ведение процедуры, игнорирование замечаний других участников обсуждения), и проблемы привлечения граждан к участию в общественном обсуждении (проблема цифрового неравенства, правового нигилизма в обществе, недостатка образования и информированности граждан).

Представляются возможными следующие пути решения указанных проблем:

1) закрепление и урегулирование процедуры общественного обсуждения в возможном будущем законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в качестве обязательного этапа правотворческого процесса[48];

2) ведение работы по информированию населения о разрабатываемых проектах нормативных правовых актах с выделением наиболее важных актов, затрагивающих социально-экономическую жизнь населения;

3) дальнейшее совершенствование работы портала regulation.gov.ru, в том числе путем введения рубрикации по юридической силе и сфере регулирования готовящихся нормативных актов, публикации пояснительных записок к проекту с описанием предыдущего опыта и практики регулирования, предложения различных вариантов правового регулирования[49], ведения контроля за качеством работы представителей государственных органов – разработчиков, принимающих участие в обсуждении[50].

---

[47] Залоило М.В. Технологии краудсорсинга в правотворчестве в условиях цифровизации / М. В. Залоило // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: ИЗиСП, 2020. – С. 314-315; Он же. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 109-127.

[48] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М., 2019; Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М.: ИЗиСП, 2015. – С. 75–86.

[49] Сивицкий В.А. Общественное обсуждение законопроектов: демократия или государственный рационализм / В. А. Сивицкий // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 396.

[50] См. напр. Базыкин А.Ю. Залоило М.В. Современные технологии участия информационного российского общества в выработке правотворческих решений (на примере краудсорсинга) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: ИЗиСП, 2019. – С. 102.

Литература

1. Crowdsourced off-road traffic law experiment in Finland: Report about idea crowdsourcing and evaluation.Publications of the Committee for the Future, Parliament of Finland, Helsinki. 2014.
2. Howe J. The rise of crowdsourcing. 2006. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.wired.com/2006/06/crowds/ (Дата обращения: 15.02.2020).
3. Базыкин А.Ю. Залоило М.В. Современные технологии участия информационного российского общества в выработке правотворческих решений (на примере краудсорсинга) // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. – М.: ИЗиСП, 2019.
4. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / Д. Дзоло. – М., 2010.
5. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М.: 1968.
6. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М. В. Залоило / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020.
7. Залоило М.В. Технологии краудсорсинга в правотворчестве в условиях цифровизации / М. В. Залоило // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: ИЗиСП, 2020.
8. Илюхин А.В. Общественное обсуждение законопроектов в России (на примере законотворческого процесса в отношении суда присяжных): историко-правовой аспект / А. В. Илюхин // История государства и права. – 2012. – № 5.
9. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч. – М., 2010.
10. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М.: ИЗиСП, 2015.
11. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М., 2019
12. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019.
13. Рейбрук Д.В. Против выборов / Д. В. Рейбрук. – М. 2018.
14. Сивицкий В.А. Общественное обсуждение законопроектов: демократия или государственный рационализм / В. А. Савицкий // Юридическая техника. – 2014. – № 8.
15. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона и экономика / Ю. А. Тихомиров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. – № 4.

16. Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – М., 2018.
17. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.
18. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4.

Бондарева Галина Александровна,
к.и.н., доцент кафедры права РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНЗУРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время существует конституционно-правовая коллизия: согласно Конституции России, с одной стороны, цензура запрещается (ч. 5 ст. 29), с другой – запрещаются любые проявления экстремизма (ч. 2 ст. 29), предусмотрено сохранение государственной тайны (ч. 4 ст. 29). Это требует теоретико-правового осмысления путем применения ограничительного толкования норм упомянутой статьи, а также сравнительно-правового исследования указанных норм с нормами федеральных конституционных законов «О военном положении» и «О чрезвычайном положении», в которых термин «цензура» используется в границах правового поля.

Статья 29 Конституции относится к табуированным разделам основного закона, изменение или отмена которых не предполагается в принципе и является сверхжесткой. Но это не значит, что научное или правовое сообщество не имеет права критиковать ее нормы и подвергать сомнению ее аксиомичность. В настоящее время сложилось два концептуально различных взгляда на конституционно-правовой статус цензуры.

Ряд ученых-правоведов, в том числе и автор статьи, полагают, что цензура не является атрибутом тоталитарного политического режима и назрела необходимость реабилитации правового конструкта цензуры как института государственного контроля за информацией, способной принести прямой или косвенный вред интересам личности, общества и государства[51].

[51] Занина Т. М., Рыдченко К. Д. Информационно-психологическая цензура как форма государственного надзора / Т. М. Занина, К. Д. Рыдченко // Общество и право. – 2009. – № 3. С. – 246–249; Марцоха И. Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: автореф. дис. … канд. юрид. Наук / И. Е. Марцоха. – Ростов н/Д. – 2007. – 25 с.; Полянина А.К. Значение цензуры для обеспечения информационной безопасности личности и условий развития ее автономии / А. К. Полянина // Современное право. – 2014. – № 9. – С. 82–86; Рыдченко К.Д. «Моральный кодекс» пользователя Интернета и государственная цензура киберпространства: некоторые вопросы законодательного регулирования / К. Д. Рыдченко // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 3. – С. 40–44; Сулакшин С.С. Государственная политика защиты нравственности / С. С. Сулакшин // Право и политика. – 2015. – № 2. – С. 242–251; Трофимов М. С.

В частности, И.Е. Марцоха рассматривает цензуру как правовой режим, а не как правовой институт и формулирует в качестве научной гипотезы, что «в широком смысле цензурный правовой режим следует рассматривать как установленный законодательством особый порядок регулирования контрольной деятельности государственных, муниципальных и общественных структур, представленный комплексом правовых средств и направленный на сохранение оптимального с позиции приоритетов государства и общества в духовно-нравственной и социальной сферах содержания информационной правовой политики»[52].

В свою очередь, прозападно настроенная либеральная часть научного сообщества считает формулировку ч. 5 ст. 29 Конституции «цензура запрещается» полностью соответствующей нормам международного права[53] и полагает, что «не стоит отождествлять государственный контроль за распространением информации в форме цензуры с конституционными и законодательными ограничениями свободы массовой информации»[54]. Причем либеральный взгляд на цензуру не образует научного единства: так, например, Т.М. Горяева, являющаяся представителем именно либерального направления исследователей феномена цензуры, подвергается критике со стороны своей, по сути, единомышленницы С.А. Куликовой, по мнению которой, «многие современные исследователи к легитимизации цензуры относят законодательно закрепленные ограничения доступа к информации, например, различные виды тайн, законодательно установленную ответственность за клевету и диффамацию!»[55]. Далее следует цитата Т.М. Горяевой, допускающей существование цензуры только в западных демократиях и считающей недопустимым любое ее проявление в Российской Федерации.

Именно с точки зрения допустимости и недопустимости конституционно-правового статуса цензуры в контексте правового государства можно считать отправную точку научной дискуссии относительно места цезуры в правовом поле исходя из буквы и духа закона.

Большинство исследователей новейшей конституционной истории России едины в том, что между так называемым президентским проектом Конституции России и проектом, подготовленным Конституционной комиссией, была весьма существенная концептуальная и терминологическая разница[56]. Так, существенным, на наш взгляд, можно считать формулировки

Конституционный запрет цензуры и свободы массовой информации / М. С. Трофимов // Информационное право. – 2010. – № 1. – С. 25–28; Харитонов В.Д. Цензура в Российской Федерации / В. Д. Харитонов // Юридический мир. – 2011. – № 6. – С. 42–44.

[52] Марцоха И. Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: дис. ... канд. юрид. Наук / И. Е. Марцоха. – Ростов н/Д, 2007. – С. 17.

[53] Зеленов М. В. Цензура: подходы к определению понятия / М. В. Зеленов // Вест. Ленинградск. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013, – № 1. – С. 94–103; Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России: монография. – М.: Проспект. – 2016. – 256 с.

[54] Куликова С. А. Правовая типология цензуры / С. А. Куликова // Законодательство. – 2013. – № 7. – С. 2.

[55] Куликова С. А. Правовая типология цензуры / С. А. Куликова // Законодательство. – 2013. – № 7. – С. 1.

[56] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М.: Сашко, 2000.

базовых конституционных высших ценностей в проекте Конституции и, собственно, в официальном тексте Конституции. В статье 2 проекта Конституции сказано: «Человек, его права и свободы, жизнь и здоровье, честь и достоинство, личная неприкосновенность и безопасность объявляются высшей ценностью в Российской Федерации»[57]. В свою очередь, в действующем тексте Конституции из перечня высших ценностей были изъяты «честь и достоинство, личная неприкосновенность и безопасность». Можно объяснить такое изъятие и сокращение возможностью расширительного толкования конституционных норм, ведь право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, личную неприкосновенность и безопасность – это, собственно, расшифровка обобщенной дефиниции «права и свободы». Но даже с учетом указанной аргументации не все упомянутые «высшие ценности» вошли в перечень прав и свобод, содержащихся в главе 2 Конституции: право на жизнь (ст. 20); право на охрану здоровья (ст. 41); право на личную неприкосновенность (ст. 22). Остальные устоявшиеся конституционные формулировки «честь и достоинство, <…> безопасность» либо вошли в главу 2 Конституции в разрозненном виде, либо не вошли вовсе. Так, «достоинство личности охраняется государством» упоминается в части 1 статьи 21 Конституции, а честь – в части 1 статьи 23: «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени».

В контексте контроля дефиниция термина цензура понимается И.Е. Марцохой так: «Контроль государственных или гражданских институтов за содержанием, выпуском и реализацией печатной продукции, театральных постановок, кинофильмов, теле- и радиопередач, частной переписки, Интернет, видеоигр, компьютерных игр, сетевых коммуникаций с тем, чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых властью или общественным мнением как представляющие опасность для национальной безопасности России»[58].

В словаре конституционных терминов, подготовленном С.А. Авакьяном, «цензура – это контроль над содержанием публикаций и передач, выражающийся в требовании должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений, общественных объединений предварительно согласовать с ними сообщения и материалы, подготовленные средствами массовой информации (помимо случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей. Цензура запрещена Конституцией РФ (ч. 5 ст. 29)»[59].

---

[57] Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // Constitution.garant.ru: информационно-справочный портал. – М., 2018. – [Электронный ресурс]. URL: :http://constitution.garant.ru/history/active/101201/ (дата обращения: 24.10.2019).

[58] Марцоха И. Е.Указ. соч. С. 7.

[59] Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. – М.: Юстицформ, 2015.

И.Е. Левченко в своей диссертации «Цензура как общественное явление» дает определение цензуры «как социокультурной системы контроля за производством, распространением, хранением и потреблением социальной информации в соответствии с потребностями и интересами организующего и направляющего ее социального субъекта»[60].

Е.А. Агапова в монографии «Феномен цензуры» указывает, что «исторически семантика понятия «цензура» образуется от действия «контролировать»»[61].

Таким образом, системный анализ феномена цензуры вполне может выявить тот факт, что в основе сущностной характеристики цензуры лежит контроль, и, следовательно, даже в плоскости социального, эстетического, культурологического или внутрипсихологического (так называемой самоцензуры) контроля без первичного посыла и заинтересованности государства на всех этапах его развития надзор за различные рода информацией не столько невозможен, сколько несостоятелен и не нужен. Заинтересованность же государства всегда выражается в правовой форме, в неких нормах права и источниках права, призванных обеспечить реализацию базовой охранительной функции государства. Ни одно из притязаний цензурного характера со стороны не только государства, но и других институтов политической системы общества без должной легитимации не воплощались в реальные правоотношения, и чем четче обозначено правовое поле действия цензурной функции государства, тем в большей степени данное государство можно считать в настоящее время правовым.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. – М.: Юстицформ, 2015.
2. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – М.: Сашко, 2000.
3. Агапова Е.А. Феномен цензуры / Е. А. Агапов. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008.
4. Занина Т. М., Рыдченко К. Д. Информационно психологическая цензура как форма государственного надзора / Т. М. Занина, К. Д. Рыдченко // Общество и право. – 2009. – № 3. С. – 246–249.
5. Зеленов М. В. Цензура: подходы к определению понятия / М. В. Зеленов // Вест. Ленинградск. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013, – № 1. – С. 94–103;
6. Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в России: монография. – М.: Проспект. – 2016. – 256 с.
7. Левченко И.Е. Цензура как общественное явление: автореф. дис. … канд. филос. наук / И. Е. Левченко. – Екатеринбург, 1995. – С. 11.

[60] Левченко И.Е. Цензура как общественное явление: автореф. дис. … канд. филос. наук / И. Е. Левченко. – Екатеринбург, 1995. – С. 11.

[61] Агапова Е.А. Феномен цензуры / Е. А. Агапов. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 11.

8. Марцоха И. Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России: автореф. дис. … канд. юрид. Наук / И. Е. Марцоха. – Ростов н/Д. – 2007. – 25 с.
9. Полянина А.К. Значение цензуры для обеспечения информационной безопасности личности и условий развития ее автономии / А. К. Полянина // Современное право. – 2014. – № 9. – С. 82–86.
10. Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // Constitution.garant.ru: информационно-справочный портал. – М., 2018. – [Электронный ресурс]. URL:http://constitution.garant.ru/history/active/101201/ (Дата обращения: 24.10.2019).
11. Рыдченко К.Д. «Моральный кодекс» пользователя Интернета и государственная цензура киберпространства: некоторые вопросы законодательного регулирования / К. Д. Рыдченко // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 3. – С. 40–44.
12. Сулакшин С.С. Государственная политика защиты нравственности / С. С. Сулакшин // Право и политика. – 2015. – № 2. – С. 242–251
13. Трофимов М. С. Конституционный запрет цензуры и свободы массовой информации / М. С. Трофимов // Информационное право. – 2010. – № 1. – С. 25–28.
14. Харитонов В.Д. Цензура в Российской Федерации / В. Д. Харитонов // Юридический мир. – 2011. – № 6. – С. 42–44.

Бочкарев Сергей Вадимович,
к.ю.н., доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА ВЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМА ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения»

Проблематика создания институционального баланса власти проистекает из теоретических политико-правовых разработок и имеет актуальное практическое преломление.

Сама конструкция институционального баланса власти исходит из конституционно-правого принципа разделения властей, который коррелируется с системой сдержек и противовесов. Как известно, разделение

властей на законодательную, исполнительную и судебную означает не только различный порядок их формирования и выполнение ими определенного круга полномочий, но и их взаимодействие, которое обеспечивает баланс или равновесие властей.

Следует отметить, что принцип разделения властей, который лежит в основе большинства современных конституционных актов перманентно находит своих противников. Аргументов несколько. Во-первых, те конституции, в которых было закреплено т.н. жесткое или абсолютное разделение властей (например, Конституции Франции 1795 г. и 1848 г.) оказались нежизнеспособными, поскольку не предусматривали какое-либо сотрудничество между законодательными и исполнительными ветвями власти. Во-вторых, отстаивается точка зрения, что исполнительная власть имеет производный характер от законодательной, поскольку последняя формирует исполнительную ветвь власти. В-третьих, независимые друг от друга власти не могут быть сбалансированными, поскольку выполняемые ими функции не эквивалентны. Р. Карре де Мальберг отмечал абсурдность утверждений, отстаивающих тезис, что разработка и принятие законов не равнозначна их соблюдению, а, следовательно, исполнительная власть, по определению, подчиняется законодательной. Таким образом, если функции властей иерархизированы, а органы власти имеет свою очерченную специализацию то, соответственно, тот, кто выполняет высшую функцию (законодательную), превосходит другие. Согласно формуле Р. Карре де Мальберга, иерархия органов власти следует иерархии функций[62].

Однако модель разделения или обособления властей, предложенная Ш.-Л. де Монтескье, не предполагает строгой специализации функций. Можно говорить об исключениях, но не ставить под сомнение сам принцип разделения властей.

В современном конституционном праве разделение властей трактуется как принцип конституционной техники[63], который позволяет создать эффективный механизм государственной власти. Гибкое разделение властей создает предпосылки для институционального баланса властей, основывается на двух принципах: специализации и независимости. Его специфика предопределяется тем, насколько реализована система сдержек и противовесов, как конституционно-правового механизма, позволяющего разрешать коллизии между властями. Необходимо отметить, что именно система сдержек и противовесов обеспечивает институциональный баланс власти, поскольку целью ее применения является уравновешивание и скоординированная деятельность ветвей власти, что позволяет их взаимно ограничивать. Тем самым создается стабильная политическая система и, как следствие, правовая.

[62] Carré de Malberg R. Contribution à la théorie générale de l'Etat: spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. T. II. Paris: CNRS, 1922. P. 109-142.
[63] Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris: LGDJ, 2015. P. 99.

Таким образом, гибкое разделение властей предусматривает сотрудничество и взаимозависимость органов с различными функциям, т.е. применяется система сдержек и противовесов. Как правило, подобные механизмы реализуются при парламентских монархиях или республиках[64]. В конституционных нормах закрепляется права роспуска (право для главы государства прекратить действие мандата депутатов до истечения срока их полномочий) и в политическая ответственность правительства перед парламентом.

При этом существуют, в зависимости от взаимодействия законодательной и исполнительной властей, различные типы парламентаризма: монистический, дуалистический, мажоритарный и рационализированный. На наш взгляд, в большей степени баланс властей соблюдается при рационализированном парламентаризме, когда предусмотрен конструктивный вотум недоверия правительству (см., например, ст. 67 Основного закона ФРГ, ст. 113-2 Конституции Королевства Испании). Подчеркнем, что само понятие «баланс властей», как конституционно-правовой принцип, получило закрепление в Конституции Румынии 1991 г., после принятия соответствующих поправок в 2003 г.

Итак, институциональный баланс власти, который достигается на основе принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов, получает конституционно-правовое закрепление, что отражает тенденции развития конституционного права. Современные конституции устанавливают границы, в рамах которых осуществляется деятельности органов публичной власти. Они также «определяют форму правления как систему разделения властей, организованную и систематизированную в правовых рамках, и как взаимное уравновешивание различных органов, наделенных полномочиями в сфере правотворчества. Тем самым учредительные акты превращаются в источник легитимации политической власти и высшее измерение законности. Исходя из новой трактовки конституционализации эффективным может быть признано только то законодательство, которое не вступает в противоречие с конституционными принципами и ценностями и способствует их осуществлению»[65]. Таким образом, одной из целей создания институционального баланса власти служит повышение эффективности правового регулирования.

В настоящее время правотворчеством, как «деятельности специально уполномоченных государством субъектов по приданию разработанных в ходе формирования права правилам окончательной формы и официального

[64] Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С. 17.

[65] Васильева Т.А. Конституционализация права и проблемы эффективности правового регулирования / Т. А. Васильева // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02–04 июня 2016 г.) – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 14-15.

характера»[66], наделены в той или иной степени, в зависимости от государства, а в большей степени от правовой семьи к которой относится та или иная страна, все ветви власти. При этом создание институционального баланса власти позволяет скоординировать деятельность различных ветвей власти в их правотворческой деятельности и, тем самым, повысить эффективность правового регулирования.

Литература

1. Васильева Т.А. Конституционализация права и проблемы эффективности правового регулирования / Т. А. Васильева // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02–04 июня 2016 г.) – Воронеж: НАУКА ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 12-18.
2. Звонарев А.В. Развитие общественно-политических взглядов П.И. Новгородцева в конце 1917 – первой половине 1918 гг. / А. В. Звонарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С.15 - 24.
3. Реутов В.П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) / В. П. Реутов // Юридическая техника. – 2015. - № 9. – С. 622-630.
4. Carré de Malberg R. Contribution à la théorie générale de l'Etat: spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. T. II. Paris: CNRS, 1922. 638 p.
5. Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris: LGDJ, 2015. 830 p.

Буглимова Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Вопрос о соблюдении прав и законных интересов несовершеннолетних является крайне актуальным и требует комплексного подхода, в том числе, с использованием гражданско-правовых средств[67]. Конструкция правового

[66] Реутов В.П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) / В. П. Реутов // Юридическая техника. – 2015. - № 9. – С. 623.
[67] Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка –

регулирования наследственных отношений в России предусматривает различные механизмы, позволяющие в наибольшей степени способствовать соблюдению интересов несовершеннолетних граждан в указанной сфере, например: дети входят в список наследников первой очереди при наследовании по закону, могут претендовать на обязательную долю в наследстве в случае, если не будут упомянуты в завещании лицом, ответственным за них; под защитой закона наследственные интересы не родившихся, но зачатых к моменту открытия наследства детей наследодателя; права несовершеннолетних ограждают родители и иные законные представители, органы опеки и попечительства; осуществляется прокурорский надзор за соблюдением законности при реализации прав «несовершеннолетних. Родители могут осуществлять защиту как лично, так и через представителей. Полномочия представителей при этом должны быть надлежащим образом оформлены и подтверждаться доверенностью. Доверенности от имени малолетних выдают их законные представители»[68]. Однако анализ судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования наследственных отношений с участием несовершеннолетних.

Наиболее часто выявляемыми нарушениями интересов несовершеннолетних в наследственных отношениях являются:

– пропуск срока, отведенного для принятия наследства, причитающегося несовершеннолетним;

– случаи невыполнения обязанностей по оформлению наследства представителями несовершеннолетнего;

– завладение законными представителями несовершеннолетнего недвижимым и иным имуществом несовершеннолетнего, полученного в порядке наследования;

– исключение детей из числа наследников;

– приведение полученных в наследство несовершеннолетними жилых помещений в состояние, непригодное для проживания, и иные нарушения имущественных прав несовершеннолетних[69].

В настоящее время не сложилась практика применения новелл Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), закрепленных федеральными законами «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 29.07.2017 № 259-ФЗ, «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ, о

безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 89.

[68] Буглимова О.В. Защита прав и законных интересов детей как участников образовательных отношений / О. В. Буглимова // Российское государствоведение. – 2017. – №2. – С. 37.

[69] Гришин А.В. Защита прокурором наследственных прав несовершеннолетних / А. В. Гришин // Наследственное право. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2019. – №2. – С. 38–42. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=38220645 (Дата обращения: 01.03.2020).

наследственном фонде, наследственном договоре и совместном завещании супругов.

Проанализируем, каким образом указанные нововведения могут затронуть интересы несовершеннолетних граждан. Дети могут стать участником наследственного договора как со стороны наследодателя и наследника, так и со стороны выгодоприобретателя (отказополучателя) в случае применения завещательного отказа или завещательного возложения. Если к выгодоприобретателю не предъявляется особых требований по возрасту и наличию полной дееспособности, кроме ограничений в отношении недостойных наследников по пунктам 1 и 5 статьи 1117 ГК РФ, то в отношении непосредственных сторон наследственного договора ограничения предполагаются, однако четко не закреплены законом и могут быть выявлены путем анализа ряда норм (ст. 21, 26, 27, 28 ст. 1118 ГК РФ). Не возникает сомнений в отношении дозволения заключать наследственный договор лицом, получившим полную дееспособность до достижения 18 лет. Очевидно, что сторонами договора не могут стать малолетние граждане, поскольку сделки от их имени совершают их законные представители, а в соответствии с пунктом 3 статьи 1118 ГК РФ заключение наследственного договора через представителя не допускаются. Однако в отношении частично дееспособных лиц от 14 до 18 лет возникают некоторые вопросы. В соответствии со статьей 26 ГК РФ таким несовершеннолетним разрешено самостоятельно совершать сделки по распоряжению своим заработком, стипендией и иными доходами, а иные существенные сделки требуют письменного согласия их законных представителей. Таким образом, несовершеннолетние, достигшие 14 лет, могут выступать со стороны наследников в наследственном договоре. Распространяется ли подобное правило в отношении наследодателя по договору или следует применить в совокупности пункты 1, 2 и 6 статьи 1118 ГК РФ и сделать вывод о том, что возможным наследодателем по наследственному договору могут быть только полностью дееспособные лица. В научных публикациях встречаются мнения о необходимости предоставить несовершеннолетним право распорядиться своим имуществом на случай смерти с 14-летнего возраста, в частности А.Ю. Касаткина обосновывает такую возможность и в отношении завещания»[70]. Для исключения неопределенности в этом вопросе представляется целесообразным четко определить возраст вероятного наследодателя по наследственному договору, например, внести изменение в пункт 2 статьи 1118 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «Распорядиться имуществом на случай смерти путем совершения завещания или заключения наследственного договора может гражданин, обладающий дееспособностью в полном объеме».

[70] Касаткина, А.Ю. Наследственно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: монография / Касаткина А.Ю. – Москва: Проспект, 2015. – 95 с. [Электронный ресурс]. URL: https://book.ru/book/918088 (Дата обращения: 01.03.2020).

Рассмотрим возможные преимущества и риски участия несовершеннолетних в наследственном договоре. В первую очередь необходимо отметить, что на наследование в рамках наследственного договора распространяются правила об обязательной доле в наследстве (в том числе об обязательной доле в наследстве, право на которую появилось после заключения наследственного договора (п. 6 статьи 1140.1 ГК РФ). Наследственный договор с наследником – несовершеннолетним лицом позволяет решить вопрос о нарушении интересов ребенка на наследство ввиду пропуска срока принятия наследства, непринятию мер к оформлению наследства, исключить случаи, когда законные представители не озаботились о включении несовершеннолетних в круг наследников после открытия наследства. Исходя из положений пункта 6 статьи 1118 ГК РФ, предусмотренные наследственным договором права и обязанности, возникают после открытия наследства, за исключением обязанностей, которые в силу наследственного договора могут возникнуть до открытия наследства и возложены на ту сторону договора, которая может призываться к наследованию за наследодателем. Означает ли это, что права владения, пользования и распоряжения имуществом, указанном в наследственном договоре возникают у наследника непосредственно после открытия наследства, поскольку согласие на получение наследства было закреплено в договоре? При этом в пункте 1 статьи 1152 ГК РФ закреплено положение, в соответствии с которым для приобретения наследства наследник должен его принять. Не понятно, следует ли распространять действие этого правила в силу формулировки статьи 1118 ГК РФ «к наследственному договору применяются правила настоящего ГК РФ о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора». Подобная формулировка допускает неопределенность и в вопросе о возможности получить свидетельство о праве на наследство на основании договора сразу после открытия наследства или по истечении шестимесячного срока. В пункте 64 Приказа Минюста России № 313 от 27.12.2016 «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления» закреплены положения о выдаче свидетельства о праве на наследство на основании наследственного договора. То есть, например, для регистрации недвижимого имущества, перешедшего гражданину на основании наследственного договора недостаточно самого договора и свидетельства о смерти наследодателя, требуется и свидетельство о праве на наследство.

Интересы несовершеннолетнего наследника по наследственному договору могут пострадать в случае, если в наследственном договоре будет закреплено условие об обязательствах несовершеннолетнего о выполнении действий имущественного характера в интересах наследодателя до открытия наследства, а на момент открытия наследства имущество, на которое мог бы

рассчитывать несовершеннолетний в соответствии с договором, по какой-то причине будет утрачено наследодателем. Заключение наследственного договора не ограничивает право наследодателя по распоряжению собственным имуществом, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ). В аналогичной ситуации, если наследник (родитель несовершеннолетних детей) умрет раньше своего благодетеля, то его детям или другим родственникам это имущество уже не достанется в силу пункта 4 статьи 1140.1 ГК РФ, поскольку возникающие из наследственного договора права и обязанности стороны наследственного договора неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

С учетом активного развития института суррогатного материнства[71] актуальным представляется вопрос о наследовании имущества после родителей-доноров и суррогатной матери. Левушкин А.Н. указывает на существенные характеристики «суррогатного материнства. Первый признак – наличие генетической связи между лицами (родителями), ожидающими ребенка, и ребенком (эмбрионом). Второй признак – это вынашивание женщиной (суррогатной мамой) ребенка с целью передачи лицам, его ожидающим (родителям)»[72]. В пункте 5 статьи 55 Федерального закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено юридически значимое определение суррогатного материнства: вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Из данного определения следует, что в России законом допускается три модели суррогатного материнства: наряду с использование спермы мужа и яйцеклетки жены (предполагает полную генетическую связь плода с будущими родителями), возможен также вариант с усеченной генетической связью с использованием либо спермы донора, либо яйцеклетки донора. Использование яйцеклетки суррогатной матери и спермы мужа не соответствует российскому законодательству. В соответствии с пунктом 4 статьи 51 Семейного кодекса РФ лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями

[71] Волкова М.А., Питько Е.В. Проблемы правового регулирования договора суррогатного материнства в России и за рубежом / М. А. Волкова, Е. В. Питько // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 152–155. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25903412_56699807.pdf (Дата обращения: 01.03.2020).

[72] Левушкин А.Н. Правовое регулирование суррогатного материнства в странах Балтии / А. Н. Левушкин // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 1. – С. 55 // [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16229472_48308999.pdf (Дата обращения: 01.03.2020).

ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). От возникновения правовой связи рожденного при использовании вспомогательных репродуктивных технологий ребенка и его родителей в некоторых случаях может зависеть и наследование таким ребенком в случае смерти родителей. В законе не содержится специальных норм в отношении особенностей наследования детьми при использовании вспомогательных репродуктивных технологий. Судебная практика свидетельствует о сложностях, связанных с регистрацией ребенка одинокой матерью, были случаи регистрации иных близких родственников в качестве родителя ребенка, рожденного суррогатной матерью (родная бабушка была признана матерью решением № 2-13109/2016 от 01.11.2016 г. Прикубанского районного суда города Краснодара). Проблемы, связанные с определением статуса родителей, неизбежно влекут за собой и проблемы, связанные с наследованием. Кроме того, в соответствии со статьей 1116 ГК РФ к наследованию могут быть призваны граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. При использовании репродуктивных технологий зачатие может произойти и после смерти потенциальных отца или матери. Как будет решаться вопрос о наследовании ребенком, например, при наличии согласия родителя в случае запланированной операции уже после его (ее) смерти, но в пределах срока принятия наследства.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования наследственных отношений с участием несовершеннолетних должно охватывать широкий спектр вопросов, в частности: об уточнении процедур отказа несовершеннолетнего от наследства и принятия им наследства, о доверительном управлении наследством ребенка, о признании его недостойным наследником, об осуществлении права ребенка на распоряжение имуществом на случай смерти, о вопросах наследования в случаях суррогатного материнства, о защите интересов несовершеннолетних как участников наследственного договора и многие другие.

Литература

1. Буглимова О.В. Защита прав и законных интересов детей как участников образовательных отношений / О. В. Буглимова // Российское государствоведение. – 2017. – №2. – С. 43-53.
2. Волкова М.А., Питько Е.В. Проблемы правового регулирования договора суррогатного материнства в России и за рубежом / М. А. Волкова, Е. В. Питько // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 152–155. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25903412_56699807.pdf (Дата обращения: 01.03.2020).

3. Гришин А.В. Защита прокурором наследственных прав несовершеннолетних / А. В. Гришин // Наследственное право. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2019. – №2. – С. 38–42. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=38220645 (Дата обращения: 01.03.2020).
4. Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88-92.
5. Касаткина, А.Ю. Наследственно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: монография / Касаткина А.Ю. – Москва: Проспект, 2015. – 95 с. [Электронный ресурс]. URL: https://book.ru/book/918088 (Дата обращения: 01.03.2020).
6. Левушкин А.Н. Правовое регулирование суррогатного материнства в странах Балтии / А. Н. Левушкин // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 1. – С. 55-58 // [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16229472_48308999.pdf (Дата обращения: 01.03.2020).

Бурьянов Сергей Анатольевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права и прав человека Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИИ УНИВЕРСИТЕТА МИРОВОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние годы глобальные процессы, затрагивающие все сферы жизни общества, стали приобретать новое цифровое измерение, иногда называемое цифровой глобализацией или глобализацией 4.0. Кроме того, внимание исследователей привлекают глобальные вызовы, связанные с неравномерным развитием социальных подсистем, а также с распространением новых цифровых технологий. По мнению К. Шваба, «характер происходящих изменений настолько фундаментален, что мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей»[73]. Исследователь указывает на зарождающиеся небывалые возможности «в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект (ИИ), роботизацию, Интернет вещей (ИВ), автомобили-роботы, трехмерную

[73] Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business. New York. 2017. 192 p. P. 9.

печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления»[74]. В другой работе, основанной на материалах Давосского экономического форума, отмечается дальнейшее развитие цифровых технологий, которые способны существенно изменить нашу привычную жизнь «начиная от механизмов производства товаров и услуг до инструментов для общения, работы и восприятия окружающего мира»[75].

В докладе ООН UNDESA World Social Report 2020 указываются риски новых технологий, которые могут привести к тому, что плоды так называемой «четвертой промышленной революции» достанутся высококвалифицированным специалистам, в то время как потребность в работниках низкой или средней квалификации, занятых рутинным ручным или другими традиционными видами труда, сокращается[76]. Более того, среди опасностей плодов цифровой промышленной революции уже сегодня можно назвать их использование для нарушений прав человека. Это, например, основанные на цифровых технологиях системы тотальной слежки за людьми, внедряемые под предлогом борьбы за безопасность. Их развитие и все более широкое внедрение может привести к существенным не основанным на праве ограничениям прав человека. Также серьезной проблемой является информационно-цифровое неравенство, в основном обусловленное различными возможностями доступа к информации и новым технологиям. Но все же наиболее серьезные цифровые риски футурологи и некоторые исследователи связывают с роботизированными войнами и непредсказуемостью последствий усиления искусственного интеллекта.

Также следует учитывать, что в условиях небывалой планетарной интеграции все большая роль принадлежит глобальным городам[77], которые являются флагманами мирового развития и воротами в глобальный мир для своих государств и регионов. По итогам 2019 г. в рейтинге глобальных городов мира[78] Москва заняла восемнадцатую позицию[79].

В свою очередь, в новых условиях объективно возрастает роль интегрированных с наукой систем образования глобальных городов, которые призваны содействовать поиску эффективных ответов на вызовы цифровой глобализации. «Наше общее благополучие на здоровой планете требует переосмысления господствующих философий и нового Просвещения, которые могли бы искать вдохновение из старых традиций … Новое

---

[74] Указ. соч. P. 8.

[75] Schwab K, Davis N. Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. A guide to building a better world. Portfolio Penguin. 2018. 288 p.

[76] UNDESA World Social Report 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2020-2.html (Дата обращения: 7.02.2020).

[77] Sassen S. Global City: London, New-York, Tokio. Princeton University Press, 1991. 410 p.

[78] Рейтинг составляется консалтинговой компанией A.T. Kearney и исследовательским институтом The Chicago Council on Global Affairs при поддержке политологического журнала Foreign Policy).

[79] Global Cities Index – 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kearney.com/global-cities/2019 (Дата обращения: 21.02.2020).

Просвещение должно характеризоваться значительно улучшенным балансом между людьми и природой, между рынками и законом, между частным потреблением и общественными благами, между краткосрочным и долгосрочным мышлением, между социальной справедливостью и стимулами к совершенству»[80]. В указанном контексте представляется крайне актуальным исследование перспектив формирования стратегии университета для мирового города в условиях перехода к цифровой глобализации.

Современное образование должно быть ориентировано на жизнь в XXI веке, т. е. на современные общественные отношения, а также с ними связанные иные взаимодействия (природные, техногенные, космические), а в идеале носить опережающий характер. В условиях усиления дисбаланса и цифровизации современных глобальных процессов следует согласиться с актуальными положениями действующей Стратегии развития МГПУ, в соответствии которыми «…Работники и обучающиеся Университета не могут оставаться в стороне от новых подходов к пониманию и разрешению глобальных проблем современности. С учётом этого мы отразили в Стратегии необходимость совершенствования политики деятельности Университета, пересмотра подходов к образованию и исследованиям, использованию принципиально новых и постоянно развивающихся технологий и технических средств…» (раздел 1.3. Основы Стратегии развития МГПУ).

В 2020 г. будет принята новая Стратегия развития МГПУ, которая, по нашему мнению, должна не только сохранить преемственность, но существенно развить подходы к формированию стратегии университета для мирового города в условиях перехода к цифровой глобализации. Прежде всего отметим, что глобальному городу мира № 18 необходим инновационный глобальный педагогический университет, который будет способен эффективно содействовать переходу к цифровой фазе информационного экономического уклада и формированию инновационной конкурентноспособной экономики в интересах устойчивого управляемого развития. Не менее важно, что учет современных глобальных цифровых процессов, а также потребностей Москвы и ее жителей, будет способствовать развитию МГПУ и выходу его на мировой уровень.

Развитию МГПУ как педагогического университета мирового города будет способствовать разработка, апробация и внедрение инновационной научно обоснованной модели современного университетского педагогического образования в глобальном городе и формирование академической дискуссионной среды по проблематике глобальных исследований в сфере права, управления и образования. Среди основных задач обозначим следующие: организация, координация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по проблематике

[80] Weizsäcker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. Springer Science+Business Media LLC, 2018. 220 p.

глобального педагогического университета мирового города; разработка учебно-методических материалов по обозначенной проблематике; разработка программ организации учебно-исследовательской деятельности студентов по обозначенной проблематике; организация, координация и проведение научных мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов) по обозначенной проблематике; организация, координация и проведение студенческих научных мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов) по обозначенной проблематике; подготовка иных публикаций по итогам работы по обозначенной проблематике.

На первом этапе представляется целесообразным разработка научно обоснованной модели глобального педагогического университета мирового города и начало разработки инновационных учебных дисциплин, а также включение отдельных тем в действующие учебные дисциплины на уровне институтов, а также общеуниверситетские элективные курсы. Кроме того, необходимо организовать университетские семинары и круглые столы, в целях формирования общеуниверситетской академической дискуссионной среды. На втором этапе можно будет осуществить апробацию и совершенствование научной модели глобального педагогического университета мирового города и приступить к формированию сетевого межуниверситетского сообщества. Следующими этапом может стать внедрение научной модели глобального педагогического университета мирового города, включая формирование общеуниверситетских и сети кафедр на базе институтов, интегрированных с научными центрами и лабораториями, разработка и внедрение содержательных образовательных приоритетов и технологий на их основе, формирование магистерских программ, подготовка и формирование мирового академического сетевого сообщества по проблематике глобального университетского образования в мировом городе.

Выводы. Так как современная экономика — это экономика знаний, то в условиях углубления перехода к цифровой фазе информационного уклада роль человека в инновационной экономике объективно повышается, что требует создания условий для его всестороннего развития. Так как доля творческого знаниеемкого труда в экономике возрастает, а это требует существенного повышения квалификации работников, то необходимость инновационного развития интегрированного с наукой образования становится ключевым фактором развития общества. Современный инновационный педагогический университет глобального города – основа инновационного развития науки и образования XXI века. Представляется очевидным, что современным глобальным городам необходимо инновационное образование, в полной мере учитывающее современные общественные отношения, и которое является одним из базовых условий перехода к цифровой фазе информационного экономического уклада, формирования инновационной конкурентноспособной экономики.

Необходимы принципиально новые научные подходы для применения инновационных цифровых технологий в контексте формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития[81]. Представляется целесообразным двигаться в направлении создания глобального юридического образования на базе планетарной цифровой образовательно-правовой платформы[82]. Цифровая глобализация общественных отношений, а также с ними связанных иных взаимодействий (природных, техногенных, космических) – в основном объективный процесс, требующий исследований и включения в образовательный процесс МГПУ. Особого внимания требуют исследования глобальных процессов в сфере образования и перспектив формирования глобального образования[83].

Вепрев Руслан Игоревич,
магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

Юридическая техника является многогранным феноменом, имеющим длительную историю развития[84], и являющимся критерием уровня развития правовой культуры, а также правовой системы[85]. Неслучайно Аннерс Э. замечал, что без применения юридико-технического инструментария юридической техники немыслима «высокоразвитая технологическая цивилизация»[86]. В свою очередь Давид Р. фактически одним из критериев обособления правовых семей выбрал особенности юридической техники[87].

---

[81] Бурьянов М.С. Деконструкция права на фоне глобализации и планетарных рисков / М. С. Бурьянов // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: материалы Четвертой междунар. науч. конф. (14–15 ноября 2019 г., г. Минск). В 2 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2019. – С. 38-41.

[82] Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных процессов // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М. 2018. – С. 247-251.

[83] Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. / авт. колл.: С.А. Бурьянов, Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева и др.; под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. 1. М.: МГПУ, 2019. 200 с.; Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. / авт. колл.: С.А. Афанасьева, С.А. Бурьянов, А.В. Звонарев и др.; под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. Кн. 2. – М.: МГПУ, 2019. – 276 с.

[84] См., например, Муромцев Г.И. Юридическая техника на заре культуры / Г. И. Муромцев // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 198-205.

[85] См., например: Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78–89.

[86] Аннерс Э. История Европейского права / Э. Аннерс. – М., 1999. – С. 388.

[87] Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М., 1996. – С. 15-16.

Под техникой понимается совокупность орудий труда или знаний, применяемых для создания материальных ценностей, или совокупность приемов и правил, используемых в каком-либо деле[88]. В Oxford Learner 's Dictoinaries техника трактуется в качестве машины, устройства (machines), либо навыка (skills), необходимого в какой-либо сфере деятельности[89]. Применительно к юридической технике верным будет ее понимание в качестве совокупности специальных приемов, правил, применяемых в сфере юридической деятельности, главным образом, при составлении юридических документов.

Указанным определяется значение юридической техники. По мнению Иеринга Р. оно сводится к количественному и качественному упрощению права, применению права к конкретному случаю[90]. Названное значение является актуальным и в настоящее время. Однако помимо прикладного характера юридическая техника играет важную роль в становлении правопорядка и формировании правовой культуры, поскольку от «качества» того или иного юридического документа, например, нормативного правового акта, зависит «качество» поведения людей[91].

Актуальными вопросами юридической техники можно считать основания ее видовой дифференциации и сферы применения юридико-технического инструментария, что объясняется отсутствием устоявшейся позиции исследователей в отношении определения юридической техники. При этом содержание названной проблематики обуславливается историческим развитием национальной правовой системы.

Так, например, для периода советского государства (условно от конца 20-х годов до конца 80-х годов XX века) в целом представление о юридической технике определялось «господством этатического позитивизма»[92]. Юридическая техника исследовалась, как правило, через призму техники составления законодательных актов. Например, Брауде И.Л., несмотря на то, что законодательную технику фактически рассматривал в качестве вида юридической техники, под последней понимал «правила о характере, структуре и языке нормативных актов, … толковании правовых

[88] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru (Дата обращения: 14.01.2020).
[89] Oxford Learner's Dictoinaries. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (Дата обращения: 14.01.2020).
[90] Иеринг Р. Юридическая техника / Перевод с немецкого Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905. – С. 26-25, 28-33.
[91] Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 154–160.
[92] Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники. Автореф. дис. … докт. юр. Наук / М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2010. С. 16; Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. – С. 12-22.

норм, технике их применения судебными и административными органами…»[93].

Важным будет упомянуть прогрессивные результаты исследований Алексеева С.С., в частности, полагавшим необходимым проводить разграничение между юридической и законодательной техникой. Более того, им предлагалось в зависимости от видов правовых актов выделять технику законодательную и индивидуальных актов (например, юридическая техника частноправовых договоров). При этом критерием их выделения являлся технико-юридический инструментарий, обладающий, как справедливо полагал автор, особенностями, характерными для каждого из названных видов[94].

Наиболее детальная и всеобъемлющая классификация юридической техники в настоящее время предложена М.Л. Давыдовой, выделившей четырнадцать оснований[95]. Одновременно Т.В. Кашанина небезосновательно приходит к выводу о необходимости выбора основного критерия деления юридической техники. В качестве такого критерия предложены стадии правого регулирования: правотворчество; действие права; реализация права и соответствующие им виды юридической техники[96]. Однако данный подход не позволят очертить сферы применения юридико-технического инструментария. Думается, что такими сферами могут являться: публично-правовая и частноправовая сферы. Исходя из указанного классификация юридической техники может быть построена на следующих основаниях.

Во-первых, в зависимости от вида юридической деятельности юридическая техника может быть судебной, адвокатской, прокурорской и т.п. Однако такой подход явно размывает границы юридической техники, позволяя расширять ее виды до любой деятельности, носящей юридический характер, без наличия к тому мотивированных оснований.

Во-вторых, на основании полномочий субъектов юридической деятельности может быть выделена юридическая техника субъектов властной юридической деятельности (юристы государственных органов, занимающиеся правотворчеством, официальным толкованием и т.п.) и субъектов невластной юридической деятельности (юристы организаций, занимающиеся составлением договоров, локальных нормативных актов и т.п.). Такое основание классификации расширяет и демонстрирует потенциал юридической техники частноправовой сферы юридической деятельности, а также вскрывает роль менталитета юристов, применяющих юридико-

[93] Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права / И. Л. Брауде. – М., 2010. – С. 43-44.
[94] Алексеев С.С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Т. 2. – М., 1982. – С. 271-273.
[95] См., например, Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2009.
[96] Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права / Т. В. Кашанина. – М., 2014. – С. 30-32.

технический инструментарий юридической техники в разных сферах ее реализации.

В-третьих, деление юридической техники исходя из юридической природы документа: юридическая техника нормативных правовых актов и индивидуальных правовых актов. Данная классификация фактически позволяет соотнести первый вид юридической техники с публично-правовой сферой, второй – с частноправовой.

В-четвертых, в зависимости от стадии создания юридического документа может быть юридическая техника составления концепции акта, его текста, проведения экспертизы, обсуждения, принятия акта и т.п. Однако большинство исследователей концентрируют внимание только на стадиях правотворческого (законодательного) процесса, не учитывая возможную специфику процесса создания иных юридических документов (например, корпоративного нормативного акта или договора).

В-пятых, исходя из отраслей права может быть общая юридическая техника, юридико-технический инструментарий которой применим для любой отрасли права, а также специальная юридическая техника тех или иных отраслей материального и процессуального права.

Вместе с указанным возможно предложить еще один вариант основания классификации юридической техники в зависимости от источника содержания превалирующего публичного или частного интересов участников юридической деятельности. При этом под источником понимается внешняя форма выражения волеизъявления участников юридической деятельности. При таком основании основным источником содержания публичного интереса (отношения властного и подвластного субъекта) будет является закон, а основными источниками содержания частного интереса (отношения юридически равных субъектов) – корпоративный нормативный акт и договор. Следовательно, может быть выделена юридическая техника закона, корпоративного нормативного акта и договора. Однако совершенно очевидно, что как публичный, так и частный интересы взаимообусловлены, дополняют и проникают друг в друга, но доминирующую роль, как правило, играет один из них, придавая соответствующую ориентацию источнику содержания. Указанный подход предполагает возможным преодолеть преобладающий и в настоящее время нормотворческий, публично-правовой подход к определению юридической техники и обозначить новые перспективы для соответствующих научных изысканий.

Таким образом, юридическая техника как система юридико-технического инструментария, обусловленного историческим развитием национальной правовой системы, и применяемого в процессе осуществления профессиональной юридической деятельности, охватывает как сферы реализации публичного, так и частного интересов. При этом юридико-технический инструментарий юридической техники в сфере частного права,

иначе говоря сферы отношений между юридически равными субъектами, основан на соответствующем инструментарии законодательной юридической техники. Вместе с тем определение их соотношения, выделение особенностей – перспективное поле для дальнейших исследований.

Литература

1. Oxford Learner's Dictoinaries. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (Дата обращения: 14.01.2020).
2. Алексеев С.С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Т. 2. – М., 1982. – С. 271-273.
3. Аннерс Э. История Европейского права / Э. Аннерс. – М., 1999.
4. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права / И. Л. Брауде. – М., 2010.
5. Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества/ Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Юридическая техника. – 2016. – № 10.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М., 1996.
7. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники. Автореф. дис. … докт. юр. наук. / М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2010.
8. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2009.
9. Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 1.
10. Иеринг Р. Юридическая техника / Перевод с немецкого Ф.С. Шендорфа. – СПб., 1905.
11. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права / Т. В. Кашанина. – М., 2014.
12. Муромцев Г.И. Юридическая техника на заре культуры / Г. И. Муромцев // Юридическая техника. – 2016. – № 10.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru (Дата обращения: 14.01.2020).
14. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016.

Войтович Елена Андреевна,
преподаватель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В АВСТРАЛИЙСКОМ СОЮЗЕ

Потребности общества в урегулировании тех или иных отношений выражаются в целенаправленной деятельности государства (государственных органов[97]) по созданию правовых норм. Такой процесс в теории государства и права определяется как правотворчество[98]. Важность такой деятельности обуславливается тем, что посредством создания норм права и принятия нормативно-правовых актов государство формирует право[99]. В науке теории государства и права выделяются различные виды правотворчества, такие как правотворчество органов государственной власти, правотворчество населения государства (осуществляемое в форме референдума) и другие виды правотворчества[100].

М.Б. Румянцев, рассматривая виды правотворчества в Российской Федерации, выделяет особый вид правотворческой деятельности – это конституционное правотворчество, определяя такое понятие «в узком и широком смыслах»[101].

Если рассмотреть конституционное правотворчество в узком смысле[102], то такую деятельность можно определить как вид законодательной процедуры. Такую точку зрения можно обосновать тем, что введение новых конституционных норм, равно как их изменение и отмена осуществляются в особой форме с использованием усложненной процедуры. Например, в Российской Федерации изменение Конституции 1993 года осуществляется исключительно на основании специальных норм, установленных в ее главе 9. Различают два вида изменения Конституции РФ – изменение глав 1,2 и 9 (пересмотр) и изменение глав с 3–8 (поправки)[103]. То есть, в узком смысле

[97] Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С.227.
[98] Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2013. – С.639.
[99] Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко – 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – С.403-407.
[100] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С.144-145.
[101] Румянцев М.Б. Некоторые особенности конституционного правотворчества / М.Б. Румянцев // Адвокат. – 2016. - № 7. – С. 38-44.
[102] Дерхо Д.С. Принципы конституционного правотворчества в Российской Федерации: вопросы теории / Д.С. Дерхо // Проблемы права. – 2014. – № 1 (44). С. 34-40.
[103] Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М. В. Баглай. – 12-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. С.759-764.

конституционное правотворчество, это особый законодательный процесс[104], урегулированный нормами основного закона государства, осуществляемый высшим органом законодательной власти в рамках особой законодательной процедуры.

В широком смысле понятие конституционного правотворчества, это процесс, с помощью которого выстраивается вся система актов, имеющих конституционное значение. М.Н. Марченко отмечает, что в различных странах правотворчество может осуществляться в различных видах, а в странах англосаксонской правовой семьи[105] субъектом конституционного правотворчества могут быть и судебные органы[106].

Австралийский Союз является одной из стран англосаксонской правовой семьи. По форме Конституция Австралии является писаной, по структуре – не кодифицированной, поскольку конституционные нормы закреплены не только в едином акте, изложенном на бумаге, а также и в конституционных соглашениях. В соответствии с классификацией, предложенной Т.Я Хабриевой, такой вид конституции определяется как неконсолидированная[107]. В соответствии с Конституцией Австралия – это конституционная (парламентарная) монархия, по форме территориального устройства – федеративное государство, построенное по территориальному признаку, границы субъектов которого сложились исторически в ходе многочисленных перераспределений территории континента между британскими колониями[108].

В соответствии с первой главой Конституции законодательная власть в Австралийском Союзе принадлежит федеральному Парламенту. Также Конституцией определяется структура Парламента Австралии, который состоит из Королевы[109] и двух палат, одна из которых Сенат, другая – Палата представителей. Именно Парламент Австралийского Союза наделен законодательными полномочиями, в том числе в отношении изменения

---

[104] Законодательный процесс в зарубежных странах: учеб. пособие / Ю.И. Лейбо [и др.]; под ред. Ю.И. Лейбо. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (у-т) МИД России, каф. конст. права. – М.: МГИМО-Университет, 2012. С.4.

[105] Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под общ. ред. Баглая М.В., Лейбо Ю.И., Энтина Л.М., - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва:Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 976 с. С.431.

[106] Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах: коллективная монография / [И.А. Ракитская, М.А. Исаев, Ю.И. Лейбо и др.]; под ред. К.В. Карпенко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конституционного права. — М.: МГИМО-Университет, 2017. С.135-159.

[107] Хабриева Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. — Москва: Норма, 2019. С.106.

[108] Войтович Е.А. Особенности конституционно-правового статуса главы государства в Австралийском Содружестве / Е.А. Войтович // Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей Liber amicorum в честь д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права; [науч. ред. И.А. Ракитская]. — М: МГИМО-Университет, 2018. С. 63-81.

[109] Глава государства в зарубежных странах / под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права. — М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 49-70.

конституционных норм, и, следовательно, является субъектом конституционного правотворчества.

Изменение Конституции Австралийского Союза проводится в рамках особой законотворческой процедуры, нормативно-правовой основой которой является Конституция (глава VIII) и регламенты палат Парламента (статья 135 Регламента Сената и статья 173 Регламента Палаты представителей).

В отношении изменения Конституции существуют следующие особенности, закрепленные в статье 128 «Способ изменений Конституции». В первую очередь необходимо согласие абсолютного большинства голосов членов обеих палат Парламента. После утверждения законопроекта об изменении Конституции в установленные Конституцией сроки (по истечении не менее двух, но не более шести месяцев) законопроект представляется населению штатов, а именно избирателям каждого штата и каждой территории[110], обладающим активным избирательным правом.

Конституцией допускается ситуация, при которой одна из палат вправе отказаться от утверждения законопроекта, изменяющего положения Конституции, и это не будет означать, что изменения отклонены окончательно. Если одна из палат принимает поправки абсолютным большинством голосов, а другая палата отклоняет такой законопроект, либо вносит поправки, не принимаемые первой палатой, то эта палата через три месяца вправе еще раз предложить поправки и утвердить их абсолютным большинством голосов. Если же вторая палата вновь отклонит такой законопроект или внесет правки, с которыми первая палата не согласится, то право решать судьбу законопроекта о поправках в Конституцию переходит к Генерал-губернатору[111].

Именно Генерал-губернатор решает, будет ли вынесен такой законопроект для утверждения избирателями штатов и территорий или нет. Более того, Генерал-губернатор по своему усмотрению выбирает, в какой редакции такой законопроект выносится на голосование: в первоначальной редакции, предложенной первой палатой, или с поправками, внесенными второй палатой.

Законопроект считается принятым при двойном условии. Первое условие выполняется, когда в большинстве штатов избиратели одобрят предложенный законопроект (то есть одобрение большинства штатов). Второе условие – большинство избирателей Австралийского Союза должны одобрить изменение Конституции (то есть одобрение большинства населения государства). После чего законопроект передается Генерал-губернатору для получения королевского согласия[112].

---

[110] Структура субъектов Австралийского Союза: первоначальные штаты, а также территории, созданные актом Парламента Австралийского Союза.

[111] Ratnapala S. Australian constitutional law: foundation and theories / Ratnapala S. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 35.

[112] После ратификации Вестминстерского статута 1831 года и принятия Закона Австралии 1986 года конституционные функции монарха на практике осуществляет Генерал-губернатор.

Литература

1. Ratnapala S. Australian constitutional law: foundation and theories / Ratnapala S. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 364 p.
2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М. В. Баглай. – 12-е изд., изм. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 768 с.
3. Войтович Е.А. Особенности конституционно-правового статуса главы государства в Австралийском Содружестве / Е.А. Войтович // Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей Liber amicorum в честь д.ю.н., проф. Ю.И. Лейбо / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права; [науч. ред. И.А. Ракитская]. — М: МГИМО-Университет, 2018.
4. Глава государства в зарубежных странах / под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. конституционного права. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
5. Дерхо Д.С. Принципы конституционного правотворчества в Российской Федерации: вопросы теории / Д.С. Дерхо // Проблемы права. – 2014. – № 1 (44).
6. Законодательный процесс в зарубежных странах: учеб. пособие / Ю.И. Лейбо [и др.]; под ред. Ю.И. Лейбо. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (у-т) МИД России, каф. конст. права. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — 172 с.
7. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под общ. ред. Баглая М.В., Лейбо Ю.И., Энтина Л.М., - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 976 с.
8. Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах: коллективная монография / [И.А. Ракитская, М.А. Исаев, Ю.И. Лейбо и др.]; под ред. К.В. Карпенко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конституционного права. – М.: МГИМО-Университет, 2017.
9. Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко - 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 816 с.
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник/ Н.И. Матузов, А.В. Малько – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
11. Румянцев М.Б. Некоторые особенности конституционного правотворчества / М.Б. Румянцев // Адвокат. – 2016. – № 7.
12. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.–776с.

13. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2013. – 720с.
14. Хабриева Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2019. – 320 с.

Воронина Татьяна Валерьевна,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРОВ ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕФТИ И ГАЗА ПО МАГИСТРАЛЬНЫМ ТРУБОПРОВОДАМ

Российская Федерация сохраняет одну из лидирующих позиций в международной системе оборота энергоресурсов, в частности, на рынке углеводородов, обеспечивает значимую часть мировой торговли нефтью и газом.

Основные месторождения нефти и газа находятся в отдаленных и труднодоступных районах страны. В этой связи сравнительно недорогой и эффективной является транспортировка нефти и газа магистральным трубопроводным транспортом, он становится основным средством доставки энергоресурсов.

Важность отношений транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам подтверждается документами стратегического планирования в этой области[113].

Специфика договоров транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам как предмета гражданского права остается малоизученной сферой научных исследований. Вместе с тем отношения транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам являются предметом не только гражданско-правового регулирования, но и регулируются публичным (в частности, административным, антимонопольным) законодательством, затрагивают предмет энергетического права, испытывают на себе влияние природоресурсного и даже антитеррористического законодательства. При этом систематизированное законодательное регулирование отношений по транспортировке нефти и газа по магистральным трубопроводам отсутствует, в этой области действует многочисленное количество подзаконных нормативных правовых актов.

В силу п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса РФ стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или

[113] См.: Энергетическая стратегия России на период до 2030 год, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р.

иными правовыми актами. Правовая природа договоров транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам не является однозначно определенной в законодательстве, юридической доктрине и правоприменительной, в частности, судебной практике. В имеющихся исследованиях они рассматриваются как часть предмета гражданского либо энергетического права, характеризуются как договоры поставки (О.Н. Садиков[114]), договоры транспортной экспедиции (В.А. Егиазаров[115]), договоры, сочетающие черты поставки и транспортной экспедиции (А.Н. Романович[116]), особый вид хозяйственных договоров – договор транспортировки продукции по магистральным трубопроводам (С.И. Дудников[117]), договоры энергоснабжения либо его разновидности (М.И. Брагинский, В.В. Витрянский[118]), договоры об оказании возмездных услуг в сфере транспорта (Е.А. Гаврилина[119]), разновидность договора перевозки (Р.Н. Салиева[120]) и пр. Различные подходы к определению правовой природы договоров транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам порождают проблемы квалификации данных договоров, их толкования в правоприменительной практике.

По нашему мнению, договоры транспортировки нефти по магистральным нефтепроводам и транспортировки газа по магистральным газопроводам – это консенсуальные, не поименованные в Гражданском кодексе РФ договоры, относящиеся к числу публичных и являющиеся особыми видами договора возмездного оказания услуг в силу: технологических особенностей процесса транспортировки с помощью специальной системы, статичной по отношению к пространству и грузу; перемещения обезличенного груза, изменяемого в процессе транспортировки; целей, которые преследуют стороны этих договоров; включения в число услуг по перемещению груза услуг по технологическому обслуживанию процесса перемещения, учету и контролю за качеством и количеством груза.

Полагаем, что для достижения необходимой степени определенности правового регулирования рассматриваемых отношений, необходимо выделение в ГК РФ самостоятельных видов договоров, опосредующих отношения транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам.

---

[114] Садиков О.Н. Правовое регулирование трубопроводного транспорта в СССР / О. Н. Садиков // Правоведение. – 1962. – № 2. С. 136–137.

[115] Егиазаров В.А. Понятие «транспортирование грузов» и «перевозка грузов» в российском законодательстве / В. А. Егиазаров // Право и экономика. – 1999. – № 1. С. 89.

[116] Романович А.Н. Транспортные правоотношения / А. Н. Романович. Минск, 1984. С. 126.

[117] Дудников С.И. Правовое регулирование трубопроводного транспорта СССР: дис. … канд. юрид. наук / С. И. Дудников. – Ростов-на-Дону, 1963. С. 168–179.

[118] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2. Договоры о передаче имущества/ М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М., 2000. С. 146.

[119] Гаврилина Е.А. Система договорных связей на рынке нефти и нефтепродуктов: дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Гаврилина. – М., 2014. С. 13.

[120] Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики: дис. … д-ра юрид. наук / Р. Н. Салиева. М., 2003. С. 280.

Литература

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2. Договоры о передаче имущества/ М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М., 2000.
2. Гаврилина Е.А. Система договорных связей на рынке нефти и нефтепродуктов: дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Гаврилина. – М., 2014.
3. Дудников С.И. Правовое регулирование трубопроводного транспорта СССР: дис. … канд. юрид. наук / С. И. Дудников. – Ростов-на-Дону, 1963.
4. Егиазаров В.А. Понятие «транспортирование грузов» и «перевозка грузов» в российском законодательстве / В. А. Егиазаров // Право и экономика. – 1999. – № 1.
5. Романович А.Н. Транспортные правоотношения / А. Н. Романович. – Минск, 1984.
6. Садиков О.Н. Правовое регулирование трубопроводного транспорта в СССР / О. Н. Садиков // Правоведение. – 1962. – № 2.
7. Салиева Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики: дис. … д-ра юрид. наук / Р. Н. Салиева. – М., 2003.

Воронцов Никита Дмитриевич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Конституционные принципы являются основополагающими началами для всей системы правового регулирования в государстве[121]. В соответствии с утвержденным Правительством России прогнозным планом приватизации федерального имущества на 2020–2022 годы планируется приватизация около 300 предприятий, в том числе таких активов, как ВТБ, «Совкомфлот», ряд портов и прочих. В этой связи целесообразно исследование опыта правового регулирования приватизации в зарубежных государствах.

Существует две основополагающие идеи государственной собственности:

[121] Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. С. 90.

1) объем государственной собственности должен носить оптимальный характер для осуществления государством своих функций, при этом государство не может выполнять экономические функции, которые с успехом выполняют частные лица;

2) государственная собственность не должна быть источником благосостояния для тех, кто ею управляет.

Приватизация, как и любой процесс в любом государстве, должен соответствовать конституционным принципам. Это имеет особое значение, поскольку публичная собственность, в состав которой входит собственность государства, имеет приоритетное социальное содержание[122].

Большинство экономических конституционных принципов по своей природе являются воплощением объективных закономерностей, без которых невозможно создание рыночной экономики de jure и de facto[123].

В нерыночных и недемократических по своей сути государствах могут быть закреплены иные конституционные экономические принципы, в том числе, не реализующиеся на практике. В частности, конституционное закрепление принципа неотчуждаемости государственной собственности Временной Конституцией республики Ирак 1970 г.[124] не помешало приватизации в 1980-х гг.[125]

В ряде случаев при проведении приватизации допустимо ограничение общих конституционных принципов специальными принципами в сфере приватизации даже в демократических государствах с развитой рыночной экономикой. В частности, допустимо ограничение доступа к приобретению государственного имущества определенных категорий лиц (депутатов парламента или государственных служащих в сфере приватизации), а также доступа к приватизации в закрытых административно-территориальных образованиях. Однако подобные ограничения преследуют цели, связанные с публичными интересами – недопущение личной заинтересованности лиц, руководящих процессом приватизации и защитой интересов государства в сфере обороны и безопасности.

В ряде государств (особенно это характерно для стран Южной Америки) перечень имущества, не подлежащего приватизации, также закреплен конституционно. Это связано с повышенной социальной и экономической значимостью определенной категории государственных активов. К примеру, в Венесуэле приватизация государственных организаций сферы здравоохранения прямо запрещена статьей 84 Конституции, что является

---

[122] Конституционная экономика / Ответственный редактор Г.А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ – 2010. – С. 88

[123] Там же. С. 45

[124] Сапронова, М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). - М., 2006. – С. 125

[125] Шахбазян Г.С.: Экономические и социальные последствия для Ирака вооруженного конфликта с Ираном (1980-1988 гг.) / Г. С. Шахбазян // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). – ИИИиБВ и ИВ РАН. М.: 1997. – С.83

гарантией фундаментального социального права на здоровье, также закрепленного конституционно.

Развитие рыночной экономики в странах Европы на сегодняшний день пришло к модели социально-ориентированной рыночной экономики. В конституционно-правовом плане это нашло свое выражение в большой социальной составляющей конституционного регулирования экономических отношений, закреплении социальной функции предпринимательской деятельности и собственности[126]. Однако закрепление данных положений является результатом длительного общественного и экономического развития данных стран. Для государств, не прошедших этапы подобного планомерного развития, декларирование данных принципов в конституционных актов не привет к реализации данных принципов на практике.

Вопрос о возможности приватизации государственных активов, связанных с выполнением функций социального государства остается дискуссионным. Приватизация ряда функций социального государства, по мнению некоторых исследователей, возможна при соблюдении основного требования выполнения соответствующих социальных функций[127].

В контексте принципа социального государства цели приватизации должны соотноситься с целями социального государства. Данные цели должны соответствовать конституционным принципам и могут иметь конституционное закрепление. В частности, мотивом приватизации согласно тексту конституции могут быть повышение общественного благосостояния и достижение общественных интересов[128].

Рядом исследователей подчеркивается целесообразность конституционного закрепления целевого применения средств от приватизации. Особенно актуальным является данное положение для постсоциалистических стран, где масштабы приватизации являются беспрецедентными[129]. Конституционное закрепление целей приватизации целесообразно для совершенствования процедуры конституционного надзора в данной сфере.

Говоря об общественных интересах в контексте осуществления приватизации, нужно отметить, что данная концепция в конституциях ряда стран (Сан-Марино, Кипр, Исландия и др.) получила закрепление в нормах

---

[126] Андреева Г.Н. Социально ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/05/21/1253500065/Andreeva_GN_2011.pdf (Дата обращения: 20.08.2019).

[127] Maurer H. Die verfassungsrechtlichen Grenzen der Privatisierung in Deutschland // Juridica international. Tartu, 2009. N XVI. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juridicainternational.eu/index/2009/vol-xiv-2/die-verfassungsrechtlichen-grenzen-der-privatisierung-in-deutschland-gliederungsubersicht (Дата обращения: 20.08.2019).

[128] Андреева Г.Н. Конституционные пределы приватизации имущества, находящегося в собственности государства: анализ зарубежного опыта / Г. Н. Андреева // Реформы и право. – 2011. – № 1. – С. 3

[129] Там же, С. 9

об экспроприации и национализации[130]. Формирование на этой базе аналогичной концепции для вопросов приватизации может стать дополнительным механизмом реализации принципа социального государства.

При поиске механизмов соблюдения баланса публичных и частных интересов при приватизации обращает на себя внимание опыт Германии. В целях предоставления большей степени социальной легитимности частному предпринимательству законом об участии работающих по найму в управлении предприятием предусмотрено обязательное наличие в составе совета директоров определенных организаций представителей трудового коллектива[131]. Данный пример ярко иллюстрирует одновременное соблюдение принципа защиты частной собственности и принципа социального государства.

В контексте приватизации социально значимых государственных предприятий нужно отметить следующее. Безусловно, существуют примеры экономически неэффективных государственных предприятий, ликвидация или приватизация которых несет за собой риск неблагоприятных социальных последствий. Одновременно, такие предприятия не должны становиться исключительно получателями субсидий из государственного бюджета. В таких случаях государство должно проявлять себя как эффективный собственник, оптимизируя работу таким образом, чтобы подобные предприятия становились экономически устойчивыми. Тогда возможная приватизация с меньшей вероятностью повлечет за собой неблагоприятные социальные последствия.

Для минимизации подобных ситуаций возможно формирование перечня социально значимых государственных предприятий, для которых будет предусмотрен особый порядок проведения приватизации. В связи с их повышенной значимостью осуществление их приватизации возможно только после достижения определенных экономических показателей. Гарантией добросовестного владения новым частным собственником подобного предприятия может стать возможность последующей национализации для решения возникающих экономических и вытекающих из них социальных проблем государством. Для социально значимых предприятий, находящихся в частной собственности возможен аналогичный механизм. Механизмом соблюдения принципа защиты частной собственности может быть в таком случае возможность последующей реприватизации с компенсацией расходов, понесенных государством. Данный механизм требует дальнейших научных разработок.

---

[130] Андреева Г.Н. Социально ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/05/21/1253500065/Andreeva_GN_2011.pdf (Дата обращения: 20.08.2019).

[131] Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации / Г. А. Гаджиев. – М., 1995. – С. 54

Говоря о конституционном принципе защиты частной собственности в контексте приватизации, нельзя не упомянуть о конституционных механизмах, регулирующих вопросы возможной отмены результатов прошедшей приватизации. Безусловно, возможная отмена результатов прошедших приватизаций государственного имущества является опасной с точки зрения устойчивости института частной собственности и возможных социальных конфликтов[132]. Однако конституционное закрепление незыблемости результатов приватизации возможно только в государствах, где процедура ее проведения отрегулирована с максимальной четкостью, а сам процесс проходит под реальным контролем общества и государства.

Литература

1. Андреева Г.Н. Конституционные пределы приватизации имущества, находящегося в собственности государства: анализ зарубежного опыта / Г. Н. Андреева // Реформы и право. – 2011. – № 1.
2. Андреева Г.Н. Социально ориентированная рыночная модель экономической конституции: постановка проблемы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/05/21/1253500065/Andreeva_GN_2011.pdf (Дата обращения: 20.08.2019).
3. Гаджиев Г.А. Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации / Г. А. Гаджиев. – М., 1995.
4. Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. Ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 89-92.
5. Конституционная экономика / Ответственный редактор Г.А. Гаджиев. — М.: Юстицинформ — 2010. — 256 с.
6. Сапронова, М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). – М., 2006. – 196 стр.
7. Шахбазян Г.С.: Экономические и социальные последствия для Ирака вооруженного конфликта с Ираном (1980-1988 гг.) / Г. С. Шахбазян // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). – ИИИиБВ и ИВ РАН. М.: 1997.
8. Maurer H. Die verfassungsrechtlichen Grenzen der Privatisierung in Deutschland // Juridica international. Tartu, 2009. N XVI. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juridicainternational.eu/index/2009/vol-xiv-2/die-verfassungsrechtlichen-grenzen-der-privatisierung-in-deutschland-gliederungsubersicht (Дата обращения: 20.08.2019).

[132] Андреева Г.Н. Конституционные пределы приватизации имущества, находящегося в собственности государства: анализ зарубежного опыта / Г. Н. Андреева // Реформы и право. – 2011. – № 1. – С. 11

Гаврилова Юлия Вячеславовна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Особая значимость формирования правовой грамотности человека в современном обществе признается представителями как власти, так и научных и педагогических кругов[133]. В Российской Федерации еще в 2011 г. указом Президента были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Но и до настоящего времени не утихают споры относительно того, что представляет собой правовая грамотность, и каковы оптимальные способы ее формирования. Ведь правовая грамотность может быть рассмотрена и как обладание определенным уровнем правовых знаний, навыками и мотивацией правомерного поведения[134], и как основа для формирования активной гражданской позиции[135], и как отражение ценностного императива, связанного с принципами верховенства права и социальной солидарности.

В этой связи особый интерес представляет обращение к опыту формирования правовой грамотности в зарубежных странах, во многих из которых существуют и оригинальные национальные традиции, и разнообразные инновационные практики правового просвещения, ориентированные прежде всего, на подрастающее поколение. И хотя признается, что на формирование правовой грамотности оказывают влияние самые разнообразные факторы, и что существует много авторов, чьи действия могут способствовать развитию правовой культуры, роль школы в решении данных задач остается приоритетной.

Развитие правовой грамотности может обеспечиваться в ходе освоения определенной профильной дисциплины и/или посредством интегрирования правовой проблематики в другие предметы, прежде всего связанные с изучением основ общественных наук, либо носить междисциплинарный

[133] Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88; См. также: Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие / Н. А. Звонарева. – М.: Книгодел, 2019.

[134] Половникова А.В. Правовая грамотность и правовое просвещение в условиях современного общества / А. В. Половникова // Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы теории и практики сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института. – М.: Права человека, 2016. – С. 139–140.

[135] Гавриш Е.М. Правовая функциональная грамотность и правовая культура учащейся молодежи: корреляционный аспект / Е. М. Гавриш // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 5 (37). – С. 190–191.

характер, а также вообще выходить за пределы школьного обучения в качестве особых программ формирования и развития социальной компетенции обучающихся. Необходимо отметить, что в большинстве стран в учебных планах, независимо от того, являются ли они обязательными на уровне государства или могут определяться образовательной организацией самостоятельно, трудно найти профильную дисциплину, являющуюся аналогом российского «Правоведения». В то же время во многих странах Европы и Латинской Америки обязательным предметом или модулем является «Гражданское образование»[136]. Среди других схожих по задачам предметов можно назвать «Гражданство и Конституция» (Италия), «Демократия на практике» (Норвегия), «Знания об обществе» (Польша), «Права человека, гражданство и демократия» (Турция). Возможность выбора углубленных курсов изучения права предоставляется школьникам старших классов в таких странах как Австралия, Израиль, США.

Особый аспект поставленной проблемы связан с анализом содержательной и практикоориентированной составляющих правового образования. Ответы на ключевые вопросы «чему учить» и «как учить» отличаются даже среди европейских стран. Но в качестве общей тенденции можно отметить, что изучение законодательства и воспитание законопослушного гражданина все реже рассматриваются в качестве цели правового образования. Акцент переносится на решение комплексных задач, связанных с формированием гражданской компетентности обучающихся. Равным образом, и понимание правовой грамотности выходит далеко за пределы «осведомленности о праве» – речь идет о готовности к компетентному участию в правовых коммуникациях различного типа и приобретении практического опыта такого рода.

С точки зрения содержания гражданского образования, в том числе его профильного правоведческого компонента, сохраняется заметная преемственность с «классическим» для зарубежных стран опытом. Значительное внимание уделяется правам человека (Великобритания, Корея, Словакия), государственным и местным органам власти, в том числе суду, правовой системе (Австралия, США, Чехия), основополагающим отраслям права (Австралия, Италия), международным отношениям (Польша, Чехия). К числу важнейших принципов, которые должны быть усвоены обучающимися, относятся равенство, верховенство права, разделение властей, свобода. Эта проблематика рассматривается не только в формально-юридическом, но и историческом, аксиологическом аспектах, а также в контексте наиболее актуальных общественных проблем и событий.

Принципиально значимой установкой является признание того факта, что для формирования качеств, связанных с критическим мышлением,

[136] Гражданское образование в школе в Европе – 2017: доклад // Официальный сайт Европейского Союза. [Электронный ресурс]. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/citizenship-education-school-europe-%E2%80%93-2017_en (Дата обращения: 23.02.2020).

уважением прав человека, толерантностью, способностью реализовывать свои права, выполнять обязанности, участвовать в гражданских и демократических процессах недостаточно получения фактических знаний. Подход к обучению должен позволять приобретать опыт правовых коммуникаций, принятия осознанных самостоятельных решений, партиципации. Таким образом, на первый план выходит компетентностный подход, при этом формирование необходимых современному активному гражданину навыков не обуславливается исключительно изучением одного или нескольких предметов, а зачастую рассматривается в качестве общего результата обучения, связанного в том числе и с практиками внеучебной деятельности. Таким образом, формирование правовой грамотности не может рассматриваться вне контекста более широкого педагогического процесса, направленного на формирование правовых компетенций и гражданской компетентности в целом.

Среди наиболее эффективных способов развития правовых компетенций могут быть отмечены те, которые носят интерактивный характер, связаны с общением, умением сотрудничать, поиском, интерпретацией и оценкой информации. Наиболее высокая оценка дается таким формам работы на занятии как ролевые (деловые) игры и имитации различных процессов (выборов, парламентских процедур, публичных слушаний), дебаты. Интересно обратить внимание, что данные формы работы используются не только при изучении профильных юридических предметов, например, в профориентационных «магнитных» школах США, но и при изучении истории или литературы. В таком случае фабула дела может быть связана со смертью Шалтая Болтая (для учеников 5 класса) или убийством Ленни из «Мышей и людей» Д. Стейнбека (для учеников старших классов)[137]. Распространены и различные тематические исследования, интерактивные и иные образовательные проекты, в том числе требующие освоения цифрового мира.

Не менее значимы и различные способы участия обучающихся в медиации и управлении школой, которые реализуются в большинстве стран Европы и США. Внеучебные занятия и мероприятия организуются как школой, так и правительственными и неправительственными организациями и могут носить как информационный, так и опытно-обучающий характер. Например, в Индонезии с 2015 года обязанность повышать уровень осведомленности о праве, правомерном и противоправном поведении возлагается на органы прокуратуры посредством проведения периодических встреч со школьниками[138]. В Австралии в решение проблем обеспечения

[137] Савельева О.Е. Из опыта США: применение инсценированных процессов и ролевых игр в гражданском образовании. [Электронный ресурс]. URL: https://www.smolpedagog.ru/article%207.html. (Дата обращения 23.02.2020).

[138] Muh. Ibnu Fajar Rahim. The Attorney-in-School Program as a Tool of Social Communication in Increasing Society's Law Awareness Especially School Teenagers // International Journal of Innovative Research and

более глубокого понимания закона среди учащихся вовлечены высшие учебные заведения, в том числе Институт криминологии. При этом чаще всего деятельность неправительственных структур не ограничивается повышением правовой грамотности среди несовершеннолетних, а носит более широкий характер, при этом будучи во многом ориентирована на преподавателей, лиц, работающих с молодежью, а также юристов.

Кроме того, необходимо упомянуть и другие аспекты, требующие детального рассмотрения. Среди них отметим подходы к подготовке преподавателей, реализующих программы правового просвещения, и распространению правовой информации.

Литература

1. Гавриш Е.М. Правовая функциональная грамотность и правовая культура учащейся молодежи: корреляционный аспект / Е. М. Гавриш // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 5 (37). – С. 189-191.
2. Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие / Н. А. Звонарева. – М.: Книгодел, 2019.
3. Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88-92.
4. Половникова А.В. Правовая грамотность и правовое просвещение в условиях современного общества / А. В. Половникова // Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы теории и практики сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института. – М.: Права человека, 2016. – С. 136-142.
5. Савельева О.Е. Из опыта США: применение инсценированных процессов и ролевых игр в гражданском образовании. [Электронный ресурс]. URL: https://www.smolpedagog.ru/article%207.html. (Дата обращения 23.02.2020).
6. Muh. Ibnu Fajar Rahim. The Attorney-in-School Program as a Tool of Social Communication in Increasing Society's Law Awareness Especially School Teenagers // International Journal of Innovative Research and Development, 10/31/2018, Vol.7(10). [Электронный ресурс]. URL: http://internationaljournalcorner.com/index.php/ijird_ojs/article/view/138016/0 (Дата обращения: 23.02.2020).

Development, 10/31/2018, Vol.7(10). [Электронный ресурс]. URL: http://internationaljournalcorner.com/index.php/ijird_ojs/article/view/138016/0 (Дата обращения: 23.02.2020).

Гайворонская Яна Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке»

Нынешний этап в развитии технического прогресса называют цифровой революцией, имея в виду те принципиальные изменения в организации производства, бизнеса, рынка труда, к которым ведет широкое внедрение современных цифровых технологий. Последняя цифровая революция, связанная с разработкой искусственного интеллекта (ИИ) и конвергенцией технологий, обостряет старые нравственные конфликты в обществе и порождает новые этические проблемы. В своих крайних требованиях технический прогресс и этика противоречат и взаимно исключают друг друга. Неразрешенность этических дилемм препятствует практическому внедрению в жизнь достижений технического прогресса.

Правовое регулирование в условиях технологического рывка оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, нужно обеспечить условия для технического прогресса, возможности для практического применения новейших научных достижений. С другой стороны, нужно сохранить человечность и гуманность, обеспечив выживание человечества как вида, наделенного нравственным чувством.

Все правила, которые должны быть разработаны и юридически закреплены на международном и национальном уровнях для обеспечения безопасной разработки и функционирования в социуме систем ИИ, можно разделить на две группы: правила для искусственного интеллекта и правила для естественного интеллекта. Первая группа касается стандартов и ограничений деятельности, которые должны быть заложены в программы ИИ на уровне программного кода для того, чтобы гарантировать, с одной стороны, безопасность социума и отдельных индивидов при взаимодействии с ИИ, а с другой – эффективность и высокую результативность функционирования аппаратов с ИИ.

Вторая группа правил представляет собой требования к разработчикам и производителям машин с ИИ, требований, которые должны обеспечить те же самые безопасность и результативность. В своем содержательном ядре, в части базовых принципов функционирования ИИ в обществе, эти группы правил совпадают. В любом случае, этика взаимодействия человека и робота

или роботов друг с другом – это проблемы людей. Дж. Вейценбаум, американский исследователь ИИ, еще в 1976 г. писал, что этические проблемы станут основными при разработке умных машин, поскольку пределы применимости вычислительных машин, по существу, поддаются формулировке лишь в терминах долженствования[139].

В научной литературе последнего времени явственно прослеживаются тенденция гуманизации роботов (юнитов искусственного интеллекта). Идея очеловечивания антропоморфных роботов представляется нам опасной иллюзией, порожденной очарованием технического прогресса.

В связи с изложенным радует сдержанная позиция профессионального сообщества по вопросу правосубъектности юнитов ИИ. В рамках VI Международного юридического форума (IP Форума) в феврале 2018 г. кафедра интеллектуальных прав МГЮА провела круглый стол «Проблемы этической и правовой регламентации систем искусственного интеллекта (робототехники)». В ходе мероприятия были представлены результаты опроса, проведенного кафедрой среди ученых, специализирующихся в сфере материального гражданского (предпринимательского) права и гражданского (арбитражного) процесса. 75 % опрошенных не поддержали идею наделения роботов правосубъектностью.

Профессор П.П. Баранов, считающий очеловечивание роботов не менее важной проблемой, чем роботопреступность, сформулировал базовые принципы, которые должны быть отражены в законодательстве о робототехнике и искусственном интеллекте:

1. Несомненный приоритет прав человека и их защиты в сфере использования роботов и искусственного интеллекта.

2. Ответственность разработчиков и собственников роботов за то, что они сделают (при этом следует учитывать автономность роботов в принятии решений: чем эта автономность выше, тем меньшую ответственность должен нести владелец робота).

3. Робот является только вещью, его нельзя гуманизировать или считать личностью.

4. Введение специального страхования ответственности за причиненный роботом вред (по аналогии с ОСАГО), что позволит пострадавшему от деятельности робота гарантированно получить компенсацию.

5. Жесткий государственный контроль за производством и распространением автономных военных роботов, потому что создание роботов, которые способны самостоятельно принимать решение об убийстве противника, вполне вероятно[140].

---

[139] Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислением / пер. с англ. И.Б. Гуревича. – М.: Радио и связь, 1982. – С. 86.

[140] Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 42.

8 апреля 2019 года группа экспертов при Европейской комиссии представила Руководящие этические принципы надежного искусственного интеллекта, которые должны будут соблюдаться компаниями и правительствами при разработке и использовании искусственного интеллекта[141]. Эти принципы не предлагают правила поведения для роботов, но затрагивают важные юридические и этические проблемы, которые могут возникнуть в обществе при использовании ИИ в таких сферах, как здравоохранение, образование и потребительские технологии. В Руководящих принципах предлагается набор из 7 ключевых требований, которым должны соответствовать системы ИИ, чтобы считаться заслуживающими доверия:

– Человеческое содействие и надзор: ИИ не должен рушить автономию человечества, манипулировать людьми или принуждать их к чему-либо, а люди, в свою очередь, должны иметь возможность вмешиваться и контролировать каждое решение, принимаемое программным обеспечением.

– Техническая надёжность и безопасность: системы ИИ должны быть устойчивыми к внешним атакам.

– Конфиденциальность и управление данными: персональные данные, используемые ИИ-системами, должны оставаться конфиденциальными.

– Прозрачность: решения, принимаемые программным обеспечением, должны «пониматься и отслеживаться людьми».

– Разнообразие, недискриминация и справедливость: предоставляемые ИИ-системами услуги, должны быть доступны всем, независимо от возраста, пола, расы или других факторов.

– Экологическое и социальное благополучие: системы искусственного интеллекта должны быть экологически ответственными и способствовать позитивным социальным изменениям.

– Подотчетность: ИИ-системы должны быть защищены существующими средствами защиты корпоративной информации. О негативных воздействиях систем необходимо сообщать заранее.

Можно видеть, что содержательно принципы робототехники, предлагаемые на доктринальном уровне и те, которые разработаны Европейской комиссией, перекликаются. В приводимых вариантах отсутствует «очеловечивание» юнитов ИИ и прослеживается нацеленность на защиту прав человека и социальных интересов.

Представляется, что такой подход следует признать оптимальным для правового регулирования отношений с использованием систем ИИ на сегодняшний день. Технический прогресс должен быть направлен на улучшение качества жизни людей. Следует использовать сдерживающие

[141] Ethics guidelines for trustworthy AI. An official website of the European Union. European commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai (Дата обращения: 25.09.2019).

механизмы, чтобы не распространять элементы правового статуса человека на юниты искусственного интеллекта.

Правовое регулирование процедур разработки и использования систем ИИ и АРА остро необходимо. Авторы считают оптимальным следующий алгоритм, который поможет закрыть регулятивный вакуум. На первом этапе необходимо принять концептуальные документы, закрепляющие этические принципы разработки и использования систем ИИ, по аналогии с теми, что были созданы Европейской комиссией. Необходимо указать, что российский документ может быть более содержательным и подробным, так как на доктринальном уровне уже имеется несколько разработок. С точки зрения юридической формы такой документ необходимо облечь в форму документа стратегического планирования или политико-правового акта. Учитывая пробельность правового поля в рассматриваемых отношениях, мы считаем, что разумным решением будет издание отдельного концептуального документа по вопросам этики ИИ. В дальнейшем такой документ должен получить развитие в нормативном правовом акте, предусматривающем план издания правовых актов для реализации стратегического документа. На третьем этапе должны быть изданы отдельные акты нормативно-технического характера, закрепляющие программные ограничения и механизмы контроля надежности создаваемых систем ИИ, а также внесены изменения в конституционное, гражданское, административное и финансовое законодательство в части регулирования отношений с использованием систем ИИ в названных сферах.

Литература

1. Ethics guidelines for trustworthy AI. An official website of the European Union. European commission. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai (Дата обращения: 25.09.2019).
2. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1.
3. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислению / пер. с англ. И.Б. Гуревича. – М.: Радио и связь, 1982.
4. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: 2019.
5. Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – М., 2018.

Галактионов Станислав Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса
Самарского филиала МГПУ,
Кулаков Андрей Владимирович,
старший научный сотрудник Самарского юридического института ФСИН
России

О КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ

Уголовная ответственность за изнасилование достаточно давно закреплена в отечественном законодательстве. В VII главе Соборного Уложения 1649 года (ст. 30) предусматривалась уголовная ответственность за изнасилование совершенное «ратными людьми». Артикул 167 устанавливал одинаковое наказание за изнасилование, независимо от места его совершения и личности потерпевшей. В Главе шестой Уложения 1864 года предусматривалась ответственность за изнасилование, в том числе и его квалифицированные виды.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года также содержалась норма об изнасиловании. В дальнейшем уголовное законодательство советского периода развития помимо изнасилования предусматривало ответственность за мужеложство, как добровольное, так и с применением насилия.

Действующий УК РФ сохранил преемственность УК РСФСР 1960 года, разграничив различными нормами составы «традиционного» изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Однако последняя консолидировала в своем содержании не только мужеложство, но и лесбиянство и иные действия сексуального характера.

Сравнение описания указанных составов в уголовном законе показывает на их значительное сходство[142]. Отличия указанных заключаются в лишь следующем:

– потерпевшим, при изнасиловании, может являться только женщина, а непосредственным исполнителем – мужчина;

– в случае совершения насильственных действий сексуального характера потерпевшим и субъектом могут выступать лица любого пола;

– объективная сторона (ст. 131) в качестве обязательного признака включает в себя в половое сношение, ст. 132 – мужеложство, лесбиянство или иные действиях сексуального характера.

Существующие в настоящее время проблемы квалификации рассматриваемых половых преступлений связаны, прежде всего, с терминологическим содержанием употребляемых законодателем понятий,

[142] Кулаков А.В. Насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / А. В. Кулаков. – Самара, 2013. – С. 62

сущность которых в нормах не раскрывается. Не вносит ясности и действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16, которое также лишь уклончиво называет данные деликты без определения их содержания, что, на наш взгляд, является существенным упущением. В этом контексте редакция постановления от 15.06.2004 № 11 была более удачной. Квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 2–5 ст. 131 и 132 УК РФ полностью совпадают.

Возникают закономерные вопросы, о которых стоит задуматься:

1) а так ли необходимо наличие в Уголовном кодексе двух схожих составов преступлений?

или же

2) не является ли (при определенных объективных обстоятельствах) одновременная квалификация внешне схожих деяний излишней?

Показателен пример из судебной практики. В. с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей умышленно, применяя к потерпевшей физическую силу, стал душить ее, с целью сломления воли к сопротивлению, после чего, против воли последней, ввел пальцы своей руки ей во влагалище. После чего, высказывая вслух намерения о совершении с потерпевшей против ее воли полового акта в естественной форме, продолжая угрожать физической расправой, попытался совершить насильственный половой акт в естественной форме. Довести В. свой преступный умысел, направленный на изнасилование, виновный до конца не смог по независящим от него обстоятельствам. В. был осужден по ч. 1 ст. 132 и ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 131 УК РФ[143].

Судебная практика идет по следующему пути – если лицо, действуя с единым умыслом будет совершать с потерпевшей, различные «иные действия сексуального характера», такие как введение полового органа или инородных предметов «per os» или «per rectum» (лат.) содеянное необходимо рассматривать как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ. Но в случае совершения с потерпевшей полового акта в естественной форме и любого иного насильственного действия содеянное будет образовывать совокупность преступлений ст. 131 и 132 УК РФ и повлечет за собой назначение более строгого наказания путем частичного или полного сложения по правилам ч. ст. 69 УК РФ, а в дальнейшем приведет к нарушению принципа справедливости, согласно которому наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

На наш взгляд, является не совсем понятной и обоснованной позиция правоприменителя относительно квалификации деяния как совокупности преступлений при последовательном совершении насильственных сексуального акта в естественной форме и перверсии, а в случае, когда

[143] Приговор Останкинского районного суда г. Москвы по делу № 01-0434/2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/98374.html (Дата обращения: 28.02.2020).

последние совершаются с единым умыслом в отношении одной потерпевшей содеянное будет расцениваться как единое продолжаемое преступление.

Кроме того, считаем, что правы те авторы, которые на пути объединения схожих деликтов в едином составе[144].

Для устранения указанной правовой коллизии и с целью экономии уголовной репрессии предлагаем еще раз подумать, либо об объединении в один состав изнасилования и насильственных действий сексуального характера, либо о четком разграничении квалификации рассматриваемых преступлений по гендерному признаку.

Литература

1. Кибальник А., Соломоненко И. Насильственные действия сексуального характера / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 65.
2. Кулаков А.В. Насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / А. В. Кулаков. – Самара, 2013. – С. 62.
3. Приговор Останкинского районного суда г. Москвы по делу № 01-0434/2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/98374.html (Дата обращения: 28.02.2020).

Гвоздецкий Дмитрий Сергеевич,
магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА)

Качество подготовки ведомственных нормативных правовых актов (далее – ведомственные акты) должно соответствовать современным реалиям и происходящим в России изменениям, связанным в том числе с принятием поправок к Конституции РФ, что в свою очередь потребует внесение кардинальных изменений в федеральное и региональное законодательство, которое должно быть максимально определенным, менее коррупциогенным и работать на опережение. Наряду с этим современные тенденции развития российской экономики, ее модернизация, напрямую связана с прозрачностью законодательства, где ключевую роль играет ведомственное

[144] Кибальник А., Соломоненко И. Насильственные действия сексуального характера / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 65.

нормотворчество, направленное на правовую регламентацию и установление единого порядка осуществления экономической деятельности субъектами права с соблюдением частных и публичных интересов. При этом перспективным направлением совершенствования нормотворческих процедур в настоящее время является возможность использования потенциала применения цифровых технологий, которые по новому оформляют правовые предписания[145].

Цифровой прорыв, реализуемый государством в лице профильных федеральных органов исполнительной власти, и крупнейшими государственными и негосударственными организациями в области информационных технологий, обеспечивает переход к правопорядку нового типа[146], позволяет формировать новую регуляторную среду, задает перспективное направление в совершенствовании нормотворческих процедур. В этой связи правоприменителями активно обсуждается возможность принятия ведомственных актов с учетом необходимости их цифровизации, чтобы управлять процессом перемен, происходящими в повседневной жизни каждого отдельно взятого индивида, общества и государства в целом.

Внедрение в жизнь цифровых технологий существенно влияет на изменение структуры экономической деятельности, модель правового регулирования общественных отношений, оказывает непосредственное воздействие на правотворчество, меняя его формальные и содержательные характеристики[147].

Особое внимание следует уделить вопросам цифровой экономики, которая в последние годы в России развивается в разы быстрее традиционной экономики, позволяя создавать качественно новые модели как в бизнесе, так и в государственном управлении, что требует своевременного правового регулирования в том числе на законодательном уровне. При этом развитие цифровой экономики, современных цифровых технологий, функционирующих в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта, не обходит стороной и ведомственное нормотворчество, осуществляемое федеральными органами исполнительной власти. Поэтому прогнозирование развития ведомственного нормотворчества, основанного на цифровых технологиях, а также

---

[145] См. подробнее: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: 2019. – С. 59-114, 185-211.

[146] О трансформации правового порядка и переходе его к новому типу см. подробнее: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: 2019. – С. 310-334; Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 196-209.

[147] Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 231–235; Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 143 и др.

формирование общих подходов к совершенствованию процедуры управления изменениями в цифровой среде является одним из приоритетных направлений в работе федеральных органов исполнительной власти.

Представляется, что цифровые технологии могут существенно повысить качество нормотворческой работы в федеральных органах исполнительной власти в части принятия проработанных ведомственных актов, направленных на развитие законодательства об основах взаимоотношения власти и бизнеса, внешнеэкономического, торгового и антимонопольного законодательства и т.д.

Необходимо учитывать, что на модернизацию российской экономики оказывает влияние ряд внешних факторов, среди которых можно выделить, прежде всего, государственное регулирование текущих экономических процессов и программ долгосрочного развития, утвержденных соответствующими ведомственными актами и нормативными правовыми актами более высокой юридической силы. Наряду с этим непротиворечивое содержание ведомственных актов является основным условием их практической эффективности в правовом регулировании разнообразных общественных отношений.

Вместе с тем ведомственное нормотворчество, как один из инструментов права, направленного на модернизацию российской экономики, тем не менее не обеспечивает эффективного решения проблем с наличием высокого уровня коррупции и бюрократизма. Поэтому проблемы повышения эффективности ведомственного нормотворчества, направленного на правовое регулирование модернизации российской экономики, требует новых законодательных инициатив. Данная необходимость обусловливает поиск новых, более оптимальных способов организующего влияния ведомственного нормотворчества на правомерное поведение субъектов права, решения проблемы фрагментации и синхронизации правового регулирования.

Вышеизложенное позволило сформулировать следующие выводы.

1) Ведомственное нормотворчество выступает одним из инструментов права, направленного на регулирование экономических отношений, придавая правовой и экономической системе ясность и четкое понимание, именно в нем вырабатываются критерии нормативного регулирования экономических правоотношений, поддающиеся государственно-правовому регулированию. Кроме того, ведомственное нормотворчество, выступая одним из инструментов права, устанавливает строго определенные ограничения, нормативы и пределы государственного вмешательства для регулирования российской экономики.

2) Модернизация российской экономики может развиваться только при наличии процедурного законодательства, то есть качества правового воздействия, направленного на снижение коррупционной составляющей в российской экономике. В подготовке ведомственных актов, которые

направленны на регулирование экономических правоотношений, следует учитывать, прежде всего, законные интересы всех субъектов права, в отношении которых будет применяться новый правовой режим регулирования экономических правоотношений.

3) Недостаточное развитие со стороны государства современных цифровых технологий и искусственного интеллекта может создать трудности, выраженные в существенном отставании России от Европейских государств и США в стратегически важных отраслях экономики.

Литература

1. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2019. – № 9.
2. Залоило М.В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2.
3. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 143
4. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: 2019.
5. Пашенцев Д.А. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4.
6. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: 2019.

Гоголина Анна Олеговна,
аспирантка кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПОНЯТИЕ МОНИТОРИНГА ЗАКОНОПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовой мониторинг законопроектной деятельности является важным фактором совершенствования законотворческого процесса в России.

Быстрое увеличение массива российского законодательства приводит к тому, что качество законопроектной деятельности снижается. На сегодняшний день принимается большое количество противоречивых, не

согласованных друг с другом нормативных правовых актов, которые могут стать причиной появления пробелов и коллизий в правовом регулировании, что не может не сказаться негативно на ходе их реализации.

Наиболее заметные исследования в области правового мониторинга проведены такими ведущими учеными как Ю.Г. Арзамасов, И.Л. Бачило, М.Е. Глазкова, О.В. Дамаскин, Д.Б. Горохов, Т.Д. Зражевская, Я.Е. Наконечный, Е.И. Спектор, Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Толмачёва, М.Д. Чеснокова. Концептуальные подходы к развитию теории правового мониторинга, а также вопросы его практической организации и осуществления разрабатываются Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

К настоящему моменту в современной юридической литературе существуют различные подходы к трактовке правового мониторинга. Авторы используют такие понятия, как: «правовой мониторинг», «мониторинг нормативных правовых актов», «мониторинг правоприменительной практики».

Несмотря на богатую палитру подходов и мнений, большинство ученых едины в том, что терминологический разнобой пагубно сказывается на продуктивности научной разработки данной темы, поскольку или чрезмерно расширяет, или излишне сужает понятие правового мониторинга и пределы практической деятельности по его осуществлению.

Так, например, С.А. Варкова оперирует термином «мониторинг законодательства и правоприменительной практики» и относит его к числу многоаспектных юридических категорий, которую можно рассматривать как первоначальную стадию правотворческого процесса, позволяющую выявлять потребность в правовом регулировании той или иной области общественных отношений; средство оценки юридической эффективности норм права; средство по выявлению нарушений законности. Полагаем, в данном случае поле практического применения неоправданно расширено.[148].

По мнению А.К. Балдина, термин «правовой мониторинг» вполне может объединить дефиниции, предлагаемые другими авторами, такие как «мониторинг законодательства», «мониторинг правоприменительной практики», «мониторинг правоприменения», «мониторинг нормативных правовых актов», «мониторинг правоохранительной деятельности»[149].

М.В. Алексеева определяет правовой мониторинг как деятельность по мониторингу законодательства и правоприменительной практики и полагает, что с учетом статусной значимости правовой системы эта деятельность должна иметь институционное оформление на уровне закона.

---

[148] Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики (теоретикоправовое исследование): авторф. дисс. на соиск. канд. юрид. наук / С. А. Варкова. – М., 2013. – С. 8-9.

[149] Балдин А.К. Антикоррупционная экспертиза и мониторинг правоприменения как два институциональных элемента системы профилактики коррупции: соотношение и взаимное влияние / А. К. Балдин // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 5. – С. 41

Ю.А. Тихомиров характеризует правовой мониторинг как «динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования и т.п., проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права»[150].

Низкое качество правотворчества в стране может стать причиной дестабилизации экономической и политической обстановки, что актуализирует проблему мониторинга нормативных правовых актов не только после их вступления в силу, но и на этапе разработки и принятия.

Однако в силу существующей методологической проблемы, связанной с отсутствием определенности в конкретном смысловом наполнении понятия «правовой мониторинг», федеральный закон, устанавливающий основы организации и порядок проведения правового мониторинга, а равно мониторинга законопроектной деятельности, до настоящего момента не принят, а в нормативных правовых актах (как действующих, так и разрабатываемых) по-прежнему наблюдается отсутствие терминологического единства[151].

Необходимо отметить, что в определении «правовой мониторинг» мы не находим указания на то, что в состав правовых норм, в отношении которых осуществляется мониторинг, включены проектируемые нормы законопроектов.

Понятие «правовая норма»[152] может включать только положения действующих нормативных правовых актов.

Очевидно, что к числу объектов правового мониторинга здесь отнесены не только действующее законодательство и практика его применения, но и правотворческая деятельность, осуществляемая, по сути, всеми ветвями власти, а также законопроектная деятельность (правотворческий процесс).

В теории и практике правового мониторинга основное внимание уделено вопросам правоприменения. Содержание мониторинга законопроектной деятельности мало исследовано.

Тем не менее, научное обобщение подходов к определению термина «правовой мониторинг» дает возможность определить понятие мониторинга законопроектной деятельности как систему информационных наблюдений, которая позволяет анализировать и оценивать процесс законопроектной деятельности (правотворческий процесс) на всех его стадиях, а также качество проектов правовых актов, разработанных тем или иным

---

[150] Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга / Ю. А. Тихомиров // Право и экономика. – 2006. – №10. – С. 11-15.

[151] Алексеева М.В. К вопросу об актуальности института правового мониторинга для конституционного права Российской Федерации / М. В. Алексеева // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 47-49.

[152] Правовой мониторинг: концепция и механизм проведения: Аналитический доклад (подготовлен сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). – М., 2016. – С. 4

правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией.

Мониторинг законопроектной деятельности способствует эффективному и своевременному выявлению дефектов законодательства, деформирующих действие права, выработке уполномоченными субъектами законотворчества в соответствии с их компетенцией и обязанностями решений в законопроектной деятельности Российской Федерации.

Таким образом, проводимый мониторинг законопроектной деятельности играет важнейшую роль не только при дальнейшем мониторинге правоприменения, но и в целом оказывает колоссальное влияние на законотворческую политику в Российской Федерации.

Мониторинг законопроектной деятельности должен быть воспринят в качестве одного из средств повышения уровня эффективности правового регулирования, обеспечения должного качества принимаемых впоследствии нормативных правовых актов и их реализации. Более того мониторинг законопроектной деятельности имеет важное значение для открытости государственной деятельности, информированности граждан и общественности о состоянии правовой основы развития России, а также для повышения правосознания и правовой культуры общества в целом.

Литература

1. Алексеева М.В. К вопросу об актуальности института правового мониторинга для конституционного права Российской Федерации / М. В. Алексеева // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 47-49.
2. Балдин А.К. Антикоррупционная экспертиза и мониторинг правоприменения как два институциональных элемента системы профилактики коррупции: соотношение и взаимное влияние / А. К. Балдин // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 5. – С. 41.
3. Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики (теоретико-правовое исследование): авторф. Дисс. На соиск. канд. юрид. наук / С. А. Варкова. – М., 2013. – С. 8-9.
4. Правовой мониторинг: концепция и механизм проведения: Аналитический доклад (подготовлен сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). – М., 2016. – С. 4.
5. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга / Ю. А. Тихомиров // Право и экономика. – 2006. – №10. – С. 11-15.

Голышев Вадим Григорьевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ
Голышева Антонина Владимировна,
к.и.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОБ ИСПОЛНЕНИИ АРТИСТОВ-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ И ДИРИЖЕРОВ (ОБ ОБЪЕКТАХ И СУБЪЕКТАХ СМЕЖНЫХ ПРАВ)

В соответствии с п. 1 ст. 1304 ГК РФ исполнения артистов-исполнителей и дирижеров являются объектами смежных прав при том условии, что эти исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств.

Из содержания данной нормы следует, что результат исполнительской деятельности достигается совместными усилиями артистов, исполняющих музыкальное произведение, и дирижера, под которым обычно понимают «музыканта-исполнителя, руководителя оркестра, хора, ансамбля, оперной труппы и т.п.»[153]. В этой связи, необходимо отметить, что несмотря на то, что деятельность дирижера является по своей сути исполнительской и этим самым она ставит его в один ряд с солистами инструменталистами, вокалистами и др., между ними имеются существенные различия в методах подготовки к концертному выступлению[154] и содержании собственно исполнения произведения.

Принимая во внимание, что исполнение в данном случае производится множественным субъектом, необходимо отметить, что каждый из участников этой множественности играет свою особую и уникальную роль в этом процессе. Вместе с тем влияние каждого из участников на характер и особенности исполнения не одинаковы. Если артисты исполняют произведение в определенной его части (партии), непосредственно пользуясь инструментом, то дирижер исполняет все произведение целиком, организуя определенным образом индивидуальную исполнительскую деятельность артистов, чем, собственно, и интерпретирует музыкальное произведение.

Как видно, дирижер, входящий в коллективный субъект смежных прав, качественно отличается от артистов-исполнителей. Это качественное отличие определяется двумя основными факторами: 1) организующей ролью в исполнительском коллективе, определяющей в свою очередь 2)

---

[153] Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 2 – М., «Советская Энциклопедия», 1974. (Энциклопедии. Словари. Справочники. Изд-во «Советская энциклопедия», Изд-во «Советский композитор») Т. 2 Гондольера – Корсов. 960 стб. с илл. С. 251.

[154] Поздняков А.Б. Работа дирижера с оркестром русских народных инструментов/ А.Б. Поздняков. - Москва. 1964. - С. 4.

интерпретационный характер исполнения музыкального произведения. Именно дирижер в решающей степени определяет характер всего исполнения, производимого коллективом. Благодаря дирижированию музыкальное произведение приобретает особые черты, индивидуализирующие исполнение конкретного произведения и определяющие его оригинальный характер в качестве объекта смежных прав.

Вместе с тем, как уже было отмечено, дирижирование представляет собой деятельность, характеризующуюся тем, что с одной стороны — это один из наиболее сложных видов музыкально-исполнительского искусства, а с другой стороны – направленную на управление коллективом музыкантов (оркестром, хором и т.п.)[155]. Благодаря этим особенностям дирижирование как вид исполнительской деятельности, качественно отличается от традиционного исполнения произведения, осуществляемого артистом-исполнителем. Полагаем, что именно дирижирование определяет способность коллективного исполнения выступать в качестве полноценного объекта смежных прав, имеющего «потребительскую» ценность.

Содержание исполнительской деятельности дирижера (в упрощенном виде) может определяться совокупностью задач, решаемых им как в ходе подготовки, так и в процессе непосредственного исполнения произведения. Анализ литературных источников позволяет сделать вывод о довольно внушительном перечне таких задач и их значительной творческой емкости. В одних литературных работах к ним, например, относят:

1. точное воспроизведение музыкального текста произведения;
2. определение общего характера произведения и придание ему верного темпа;
3. определение структуры произведения: ее формы, ладово-гармонической основы, характера ритма, мелодии;
4. установление всех приемов звукоизвлечения;
5. распределение силы звука на протяжении всего произведения;
6. обеспечение равновесия звучания групп оркестра и каждой партии в группе;
7. обеспечение точности вступления, ансамблевой слаженности и технического совершенства исполнения[156].

В других литературных источниках этот комплекс выглядит несколько иначе:

1. определение формы произведения, места главной и побочной кульминаций;

---

[155] Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 2 – М., «Советская Энциклопедия», 1974. (Энциклопедии. Словари. Справочники. Изд-во «Советская энциклопедия», Изд-во «Советский композитор») Т. 2 Гондольера – Корсов. 960 стб. с илл. С. 251.

[156] См. напр.: Попонов В. Самодеятельный оркестр народных инструментов. Издательство ВЦСПС. Профиздат – 1960. - С. 76.

2. определение темы, установление необходимых цезур между музыкальными фразами, периодами, частями;

3. уяснение ладотонального плана произведения, особенности его метроритма и гармонического языка, обнаружение темпов и их модификаций;

4. безупречное знание каждой вокальной партии, точное знание литературного текста[157].

Кроме этого, в литературе особо отмечается важность таких профессиональных качеств дирижера, как драматическое чутье, способность к сотворчеству с режиссером[158] и некоторые другие.

Принимая во внимание, что совокупность изложенных выше задач носит базовый, довольно упрощенный характер, в силу чего не может исчерпать как содержание данной профессии, так и функциональную и исполнительскую значимость этой роли для качества исполнения и его художественной ценности. Исходя из этого полагаем, что имеются достаточные основания для утверждения о масштабности и творческой неординарности решаемых дирижером задач. Иллюстрацией системной роли дирижера, может быть тот факт, что при исполнении крупных вокально-инструментальных сочинений число дирижеров в отдельных случаях доходило до пяти[159], поскольку одному человеку было не под силу решать творческие задачи сверх сложного формата.

Таким образом, исполнение музыкального произведения, производимое артистами под управлением дирижера, является, по нашему мнению, уникальным объектом смежных прав. Эта уникальность обеспечивается сложным системным характером исполнения, включающим в себя:

- исполнение артистов, определяющее звучание музыкальных инструментов, голосов и др.;

- организацию исполнения произведения артистами со стороны дирижера, определенную его системным влиянием в процессе подготовки и непосредственного исполнения произведения;

- интерпретационным характером коллективного исполнения, обеспеченным личными профессиональными способностями дирижера, а также особенностями его восприятия исполняемого произведения.

Каждая из указанных составных частей этой системы представлена лишь в самом общем виде и может быть раскрыта более полно. Вместе с тем

---

[157] Иванов-Радкевич А.П. О воспитании дирижера. Издательство «Музыка». Москва. 1973. С. 42-43.

[158] Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 2 – М., «Советская Энциклопедия», 1974. (Энциклопедии. Словари. Справочники. Изд-во «Советская энциклопедия», Изд-во «Советский композитор») Т. 2 Гондольера – Корсов. 960 стб. с илл. С. 255.

[159] Там же. С. 253.

это вряд ли было бы оправдано с точки зрения ограниченного объема данной статьи и несколько иной, стоящей перед нами цели. Необходимо отметить главное – именно творческий труд дирижера в определяющей степени формирует исполнение произведения, являющееся охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, способным иметь индивидуальные признаки благодаря наличию у дирижера профессионального «почерка».

Вместе с тем, уникальность подобного исполнения необходимо ставит вопрос о субъекте прав на него.

С одной стороны, в соответствии со ст. 1313 ГК РФ автором исполнения является гражданин, творческим трудом которого создано исполнение. К ним закон, в частности, относит музыкантов, певцов и др., а также дирижера. При этом в силу п. 1 ст. 1314 ГК РФ смежные права на совместное исполнение принадлежат совместно принимавшим участие в его создании членам коллектива исполнителей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фигура дирижера здесь прямо не упоминается. В указанном пункте речь идет о том, что смежные права принадлежат «оркестрантам и другим членам коллектива исполнителей», к числу которых, видимо и следует относить дирижера.

При этом в соответствии с п. 2 ст. 1314 ГК РФ «смежные права на совместное исполнение осуществляются руководителем коллектива исполнителей». Здесь необходимо отметить, что Гражданский кодекс не связывает исполнительскую деятельность дирижера с непосредственным руководством коллективом. Какого рода руководство коллективом имеет в виду законодатель (художественное, формально-организационное и т.п.) – остается не ясным. Между тем очевидно, что фигура дирижера по смыслу ГК РФ не идентична фигуре руководителя несмотря на то, что исполнительство дирижера необходимо предполагает организующую роль, без которой собственно исполнение может стать объективно невозможным. Как известно в творческой среде организационные функции подчас выполняют коммерческие директора, импресарио, антрепренеры и др. Но эти функции как правило носят сугубо организаторский характер и не имеют творческую составляющую, имеющую непосредственное отношение к исполнению произведения.

С другой стороны, не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности лица, не внесшие личного творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности, в том числе оказавшие автору (в т.ч. и автору исполнения) только техническое, организационное или иное подобное содействие (п. 1 ст. 1228 ГК РФ). В этой связи вопрос о руководителе коллектива, наделенном правом осуществлять смежные права этого коллектива, очевидно должен решаться в пользу тех лиц, организационные функции которых являются необходимой предпосылкой и условием реализации творческих усилий по интерпретации произведения, как это имеет место, например, в отношении дирижера. Такой

подход на наш взгляд будет в большей степени соответствовать базовым требованиям, предъявляемым к механизму гражданско-правового регулирования подобных отношений[160] и минимизировать риски, связанные с определением фигуры руководителя коллектива[161].

Таким образом, уникальный характер исполнения сложных музыкальных и иных подобных произведений, требующий множества исполнителей в т.ч. и обладающих организационными функциями, необходимо определяет и множественный характер субъекта смежных прав с неравномерным распределением между ними прав и обязанностей. Такое положение иллюстрирует сложный, комплексный характер регулируемых общественных отношений, в котором формат реализации творческого потенциала авторов исполнения существенно определяет формально-правовую оценку статуса как каждого исполнителя, так и целого исполнительского коллектива.

Литература

1. Голышев В.Г. К вопросу о понятии и структуре механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений/ В.Г. Голышев // Вестник Московского государственного областного университета. -2011. - № 2. С. 226-232.
2. Иванов-Радкевич А. П. О воспитании дирижера/ А. П. Иванов-Радкевич - Издательство «Музыка». – М., 1973. – 78 с.
3. Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 2 – М., «Советская Энциклопедия», 1974. (Энциклопедии. Словари. Справочники. Изд-во «Советская энциклопедия», Изд-во «Советский композитор»). - 959 с.
4. Поздняков А.Б. Работа дирижера с оркестром русских народных инструментов/ А.Б. Поздняков. – М., 1964. - 42 с.
5. Попонов В. Самодеятельный оркестр народных инструментов/ Попонов В. – М.: Издательство ВЦСПС. Профиздат. 1960. – 135 с.
6. Сахарова Н.Е., Голышева А.В. Риск как категория гражданского права / Н.Е. Сахарова., А.В. Голышева // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей/Автор-составитель О.В. Ефимова. Москва, 2018. - С. 85-94.

[160] Голышев В.Г. К вопросу о понятии и структуре механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2. С. 232.

[161] Сахарова Н.Е., Голышева А.В. Риск как категория гражданского права // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Автор-составитель О.В. Ефимова. Москва, 2018. С. 85-94.

Гриднева Ольга Вячеславовна,
к.ю.н., доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД РФ

ОСОБЕННОСТИ СТРАХОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА В ПОЛЬЗУ ВЫГОДОПРИОБРЕТАТЕЛЯ

К наиболее известным и заключаемым договорным отношениям относится договор страхования имущества.

Имущественное страхование, являясь одним из видов страхования, имеет своей целью возмещение ущерба, которое возникает при наступлении страхового случая. Объектом страховых отношений выступает различное имущество.

Застрахованное имущество может являться собственностью страхователя, или же находится у него на правах владения и пользования.

Предметом договора является имущество и иные имущественные интересы согласно п. 2 ст.929 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Предлагается рассмотреть особенности предмета договора страхования имущества.

Данный вид имущественного страхования, является самым распространённым на практике.

На основании ст. 930 ГК РФ: "Под имуществом, подлежащим страхованию по договору страхования имущества следует понимать такие объекты гражданских прав из перечисленных в ст.128 ГК, в отношении которых: может существовать интерес в их сохранении, т.е. которые могут быть утрачены (полностью или частично) либо быть повреждены в результате стечения обстоятельств; причиненный этим вред имеет прямую денежную оценку»[162].

Интерес на имущество, принадлежащее лицу на праве собственности, всегда признается страховым. Данный факт обуславливается тем, что собственник всегда имеет интерес в сохранения своего имущества.

Правоотношения связанные со страхованием имущества помимо положений, регулирующих имущественное страхование, так же регулируются правилами. Указанные правила разрабатываются непосредственно страховщиками, на основании законодательства РФ. Правила устанавливают такие понятия, как: страховые случаи; порядок и суммы выплат вознаграждения; порядок возмещения ущерба; права и обязанности сторон и т.д.

Автор предлагает более подробно рассмотреть виды рисков по договору страхования имущества. К ним относятся:

[162] Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования / В. К. Райхер. – М.: ЮКИС, 2012. – С.85.

Пожар. Под данным видом риска понимается неблагоприятная реакция огня на имущества, возникшего по любой причине. Тем не менее, в случае если пожар возник в случаях воздействия рабочего огня, повреждением бытовых электрических приборов, поджога или террористического акта и т. д. ущерб, страхованием по риску не покрывается.

Залив. Данный вид предусматривает воздействие воды на имущество, которое невозможно было предвидеть. Исключением будут являться: проникновение воды через отверстия, сделанные преднамеренно, возникшие вследствие ветхости, в случае дефектов в строительстве. В случае наступления неблагоприятных последствий при воздействии воды в случаях исключения, ущерб не покрывается.

Механические повреждения. К данному виду следует отнести наезд транспортного средства, повреждение животным, падение различных инородных предметов. Случаи, в которых ущерб не покрывается: пожар, стихийные бедствия, строительные дефекты и т. д.

Противоправные действия третьих лиц. К данным действиям можно отнести: грабеж; разбой; умышленное уничтожение или повреждение имущества, в том числе вследствие поджога и террористического акта; уничтожение или повреждение имущества по неосторожности.

Не подлежит возмещению ущерб, связанный с мошенничеством, обманом, растратой, вымогательства[163].

Стихийные бедствия подразумевают под собой: землетрясения, наводнение, обвал, извержение вулкана, смерч и иных природных явлений. В случаях пожара, радиации, военных действий ущерб по страхованию не возмещается.

Данный вид договора обычно заключается сроком на 1 год, но в договоре могут быть предусмотрены и иные сроки действия договора.

Договор страхования имущества, может быть расторгнут до истечения срока действия договора по соглашению сторон (если это предусматривает договор) или в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В случае прекращения договора по инициативе страховщика, уплаченное вознаграждение страховщику не возвращается.

Президиум ВАС РФ, в п. 3 Информационного письма о договорах страхования[164], утверждает, что интерес собственника будет присутствовать даже при обстоятельствах если расходы по замене утраченного или восстановлению поврежденного имущества возлагается на другое лицо.

Анализируя вышеизложенные особенности страхования имущества в пользу выгодоприобретателя, необходимо ответить на вопрос, может ли

---

[163] Гриднева О.В., Гришмановский Д.Ю., Клочихин В.А., Наумов Ю.Г., Тришкина Е.А. Актуальные проблемы частного и процессуального права в деятельности органов внутренних дел / О. В. Гриднева, Д. Ю. Гришмановский, В. А. Клочихин, Ю. Г. Наумов, Е. А. Тришкина. – Москва, 2019. – С. 45.

[164] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 № 75 <Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования> // Собрание законодательства РФ от 29 ноября 2003.

страхователь, не собственник имущества, застраховать его в свою пользу или в пользу собственника?

Для ответа на данный вопрос напомним, что предметом договора страхования имущества является имущественный интерес, а также страховой интерес свой и чужой, которые достаточно отличаются друг друга.

Необходимо отметить, что, страхователь, являющийся собственником имущества, не может застраховать имущество в пользу третьего лица в соответствии со ст. 930 Гражданского кодекса Российской Федерации.

При ответе на интересующий нас вопрос, нужно различать понятия интереса сохранения имущества собственного и интереса сохранения имущества, являющегося чужой собственностью. Ю.Б. Фогельсон считает, что у лица, желающего застраховать имущества, не являющееся его собственностью, присутствуют оба интереса[165]. Вследствие того, что эти два интереса не являются тождественными, то при страховании имущества страхователем – не собственником, необходимо точное понимание, в чьих интересах страхуется данное имущество. В данном случае возможно исключение, заключение договора имущественного страхования в пользу выгодоприобретателя без конкретного уточнения.

Согласно ст. 930 Гражданского кодекса Российской Федерации, одним из существенных условий для возможности страхования имущества в пользу не указанного выгодоприобретателя, является наличие интереса в сохранении имущества последним. В случае отсутствия данного условия договор будет считаться недействительным.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что обязательным условием в договоре страхования имущества является указание лица, чей интерес страхуется, и при отсутствии данного условия, договор считается ничтожным.

Однако в Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа, есть мнение, о том, что: «...страховой интересент обязан присутствовать в договоре страхования имущества в момент заключения, то есть в договоре должно быть названо лицо, обладающее страховым интересом».

Автор полагает, что данное мнение не совсем верно, т.к. указать конкретное лицо, в чьих интересах заключается сделка, не всегда предоставляется возможным. Следовательно, утверждение обязательного указания интересента является недопустимым.

Литература

1. Гриднева О.В. Актуальные проблемы частного и процессуального права в деятельности органов внутренних дел / О. В. Гриднева, Д. Ю.

[165] Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству / Ю. Б. Фогельсон. – М., 2005. – С. 72.

Гришмановский, В. А. Клочихин, Ю. Г. Наумов, Е. А. Тришкина. – Москва, 2019. – 250 с.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.11.2003 N 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» // Собрание законодательства РФ от 29 ноября 2003.
3. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования / В. К. Райхер. – М.: ЮКИС, 2012. – С.85.
4. Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству / Ю. Б. Фогельсон. – М., 2005. – С. 72.

Дорская Александра Андреевна,
д.ю.н., профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

КРИЗИСЫ ПРАВА И РАЗВИТИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения»

Кризисы права – явление историческое, т.к. они сопровождали развитие человечества на всех его этапах. Временное забвение римского права вплоть до его рецепции в XIII-XIV вв., отсутствие разработанных норм международного гуманитарного права в середине XIX столетия, невозможность предотвращения юридическими средствами мировых войн, противостояние социалистической и капиталистической систем, в том числе в правовой сфере, и многие другие явления можно оценить, как проявление кризиса права.

Признаками кризиса права могут являться: 1) преобладание устаревших норм, уже не отражающих сложившиеся общественные отношения; 2) вытеснение правовых норм другими социальными регуляторами – религиозными, моральными, корпоративными и другими нормами; 3) блокировка законотворческой деятельности, когда принятые законодательными органами проекты законов не становятся законами, т.к. не получают санкции выше стоящих органов; 4) отсутствие возможности правовыми средствами предотвратить радикальные выступления против существующей государственно-правовой системы (революции, государственные перевороты и т.д.); 5) неисполнение или даже подчёркнутое

игнорирование существующих правовых норм; 6) широкое применение правовых норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств; 7) введение новых юридических конструкций, не имеющих опоры на правовой опыт прошлого (например, принцип революционной законности в первые годы Советской власти); 8) неразработанность института юридической ответственности; 9) неравномерность развития институтов и норм материального и процессуального права и т.д.

Говоря о кризисах права, можно выделить несколько проблем.

Первая – их соотношение с кризисными явлениями в других сферах жизни, которое может быть очень сложным и многовариантным.

Данное явление можно рассмотреть на примере экономического кризиса. Право может стать инструментом выхода из кризиса, и тогда серьёзные изменения происходят в гражданско-правовой сфере, в области финансового права и т.д. Недаром, например, процесс кодификации после утверждения всенародным голосованием 12.12.1993 г. Конституции Российской Федерации начался с первой и второй частей Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако право, его состояние могут спровоцировать и развитие кризисных явлений в экономике. Так, в истории неоднократно наблюдалась взаимосвязь между жёстким вмешательством государства в частноправовую сферу и последующим экономическим кризисом. Например, уничтожение права частной собственности, продразвёрстка в первые годы Советской власти привели к серьёзному кризису и выявили необходимость изменения подходов в экономике, что и произошло в годы нэпа.

Вторая – любые общекультурные кризисы отражаются, в том числе, на правовой сфере. Так, многие исследователи оценивают современное состояние мирового сообщества в целом и российского общества как его составляющей как переходное, кризисное, сопровождающееся катаклизмами. В этой связи одним из способов выхода из создавшейся ситуации называется соблюдение прав и свобод человека как критерия правильности любых преобразований[166].

Третья – классификации кризисов в правовой сфере, которые могут быть различными в зависимости от того критерия, который положен в основу.

Во-первых, можно выделить кризисы международной и национальных правовых систем. Причём если о кризисе международного права говорят практически на постоянной основе со второй половины XIX века, иногда даже приходя к идее отрицания международного права, то кризисы на внутригосударственном уровне происходят периодически, в данном вопросе наблюдается определённая цикличность.

Во-вторых, различаются общеправовые кризисы, вызванные либо отсутствием принципов права, соответствующих сложившимся

[166]Третьяков К.Н. Влияние кризиса на российское право и законодательство / К. Н. Третяков // Вестник МГИМО Университета. – 2009. – № 3-4 (6-7). – С.117-122.

общественным отношениям, либо тем, что они устарели, и кризисы отдельных отраслей права.

В-третьих, с точки зрения первопричины можно выделить кризисы права, являющиеся следствием кризиса государства, и кризисы права, предшествующие кризисным явлениям в государственной сфере. Так, к примеру, процесс глобализации вызвал потерю государствами и их институтами легитимности в силу уменьшения способности исполнять взятые на себя традиционные обязательства - защищать население от внешних угроз, поддерживать правопорядок, обеспечивать социальными благами[167].

В-четвёртых, современные исследователи отмечают методологические кризисы в юридической науке и кризисы в системе правового регулирования. Например, О.Д. Третьякова и И.Ю. Митропан, определяя свою позицию относительно тенденции бесконечного выделения новых отраслей права, отмечают, что отрасль права не может быть искусственно обоснована ни исследователями, ни законодателями, она может сформироваться объективно из потребностей общества[168].

В-пятых, кризисы можно разделить на временные и постоянные. Временные кризисы права могут быть вызваны субъективными причинами. Например, подготовленный проект Уголовного уложения в царствование Елизаветы Петровны был отвергнут только по одному формальному обстоятельству – он содержал в качестве наказания смертную казнь, тогда как императрица перед совершением государственного переворота в 1741 г. поклялась, что, если он закончится её победой, она не подпишет ни одного смертного приговора. Постоянные кризисы являются характеристикой государственно-правовых систем, существующих в условиях нестабильности. Так, О.В. Выдрина считает, что современная динамика позволяет оценить социальную реальность как реальность хаоса и кризиса, которые приобрели характер постоянства[169]. Таким образом, кризис права приобретает в данных условиях черты обыденности.

Достаточно часто кризисные явления в праве были вызваны недостаточным вниманием к системе прав человека и механизмам её защиты. Так, неразработанность социального законодательства в России начала XX века привела к серьёзнейшему общественному кризису в годы Первой мировой войны. Незащищённость жён, матерей, дочерей, сестёр и детей, оставшихся в тылу и испытывавших серьёзные лишения, вплоть до голода, не придавало боевого духа фронтовикам, женские «бунты» в феврале 1917 г. стали началом революционных событий.

---

[167]Лихобабин В.А. Мир права: мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода из него (возвращение к истокам права) / В. А. Лихобабин // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5. – С. 85.

[168]Третьякова О.Д., Митропан И.Ю. Дивергенция отраслей права и риски кризиса системы права в российской юридической науке / О. Д. Третьякова, И. Ю. Митропан // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 367.

[169]Выдрина О.В. Антропологические аспекты права в ситуации современного культурного кризиса / О. В. Выдрина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 330. – С. 69.

Кризисы права могут быть вызваны несоблюдением прав человека. Так, например, отсутствие гражданского брака и гражданского развода в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. вызвали серьёзный кризис складывающегося семейного права, которое находилось в стадии выделения из церковного права, и стали важным фактором борьбы за провозглашение принципа свободы совести. Большевики, придя к власти, использовали это. Недаром свобода совести была помещена на первое место среди прав и свобод граждан в первой Советской Конституции 1918 г.

Так же причиной кризиса права может стать отсутствие реакции на новые вызовы и угрозы. Например, новый виток терроризма в мире поставил под вопрос достижения в реализации права на жизнь, право на личную неприкосновенность и т.д.

Проявлением кризиса права может являться и отсутствие механизмов защиты прав человека. Как известно, провозглашение прав и свобод граждан происходило раньше, чем создание механизмов, позволяющих отстаивать свои права.

Кризис права может начаться и в связи с возникающими противоречиями между социальными регуляторами. Так, неприятие в ряде стран однополых браков и закрепление правовым путём понимания брака как союза мужчины и женщины вызвано тем, что это противоречит сложившимся в общества моральным нормам и религиозным нормам. Таким образом возникают принципиально разные подходы к регулированию брачно-семейных отношений в различных странах, что в условиях глобализации, огромных миграционных потоков вызывает массу коллизий.

Таким образом, соотношение понятий «кризис права» и «права человека» является сложным.

С одной стороны, развитие прав человека может быть источником кризисов в праве, если нарушается баланс между коллективными и индивидуальными правами, между международно-правовыми стандартами и национальными нормами.

С другой стороны, права человека являются тем «мерилом» справедливости правовой нормы, которое позволяет сделать прогноз относительно возможности развития кризисных явлений в праве, и в то же время инструментом преодоления кризисов в правовой сфере. Кроме того, права человека должны являться ориентиром при принятии новых правовых норм для того, чтобы предотвратить возможные кризисы права.

Литература

1. Выдрина О.В. Антропологические аспекты права в ситуации современного культурного кризиса / О. В. Выдрина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 330. – С. 68-70.
2. Лихобабин В.А. Мир права: мировоззренческий и методологический кризис, пути выхода из него (возвращение к истокам права) / В. А.

Лихобабин // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5. – С. 85.
3. Третьяков К.Н. Влияние кризиса на российское право и законодательство / К. Н. Третьяков // Вестник МГИМО Университета. – 2009. – № 3-4 (6-7). – С.117-122.
4. Третьякова О.Д., Митропан И.Ю. Дивергенция отраслей права и риски кризиса системы права в российской юридической науке / О. Д. Третьякова, И. Ю. Митропан // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 366-367.

Еремина Татьяна Ивановна,
к. ю. н, к. и. н., доцент кафедры теории права и гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Интенсивное развитие цифровых технологий в современном обществе изменяет характер общественных отношений и, соответственно, обусловливает определенные изменения и в правовом статусе личности, а также влияет и на особенности реализации прав участников тех или иных правоотношений.

В условиях информационного общества и созданной практически в каждой образовательной организации электронной информационной образовательной среды в настоящее время происходит объективный процесс трансформации прав субъектов образовательных отношений. В целом, как справедливо отмечает Н.В. Варламова, «цифровизация не порождает новых прав человека принципиально иной юридической природы. Она лишь актуализирует или нивелирует определенные аспекты давно признаваемых прав, переносит их осуществление в виртуальное пространство, создает новые возможности для их реализации и порождает новые угрозы им»[170].

Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» определены основные векторы дальнейшего совершенствования электронной информационной образовательной среды в системе образования. Субъекты образовательного процесса сегодня в значительной степени зависимы от качественного уровня разработки и дальнейшего совершенствования

[170] Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Том 14. – № 5. – С. 142.

информационно-образовательного пространства. Основа эффективного развития информационно-образовательного пространства – это, безусловно, базовые положения российского права, которые, непосредственно регламентируют образовательно-информационную сферу исходя из приоритетных целей обеспечения прав и свобод человека. Чрезвычайно актуальными в этой связи являются вопросы правовой защиты интеллектуальной собственности, авторского права для субъектов образовательных отношений в лице преподавательского состава, разрабатывающих и внедряющих в образовательный процесс авторские методики, обучающие информационные программы, электронные учебники и учебные пособия. К сожалению, до сегодняшнего дня не определены на нормативном уровне стандарты и сертификационные требования к этому виду учебной продукции[171].

В системе высшего образования значительно возрастает нагрузка преподавателей по разработке электронного образовательного контента по учебным дисциплинам в помощь студентам, что не всегда учитывается при определении нормативов нагрузки профессорско-преподавательского состава. Аналогичная проблема существует и в профессиональной деятельности учителей средней школы[172].

Характеризующим признаком цифровых отношений в современном образовательном пространстве является (как, впрочем, и в других сферах деятельности) использование особой системы коммуникации – интернет - пространства[173]. В этих условиях на первый план выходит проблема правовой защиты прав и свобод личности в интернет - пространстве. В свою очередь, присутствие субъектов образовательных отношений в интернет – пространстве порождает новые проблемы этического характера, требующих правового урегулирования. Первые шаги в этом направлении по защите прав и свобод виртуальной личности уже сделаны. В августе 2019 года в образовательные организации было направлено Письмо Министерства просвещения Российской Федерации и Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников», в котором впервые были озвучены нормы поведения педагогов в интернете. Социальные сети в условиях развития информационного общества должны стать не компрометирующим инструментом (как учителей, так и родителей), а площадкой для развития учащихся, помощником учителя

[171] Королева В.В. Риски цифрового образования / Каспий в эпоху цифровой экономики [Электронный ресурс]: материалы Международного научно-практического форума (г. Астрахань) / сост.: д-р биол. наук, проф. А. В. Федотова и др.. – Астрахань: Астраханский государственный университет. – Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – С. 370.

[172] Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие. – М.: Книгодел, 2019. – С. 7-8.

[173] Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах / А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев // Юрислингвистика. – 2019. – № 11(22). – С. 16.

в общении с учениками, дополнительным инструментом образования и воспитания[174].

В научной литературе в настоящее время активно обсуждается содержание такой категории субъективных прав как «цифровые права» личности. В новой редакции статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с марта 2019 года «цифровые права» определяются как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». По мнению Д.А. Пашенцева, понятие «цифровых прав» используется законодателем в данном варианте в довольно узком смысле — как имущественных прав, существующих в рамках информационной системы[175]. Представляется актуальным выработка соответствующего определения применительно к образовательным отношениям и закрепления его в образовательном законодательстве.

Цифровизация общества в современном российском государстве является одним из важнейших государственных приоритетов. В образовательном правовом пространстве актуальным представляется юридический анализ правомочий субъектов образовательных правоотношений в условиях развития цифровых технологий и создание применимой к новым условиям нормативно правовой базы.

Литература

1. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Том 14. – № 5. – С. 141-167.
2. Васильев А.Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах / А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев // Юрислингвистика. – 2019. – № 11(22). – С. 15-18.
3. Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие. – М.: Книгодел, 2019.
4. Иванов А.А. Активность педагогических работников в социальных сетях: правовые вопросы / А. А. Иванов // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – №2. – С. 95-100.
5. Королева В.В. Риски цифрового образования / Каспий в эпоху цифровой экономики [Электронный ресурс]: материалы Международного научно-практического форума (г. Астрахань) / сост.: д-р биол. наук, проф. А.

[174] Иванов А.А. Активность педагогических работников в социальных сетях: правовые вопросы / А. А. Иванов // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – №2. – С. 100.

[175] Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права / Д. А. Пашенцев // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 7.

В. Федотова и др. – Астрахань: Астраханский государственный университет. – Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – С. 365-371.
6. Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права / Д. А. Пашенцев // Право и образование. – 2019. – № 7. – С. 4-9.

Ефимова Ольга Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
Дутова Наталия Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ В БАНКРОТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Вопрос о недействительных сделках является очень важным как с юридико-практической, так и с педагогической точек зрения[176].

В соответствии с требованиями гражданского законодательства сделка является действительной при соответствии следующим требованиям:

– содержание и правовой результат сделки отвечают требованиям закона;

– присутствие соответствующего уровня правоспособности и дееспособности участников сделки;

– совпадение волеизъявления и воли участника сделки;

– форма волеизъявления определяется из требований закона.

Несоответствие одному из указанных критериев влечет признание сделки недействительной.

Конкретные основания недействительных сделок определены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Но данный перечень не является закрытым и эти основания могут быть сформированы в иных законах, принятых согласно статье 3 ГК РФ в соответствии с ГК РФ.

Эти дополнительные основания могут быть предусмотрены в силу специфики соответствующей группы правоотношений. Так, особые составы недействительных сделок введены законодательством о банкротстве (банкротным правом). В соответствии со статьей 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) сделки могут быть признаны недействительными по

[176] Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88.

основаниям, предусмотренным ГК РФ, а также по основаниям и в порядке, которые установлены названным законом. Данные правовые нормы действуют относительно недавно (введены с 30.07.2017 Федеральным законом от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), равно как и сам институт банкротства имеет относительно непродолжительную историю по отношению к иным гражданско-правовым институтам[177].

Закон о банкротстве предлагает два состава недействительных сделок – подозрительная сделка и сделка с предпочтением (сделка должника, влекущая оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами должника). Введение новых составов недействительных сделок обусловлено интересами кредиторов[178].

Выделение таких составов определяются следующими факторами:

– оспаривание сделок осуществляется только при наличии возбужденного дела о банкротстве, рассматриваемого арбитражным судом;

– объектом таких сделок выступает имущество лица, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве (должника);

– сделку совершает как сам должник, так и иное лицо за счет имущества должника. В последнем случае определение иного лица осуществляется исходя из природы и вида такой сделки, указанной в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"».

В отличие от правил, регулирующих недействительность только сделок, сформированных законодателем в параграфе 2 главы 9 ГК РФ, банкротное право расширяет границы влияния своих норм в отношении недействительности не только сделок, но также и действий, совершаемых в иных (в том числе публичных) отраслях права.

Так, согласно пункту 3 статьи 61.1 Закона о банкротстве оспорить как подозрительное действие или действие с предпочтением можно: приказ в трудовом праве, банковскую операцию; уплату налогов; соглашение в семейном праве и пр.

Сведения о подаче заявления о признании сделки (действия) недействительной (равно как и в отношении принятого судебного акта) должны быть занесены в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве арбитражным управляющим.

Существуют также процессуальные особенности рассмотрения таких заявлений. В связи с несомненной связи сделки, оспариваемой в суде с делом

---

[177] Дутова Н.В. Особенности правового регулирования признания физического лица банкротом / Н. В. Дутова // Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Выпуск 3. – М, Издательство «Саратовский источник». – С. 36.

[178] Ефимова О.В., Краснов Д. Реструктуризация долгов гражданина в процедуре банкротства / О. В. Ефимова, Д. Краснов // Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Выпуск 3. – М, Издательство «Саратовский источник». – С. 109

о банкротстве должника заявление не только подается в тот арбитражный суд, который рассматривает банкротство лица, но и рассматривается в данном деле о банкротстве. По результатам рассмотрения принимается такой судебный акт, как определение, в котором указывается либо о признании сделки недействительной, либо об отказе в удовлетворении заявления.

Состав подозрительной сделки определен в статье 61.2 Закона о банкротстве и включает в себя две разновидности. К подозрительной сделке будет отнесена сделка, совершенная должником:

1. При неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка). Такая сделка должна была быть совершена либо за год до принятия заявления о признании лица банкротом или после данного принятия.

2. Сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. Для данной сделки срок установлен в 3 года до заявления по банкротству и после.

Недействительность сделки с предпочтением состоит в том, что такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований согласно статье 61.3 Закона о банкротстве. Для недействительности сделки с предпочтением срок ее совершения должен составлять один месяц до того момента, как будет принято заявление о признании лица банкротом и после.

Если сделку признают недействительной, то правовое последствие связывается не с возвратом имущества должнику, а передачей в конкурсную массу (в натуре или в денежном выражении).

Литература

1. Дутова Н.В. Особенности правового регулирования признания физического лица банкротом / Н. В. Дутова // Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Выпуск 3. – М, Издательство «Саратовский источник». – С. 36- 42.

2. Ефимова О.В. Реструктуризация долгов гражданина в процедуре банкротства / О. В. Ефимова, Д. Краснов // Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Выпуск 3. – М, Издательство «Саратовский источник». – С. 109-121.

3. Звонарева Н.А. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях /

Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88 – 92.

Ефремова Надежда Николаевна,
к.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
профессор РАНХИГС

ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Данная статья посвящена сохраняющей непреходящую актуальность проблеме обеспечения прав и свобод личности в отечественной истории и современности, а, в частности, предоставления судебной формы их защиты, как одной из составляющих юридических гарантий, наряду с законодательным их закреплением. Судебная защита несомненна необходима для их эффективной реализации, однако, как показывает накопленный опыт, не любая организации правосудия способна выполнить эту задачу. Современная доктрина называет в качестве таковой «надлежащую» организацию, или по терминологии, принятой в дореволюционной историографии, «правильную», которая прежде всего определяется соответствующими принципами и институтами судоустройства и судопроизводства. Эта организация перманентно изменяется и в отдельные периоды истории российской юстиции ее состояние обуславливается не только внутренним устройством легального суда, но также и внешними детерминантами его деятельности: социокультурными, экономическими, политико-идеологическими и прочими. И тем не менее, в отсутствии законного или государственного признания прогрессивные принципы останутся нереализованными декларациями, а неизбежные реформы судоустройства и судопроизводства лишатся надлежащих ценностных ориентиров[179].

Не претендуя в рамках ограниченного объема публикации на исчерпывающую характеристику незавершенного процесса достижения надлежащей организации отечественного правосудия, которая как идеал может позволить надеяться лишь на максимальное к ней приближение,

[179] Северухин В.А. Подходы к пониманию государственности/ В.А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (26). – С. 66, Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. –С. 4-5.

хотелось бы остановиться на ряде примеров, иллюстрирующих основные этапы такого движения. Так, к примеру, уже древнерусское государство в борьбе с самосудом, доставшимся ему от варварского общества, учредило в лице князя и назначаемых им должностных лиц государственный суд, прежде всего, в целях защиты субъективных прав подданных. Уже статья 14 Краткой (самой древней, относящейся к XI в.) редакции Русской Правды устанавливала: «Аще познает кто, не емлет его, то не рцы ему: мое, но рцы ему тако: поиди на свод, где еси взял…»[180], тем самым запрещая частный произвол в борьбе с правонарушениями. Позднее, законодательство Московской Руси, а именно, первый общерусский Судебник 1497 г. установил принципы, или требования к осуществлению правосудия, в частности, беспристрастности: «А судом не мстити, ни дружити никому» (ст. 1 Судебника)[181]. Более того, статья 2 данного закона предоставляла в условиях социально-правового неравенства равное право на судебную защиту любому индивиду – «жалобнику», устанавливая тем самым запрет на отказ в правосудии.

Не менее важное место в надлежащей организации правосудия в монархический дореформенный период занимали декларирование и установление юридических гарантий суда равных. В конечном варианте в дореформенный имперский период это было сделано в Жалованных Грамотах городам и дворянству 1785 г., которые отразили наличие сословных ограничений для одних и привилегий для других, помимо прочих, и в системе процессуальных прав подданных. Формально-юридически в российском обществе и до Великих реформ 60–х гг. все население было свободным (поскольку крепостная зависимость не означала легального порабощения крестьян), однако мера свободы определялась в соответствии с сословным статусом. В связи с этим, в ходе судебной реформы Екатерины Второй 1775–1780 гг. были созданы и отдельные инстанции («верхние» и «нижние») сословных судов, призванные обеспечивать «суд равный» отдельно для дворян, горожан и крестьян–однодворцев. Очевидно, что это было внутрисословное формальное равенство, которое, исходя из типологии права и государства предложенной академиком В.С. Нерсесянцем, при фокусировании ее на типологию правосудия, являло собой «исторически сменяющие друг друга формы и ступени роста в развитии человеческой свободы от древности до современности».[182]

Ситуация радикально изменилась с принятием и введением в действие Судебных уставов 1864 г., явившихся законодательной основой «Великой судебной реформы», провозглашавших уже и межсословное, или всесословное, формальное равенство перед судом всех подданных, а также и ряд других ценностных принципов «правильной», по выражению одного из

[180] См., например, Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., Юридическая литература. – 1984–1994. – Т.I. 1984. – С. 47.
[181] Там же. Т. 2. 1985. – С. 54.
[182] Нерсесянц В. С. Теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2001. – С. 57

«Отцов» судебной реформы С.И. Зарудного, организации правосудия и, прежде всего, независимой судебной власти, осуществляемой несменяемыми судьями. В Указе об их опубликовании император определял задачу модернизации суда таким образом: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утверждать в народе… уважение к закону». В указанных актах были установлены и иные важные, отчасти традиционные, отчасти новые принципы: состязательности, гласности и публичности процесса, а также легально не оформленного, но фактически обеспеченного – доступности суда населению[183]. Не преуменьшая прогрессивности созданной в ходе этой судебной реформы организации правосудия, даже получившей определение от консерваторов «судебной республики», а соответственно сделавшей первый практический шаг на пути преобразования российской абсолютной монархии в конституционную, она все же не могла обеспечить в полной мере подлинного реального правосудия, ввиду отсутствия необходимых иных, как юридических, так и неюридических гарантий. Однако, созданные тогда судебная система и судопроизводство были приняты Временным правительством после революции без перемен, даже с желанием «очистить» их от изменений, внесенных царским правительством в ходе судебной контрреформы, хотя сущностно их она и не деформировала. Эта организация правосудия вполне вписывалась в планируемую республиканскую форму правления.

Как известно, другую судьбу суду определило Советское правительство, принципиально изменившее его назначение защиты и восстановления нарушенных прав и свобод личности на защиту классовых интересов победившей социальной группы. И, несмотря на последующие попытки демократизации и либерализации советского суда в период «новой экономической политики», его организация была далека от надлежащей и так и не стала правовой. В конце советского периода была сделана попытка создать новую организацию правосудия, в значительной мере копирующую пореформенную имперскую, для чего в 1991 г. Верховным Советом РСФСР была утверждена Концепция судебной реформы, реализация которой фактически продолжилась уже в постсоветский период. Ее отдельные элементы, например, суд присяжных действует и сейчас. Однако, неудовлетворенность профессионалов и общественности современным российским судом сохраняется, а его перманентное реформирование продолжается.

В заключение следует отметить, что даже с учетом пройденных этапов, к сожалению, эффективная система обеспечения прав личности пока не создана, несмотря на заметные усилия правительств и институтов гражданского общества как России, так и многих современных зарубежных

[183] См. об этом, например: Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII–XIX вв.) / Н. Н. Ефремова // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2008. – № 2. – С. 34–50.

государств, а также и международных, региональных и наднациональных учреждений и организаций. Причин тому несколько, не вдаваясь в их перечисление, следует заметить, что в кругу исследователей–правоведов, в частности, высказывается мнение, что для создания эффективных механизмов реализации правового статуса личности и прав человека, как одной из его составляющих, недостаточно установить соответствующее международным стандартам правосудия национальное законодательство и привести его в действие, но также следует усилить интеграцию достижений судебно-правовой науки в практику[184].

Сегодня эта форма взаимодействия проявляется преимущественно в научно-практических конференциях, что явно недостаточно. Однако это обстоятельство не должно стать препятствием для нацеливания творческой мысли на формирование прогрессивной модели системной юридической нормативно-институциональной охраны прав и свобод личности и создания соответствующей правовой среды для ее функционирования. При этом, не мешало бы последовать имперскому опыту создания, как это было в конце 50–х годов XIX в. и последовавший пореформенный период, при университетах юридических обществ, доказавших своей деятельностью возможность воздействовать на процесс проведения судебной реформы и внедрения новых прогрессивных начал в организацию правосудия, совмещая это с подготовкой и воспитанием новых кадров для звеньев юстиции, способных принять и в дальнейшим внедрять принципы и ценности надлежащей организации правосудия. Пока очевидно, что такая задача специально не поставлена в действующей модели юридического образования. Юридические общества прошлого включали в свой состав отечественных и зарубежных выдающихся юристов–практиков, ученых, профессоров. Они плодотворно занимались научно-теоретической, включающей полевые исследования, аналитической, экспертной, публицистической, издательской, пропагандистской, и прочими видами деятельности, которая способствовала рождению новой формации юристов–профессионалов, развитию правосознания, подъему правовой культуры, и, в целом, легитимации новых прогрессивных принципов и институтов правосудия.

Литература

1. Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII–XIX вв.) / Н. Н. Ефремова // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2008. – № 2. – С. 34–50.
2. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 26.

184 См., например, об этом: Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 26.

3. Нерсесянц В. С. Теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2001.
4. Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Под общ. ред. О.И. Чистякова. –М., Юридическая литература. – 1984–1994. – Т.I. 1984.
5. Северухин В.А. Подходы к пониманию государственности/ В.А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (26). – С. 66-72.
6. Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. – 88 с.

Ефремова Татьяна Дмитриевна,
преподаватель, директор гуманитарно-правового колледжа
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЮРИСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время разработка нравственных основ юриста представляет собой одно из приоритетных направлений юридической теории и практики. В процессе обучения выработка нравственных норм и ориентиров поведения юриста обусловлена рядом фактов. Так, от соблюдения правил профессиональной этики зависит как репутация отдельного юриста, так и уровень доверия граждан к юридической сфере в целом. Следует понимать, что нормы профессиональной этики юриста составляют основу его успешной деятельности. В тоже время, несмотря на осознание высокой значимости формирования и усовершенствования профессиональной этики, на сегодняшний день категория профессиональной этики не имеет своего единого теоретико-методологического обоснования и понимания. Также остаются не разработанными механизмы развития этических категорий юристов.

Рассматривая виды профессиональной этики, можно отметить, что наряду с юридической существуют также педагогическая, врачебная и другие. Главным отличием профессиональной юридической этики выступает ее нацеленность на определенную профессиональную группу, определенное профессиональное сообщество. Юридическая этика может пониматься как вид профессиональной этики, представляющий собой совокупность правил поведения работников юридической профессии, обеспечивающих нравственный характер их трудовой деятельности и внеслужебного

поведения, а также научная дисциплина, изучающая специфику реализации требований морали в этой области[185].

Значение юридической этики состоит в том, чтобы регулировать профессиональное поведение юристов, обеспечивать защиту интересов общества и государства, минимизировать риски злоупотребления значительными возможностями и полномочиями, которыми обладают юридические работники, защитить самих юристов от преувеличенных требований, обосновать разумные и необходимые методы социального контроля за профессиональной деятельностью юридического сообщества.

Современная юридическая подготовка представляет собой определенный процесс, направленный на то, чтобы сформировать у обучающихся систему профессиональных знаний, умений, навыков, развитие их морального и правового мышления. Задачами профессионального юридического образования является как приобретение знаний в области юриспруденции, так и воспитание юристов с высокой общей и профессиональной культурой, подлинных гуманистов, сознательно принимающих решения и несущих ответственность за свои поступки[186]. Необходимость повышения уровня сформированности компетентности будущего юриста, повышение уровня его профессионализма приводит к становлению компетентностного подхода в современной педагогике, вычленению ключевых компетенций модели выпускника.

Профессиональное сознание юриста обязательно включает в себя не только правовые, но и моральные, нравственные ориентиры, приоритетное место среди которых отводится совести, справедливости и ответственности. Важно добавить, что все указанные качества не выступают врожденными, они формируются и развиваются у личности под влиянием условий социально-природной окружающей среды, а, соответственно, при правильной организации образовательно-воспитательного процесса указанные личностные качества могут развиваться, обеспечивая личностное и профессиональное развитие юриста.

Неотъемлемым компонентом образовательно-воспитательного процесса выступают методы обучения. Существуют разные классификации методов обучения. Так, на основании источника получения знаний разделяют наглядные, практические и словесные методы обучения. По видам работы различают классные, домашние, коллективные, парные, индивидуальные,

---

[185] Шадже А.М. К вопросу о содержании и значении юридической этики / А.М. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 320.

[186] Шрайбер Е.Г. Повышение качества юридического образования/ Е.Г. Шрайбер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2010. – Вып. 7. – С. 95, Куксин И.Н., Кривенький А.И., Северухин В.А. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин / М.: Книгодел, 2018. С. 5-7.

устные, письменные методы[187]. В процессе развития профессиональной этики и профессиональных компетенций будущего юриста свое применение находят все вышеперечисленные методы.

В процессе формирования и развития профессиональной этики целесообразным представляется внедрение проектных технологий, подразумевающих реализацию групповой работы, что, в свою очередь, способствует формированию навыков работы в коллективе, осуществления согласования и координации деятельности всех членов группы, повышения самостоятельность в процессе реализации исследовательской, поисковой, творческой деятельности, а также повышения ответственности за результаты коллективной работы. Важно отметить, что при правильном выборе темы исследования проектный метод может стать эффективными инструментом формирования эмоционального неприятия обучающимися любых нарушений моральных и нравственных норм.

Таким образом, в современной теории и практике обучения в учреждениях среднего профессионального и высшего образования формирование профессиональных компетенций осуществляется посредством использования различных форм и методов обучения, однако, в последние годы приоритет смещается в сторону интерактивных, инновационных образовательных практик. Принимая во внимание специфику, особенности профессиональной юридической деятельности, разработка единых норм профессиональной этики, обучение и последующее соблюдение их всеми членами юридического сообщества может стать эффективным инструментом минимизации рисков возникновения конфликтов как между представителями профессионального сообщества, так и между юристами и обществом.

Литература

1. Евстигнеева И.А. Методика развития дискурсивных умений студентов на основе современных информационных и коммуникационных технологий (английский язык, языковой вуз). дисс. канд. … пед. наук/ И. А. Евстигнеева. – Тамбов, 2013. – С. 228.
2. Куксин И.Н. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин, А.И. Кривенький, В.А. Северухин / М.: Книгодел, 2018. – 56 с.
3. Шадже А.М. К вопросу о содержании и значении юридической этики / А.М. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 319 – 326.

[187] Евстигнеева И.А. Методика развития дискурсивных умений студентов на основе современных информационных и коммуникационных технологий (английский язык, языковой вуз). дисс. канд. … пед. наук/ И. А. Евстигнеева. – Тамбов, 2013. – С. 121

4. Шрайбер Е.Г. Повышение качества юридического образования/ Е.Г. Шрайбер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2010. – Вып. 7. – С. 95 – 100.

Залоило Максим Викторович,
к.ю.н., ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ[188]

Принятие новых законов и обновление действующего законодательства – это необходимость, и в условиях высокой динамики общественных отношений под воздействием вызовов современности вполне оправданно. Законодательство – это не застывшая материя, есть объективные предпосылки его совершенствования вслед за общественным развитием. Хуже, когда законодательство является неизменным и отстает от темпов общественного развития, возникают неполнота, пробелы, неопределенность правового регулирования, что приводит к девальвации регулирующей роли закона. Не только в России, но и во всем мире осуществляются правовые реформы, значительным изменениям и практически полному пересмотру подвергаются даже Основные законы государств, включая развитые страны (Австрия, Франция и др.)[189]. Мы живем в эпоху постоянных перемен, и это общемировая тенденция, которую приходится учитывать.

Высокие темпы законотворчества наглядно выражаются уже в количестве правотворческих инициатив. Так, например, сейчас на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится около 1400 законопроектов[190]. На портале regulation.gov.ru для целей общественного обсуждения с начала его функционирования в 2012 г. размещено более 68 тысяч проектов федеральных законов, постановлений Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, разработанных этими органами. В настоящий момент на обсуждении

[188] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ – научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».
[189] См. в связи с этим: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. – М., 2016.
[190] [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (Дата обращения: 15.02.2020).

находится около 400 таких документов, большей частью организационного и технического характера[191]. И это только федеральный уровень.

В России на федеральном и региональном уровнях действует множество законов и подзаконных актов, они подвергаются многочисленным изменениям и дополнениям, что не следует воспринимать в негативном ключе само по себе. Главное – не допустить распространения таких юридических коллизий, конфликтов между нормами права, «зарегулированности» по отдельным вопросам, подмены предмета законодательного регулирования, когда качественные негативные изменения перерастают в критическую массу.

Есть сферы, где законодательная регламентация пока минимальна. Так, регламентация общественных отношений, связанных с цифровизацией, осуществляется в большей части документами стратегического планирования (это, к примеру, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предусмотренные ею федеральные проекты, дорожные карты развития «сквозных» цифровых технологий и прочие многочисленные документы стратегического планирования). Правовое регулирование цифровизации находится в стадии становления, является фрагментарным. Принятые федеральные законы в этой области пока немногочисленны. Вместе с тем в условиях динамичного развития связанных с цифровизацией общественных отношений, требующих научного осмысления и обоснования, их всеобъемлющее законодательное регулирование даже можно назвать нецелесообразным, тем более что оно, вероятнее всего, будет претерпевать многочисленные изменения сразу после принятия.

В рамках работ по подготовке и принятию законопроектов неизбежны законотворческие ошибки, важно их вовремя заметить и устранить. Сама законотворческая деятельность достаточно подробно регламентирована, появляются новые юридические технологии, обеспечивающие ее эффективность (например, технологии краудсорсинга), модернизируются прежние, проверенные временем (прогнозирование и планирование)[192]. Правовое регулирование по-прежнему имеет скорее «догоняющий» характер, несмотря на такое свойство права, как опережающее отражение действительности. Обеспечить это призваны методики юридического прогнозирования, значение которого в условиях цифровизации повышается, поскольку происходит трансформация сферы правового (включая законодательное) регулирования, модернизация системы источников права, изменение роли самого права, которое традиционно принято считать основным социальным регулятором[193]. В период смены технологических укладов и определения новых векторов развития человеческой цивилизации

[191][Электронный ресурс].URL: https://regulation.gov.ru (Дата обращения15.02.2020).

[192] Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 143–159.

[193] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности/ Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 10–11.

под влиянием разного рода высоких технологий, включая цифровые, поднимается вопрос о гибкости правовых регуляторов, оперативности правового регулирования[194], необходимости достижения и поддержания баланса принципов законности и целесообразности.

Законность должна обладать свойством легитимности, то есть признанием со стороны общества. В противном случае возникает проблема ее согласования с целесообразностью как конкурирующим мотивом поведения. При этом принятый и эффективно реализуемый закон (иной нормативный правовой акт) презюмируется целесообразным, поскольку достигает целей своего создания. Целесообразность и законность вступают в конфликт в условиях «догоняющего» характера законодательного и в целом правового регулирования, не способного на адекватное отражение складывающихся общественных отношений. Поэтому логично, что высокие темпы развития общественных отношений должны получать адекватную и своевременную правовую оценку, чтобы не допустить таких ситуаций, когда принятый закон становится догмой, совершенствуется в длительные сроки, не соответствует современным реалиям и его исполнение становится неактуальным, хотя строго предписывается.

Понижение роли закона в системе источников права, замена его иными регуляторами[195] (вынесение многих вопросов, традиционно составляющих предмет регулирования закона, на подзаконный уровень, закрепление в законе базовых положений с конкретизацией и актуализацией последних в актах мягкого права и пр.) является выходом из положения, но уже сейчас очевидно, что законодательный процесс, начиная с формулирования законотворческой идеи, должен основываться на современных достижениях цифровых технологий (искусственный интеллект, алгоритмы и программный код и пр.)[196], позволяющих наряду с научным обоснованием законотворчества обеспечить его опережающий характер.

Литература

1. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило// Современные юридические технологии в правотворчестве /под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020.
2. Концепция организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики. [Электронный ресурс]. URL:

[194] Концепция организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики. [Электронный ресурс]. URL: https://sk.ru/cfs-file.ashx/__key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-00-02-38-24/_1A0423041804_-20200113.docx (Дата обращения: 15.02.2020).

[195] Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019. – С. 346.

[196] См. в связи с этим: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019.

https://sk.ru/cfs-file.ashx/__key/telligent-evolution-components-attachments/13-643-00-00-00-02-38-24/_1A0423041804_-20200113.docx (Дата обращения: 15.02.2020).
3. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019.
4. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография/ Т.Я. Хабриева – М., 2016.
5. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности/ Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9.
6. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2019.

Звонарев Андрей Владимирович,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1918 – НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Во время оккупации германскими войсками Польши, Литвы, Курляндии, и Лифляндии распоряжениями оккупационной власти в этих областях России последовательно было введено в действие, с небольшими лишь изменениями, Уголовное уложение 1903 года. В занятой лишь в феврале 1918 года Эстляндской губернии (Эстонии) оккупационная власть провести реформу не успела. В Финляндии сохранился собственный уголовный кодекс – Уголовное уложение 1894 года Великого княжества Финляндского. В остальной России Октябрьская революция 1917 года упразднила вместе со всеми законами прошлого и уголовные законы царского правительства, заменив их отдельными нормативными правовыми актами, Руководящими началами по уголовному праву РСФСР 1919 года, а затем и Уголовным кодексом РСФСР 1922 года[197].

[197]История отечественного государства и права: учебное пособие для семинарских занятий/ Под ред. Т.Е. Новицкой – Ч. 2 – М.: М.: Норма: ИНФРА-М, 2017; Малышева О.Г., Токарева Е.А. «Страна ввергнута в состояние ожесточенной братоубийственной войны и анархии». Речь Н.И. Астрова на заседании Московской городской думы 6 ноября 1917 г. / О. Г. Малышева, Е. А. Токарева // Исторический архив – 2017. – № 6. – С.51–57; Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года: монография/ Под ред. Д.А. Пашенцева, С.А. Боголюбова. – М.: ИНФРА-М, 2019; Российское законотворчество 1920-х годов: монография / Под ред. С.А. Боголюбова, Д.А. Пашенцева, В.А. Селезнева. – М.: Юрлитинформ, 2019, Северухин В.А. Подходы к пониманию государственности/ В.А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического

Проект Уголовного уложения 1903 года состоял из 687 статей. Но в полном объеме Уложение в период существования Российской империи никогда не вводилось. Были введены разделы, касающиеся преступлений религиозных и государственных, а некоторые отдельные статьи заменили собой, в силу особых постановлений, относящихся к периоду времени с 1904 г. по 1915 г., соответствующие статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года.

Во вновь созданных балтийских государствах, отделившихся от России после окончания гражданской войны и интервенции, как и в других новых государственных образованиях, которые образовались на развалинах довоенной Европы, вопрос о кодификации уголовного права стал приоритетной и первостепенной задачей. Польша, Литва и Эстония занялись разработкой своих новых уголовных кодексов.

В Латвии после капитуляции Германии Временным буржуазным правительством, образованным К. Ульманисом, был принят закон от 6 декабря 1918 года, которым было оставлено в силе Уголовное уложение Российской империи 1903 года с отменой изменений, внесенных германской оккупационной администрацией.

В действующее на территории Латвии Уголовное уложение 1903 года были внесены изменения в соответствии с постановлениями Временного правительства России, принятыми в период с 12 марта по 5 августа 1917 года. Важнейшим по своему значению из них было Постановление об отмене смертной казни от 12 марта 1917 года. Согласно этому Постановлению, смертная казнь отменялась во всех случаях, в которых она была установлена действующим законодательством и заменялась срочной или бессрочной каторгой. Приостановлением от 26 апреля 1917 года Временное правительство отменило ссылку на поселение, как вид наказания, и заменило ее заключением в крепости, а Постановлением от 1 августа 1917 года – определило основания условного досрочного освобождения. Постановлением об отмене вероисповедных и национальных ограничений от 20 марта 1917 года отменялась статья 81 Уложения, ранее устанавливавшая ответственность лица нехристианского вероисповедания, воспрепятствовавшего христианину, находящемуся у него в услужении, в обучении ремеслу или работе, исполнять религиозную обязанность его

университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (26). – С. 66, Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. – С. 4-5, Корчагина Т.В. Историко-правовые аспекты развития Российского законодательства об образовании/ Т.В. Корчагина // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2018. – С. 64.

вероисповедания или участвовать в установленном вероисповеданием чествовании воскресного или иного праздничного дня.

Постановление Временного правительства от 4 августа 1917 года отменяло прежнюю редакцию статей 100 и 101 Уложения и устанавливало ответственность за насильственное изменение «существующего государственного строя в России или за отторжение от России какой-либо ее части, или за смещение органов Верховной в государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую». Постановлением от 17 апреля 1917 года устанавливалось наказание за перепродажу по повышенной плате железнодорожных билетов или плацкарт. Постановление от 27 апреля 1917 года о печати и Постановление от 12 июля 1917 года устанавливали ответственность издателя или ответственного редактора. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 года о надзоре за публичными зрелищами устанавливало ответственность виновных в нарушении данных правил. Постановление Временного правительства от 17 июня 1917 года отменяло ограничения в отношении образовательного ценза, установленного для лиц, желающих заниматься в частных домах обучением и воспитанием детей и ответственность за нарушение данных ограничений.

Постановление Временного правительства от 6 июля 1917 года было принято после вооруженных столкновений, состоявшихся в Петрограде в начале июля 1917 года. Этим Постановлением Временное правительство устанавливало ответственность за публичный призыв к убийству, разбою, грабежу, погромам или другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения или за публичный призыв к неисполнению законных распоряжений власти. Также данным Постановлением устанавливалась наказание, как за государственную измену, за призыв во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к «неисполнению действующих при новом демократическом строе в армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти». Постановление от 19 июля 1917 года устанавливало наказание лиц, виновных в призыве во время войны к неисполнению касающихся железнодорожной службы законов или законных распоряжений власти.

Постановление Временного правительства от 14 июля 1917 года обеспечивало свободу совести каждому гражданину Российского государства. В тоже время действие правил, установленных в данном Постановлении, не распространялось на «изуверные учения»», указанные в статье 96 Уложения. Наконец, Постановление Временного правительства от 15 июля 1917 года о поселковом управлении устанавливало ответственность лиц, виновных в нарушениях свободы и правильности выборов в поселковые собрания.

После заключения в 1920 году Рижского мирного договора вопрос об уголовном законодательстве вновь стал первоочередной задачей. После окончания военных действий при Министерстве юстиции Латвийской

республики была создана особая комиссия, которая в 1920–1921 годах подготовила проект исправления Уголовного уложения 1903 года в соответствии с изменениями в государственном строе Латвии и в бытовых условиях страны.

Одновременно в действующее Уложение вносились соответствующие изменения в связи с принятием нормативных правовых актов Латвийской республики. Принятый Народным Советом Латвии 5 декабря 1919 года закон повышал наказание за кражи лошадей и крупного рогатого скота и вносил соответствующие изменения в статьи 585 и 618 Уложения.

Принятый Учредительным Собранием Латвии 15 июня 1921 года закон устанавливал наказание за недозволенное занятие адвокатурой. В частности, Закон дополнял Уложение статьи 161.1, в которой указывалось, что «лица, не имеющие права хождения по чужим делам в судебных установлениях, виновные» в неумелой подаче советов или составлении бумаг за вознаграждение, а также в занятии в виде промысла и с корыстной целью, ведение чужих дел в судебных установлениях по приобретенным, путем переуступки (цессии), чужим требованиям, наказывалось арестом или денежной пеней. При повторении данного преступления до истечения трех лет после отбытия ранее положенного срока наказания виновный наказывался заключением в тюрьму. Всего же с 1919 г. по 1 августа 1933 г. в Уложение 1903 г. было внесено более 30 изменений и дополнений.

В 1922 году вновь учрежденная при Министерстве юстиции комиссия по выработке Латвийского уголовного уложения занялась разработкой проекта нового Уложения. Комиссия старалась сохранить, по возможности, конструкции и основные начала Уложения 1903 года. Работа над проектом была завершена только в 1928 году. В 1930 г. проект был утвержден в Кабинете министров Латвии и вступил в силу с 1 августа 1933 г.

Литература

1. Боголюбов С.А. Российское законотворчество 1920-х годов: монография/ С.А. Боголюбов, Д.А. Пашенцев, В.А. Селезнев / Под ред. С.А. Боголюбова, Д.А. Пашенцева, В.А. Селезнева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 456 с.
2. История отечественного государства и права: учебное пособие для семинарских занятий/ под ред. Т.Е. Новицкой – Ч. 2 – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 736 с.
3. Корчагина Т.В. Историко-правовые аспекты развития Российского законодательства об образовании/ Т.В. Корчагина // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2018. – С. 64-66.

4. Малышева О.Г. «Страна ввергнута в состояние ожесточенной братоубийственной войны и анархии». Речь Н.И. Астрова на заседании Московской городской думы 6 ноября 1917 г. / О.Г. Малышева, Е.А. Токарева // Исторический архив. – 2017. – № 6. – С.51-57.
5. Правовые основы российских революционных преобразований 1917 года: монография/ Д.А. Пашенцев, С.А. Боголюбов, Л.Л. Алексеева / Под ред. Д.А. Пашенцева, С.А. Боголюбова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 199 с.
6. Северухин В.А. Подходы к пониманию государственности/ В.А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (26). – С. 66-72.
7. Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. – 88 с.
8. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. По изданиям Н. С. Таганцева/ Под ред. П.Н. Якоби. – Рига: Книгоиздательство «Лета», 1922. – 1623 с.

Иванова Мария Геннадьевна,
к.ф.н., доцент кафедры политического анализа и управления
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

КОНЦЕПТ «ЗАКОНА»: ИСТОКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В данной статье рассматривается сущность и роль «социального бессознательного» в правоприменительной практике России. Согласно предлагаемой нами гипотезе основу правосознания составляют глубинные архетипические образы, о которых впервые системно стал говорить К.Г. Юнг[198]. Именно они формируют базовые модели человеческого поведения, в том числе, образы того, что представляет собой закон. Это, в свою очередь, фундаментальным образом отражается на правоприменительной практике.

Архетипы есть «извечные темы», которые выражают себя через символы, соответствующие конкретным народу, эпохе и ее ценностям. Одним из таких значимых архетипов культуры является, на наш взгляд, принцип законности, то есть наличие таких предписаний поведения, которые обязательны для исполнения с целью выживания большинства.

Вместе с тем образ закона у каждого народа имеет свои специфические черты и даже содержание: что является законом для одного народа – для другого может не представлять особой ценности. Однако сам принцип законности, его необходимость остаются важным элементом общества во все времена и эпохи.

[198] Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. — М.: Академический Проект, 2007. — 280 с.

Одно из ярких отражений коллективного бессознательного русского народа мы обнаруживаем в существовании двоякости образа закона. С одной стороны, существует определенный нигилизм и недоверие писанным законам со стороны большинства. С другой, понятие законности тесным образом оказывается связано с концептом «правды». В частности, мы обнаруживаем эту связь не только в мифологии, былинах, сказаниях (как одних из наиболее очевидных источников архетипической реальности), но и в самых первых уставах русских князей. Остановимся на этом тезисе более подробно.

Одним из первых источников, на который мы хотели бы обратить внимание, является «Голубиная книга», повествующая о борьбе на Руси «Правды и Кривды»[199]. *Правда* здесь показана как символ законности: например, когда *Правда* исчезает из мира, то становятся «беззакония великия»[200], и потому *Правда* здесь понимается, как закон, истина, но истина не внешняя, а внутренняя (внутреннего закона природы, наивысшего образца поведения). Согласно «Голубиной книге» *Правда* – это есть и справедливость, и добродетель, и высший закон[201] и потому, когда она покидает землю, люди начинают творить «Грехи тяжкие / Досады чинят отцу, матери / Убийства и тятбы деют страшныя…»[202]. Текст «Голубиной книги» наполнен тем символизмом, который впоследствии нашел отражение в философской идее противостояния в России двух начал: где образ Святой Руси, «самой лучшей земли на свете», оказывается противоположным реальной истории страны, «покрытой грехом», где «с начала времен» правит Кривда (то есть зло)[203].

Эта трагедия выражает себя на протяжении всей отечественной истории в антиномиях (греч. antinomia – противоречие закона самому себе, противоречие внутри закона), «означает реально существующую коллизию,

---

[199] Анализ этого памятника русской культуры подробно проведен, в частности, в монографиях А.А. Коринфского, А.Д. Синявского, И.А. Василенко и других авторов. Напр., см.: Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / сост. А.В. Буторов. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 734 с.; Синявский А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры / А. Д. Синявский. — М.: Аграф, 2001. — 464 с.; Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / под ред. проф. И.А. Василенко. — М.: Международные отношения, 2013. — 359 с.

[200] Топоров В.Н. «Голубиная книга»: состав мира и его распад / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1998. – С. 172 (С. 169 – 174) / [Электронный ресурс]. URL: http://inslav.ru/images/stories/pdf/1988_Etnolingvistika_teksta_%28Semiotika_malyx_form_folklora%29_Tezisy.pdf (Дата обращения 23.02.2020).

[201] Иванова М.Г. Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа: монография / М.Г. Иванова. — М. : ФЛИНТА, 2019. — С. 256.

[202] Топоров В.Н. «Голубиная книга»: состав мира и его распад // Этнолингвистика текста / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. – 1998. – С. 173.

[203] Как как отмечал Н.А. Бердяев, в России, как и в русском человеке причудливым образом сочетается «все самое прекрасное и самое уродливое и ужасное… Русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно охарактеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа». См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. — С. 15.

когда основные (преобладающие, господствующие) утверждения, а соответственно и действия, противостоят, взаимоисключают друг друга, но одновременно сосуществуют, так как имеют под собой объективную основу, взаимосвязи и взаимодействия которых поддерживаются значительными социальными, политическими и экономическими силами, крупными социальными группами, политическими или экономическими организациями и образованиями»[204].

Не отсюда ли такое извечное стремление русского человека «жить по правде», тогда как в реальности он соглашается на противозаконные действия, изменяя своему внутреннему устремлению, что, конечно же, причиняет ему и нравственные страдания, и необходимость нести ответственность, подобно Раскольникову в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». То есть в самой русской ментальности жизнь, не соответствующая Правде, наказуема и требует расплаты через символическое (или явное) очищение, преобразование человека. Так, С.М. Климова указывала на то, что «нравственное преображение», «избавление от греха» становятся важными темами не только русской литературы, но и выражают себя «в отношениях между человеком и государственной властью»[205]. Отсюда и такое специфическое для нашей культуры отношение к герою–грешнику и его страданиям.

Если говорить о национально-историческом мифе, то нельзя обойти вниманием «Повесть временных лет», в которой слово «закон» используется наряду с «обычаем». Также, неоднократно Нестор указывает на то, что есть некий «высший закон» (то, что и есть *правда*; то, что поддерживает Бог) и тот закон, который люди сами себе устанавливают (и потому он ложен): «Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон». При этом, согласно Нестору, «каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов», и законы у разных народов различаются, в зависимости от того, у кого какие обычаи[206]. Примечательно, что в том же источнике упоминается и слово «правда», в значении нравственного, правильного, и как синоним внутренней истины: «…и не было среди них правды», «призвав Бога в свидетели своей правды…» и т.п.[207]

Архетип Законности выражен также в древних законодательных актах, например, в кодексе Ярослава Мудрого, само название которого архетипично

---

[204] Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — С. 37.

[205] Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе: к теоретической постановке проблемы // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). — 2011. — № 3. — С. 29—30.

[206] Нестор Повесть временных лет. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.net/books/letopisec_nestor/povest_vremennih_let/read (Дата обращения 23.02.2020).

[207] Там же.

– «Русская Правда», в уставах первых русских князей. Также в хрониках XVI века Московское царство изображается как «государство Правды на Земле».

В монографии А.А. Зимина «Правда русская»[208] отдельно исследуется происхождения концептов закона и правды в правоприменительной практике государства на ранних стадиях своего развития. Автор справедливо отмечает, что *правда* чаще соотносилась с истиной, праведным законом, а, собственно, слово «закон» использовалось либо в описании обычаев, которые существуют у других народов, либо было связано с неким привнесенным правилом, несоблюдение которого жестоко наказывалось (тогда как за несоблюдение *правды* наказывал сам Бог).

Эту же идею мы встречаем в работе А. Безансона, который отметил, что у русских власть основана на жестоком законе, требующем жертвенности. Именно с этим обстоятельством он связывал непрекращающиеся мятежи и восстания[209].

Следующее обстоятельство, заслуживающее внимания, состоит в том, что власть в России исторически носила личностный характер (что, в частности, системно обосновала в своем исследовании И.А. Василенко[210]), и это частично дискредитировало сам принцип Закона (который часто воспринимался как нечто несправедливое, тяжкое бремя, чем и обосновывались народные восстания – например, случаи с Е. Пугачевым и Петром III Федоровичем).

Интересно, что закон в России, в отличие от правды, всегда был обезличен, пусть бы он и исходил от людей, но воспринимался как некое абстрактное правило, без корней (т.е. без конкретной Личности, которая стоит за ним): «У нас всегда были склонны искать в должностном лице человека и, не найдя, впадали в отчаяние... На само государство посему смотрели, как на врага, на которого не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, обворовывать, обещания, данные государству, можно не выполнять, с ним можно бороться»[211]. Отсюда и некая двуликость правового поведения, связанная с одной стороны, с праведностью, с другой – с возможностью не соблюдать светские законы.

Двуликость России, по Г.Д. Гачеву, проявляется и в самом расчленении народа и государственной власти, между которыми, согласно ученому, пролегает вечная пропасть, словно это два «разных мужика» – один для души, другой для того, чтобы был закон и порядок: «Россия = Мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство–Кесарь. И оба

---

[208] Зимин А.А. Правда русская / А. А. Зимин / М-во юстиции РФ. Рос. правовая акад. и др. – М.: Древлехранилище, 1999. – 421 с.

[209] Безансон А. Убиенный царевич: русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение / А. Безансон. – М.: МИК, 1999. – 208 с.

[210] Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / под ред. проф. И.А. Василенко. – М.: Международные отношения, 2013. – 359 с.

[211] Касьянова К. О русском национальном характере. Цит. по: Квакин А.В. Архетип и ментальность в контексте истории / [Электронный ресурс]. URL: http://akvakin.narod.ru/ Documents/svoi.pdf (Дата обращения: 08.03.2020).

начала ей необходимы... Недаром в русском романе при ней два героя, что реализуют эти ипостаси. При Татьяне — Онегин (Воздух, беглый, охотник по перемене мест) – и Генерал, князь. При Анне – солдат Вронский, что не вьет гнезда, и министр Каренин...»[212]. В этой интуиции Г.Д. Гачев, на наш взгляд, очень даже и прав, Россия часто воспринимается как страна противоречий, где душевность и человечность соседствует с суровым законом безликой жесткой власти.

Этот же тезис отмечают: и В.Н. Гуляхин, сравнивая русскую идею справедливости с «исканием царства правды», причем правды выстраданной, за которую «живота своего не жалко»[213]; и Е.Н. Трубецкой, исследовавший на примере народной сказки матрицу общественно-политической жизни русского народа[214]; и Б.П. Вышеславцев[215] и др. Остро вопрос правды поднимается у Ф.М. Достоевского, В. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и др.

Так или иначе понятие «правды» стало одним из ключевых не только для отечественной философии и культуры, но и естественным образом отложило отпечаток на восприятии закона.

Исследованные в данной статье источники позволяют нам сделать вывод о важности для отечественной ментальности концепта правды, который на самом деле и отражает архетип Закона, как такой истины, с которой человек соглашается без споров, которую он готов соблюдать, потому что она исходит изнутри него самого, а потому изначально личностна и к личности же и обращена. Закон в том смысле, как он используется в современном праве, как некая норма поведения, зафиксированная в нормативно-правовом акте – это понятие для коллективного сознания россиян звучит, как абстрактное и часто не понятное русскому человеку – как будто от него что-то требуют, к чему-то призывают, но он не понимает, для чего это ему и потому не стремится исполнять.

Что же стоит за понятием правды для русского человека? Как правило, сама этимология слов помогает в раскрытии их исконного значения. Так, понятие «правда» связано с такими словами, как «прямой», «правильный», а также значениями – «честный, справедливый, поступающий по совести». Как отмечает Ю.С. Степанов, центральным становится рассмотрение в русской культуре правды как истины, которая понимается двояко: «как закон, положенный (“прочерченный”) человеку извне, в виде предписаний, правил и ритуала, – истина, и как образец поведения, как норма, исходящая изнутри человека, – правда. Носителем истины является установленный порядок,

[212] Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г. Д. Грачев. – М.: Академия, 1998. – С. 218.
[213] Гуляхин В.Н. Правовой менталитет российских граждан / В. Н. Гуляхин // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 4. – С. 108–133;
[214] Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Н. Трубецкой // Литературная учеба. – 1990. – № 2. – С. 100–118.
[215] Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 112–114.

закон; носителем правды – образцовый человек, за которым можно следовать по внутреннему побуждению»[216]. Таким образом, *Правда* оказывается больше связана с личностью и ее поведением, а *Закон* – это истина, которая приходит к человеку извне. И только если закон истинен, тогда он становится правдой, то есть интериоризируется, принимается как внутреннее правило поведения.

При этом правда для русского человека может отличаться от правды японца, американца, француза и т.д. Не в этом ли высший идеал любого закона?!

Сказанное только частично приоткрывает завесу тайны того, каковы истоки архетипического восприятия *Закона* в ментальности русского народа. Это отражается и на правоприменительной практике. Получается, что законы много пишутся, но россиянин старается жить «по правде», «по совести», тогда как не каждый писанный закон этой совести соответствуют, в них между строк читается несправедливость, чья-то выгода, либо в них отсутствует прозрачность, понимание.

Поскольку сложно в одной публикации прийти к какому-то единому решению, мы предприняли попытку больше привлечь внимание коллег и экспертов к той гипотезе, согласно которой законы либо соответствуют внутренней архетипической реальности этноса или тому, что можно назвать «совестью» или «правдой» народа, либо нет. И те законы, которые не соответствуют, то их не только не понимают, не принимают, но попросту остаются к ним невосприимчивыми. Эта гипотеза, конечно же, требует, на наш взгляд, своей дополнительной проверки и подтверждения в практике как законотворческой, так и правоприменительной.

Литература

1. Безансон А. Убиенный царевич: русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение/ А. Безансон – М.: МИК, 1999. – 208 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма/ Н.А. Бердяев – М.: Наука, 1990.
3. Василенко И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И.А. Василенко // Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта /под ред. проф. И.А. Василенко. – М.: Международные отношения, 2013. – 359 с.
4. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер/ Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 112–114.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций/ Г.Д. Гачев – М.: Академия, 1998.

[216] Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 455–461, 463.

6. Гуляхин В.Н. Правовой менталитет российских граждан/ В.Н. Гуляхин // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 4. – С. 108–133.
7. Зимин А.А. Правда русская / А.А. Зимин //М-во юстиции РФ. Рос. правовая акад. и др. – М.: Древлехранилище, 1999. – 421 с.
8. Иванова М.Г. Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа: монография / М.Г. Иванова. – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 256.
9. Касьянова К. О русском национальном характере. Цит. по: Квакин А.В. Архетип и ментальность в контексте истории / [Электронный ресурс]. URL: http://akvakin.narod.ru/ Documents/svoi.pdf (Дата обращения: 08.03.2020).
10. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А.А. Коринфский// Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа /сост. А.В. Буторов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 734 с.
11. Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия: курс лекций/ А.Е. Лукьянов / Ч. I. Становление китайской философии. Лекция 3. Архетипы культуры Дао. – М.: ИДВ РАН, 2012.
12. Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе: к теоретической постановке проблемы/ Н.Н. Мельникова // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2011. – № 3. – С. 29–30.
13. Нестор Повесть временных лет. Электронный ресурс (URL: http://modernlib.net/books/letopisec_nestor/povest_vremennih_let/read, дата обращения 23.02.2020).
14. Руткевич А.М. Жизнь и воззрения Юнга/ А.М. Руткевич // Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 21.
15. Синявский А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры/ А.Д. Синявский – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
16. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры/ Ю.С. Степанов – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
17. Топоров В.Н. «Голубиная книга»: состав мира и его распад / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1998. – С. 172 (С. 169 – 174) / [Электронный ресурс]. URL: http://inslav.ru/images/stories/pdf/1988_Etnolingvistika_teksta_%28Semiotika_malyx_form_folklora%29_Tezisy.pdf (Дата обращения 23.02.2020).
18. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества/ Ж.Т. Тощенко – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
19. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке/ Е.Н. Трубецкой // Литературная учеба. – 1990. – № 2. – С. 100–118.
20. Шри Ауробиндо. Собр. соч. – Т. 2. Тайна Веды: пер. с англ. – СПб.: Адити, 2004.
21. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени/ К.Г. Юнг – М.: Академический Проект, 2007. – 280 с.

Ивардава Левани Индикоевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОВЫХ СЕГМЕНТОВ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Распространение цифровых технологий определяет векторы развития экономики и общества и уже не раз приводило к существенным изменениям в жизни людей. В будущем эффективное использование новых технологий, формирование необходимой инфраструктуры и правовой среды для цифровизации определит место государств в мировой экономике.

Во многих странах, в том числе и в России, на современном этапе формирования цифровой экономики характерно активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества. При этом еще не сложилась полноценная правовая база и механизмы регулирования, что сдерживает развитие цифровой экономики и возможности реализации позитивных эффектов.

В большинстве стран действуют национальные стратегии и программы цифровизации экономики и общества. Цели и задачи стран в целом схожи, но способы реализации могут разниться. Некоторые инициативы являются частью более широкой наднациональной инновационной политики (например, стратегии цифрового развития стран ЕС согласуются с общеевропейской цифровой повесткой).

Цифровая экономика рассматривается как совокупность общественных отношений, которые складываются на основе использования электронной инфраструктуры, электронных технологий и услуг, технологий прогнозирования и анализа больших объемов информации с целью оптимизации обмена, распределения, производства, роста уровня социально-экономического развития страны[217].

Сегодня отмечается необходимость формирования различных сфер цифровизации экономических отношений (электронная торговля,

[217] Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года. [Электронный ресурс]. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf. (Дата обращения: 15.02.2020).
Следует отметить, что термин «цифровая экономика» был закреплен в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/ (Дата обращения: 15.02.2020).

использование криптовалют, электронные расчеты, системы искусственного интеллекта и распределения данных и т.д.)[218].

В настоящее время все процессы цифровизации национальной и международной экономических систем нуждаются в постоянном правовом совершенствовании, регулировании, отсутствие которого неизбежно приводит к возникновению целого ряда проблем, лежащих вне законодательных границ их решения[219].

Цифровизация экономики, внедрение новых технологий в различные сферы деятельности человека требует значительного правового регулирования и регламентирования. Сфера правового регулирования, по верному замечанию В.В. Лазарева, это правовая форма определенной совокупности социальных обстоятельств и факторов, общественных отношений, объективная реальность, которая оказывает значительное влияние на функционирование, структуру законодательства и права[220]. Правовое регулирование цифровой экономики, в которую вовлечены новые общественные отношения, прежде или не требующие правового регулирования, или не существующие вовсе. Сфера правового регулирования цифровой экономики требует включение в законодательную область новых отношений.

На сегодняшний день ни в одной стране мира полностью государственное регулирование отношений в сфере регулирования цифровой экономики пока еще не сформировано.

Необходимость создания специальной нормативно-правовой базы регулирования специфических отношений, возникающих как результат цифровизации экономики отражены в целом ряде программных документов[221].

---

[218] Алексеев И.В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития электронного взаимодействия [Текст] / И.В. Алексеев // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы X Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — № 4 (10). — С. 42–45.

[219] Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 196–209. Они же. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 100–108.

[220] Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. – Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. – М., 2010. – С. 233.

[221] Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СПС КонсультантПлюс; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01 декабря 2016 года «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 02-08.12.2016 – № 45.; Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 05 декабря 2016 года № Пр-2346) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://kremlin.ru/.

Сегодня можно выделить несколько групп проблем, которые требуют разработки новых правовых механизмов регулирования различных элементов цифровой экономики:

1. Большие данные и проблемы их законодательного регулирования. «Большие данные» («Big data») является одним из наиболее главных явлений цифровой экономики. При рассмотрении больших данных наиболее остро стоит вопрос обеспечения защиты частной жизни и безопасности информации. В эпоху цифровой экономики ключевым объектом новых формирующихся отношений становятся различные данные (сведения, информация, наборы данных, информационные активы, вычислительные данные). А.И. Савельев отмечает, что информация приобретает свою значимость и ценность не в «сыром», а обработанном виде[222]. Под особое правовое регулирование они подпадают только когда становятся персональными. Важно разработать четкие параметры отнесения данных к той или иной категории.

2. Облачные вычисления и проблемы их правового регулирования. Важным является определение показателей для установления права, которое подлежит к применению к формирующимся правоотношениям, разрешение юрисдикционных вопросов, так как правоотношения в сфере применения облачных вычислений часто осложнены иностранным элементом. Недостаточно урегулированными являются и вопросы правового обеспечения трансграничной передачи информации с помощью облачных вычислений.

3. Технологии блокчейн, криптовалюты и проблемы их правового регулирования. Как показывает анализ тенденций правового регулирования в различных странах цифровая валюта в основном признается альтернативой валютам разных стран[223]. Правовое регулирование оборота криптовалют должно происходить только при тщательном анализе и полном понимании специфики регулирования этой сферы, а также ее возможных сложностей и угроз.

4. Организация «интернета вещей» и проблемы правового регулирования правоотношений в этой области. Вопросы нового определения правосубъектности связаны с использованием интернета вещей, в условиях, когда, оснащенные определенным техническим инструментарием, вещи, могут производить весь спектр требуемых взаимодействий и операций без участия людей, что имеет прямую зависимость с использованием искусственного интеллекта и похожих технологических средств. Организация интернет вещей сопровождается

[222] Савельев А.И. Влияние современных информационных технологий по обработке «Больших Данных» (Big Data) на защиту частной жизни при трансграничной передаче персональных данных: Зарубежный и российский опыт // презентация / [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.hse.ru/data/2014/11/29/1104568120/Big%20Data.%20презентация.pdf. (Дата обращения: 08.03.2020).

[223] Bitcoins and the law: what's the position? 2014. Lawyer 2B. P. 4.

постоянным приростом и накоплением данных, которые не относятся к чисто технической сфере, т.к. она способна при определенных условиях приобрести идентифицирующие свойства, значимость, ценность и проблемы, которые проявляются при использовании больших данных.

5. Внедрение технологий машинного обеспечения и искусственного интеллекта и проблемы его правового регулирования[224]. Искусственный интеллект рассматривается как деятельность машин (информационных комплексных систем), разработанных человеком. Они за пределами фиксированных программных инструментов могут быть активными, и в рамках конкретной задачи имеют возможность принимать решения с использованием распознавания речи, визуального восприятия и т.д., а также базируются на методах машинного обучения (использование алгоритмов, которые позволяют выводить из анализа больших массивов данных собственные правила принятия решений)[225].

Сегодня до разработки и принятия законопроектов, направленных на регламентирование различных сфер общественных отношений, затронутых цифровизацией экономики, сложно провести оценку последствий правовых изменений и их влияния на национальную цифровую экономику.

Литература

1. Bitcoins and the law: what's the position? 2014. Lawyer 2B.
2. Алексеев И.В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития электронного взаимодействия [Текст] / И.В. Алексеев // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы X Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — № 4 (10).
3. Залоило М.В. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 2.
4. Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. – Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. – М., 2010.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019.
6. Пашенцев Д.А. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой

[224]Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020. – С. 149–155.

[225] Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф. В. Ужов // Проблемы в российском законодательстве // Юридический журнал. – 2017. – С.357-360.

аспект / Д. А. Пашенцев, М.В. Залоило // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4.
7. Савельев А.И. Влияние современных информационных технологий по обработке «Больших Данных» (Big Data) на защиту частной жизни при трансграничной передаче персональных данных: Зарубежный и российский опыт // презентация / [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.hse.ru/data/2014/11/29/1104568120/Big%20Data.%20презентация.pdf. (Дата обращения: 08.03.2020).
8. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. – М., 2020.
9. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф. В. Ужов // Проблемы в российском законодательстве // Юридический журнал. – 2017.
10. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Иванюк Оксана Александровна,
к.ю.н., старший научный сотрудник отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства Института
законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

РОБОТИЗАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[226]

Технологии роботизации, основанные на применении цифровых наборов данных (большие данные, машинное обучение, распределенные реестры, роботизация, «умные вещи» и «умные города», беспроводная связь, облачные технологии и когнитивные технологии, виртуальная и дополненная реальности), пронизывают все уровни публичного управления[227].

В правоприменении тенденции роботизации проявляются на всех его стадиях. Установление юридических фактов и обстоятельств конкретного случая или запроса, квалификация соответствующего случая с выбором применимых к нему правовых норм, а также принятие, оформление правоприменительного решения и доведение его до адресата – осуществляются в современных условиях с преимущественным (в отдельных случаях и полным) использованием возможностей информационных

[226] Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий»
[227] Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 13.

технологий, часть из которых осуществляется в автоматическом роботизированном режиме.

В ходе правоприменения юридические предписания начинают проявляться в реальных общественных отношениях, которые проверяют нормы на эффективность. Роботизация оказывает как внешнее влияние на правоприменительную деятельность (заключается в возможности использования цифровых источников информации и новых технологий поиска сведений и выявления правонарушений), так и более глубокое внутреннее влияние (заключается в изменении структуры и содержания самих правоприменительных действий, трансформации их из аналоговых в роботизированные).

При этом упрощение при помощи инструментов роботизации действий по поиску, изготовлению юридически значимых документов, систематизации и передачи информации имеет и «обратную сторону медали» – происходит не учитывающая необходимую специфику всех обстоятельств каждой жизненной ситуации «стандартизация» правоприменительных решений.

Таким образом, роботизация становится как неотъемлемым благом современного уровня развития технологий во всех областях деятельности человека, в том числе в правоприменении, так и своего рода причиной «автоматичности» принимаемых решений и формулировок, которые в конечном итоге могут привести к потере необходимой качественной проработанности принимаемых решений, к потере «человечности» и автоматической формализованной типизации происходящих в правовом пространстве явлений.

Рассмотрим далее особенности использования цифровых технологий, часть из которых роботизирована, в правоприменении на примере судебного правоприменения.

Законодательно предусмотрена возможность направления документов в суд в электронной форме. Так, на основании положений части 1.1 статьи 3 ГПК РФ как исковое заявление, так и иное заявление, представление, жалоба и иные документы могут быть поданы в суд в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, заверенного электронной подписью в установленном законодательством порядке, посредством заполнения на официальном сайте суда в сети «Интернет» соответствующей формы в роботизированном режиме.

В пункте 1.4 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа[228] представлено определение электронного документа в целях указанного Порядка как особого созданного в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе документа,

[228] Утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 г. № 251.

подписанного электронной подписью в установленном законодательством порядке. При этом электронный документ предписывается изначально формировать в электронном формате без подготовительного его составления на бумаге (п. 2.3.1 Порядка).

Согласно пункту 4.7 рассматриваемого Порядка прием, регистрация, а также учет поступивших в электронном виде документов производятся в порядке, аналогичном приему, регистрации и учету документов на бумажном носителе с определенными особенностями, которые могут быть предусмотрены используемыми в судебном делопроизводстве инструкциями.

Повышению прозрачности правосудия в современной России способствует также внедрение возможностей «цифрового судебного заседания».

В частности, на основании части 1 статьи 15.1 Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» с разрешения суда в соответствии с процессуальным законодательством (п. 7 ст. 11 АПК РФ, п. 5 ст. 11 Кодекса административного судопроизводства РФ, п. 7 ст. 10 ГПК РФ, п. 5 ст. 241 УПК РФ) допускается трансляция в сети «Интернет», а также по телевидению и радио открытого судебного заседания. Данные способы трансляции открытого судебного заседания Конституционного Суда России допускаются статьей 54 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Лицам, которые являются участниками производства по делам об административных правонарушениях, а также гражданам, которые присутствуют при открытом рассмотрении дел об административном правонарушении, предоставлено право как в письменной форме, так и с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход рассмотрения соответствующего дела об административном правонарушении. На основании разрешения судьи или органа, должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, может производиться трансляция открытого рассмотрения дела об административном правонарушении в сети «Интернет», а также по телевидению или радио (ч. 3 ст. 24.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Концепция информационной политики судебной системы рассматривает в качестве информатизации судебной системы России осуществление комплекса различных мероприятий нормативного правового, организационного, научного и иного характера, целью которых является достижение гармонизации отношений между судебными органами и обществом, доведение до сведения участников общественных отношений особенностей проведения судебной реформы, провозглашение базовых идей

правосудия, а также на обеспечение беспристрастного отражения судебной деятельности в СМИ.

Можно согласиться с мнением, что, например, применительно к гражданскому процессу цифровые технологии как средства ускоряющие и упрощающие взаимодействие между его участниками, должны способствовать повышению его эффективности, более быстрому и качественному достижению ее результата – рассмотрению и разрешению конкретного гражданского дела[229].

При этом при рассмотрении судами дел, связанных с применением цифровых технологий или соответствующих категорий в общественных отношениях, происходит формирование судебных позиций, которые могут использоваться в целях понимания перспектив развития таких отношений, а также для выработки основанных на практических примерах предложений по совершенствованию правового регулирования.

В ряде случаев именно суды при разрешении конкретного дела с учетом всех его обстоятельств (в том числе с использованием роботизированных механизмов судебного правоприменения) имеют возможность выработки таких правоположений правоприменительной практики, которые впоследствии могут стать образцом для разрешения аналогичных дел, а также основой для принятия соответствующих законодательных решений.

Актуальным является вопрос применения в судебной практике «электронных» доказательств. Так, предполагается, что в системе уголовно-процессуальных доказательств «электронные» доказательства в перспективе должны заменить собой письменные процессуальные документы; при этом по мнению ученых не следует вводить в законодательство новый вид «электронного» доказательства, так как электронная информация в зависимости от ее носителя, формы выражения и методики поиска необходимых сведений может быть представлено как одно и традиционных доказательств: вещественного доказательства, заключения эксперта (специалиста), документа (протокола), иного документа[230]. В судебной практике также поддерживается возможность рассмотрения судом «электронных» доказательств в качестве доказательств[231] и, в частности, письменных доказательств[232].

---

[229] Незнамов А.В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства / А. В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 9. – С. 53-57; Лаптев В.А. Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 56-59.

[230] Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 695-707. О применении цифровых технологий в криминалистике см., например: Гриб В.Г., Тюнис И.О. Криминалистика и цифровые технологии / В. Г. Гриб, И. О. Тюнис // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 9-12.

[231] См., напр.: Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации РФ от 12 ноября 2013 г. № 18002/12 по делу № А47-7950/2011.

[232] См., напр.: Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 5 апреля 2012 г. № 16311/11 по делу № А40-7557/11-152-86.

С учетом вышеизложенного возможно сформулировать следующие основные выводы о тенденциях роботизации в правоприменении.

В правоприменении использование возможностей роботизации облегчает многие процессы: поиск и обобщение информации, выбор применимых к ситуации правовых норм, анализ аналогичных и схожих случаев из практики, квалификации правонарушений, формализация результатов анализа и итогового решения правоприменительного органа, направление его адресату и опубличивание в установленных законом порядке.

При этом роботизация в настоящее время позволила, с одной стороны, значительно упростить процессы поиска и обобщения информации, оформления документов и обеспечения оперативной коммуникации, а с другой стороны – создала риск упрощенного подхода (формализации) к разрешению каждой жизненной ситуации, что может привести к упущению важных обстоятельств конкретного случая и значимых характеристик личности гражданина.

С учетом указанного, цифровизация и используемые в ее целях роботизированные технологии одновременно относятся как к благам и инструментам значительного повышения эффективности правоприменительной деятельности и публичного управления в целом, так и к рисковым факторам современного общества и государства.

Предотвращение возможных негативных эффектов цифровизации является одним из основных ориентиров в дальнейшем формировании объективных предпосылок для полной трансформации аналогового правоприменения в цифровое (в том числе роботизированное) правоприменение.

Литература

1. Гриб В.Г. Криминалистика и цифровые технологии / В. Г. Гриб, И. О. Тюнис // Российский следователь. – 2019. – № 4.
2. Лаптев В.А. Электронные доказательства в арбитражном процессе/ В.А. Лаптев // Российская юстиция. – 2017. – № 2.
3. Незнамов А.В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства / А. В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 9.
4. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств / П. С. Пастухов // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1.
5. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Игнатьева Марина Валерьевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права РГПУ
им. А.И. Герцена

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

Нарушения прав человека, происходящие во всем мире, какие бы масштабы они не приобретали, самым разрушительным образом влияют на любое общество, любого государства. В настоящее время нарушения прав признаются во всем мире и влияют на развитие общества и государства в целом.

Несмотря на огромное число международных соглашений, которые направлены на защиту прав человека, заключенных как на международном уровне, так и на национальном, ситуация в этой сфере не всегда складывается надлежащим образом. Остро стоит вопрос и об эффективности соблюдения норм, а также механизмов защиты прав человека[233].

С момента принятия Всеобщей декларации прав человека, многое изменилось, разработано и принято огромное число документов в этой сфере. Нужно отметить, что первоначально вопросы прав человека были внутренним делом каждого государства, с течением времени ситуация менялась и государства перешли к сотрудничеству в этой области, что позволило более функционально решать вопросы о нарушении прав человека.

Чуть позже были приняты еще два документа, которые закрепили обязательность для подписавших их государств гарантировать и соблюдать права человека (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Факультативный протокол к нему 1966 г.).

Международные пакты являются основополагающими международными документами по защите прав и основных свобод человека. С течением времени ООН и ее специализированные учреждения разработали ряд механизмов для защиты прав человека.

Однако, как утверждают ученые ситуация в этой сфере, в некоторых странах, носит катастрофический характер. Все это не может не вызывать беспокойства в современных условиях.

---

[233] Менгазов Л.Х. Некоторые проблемы эффективности защиты прав человека в международном и российском праве / Л. Х. Менгазов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти. – 2012. – № 2(76). – С. 126.

Существующий Институт уполномоченного по правам человека и институт по правам ребенка, как известно, создавался для того, чтобы механизм защиты прав граждан оказывался приоритетным при решении всего комплекса проблем. В реальности все обстояло совсем иначе, в настоящее время этот институт не является настолько авторитетным и влиятельным в данных вопросах.

Общеизвестным является и тот факт, что сфера прав и свобод человека и гражданина — это камень преткновения в обществе в каждом государстве. Защита и защищенность граждан в любом государстве зависит от социального, политического и экономического уровня государства, а также стабильности общества.

Таким образом, решение всех проблем в сфере нарушения прав и свобод граждан, зависит от активного развития механизмов защиты этих прав. Нужно отметить и тот факт, что в основном, все зависит от каждого государства и его гарантии прав, а также от уровня защиты прав и свобод человека и гражданина. Все эти условия исторически складываются на протяжении времени в каждом обществе и закрепляются во внутригосударственных нормах и на международном уровне.

Если обратиться к России, то у нас действует механизм защиты прав человека, который постоянно меняется и совершенствуется благодаря появлению новых должностей и органов, которые необходимы для соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время во всем мире остро встал вопрос об эффективности соблюдения и реализации законодательства в области защиты прав человека.

Так, например, в России основной причиной этого является проблема во внутренних правовых механизмах в сфере прав человека[234]. Существует ряд недостатков, при которых не все обязательства могут быть выполнены на надлежащем уровне. Еще одной явной проблемой является и то, что Российское законодательство и практика его применения очень медленно приводятся в соответствие с европейскими стандартами. И прежде всего это касается отраслевого законодательства.

Одной из наиболее важных проблем является вопрос об универсальности прав человека. Основой прав человека являются общепризнанные принципы и нормы о правах человека, которые образуют стандарты в этой сфере. Стандарты представляют собой основное содержание принципов права, которые присущи как международному, так и внутреннему праву.

Вопрос сотрудничества тоже является одним из основных элементов для эффективности правового регулирования международной системы прав человека. Сотрудничеству государств в области соблюдения и защиты прав человека предшествовало несколько этапов.

Одним из первых этапов стало создание и выработка рамочных общих

---

[234] Курскова Г.Ю. Система защиты прав и свобод человека в Российской Федерации / Г. Ю. Курскова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2009. – № 11. – С. 41.

положений. Стандарты по правам человека развивались по мере того, как происходило сближение взглядов по осуществлению и защите прав человека государствами - членами ООН[235].

Важным этапом в деятельности ООН по защите прав человека стало создание по решению Совета Безопасности ООН Международного уголовного суда, а также Международных трибуналов. Этот шаг устранил пробел, который связан с индивидуальной международно-правовой ответственностью за нарушение прав человека.

Немало важным является и региональное сотрудничество государств в сфере защиты прав человека. Главной проблемой в сотрудничестве государств является установление контроля в сфере защиты прав и свобод граждан.

Таким образом, можно сделать вывод, что все государства, в том числе и Российская Федерация, признают необходимость и глобальность этого вопроса на международном уровне в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

Также видится необходимым повышать уровень и эффективность сотрудничества в области прав человека, так как постоянно появляются угрозы населению различных государств, а для решения различных вопросов необходимо слаженное и быстрое реагирование, которое бы позволяло избегать различных ситуаций в этой сфере.

Литература

1. Дорская А.А. Универсальные международно-правовые стандарты в обеспечении прав человека и правовые традиции России / А. А. Дорская // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – С. 133-138.
2. Курскова Г.Ю. Система защиты прав и свобод человека в Российской Федерации / Г. Ю. Курскова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2009. – № 11. – С. 38-49.
3. Менгазов Л.Х. Некоторые проблемы эффективности защиты прав человека в международном и российском праве / Л. Х. Менгазов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти. – 2012. – № 2(76). – С. 126-134.

[235] Дорская А.А. Универсальные международно-правовые стандарты в обеспечении прав человека и правовые традиции России / А. А. Дорская // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – С. 134.

Ильин Николай Сергеевич,
преподаватель гуманитарно-правового колледжа
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Изображение гражданина является средством его идентификации в обществе и правоотношениях. Кроме того, оно является его неотъемлемой чертой, присущей с рождения. Правовая охрана, порядок использования изображения гражданина регулируются, как правило, нормами гражданского законодательства.

В последние несколько десятилетий государства уделяют повышенное внимание к правовой охране изображения несовершеннолетних граждан[236]. Прежде всего это связано с обеспечением их безопасности, а также созданием комфортных условий для жизни[237].

В свою очередь право гражданина на изображение следует отнести к личным неимущественным правам, не связанным с имущественными, что связано с регулированием такого права главой 8 «Нематериальные блага и их защита» Гражданского кодекса РФ, а само изображение гражданина является объектом гражданских прав.

Согласно Декларации прав ребёнка 1959 г., охрана несовершеннолетних граждан, их прав должна быть предметом особой государственной и международной защиты. В связи с этим в современных правовых государствах существуют механизмы охраны несовершеннолетних, а также механизмы, обеспечивающие реализацию их прав.

Так, согласно статье 152.1 Гражданского кодекса РФ, использование изображения гражданина допускается только с его согласия (устного или письменного) или в результате совершения конклюдентных действий, и на основании пункта 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» является сделкой по смыслу статьи 153 ГК РФ. Порядок использования изображения физического лица в целях рекламы, агитации, пропаганды, а также в иных корыстных целях регулируется соответствующими специальными федеральными законами.

Поскольку несовершеннолетние граждане являются участниками гражданских правоотношений, следует рассмотреть объем их дееспособности в рамках указанных отношений. Гражданское законодательство содержит перечень сделок, в которых могут принимать

[236] Звонарева Н.А. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020.- С. 88.

[237] Ступина С.А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение / С. А. Ступина // Эпоха науки. – 2018. – № 16. – С. 62-67.

участие несовершеннолетние лица в возрасте от шести до восемнадцати лет. Однако, данный перечень не охватывает случаев, связанных с разрешением использования несовершеннолетним своего изображения. Следовательно, такое согласие могут дать только его законные представители.

Изображение гражданина относится к биометрическим персональным данным, позволяющим идентифицировать гражданина, следовательно, их правовая охрана регламентируется Федеральным законом «О персональных данных». Также представляется разумным, что согласие на обработку таких персональных данных несовершеннолетнего должны давать его законные представители, за исключением случаев трудовых отношений, в которых в качестве работника участвуют несовершеннолетние граждане в возрасте от шестнадцати лет.

Законодательством установлены ограничения использования изображений несовершеннолетних лиц.

Федеральный закон «О рекламе» запрещает использование образов и изображений несовершеннолетних в рекламе товаров военного назначения, алкогольной продукции, иных товаров и услуг, не предназначенных для потребления несовершеннолетними.

Закон РФ «О средствах массовой информации» запрещает опубликование изображения несовершеннолетнего гражданина в СМИ без согласия его законных представителей. Особое внимание уделяется запрету на публикацию изображений несовершеннолетних, пострадавших в несчастных случаях и в результате противоправных деяний. Однако, при этом допускается разглашение информации о несовершеннолетнем лице, пострадавшем в результате совершения в отношении него преступления против половой неприкосновенности, в пределах информации, необходимой для помощи в расследовании дела или изобличении преступника. Также разрешается публикация изображений несовершеннолетних преступников с целью информирования общественности.

В СМИ время от времени возникает необходимость подготовки новостных выпусков, статей с изображениями несовершеннолетних, при этом сами несовершеннолетние не всегда могут быть объектом репортажа. С целью защиты изображения несовершеннолетних граждан используются различные технические средства, затрудняющие их идентификацию, в том числе и создающие эффект размытости изображения.

Законодательство о выборах и референдуме также устанавливает запрет на привлечение несовершеннолетних к участию в агитационной деятельности, в том числе на использование изображения таких лиц в целях предвыборной агитации и пропаганды. Однако данный запрет существует лишь в отношении тех граждан, которые не достигли ко дню голосования возраста 18 лет.

За неправомерное использование изображений несовершеннолетних виновных лиц действующее законодательство позволяет привлечь как к гражданско-правовой, так и к административной ответственности.

Вопросам правовой охраны изображений детей также посвящены и нормы Уголовного кодекса РФ. Уголовное законодательство предусматривает наказания за преступления, связанные с изготовлением и оборотом порнографической продукции с участием несовершеннолетних граждан.

Правовая охрана несовершеннолетнего гражданина является одной из значимых проблем в области защиты прав детей. На государство и общество возложены обязанности по воспитанию и защите детей, обеспечения им комфортного существования и иных условий, связанных с их физическим и нравственным развитием. Наличие реальных механизмов правовой охраны права несовершеннолетнего на изображение свидетельствует о правовой и социальной природе государства, способствует укреплению моральных и этических устоев общества.

Литература

1. Звонарева Н.А. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. - С. 88-92.
2. Ступина С.А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение / С. А. Ступина // Эпоха науки. – 2018. – № 16. – С. 62-67.

Кадырова Ленара Алишеровна,
аспирантка заочного отделения кафедры теории права и гражданско–правового образования: 12.00.01 ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. И ИХ НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения»

Кризис в сфере религиозных преступлений в Российской империи был связан с огромным потоком законодательных актов, норм морали и обычаев, которые существовали параллельно друг от друга, независимо от реалий общественной жизни. В XIX веке огромное влияние на развитие уголовного

права повлияли церковные каноны. Именно нормы церковного права давали определения преступным деяниям в сфере религиозных преступлений.

М.Е. Красножен (специалист по церковному праву) утверждал, что в полномочиях церкви самого начала находилось очень много уголовных дел разного вида (преступления против веры и церкви, преступления против семейного союза, личные обиды и т.д.), и не имело значения кем, было совершено преступное деяние: служителями церкви или мирянами, дело рассматривалась канонами церковного права и церковным судом.

Только лишь в 1649 году впервые была закреплена глава «О богохульниках и церковных мятежах» в светском источнике (Сборное Уложение 1649 года). В дальнейшем в Уложении 1845 года также была посвящена глава преступлениям против религии, которая называлась «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих веру оную постановлений». [238]

Кризисное явление в уголовном праве Российской империи в отношении религиозных преступлений состояло ещё в том, что проблемы, возникающие в данной отрасли, не изучались учёными-юристами. Л. С. Белогриц-Котляревский, С.Н. Таганцев утверждали, что вопрос о преступлениях против религии является наименее изученной частью уголовного права.[239]

В 1845 году Н.С. Таганцев писал, что все статьи в Уложении о наказаниях, посвящённые преступлениям против религии, основываются на нормах канонического права. При составлении Уложения о наказаниях 1845 года к каждой отдельной категории религиозных преступлений внесли целый ряд частных случаев, что привело к излишней конкретике и в результате вместо тридцати семи статей оказалась восемьдесят одна статья. [240]

Глава, посвящённая религиозным преступлениям в Уложении, является самой недоработанной главой. На вынесение наказания влияло церковное право, а не светское. Под преступлением понималось не общественно опасное деяние, совершение которого влекло применение к лицу мер уголовного наказания, а совершение греха, как правило, ассоциировалось с отступлением от праведной жизни, нарушение наставлений и предписаний Бога.

Переломным моментом в уголовном праве, связанным с преступлениями против религии, считается издание нового Уложения 1903 года. С.Н. Таганцев утверждал, что новый Уголовный кодекс отличался от старого тем, что отрешался от норм канонического права в сфере религиозных преступлений. Таким образом, уголовное право получило

---

[238] Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права российской империи с церковным правом / А. А. Дорская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – № 8. – С. 255-269.

[239] Белогриц-Котляревский Л. С. Преступления против религии. Ответ И. Я. Фойницкому / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Ярославль, 1887.

[240] Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях с разъяснением по решению кассационного департамента Сената / Н. С. Таганцев. – СПб., 1873. – Тезис 560.

свободу от влияния норм канонического права. Что повлияло на изменение системы религиозных преступлений. Но многие юристы империи считали, что новое Уложение все же сохранило черты прежнего законодательства. И критиковали главного составителя Уложения С.Н. Таганцева, утверждая, что при составлении статей, относящихся к религиозным преступлениям, объектом считалось церковь, не религиозная свобода.[241]

Следующим кризисным моментом в уголовном праве, связанным с религиозными преступлениями, было издание указа «Об укреплении начал веротерпимости». В основу данного указа был заложен принцип религиозной терпимости. Изданный акт указ позволил избежать на территории Российской империи религиозных конфликтов и воин.[242]

После издания указа о веротерпимости было издание указов, которые освобождали от уголовной ответственности лиц, осужденных ранее за религиозные преступления. Под амнистию попали следующие статьи: богохульство, ненасильственное совращение в нехристианскую веру, переход из христианской веры в нехристианскую, ненасильственное совращение православного в другое христианское вероисповедание, нарушение воспитания детей в православной вере, ненасильственное воспрепятствование присоединению к православию, непринятие мер по предотвращению перехода одного супруга в другую веру. Уголовное преследование в отношении лиц, осужденных по перечисленным статьям прекращалось. Лицам, которые ранее были осуждены за преступления против религии, но не попавшим под полную амнистию, срок наказания все же снижался на треть.

Для лиц, осужденных за религиозное преступления и не достигших на момент вынесения приговора 17 лет, срок отбывания наказания снижался в половину.

Гуманизация законодательства в отношении данного состава привела к тому, что лица, которые до 1905 года формально исповедовали православие, смогли спокойно перейти в другую религиозную конфессию. Данный факт, также подтверждается статистическими данными Министерства Внутренних Дел.

С 1905 года по 1909 годы из православной веры в другие религиозные группы перешло 308 758 человек.

Издавая указ 1905 года, правительство выражало опасение, что произойдёт поголовное бегство верующих из православной веры. Прогноз правительства себя не оправдал. К 1909 году число лиц, перешедших из православия, составляло 9 700 человек, а принявших православную веру - 11 400 человек.

---

[241] Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н. С. Таганцева) / А. Чернявский. – СПб., 1905. – С. 2.

[242] Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы / С. В. Познышев. – М., 1906. – С. 179.

При создании указа о веротерпимости перед правительством стояла задача адаптировать действующее законодательство к новой политике (веротерпимости) и сохранить правовой статус Церкви.

Несмотря на то, что на территории Российской империи, согласно указу о веротерпимости, установилось свободное вероисповедание, остались принципы, которые ущемляли права остальных религиозных групп.

Например, по-прежнему лица, исповедующие сектантство, подлежали полицейскому надзору, согласно указу правительства. Также под надзор полиции попадали обычные собрания, не относящиеся к религиозной теме, но на которых присутствовали лица, исповедующие сектантство.243

Церковь по-прежнему сохранила свою приоритетную позицию среди других религиозных групп, несмотря на установленный принцип единства всех конфессий, установленного на территории Российской империи.

Возникшие проблемы в обществе требовали от правительства незамедлительного пересмотра всех нормативных правовых актов и приведения их в соответствие с указом о веротерпимости.

Литература

1. Андрощук В.В. Политико-правовая сущность и система религиозных преступлений в правовой мысли России второй половины XIX в. / В. В. Андрощук // Право и общество. – 2014. – № 4. – С. 130–137.
2. Андрощук В.В. Преступления против церковной собственности и религиозных святынь в уголовном законодательстве России конца XIX – начала XX в. / В. В. Андрощук // История государства и права. – 2011. – № 4. – С. 20−23.
3. Белогриц-Котляревский Л. С. Преступления против религии. Ответ И. Я. Фойницкому / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Ярославль, 1887.
4. Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права российской империи с церковным правом / А. А. Дорская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – № 8. – С. 255-269.
5. Никандрова М.М. Революционное народничество и сектантство / М. М. Никандрова // Наука и религия. – 1966. – № 11. – С. 74−76.
6. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы / С. В. Познышев. – М., 1906. – С. 179.
7. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях с разъяснением по решению кассационного департамента Сената / Н. С. Таганцев. – СПб., 1873. – Тезис 560.

[243]Никандрова М.М. Революционное народничество и сектантство / М. М. Никандрова // Наука и религия. – 1966. – № 11. – С. 74−76.

Кайгородова Людмила Александровна,
к.с.н., профессор кафедры социальных технологий
Южного Федерального Университета,
Папа Олеся Михайловна,
к.ф.н., доцент кафедры социальных технологий
Южного Федерального Университета

ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАБИЛИЗАЦИЮ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевой причиной нестабильности мирового пространства является нестабильность различных уровней развития социальных подсистем, что может привести к необратимым негативным последствиям. Это явилось причиной обострения проблемы адаптации к условиям глобализации.

Глобализация и ее процессы могут привести к формированию качественно нового состояния мирового сообщества и кардинальной эволюции современных общественных отношений. Единая планетарная общественной системы возможна при формировании составляющих ее подсистем с различными уровнями развития.

Можно рассматривать социальную адаптацию в качестве самостоятельного объекта исследования, применяя для оценки влияния различных социальных факторов в контексте глобальных процессов. Именно на основе показателей адаптации следует исследовать и анализировать глобальные проблемы. Можно согласиться с мнением исследователей, считающих, что социальная адаптация формирует и отражает социальную структуру. Некоторые ученые даже предлагают сформировать социологию адаптации как новую отрасль социологического познания[244]. Действительно, биологическое и социальное развитие человека, общества, природы едины. Оно обеспечивается общностью целей – выживанием и развитием. Социальное развитие отдельного человека, общества в целом не только не противопоставляются общебиологическому развитию, но и являются его закономерным этапом, неотъемлемым элементом.

Аналогичным образом представляется и извечная проблема соотношения и взаимодействия личности и общества. Универсальным механизмом этого взаимодействия является социальная адаптация.

Адаптационный процесс происходит под влиянием множества факторов, а также различных институтов, и в первую очередь образования, что свидетельствует о необходимости опережающего развития науки, образования, системы социальной работы в качестве основы адекватной системы глобального управления. Разрушение базовых ценностей национальной культуры, утрата традиций образования, влияние средств массовой информации на общественное сознание и многие другие причины

[244] Корель Л.В. Социология адаптации: этюды апологии / Л. В. Корель. – Новосибирск, 1997. – С 34.

привели к снижению эффективности качества знаний, кризисному положению системы образования. Реформирование образовательной системы, модернизация подготовки кадров для различных областей деятельности актуальны сегодня как никогда. Именно высшее образование является наиболее значимым механизмом решения социальных задач, средством трансляции культурных ценностей, идеалов, духовности, нравственных норм в молодежную среду, обогащения ее национально-культурного опыта, а также механизмом профилактики различного рода зависимостей. Между тем сейчас духовно-нравственный потенциал образования не только не используется в полной мере, но и не осознается в соответствии с задачами современного общества. Потребность в качественном образовании, основой которого является способность личности адекватно ориентироваться и профессионально грамотно действовать в современной социокультурной среде, проявляется сегодня очень остро. Личностно-ориентированное обучение – это наиболее верный путь совершенствования качества подготовки специалистов. Значимое место в реформировании современного образования отводится высшей школе, и новая модель высшего образования должна учитывать не только требования общества, но и индивидуально-психологические проявления и свойства личности в изменившихся условиях. Индивидуальность выступает как самореализующаяся система, не детерминированная жестко законами природы и социума. В образовательном процессе возрастает значимость личностных смыслов и эмоциональных предпочтений студентов. Эта новая модель должна быть основана на интеграции психических и личностных свойств человека. Согласно гуманистической парадигме профессионального образования, знания являются неконечной целью вузовского обучения, а лишь средством развития личности профессионала.

Модернизация высшей школы невозможна сегодня без ориентации вузовского образования на формирование профессионального «Я» будущего специалиста, выявления и обеспечения совокупности условий для самореализации возможностей и способностей каждого студента, что позволит придать учебному процессу личностно ориентированный, компетентностный характер. Все это предполагает использование средств, стимулирующих духовное, нравственное, интеллектуальное обогащение личности будущего специалиста, а также создание условий, обеспечивающих моделирование будущей профессиональной деятельности для получения профессионального опыта. Этот подход возможен при стимулировании у студента образа «Я–идеал», который позволит найти пути и способы, движения от «реального Я» к «Я–идеалу», иначе студент, овладевая знаниями, развивает способность эффективно использовать содержательный потенциал изучаемых предметов для пополнения собственного профессионального багажа.

Наличие такого подхода стимулирует реализацию социальных функций образовательного процесса, облегчает процессы адаптации молодых специалистов в профессиональной деятельности, позволяет реализовать

вхождение в творческий профессиональный труд. При том каждый студент получит возможность реально определять цели, принимать решения, активно действовать, отвечать за свои действия и получать результаты. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы повышения воспитательного потенциала высшей школы с целью закрепления нравственных норм, взглядов, потребностей. В этом деле чрезвычайно важную роль играют общественные организации, в частности волонтерские.

Функции воспитания высшей школы способствуют реализации эвристического, диалогического видов обучения, что позволяет студентам найти собственное решение учебных задач, переориентировать учебную деятельность на использование методов поиска и решения познавательных направлений. В ходе решения познавательных задач проектируется новое знание с опорой на личный опыт студента, соответствующие дидактические технологии, стимулируется положительная мотивация к учебе, стремление к творчеству, обеспечивается свобода действий и психологический комфорт каждому студенту, а также укрепление и становление своего профессионального «Я». Повышение эффективности профессиональной подготовки студентов высшей школы возможна при наличии научно-обоснованных рекомендаций по осуществлению перехода:

– от учебного предмета как источника информации к предмету как источнику духовного, культурного общения, творческого действия;

– от приоритета узконаправленных учебных задач к задачам целостного восприятия предмета исследования;

– развития профессионального облика будущего специалиста, его активной профессиональной позиции творческого стиля деятельности;

– от соподчиненных отношений преподавателя и студентов к их педагогическому взаимодействию, сотрудничеству и сотворчеству.

Через использование этих направлений, их научное обоснование, в учебном процессе возможно решение задач обеспечения совокупности условий для самореализации, самовоспитания, самоутверждения каждого студента, овладение искусством решения профессиональных задач, коммуникативным мастерством, творческим стилем действий и, конечно же, умениями организовать свое свободное время, что позволит профилактировать социальные и психологические зависимости в среде студенческой молодежи.

Процесс адаптации зависит в значительной степени от образовательного процесса, однако выделение любого отдельного вида адаптации (или совокупности видов) нарушает свойство целостности адаптации, искусственно ограничивает процесс адаптации произвольно установленной областью, свидетельствует о понимании адаптации как прямого приспособления к любым элементам окружающей среды. Любая видовая адаптация не является адаптацией личности, а характеризует лишь ситуационное отношение личности к объекту адаптации, поэтому развитие

таких направлений образования, которые обеспечат развитие личности, реализацию ее интересов, формирование инновационных моделей поведения, преодоление стереотипов и барьеров взаимодействия позволит решить многие проблемы глобализации. Подходы для решения глобальных проблем необходимо рассматривать интегрировано, учитывая их объективный или субъективный характер. Возможность воздействия на решение глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию цивилизации зависит от решения этого вопроса. Что позволит регулировать глобальные процессы, управлять ими и избегать серьезных проблем в жизни человеческого сообщества.

Литература

1. Кайгородова Л.А. Социальная работа. Учебное пособие. Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. – Ростов-на-Дону, 1999.
2. Кайгородова Л.А. Коммуникативная культура. Учебное пособие. Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов России по образованию в области социальной работы в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 350500 – «Социальная работа». – Новочеркасск, НГМА, 2013.
3. Кайгородова Л.А., Воронцова М.В., Бандюгова Т.В., Деточенко Л.С., Никулина М.А. Профилактика и преодоление профессиональной деформации специалистов социальной работы// Учебно-методическое пособие / Под ред. Воронцовой М.В. – Таганрог: Издатель А.Н. Ступин, 2015 – 276 с.
4. Воронцова М.В. Грамматика общения / Л. А. Кайгородова, М. В. Воронцова // Учебно-методическое пособие по курсу «Психология» – Таганрог: Издатель А.Н. Ступин, 2015 – 68 с.
5. Кайгородова Л.А. Социальные коммуникации в системе социальной работы / Л. А. Кайгородова // Вестник УМО вузов России в области социальной работы - № 4. – Москва, 2012.
6. Корель Л.В. Социология адаптации: этюды апологии/ Л.В. Корель – Новосибирск, 1997.
7. «Организация работы с молодежью. Введение в специальность» Учебное пособие/ Под ред. Агапова Е.П. – г. Ростов-на-Дону, 2012.

Карпенко Константин Викторович,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России

«ЦИФРОВОЕ» ЗАВЕЩАНИЕ ВО ФРАНЦИИ

Права и свободы человека, как известно, являются важным элементом учения конституционализма. Они появляются в XVIII в., и знаменуют собой обособление личности от государства и власти. По крайней мере такова была главная мысль просветительной философии: оградить человека от чрезмерного влияния государства[245]. Одним из механизмов достижения этой цели стала теория обособления (разделения) властей Ш.Л. Монтескье[246].

Признание за человеком прав и свобод позволило ему самостоятельно организовывать свою жизнь. Однако люди не могут полностью отказаться от государства, они живут в нем, участвуют в формировании его органов, а через них, в известной степени, и в определении его политики. Отсюда ясно, что права и свободы устанавливают пределы государственного воздействия на индивида. Именно поэтому они, чаще всего, закрепляются в конституции, чья высшая юридическая сила служит гарантией их неприкосновенности[247]. В то же время ничто не отменяет необходимости защищать индивидуальные права и свободы, а может быть делает такую защиту более актуальной[248].

Перечень прав и свобод неуклонно расширяется. Мы не станем давать какую-либо оценку этому процессу, коль скоро он представляется объективным и неизбежным. С другой стороны, права и свободы, все-таки, не предстают как абсолютная ценность, и их ограничение допустимо при известных условиях[249]. За прошедшие примерно 300 лет правовой статус личности наполнился не только политическими, социально-экономическими и культурными правами, но и множеством других, чье практическое значение не всегда однозначно. Если, например, право на использование родного языка не вызывает сомнений в своей нужности[250], то так называемые «соматические» права и связанные с ними различные медицинские практики уже не представляются столь очевидными[251]. В начале же XXI в. появились

[245] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву / Н . И. Лазаревский. – Т. 1. – СПб., 1910. – С. 17-18.
[246] Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – М., 1912. – С. 241-249.
[247] Конституционно-правовые основы статуса личности в зарубежных странах. – М., 2019. – 235 с.
[248] Лейбо Ю.И. Конституционное закрепление основных прав в Федеративной Республике Германии / Ю. И. Лейбо // Московский журнал международного права. – 2019. – № 1. – С. 40-53.
[249] Молчаков Н.Ю. Международно-правовые стандарты ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения / Н. Ю. Молчаков // Международный правовой курьер. – 2018. – № 5. – С. 49-53.
[250] Кремянская Е.А. Право на использование родного языка. Опыт европейских государств как пример для использования в странах СНГ / Е. А. Кремянская // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 27-31.
[251] Сергеев Ю.Д., Базина О.О. Актуальное российское законодательство о гемопоэтических стволовых клетках (обзор законодательства Российской Федерации) / Ю. Д. Сергеев, О. О. Базина // Медицинское право. – 2019. – № 6. – С. 9-15.

еще и «цифровые» права, связанные с деятельностью человека в Интернете[252].

Разнообразие «цифровых» прав весьма значительно. Интернет предоставляет огромные возможности для реализации личности. Доступным в доли секунды становится повседневное общение. Взаимоотношения с государством все более «дематериализуются», когда нужные документы можно получить в электронном виде, а принять участие в формировании органов власти – не выходя из дома[253]. Сложность, при этом, заключается в том, что Интернет не имеет границ, на него невозможно распространить законодательство отдельного государства. В этой связи, очевидно, что особую актуальность приобретают уже существующие международно-правовые механизмы защиты прав и свобод[254].

Вместе с тем цифровая эпоха стирает границы между частным и общественным. Человек, используя Интернет, подчас раскрывает о себе многие сведения, которые относятся к его частной жизни. Это тем более опасно, что человек далеко не всегда понимает, каким образом это происходит и кому могут стать известны его персональные данные. Более того, сведения, однажды попавшие во Всемирную сеть, остаются в ней навсегда. И даже после своей кончины человек продолжает «жить» в цифровом пространстве. Например, во Франции, каждые 4 минуты умирает пользователь Фейсбука, а число неактивных аккаунтов, по разным оценкам, может достигать 20 млн[255] Несомненно, что проблема защиты личных данных приобретает первостепенное значение. В какой-то мере, как нам кажется, допустимо говорить о праве на жизнь, но в широком смысле[256].

В 2016 г. во Франции вступил в силу закон «О цифровой Республике», который, помимо прочего, дал индивиду возможность заранее установить правовой режим личных данных на случай смерти. Этот правовой институт неофициально называется «цифровым завещанием» («*testament numérique*»).

Согласно закону, персональные данные являются продолжением физического лица, они обуславливают существование конкретного человека, отделяя его от прочих. Мы бы даже сказали, что речь идет о новом праве, а именно праве на самоличность (*droit à l'identité*), коль скоро персональные данные позволяют не только идентифицировать человека, но и оценить его характерные черты. Ведь к ним относятся как паспортные и биометрические

---

[252] Bonnet J., Türk P. Le numérique: un défi pour le droit constitutionnel // Les nouveaux cahiers du Conseil constitutionnel. – 2017. – № 57. – P. 13-24.

[253] Ракитская И.А. Электронное голосование: опыт Нидерландов и Норвегии / И. А. Ратинская // Право и образование. – 2017. – № 4. – 83-91.

[254] Ракитская И.А., Лейбо Ю.И., Павлов Е.Я. Место и роль международно-правовых норм о правах человека в правовых системах скандинавских стран и Финляндии / И. А Ратинская, Ю. И. Лейбо, Е. Я. Павлов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 55-60.

[255] Testament numérique: que faire de ses données après la mort? – Le Point. – 1.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr (Дата обращения: 20.02.2020).

[256] Кузнецова Т.О. Принцип гуманизма в Японии: культурологические особенности понимания права на жизнь в период формирования четвертого поколения прав и свобод / Т. О. Кузнецова // Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей. – М., 2018. – С. 145-159.

данные, так и информация о пристрастиях человека, его вкусах, взглядах, круге общения, а также совершаемых действиях. В то же время «завещательный» характер этого права продлевает существование сведений за пределы человеческой жизни. Так, после смерти в сети остаются логины, пароли доступа, адреса электронной почты, «профили» пользователя в социальных сетях. Все это позволяет определить такое право как личное[257].

«Цифровое завещание» представляет собой распоряжение человека о сохранении, удалении или передаче его персональных данных после его кончины. Оно может относиться ко всему массиву сведений об их носителе или к их части. Распоряжение регистрируется у организации, занимающейся обработкой персональных данных. Однако оно должно быть заверено в Национальном комитете по информационным технологиям и свободам (*Commission nationale de l'informatique et des libertés*). Этот последний, таким образом, выступает в качестве «нотариуса». Информация о распоряжении, равно как и сведения об организации, у которой оно зарегистрировано, записываются в единый реестр, создание которого регулируется декретом, принятым в Государственном совете Франции[258]. В своем распоряжении «завещатель» указывает конкретное лицо, на которое возлагаются обязанности по его исполнению. Соответственно, такой «душеприказчик» получает полный доступ к персональной информации «завещателя» после его смерти. В случае же кончины самого «душеприказчика» его права по исполнению «цифрового завещания» переходят его наследникам. Это же правило распространяется и на наследников усопшего, если он не сделал никакого распоряжения. Иными словами, наследники «завещателя» автоматически становятся его «душеприказчиками».

Объектами прав наследников (или «душеприказчика») могут быть любые персональные данные умершего. Вышеназванный закон дает им доступ ко всей информации, касающейся обработки таких данных, при условии, что это необходимо для вступления в наследство. Они также имеют право на передачу им «цифрового наследства» (например, размещенных в Интернете фотографий, текстов, комментариев). Наследники могут также потребовать закрытия пользовательских аккаунтов своего «доверителя», запретить дальнейшую обработку его персональных данных, но могут и оставить их активными, продолжая периодически обновлять. Например, аккаунт можно использовать для сохранения памяти об усопшем. Кстати, еще до указанного выше закона Фейсбук и Гугл предоставили своим пользователям такую возможность соответственно в 2009 г. и 2013 г. Любые споры между наследниками подлежат рассмотрению в Трибунале Большого процесса, с учетом территориальной подсудности[259].

---

[257] Шашкова А.В., Лейбо Ю.И. Общий анализ личных прав и свобод в Италии / А. В. Шашкова, Ю. И. Лейбо // Пробелы в российском праве. – 2019. – № 1. – С. 57-60.
[258] Правительство в зарубежных странах. – М., 2016. – С. 179-181.
[259] Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах. – М., 2017. – С. 116-119.

Право на «цифровое завещание» не затрагивает персональных данных, необходимых для архивных и статистических целей государства. В этом случае публичный интерес преобладает над желанием человека. Однако персональные сведения медицинского характера могут быть использованы в научных и прогностических целях здравоохранения только, если умерший еще при жизни не выразил письменного на это отказа.

Практика «цифрового завещания» становится все более популярной. Сотни адвокатских контор в США и Европе предлагают сегодня свои услуги по организации «цифровой жизни» после смерти. С моральной точки зрения этот вопрос выглядит, по всей видимости, не безупречным, однако мир, в котором мы теперь живем, бросает нам новые вызовы, к которым приходится, *volens nolens*, приспосабливаться.

Литература

1. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – М., 1912. – 306 с.
2. Конституционно-правовые основы статуса личности в зарубежных странах. – М., 2019. – 235 с.
3. Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах. – М., 2017. – 325 с.
4. Кремянская Е.А. Право на использование родного языка. Опыт европейских государств как пример для использования в странах СНГ / Е. А. Кремянская // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 27-31.
5. Кузнецова Т.О. Принцип гуманизма в Японии: культурологические особенности понимания права на жизнь в период формирования четвертого поколения прав и свобод / Т.О. Кузнецова // Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей. – М., 2018. – С. 145-159.
6. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву / Н. И. Лазаревский – Т. 1. – СПб., 1910. – 479 с.
7. Лейбо Ю.И. Конституционное закрепление основных прав в Федеративной Республике Германии / Ю. И. Лейбо // Московский журнал международного права. – 2019. – № 1. – С. 40-53.
8. Молчаков Н.Ю. Международно-правовые стандарты ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения /Н.Ю. Молчаков// Международный правовой курьер. – 2018. – № 5. – С. 49-53.
9. Правительство в зарубежных странах. – М., 2016. – 368 с.
10. Ракитская И.А., Лейбо Ю.И., Павлов Е.Я. Место и роль международно-правовых норм о правах человека в правовых системах скандинавских стран и Финляндии / И. А Ратинская, Ю. И. Лейбо, Е. Я. Павлов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3. – С. 55-60.
11. Ракитская И.А. Электронное голосование: опыт Нидерландов и Норвегии / И. А. Ратинская // Право и образование. – 2017. – № 4. – 83-91.

12. Базина О.О. Актуальное российское законодательство о гемопоэтических стволовых клетках (обзор законодательства Российской Федерации) / Ю. Д. Сергеев, О.О. Базина // Медицинское право. – 2019. – № 6. – С. 9-15.
13. Шашкова А.В. Общий анализ личных прав и свобод в Италии / А. В. Шашкова, Ю. И. Лейбо // Пробелы в российском праве. – 2019. – № 1. – С. 57-60.
14. Bonnet J., Türk P. Le numérique: un défi pour le droit constitutionnel // Les nouveaux cahiers du Conseil constitutionnel. – 2017. – № 57. – P. 13-24.

Карташкин Владимир Алексеевич,
д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный юрист Российской Федерации

КОНСТИТУЦИЯ И ВЕРХОВЕНСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В международном праве уже длительное время высказываются различные точки зрения относительно его соотношения с национальным законодательством. И это не случайно, поскольку данный спор затрагивает такие важные вопросы, как суверенитет государств, его внутреннюю компетенцию, реализацию основных прав и свобод человека и многие другие аспекты. За последние годы интенсифицировался спор относительно соотношения конституции и международного права, пределов ограничения верховенства основного закона.

Международное и национальное право постоянно взаимодействуют между собой, оказывая влияние на развитие друг друга. С развитием международного права неизменно возрастает его влияние на национальное законодательство. Особенно это влияние сказывается на обеспечении прав человека. Принимая на себя международные обязательства, государства обязаны обеспечить их фактическое исполнение. Также это касается конституции каждого государства, которая является основным законом, подлежащим обязательному исполнению. Поэтому, разрабатывая международные договоры, государства стремятся согласовывать такие их принципы и нормы, которые бы соответствовали национальному законодательству и, в особенности, основному закону.

Следует отметить, что Конституции стран мира содержат различные формулировки относительно прав человека и соотношения международного права с основным законом. Эти формулировки не остаются неизменными и с течением времени меняются. Типичным в этом отношении является развитие конституционного процесса в нашей стране. Все Конституции СССР имели приоритет над международным правом. Конституция РСФСР 1978 г. признавала приоритет международных норм в области прав человека.

Однако, международные нормы не имели преимущественной силы над Конституцией.

Конституция России 1993 г. установила приоритет международных договоров, общепризнанных принципов и норм международного права над национальным законодательством страны. Согласно пункту 4 статьи 15 международные договоры России наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы. «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Это означает, что если Российская Федерация становится участником международного договора, то с момента его вступления в силу договор инкорпорируется в правовую систему страны.

Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, то, как подчеркивается в статье 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», «решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно лишь после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений».

Конституция России придает особое значение международному праву для обеспечения и защиты прав человека. Как отмечается в статье 17 Конституции, в стране признаются и гарантируются права и свободы человека не только в соответствии с Конституцией, но и согласно общепризнанными принципами и нормами международного права. Более того, перечисление в Конституции основных прав и свобод человека не означает «отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 55). Таким образом, основной закон Российской Федерации фактически признает возможность защиты прав человека, признаваемых в международном праве, но не нашедших отражения в Конституции страны.

Следует особо подчеркнуть, что, заключая международные договоры и участвуя в межгосударственных обязательствах, Россия, не отказываясь от государственного суверенитета и территориального верховенства, передает им часть своих полномочий. Но это не означает отказ от исполнения международных соглашений. Показательным в этом отношении является решение Конституционного Суда России от 14 июля 2015 г. № 21-П, который дал соответствующее толкование решения Европейского Суда.

С точки зрения определения соотношения конституционного ограничения верховенства международного права и Конституции России заслуживает рассмотрения часть I статьи 15. Она гласит: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Некоторые российские юристы-международники толкуют эту статью как устанавливающую приоритет Основного закона страны над международными договорами, которые не должны противоречить ей. Ссылаясь на высшую юридическую силу Конституции, они произвольно цитируют часть 1 статьи 15, заявляя, что этот приоритет (высшая юридическая сила) распространяется и на международные договоры[260]. По их мнению, «в случае коллизии между нормами договора и Конституцией безусловным верховенством будет пользоваться последняя, что же касается не соответствующего Конституции международного договора, то он лишается преимущества по отношению к национальному закону»[261]. Понимая шаткость своей позиции, они делают противоречивый их прежнему утверждению о верховенстве Конституции вывод: «Одно то обстоятельство, что есть расхождение между положениями договора и Конституцией не оправдывает невыполнение договора»[262].

Конституция Российской Федерации сама содержит ответ на противоречивые вышеупомянутые утверждения, когда закрепляет в части 1 статьи 15 положение о том, что законы и иные правовые акты, «*принимаемые в Российской Федерации* (курсив В.К.) не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Совершенно очевидно, что в данной фразе речь идет не о международных договорах, принимаемых международным сообществом, а о национальном законодательстве Российской Федерации.

Устав ООН содержит в статье 2 перечень основных принципов международного права, обязательных для всех государств, включая те из них, которые не являются членами Организации Объединенных Наций. Более того, согласно ст. 8 этого основополагающего международного договора, член Организации, «систематически нарушающий принципы, содержащиеся в Уставе», может быть исключен из Организации Объединенных Наций. Тем самым такая страна ставит себя вне международного сообщества.

Пункт 2 статьи 2 Устава ООН специально обязал всех членов Организации Объединенных Наций «добросовестно выполнять принятые на себя обязательства». В противном случае они теряют «права и преимущества», вытекающие из принадлежности к Организации.

Перечень основных принципов международного права, зафиксированный в статье 2 Устава ООН, не является исчерпывающим. С развитием международного права не только изменяется их содержание, но происходит формирование новых принципов. Помимо основных принципов,

---

[260] Осминин Б.И. Место международных договоров Российской Федерации в национальной правовой системе и принцип pacta sunt servanda / Б. И. Осминин // Юрист-международник. – № 1. – 2009. – С. 2-14.

[261] Международное право. Учебник. Отв. ред. С.А. Егоров. – М. 2016. – С. 107-108.

[262] Осминин Б.И. Место международных договоров Российской Федерации в национальной правовой системе и принцип pacta sunt servanda / Б. И. Осминин// Юрист-международник. – № 1. 2009. – С. 2-14.; Международное право. Учебник. Отв. ред. В.И. Кузнецов. – М. 2001. – С. 156.

зафиксированных в статье 2 Устава, к их числу следует отнести принцип уважения прав человека и принцип самоопределения народов, провозглашенные в статье 1 Устава в качестве цели Организации. Они постепенно стали основными и общепризнанными после закрепления во Всеобщей декларации, Пактах и других ключевых соглашениях по правам человека. Каждый из основных и общепризнанных принципов состоит из целой системы норм. Так, например, принцип уважения прав человека возлагает обязанность на государства соблюдать нормы, закрепленные в ключевых соглашениях по правам человека, включая основные права и свободы личности. Обязательный перечень этих прав для всех государств мира содержится во Всеобщей декларации прав человека. Особо следует отметить, что законодательство любой страны мира, включая ее Основной закон, не имеет права запретить права и свободы личности, закрепленные во Всеобщей декларации. Эти права и свободы являются естественными и прирожденными, а Всеобщая декларация рассматривается в настоящее время международным сообществом как обязательный межгосударственный документ[263].

В настоящее время, согласно универсальному международному обзору, все страны-члены ООН обязаны отчитываться перед Организацией о выполнении своих обязательств по соблюдению основных прав и свобод личности в соответствии с Уставом ООН и Всеобщей декларацией прав человека.

Перечисленные в Уставе ООН принципы не остаются статичными, а постоянно развиваются и изменяются. Наряду с ними происходит процесс становления и создания новых основных и общепризнанных принципов современного международного права. Одним из важнейших таких принципов является принцип уголовной ответственности за международные преступления, зафиксированный в Статуте Международного Уголовного Суда. К международным преступлениям Статут относит агрессию, геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Объектом преступного посягательства всех этих преступлений являются права человека[264].

Наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права, как уже отмечалось, все государства обязаны соблюдать обязательства, вытекающие из одобренных и ратифицированных международных договоров.

Закрепленные в Уставе ООН основные принципы современного международного права и провозглашенный в Венской конвенции 1969 г. принцип pasta sent servanda означают признание примата международного права в мировой политике и на национальном уровне. Если признать примат

[263] См. подробнее: Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и ее значение в современном мире / В. А. Карташкин // Современное право. – № 1. – 2019. – С. 126-130.
[264] Лямин Н.М. Международный Уголовный Суд и ответственность за преступные нарушения прав человека / Н. М. Лямин. – М. 2018.

Конституций или национального законодательства над Уставом ООН, основными принципами и нормами международного права, обязательствами, взятыми государствами по международным договорам, то это будет означать гибель международного права, анархию в межгосударственных отношениях.

Литература

1. Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека и ее значение в современном мире / В. А. Карташкин // Современное право. – № 1. – 2019. – С. 126-130.
2. Международное право. Учебник. Отв. ред. С.А. Егоров. – М. 2016. – С. 107-108.
3. Осминин Б.И. Место международных договоров Российской Федерации в национальной правовой системе и принцип pacta sunt servanda / Б. И. Осминин // Юрист-международник. – № 1. – 2009. – С. 2-14.

Климкин Валерий Николаевич,
к.ю.н., доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХИГС

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Россия уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний. При исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, каждый человек, содержащийся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, является носителем прав, защита которых – обязанность государства.

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 530 460 человек. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы, финансируемого из средств федерального бюджета составляет 519 618 человек, в том числе начальствующий состав – 225 284 человек[265].

Следует отметить, что по процессам, происходящим в учреждениях уголовно-исполнительной системы, можно судить не только об уровне экономического развития, состоянии преступности, уровне образования и культуры в стране, но и делать определенные выводы в отношении эффективности мер уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина в масштабах государства. Нарушение прав человека, в местах лишения свободы, говорит о несовершенной работе отдельно взятого учреждения уголовно-исполнительной системы, его должностных лиц, является показателем соблюдения прав и свобод человека (гражданина) на территории всего государства.

Охрана и защита прав осужденных, обеспечение их безопасности, предупреждение совершения преступлений в местах лишения свободы (прежде всего насильственных), являются одними из главных задач учреждений уголовно-исполнительной системы. Несмотря на прилагаемые государством усилия по обеспечению безопасности осужденных, в настоящее время, в местах лишения свободы имеют место нарушения прав, лиц отбывающих наказания в виде лишения свободы, в том числе в результате совершения преступлений.

Совершение преступлений в местах лишения свободы, на сегодняшний день, является актуальной проблемой. В учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, подавляющее большинство преступлений совершаются осужденными в отношении других осужденных, сотрудников исправительных учреждений. Известны так же факты совершения преступлений (в т.ч. насильственных) сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы в отношении осужденных.

Так, среди причин преступности пенитенциарной (преступности среди осужденных), особое место занимает совершение противоправных действий (преступлений) и нарушение прав осужденных сотрудниками мест лишения свободы.[266] Противоправное поведение сотрудников учреждений исполняющих наказания в виде лишения свободы, порождает у осужденных чувство незащищенности, отсутствие надежды на справедливое отношение и

[265] Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / [Электронный ресурс]. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (Дата обращения 28.02.2020).

[266] Климкин В.Н. Особенности причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности в России на современном этапе / В. Н. Климкин // Вестник Юридического института МИИТ. – 2019. – № 1 (25). – С. 87.

разрешение конфликтных ситуаций, имеющих место в местах лишения свободы. Возникает ситуация, при которой, меры уголовно-правовой охраны прав человека, предусмотренные законодательством Российской Федерации, теряют свою эффективность, в результате демонстрации отсутствия воли и активных действий по их реализации, со стороны должностных лиц и органов, призванных их обеспечивать

Уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений остается достаточно высоким. Основной причиной этого является то, что информация о совершенных преступлениях на территории отдельно взятого учреждения, служит основанием для оценки эффективности деятельности сотрудников и руководства данного учреждения. Вследствие этого основная информация о нарушениях прав осужденных, о совершении преступлений в местах лишениях свободы становиться доступной благодаря работе институтов, осуществляющих общественный контроль за деятельностью мест лишения свободы и нарушением прав осужденных на их территории.

По информации общественных организаций, на сегодняшний день, возбуждено восемь уголовных дел в отношении сотрудников ИК № 1 и ИК № 8 Ярославской области, по факту причинения вреда здоровью осужденным, в 2016 и 2017 годах[267].

Уполномоченный по правам человека в Ярославской области проблему «побоев осужденных» в исправительных колониях назвал системной, и призвал проводить постоянные проверки по фактам жалоб осужденных на необоснованное и несоразмерное применение к ним физической силы со стороны сотрудников исправительных колоний[268].

Фигурантами уголовных дел стали восемнадцать сотрудников исправительных учреждений Ярославской области, четырнадцати из них были предъявлены обвинения[269].

Резонансный случай грубого нарушения прав осужденных, произошел так же в ИК № 2 Челябинской области[270]. На территории данной колонии, в декабре 2015 года, четыре сотрудника исправительного учреждения совершили неправомерные действия, в результате которых наступила смерть осужденного[271].

Данные факты говорят о том, что в условиях, при которых должностные лица, призванные защищать права осужденных, сами допускают грубейшие

---

[267] СК возбудил еще два уголовных дела о пытках заключенного Макарова в ИК Ярославля. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/5721881 (Дата обращения 28.02.2020).

[268] Ярославский омбудсмен назвал проблему побоев в колониях системной. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/incidents/20180723/1525136400.html?inj=1 (Дата обращения 28.02.2020).

[269] Следствие выявило новые факты избиения заключенного Макарова в колониях. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/incidents/20181025/1531505893.html (Дата обращения 28.02.2020).

[270] Сотрудников исправительной колонии в Челябинской области обвиняют в пытках, заключенных. [Электронный ресурс]. URL: https://otr-online.ru/news/sotrudnikov-ispravitelnoy-kolonii-v-chelyabinskoy-oblasti-obvinyayut-v-pytkah-zaklyuchennyh-113496.html (Дата обращения 28.02.2020).

[271] Пытавшим заключённых сотрудникам ИК грозит 33 года колонии. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/206270/ (Дата обращения 28.02.2020).

нарушения их прав (осужденных), эффективным механизмом охраны прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, являются меры уголовно-правовые. При этом, острой проблемой в контексте уголовно-правовой охраны прав осужденных, остается реализация таких мер, так как даже в случае наличия соответствующей информации (о нарушении прав осужденных, совершения в отношении осужденных насильственных действий и т.д.), привлечение к ответственности конкретных лиц, в конечном итоге, происходит не всегда.

Характерным, в этом контексте, является комментарий представителей общественных правозащитных организаций на инициативу Федеральной службы исполнения наказаний о необходимости предоставления в Центральный аппарат от колоний и следственных изоляторов ежемесячных отчетов о соблюдении прав осужденных: «Мы сотни раз направляли жалобы в следственный комитет и всегда получали отрицательный ответ – при проверке факты не подтвердились. Пока виновных не начнут привлекать к ответственности, результата не будет!»[272].

Таким образом, на сегодняшний день, крайне актуальным является вопрос совершенствования как нормативного регулирования уголовно-правовой защиты прав осужденных, так и повышение эффективности реализации уголовно-правовых мер такой защиты.

Литература

1. Климкин В.Н. Особенности причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности в России на современном этапе / В. Н. Климкин // Вестник Юридического института МИИТ. – 2019. – № 1 (25). – С. 85-93.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / [Электронный ресурс]. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (Дата обращения 28.02.2020).
3. Пытавшим заключённых сотрудникам ИК грозит 33 года колонии. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/206270/ (Дата обращения 28.02.2020).
4. Следствие выявило новые факты избиения заключенного Макарова в колониях. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/incidents/20181025/1531505893.html (Дата обращения 28.02.2020).
5. Сотрудников исправительной колонии в Челябинской области обвиняют в пытках, заключенных. [Электронный ресурс]. URL: https://otr-

[272] ФСИН обяжет колонии и СИЗО отчитываться за нарушения прав заключенных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mhg.ru/news/fsin-obyazhet-kolonii-i-sizo-otchityvatsya-za-narusheniya-prav-zaklyuchennyh (Дата обращения 28.02.2020).

online.ru/news/sotrudnikov-ispravitelnoy-kolonii-v-chelyabinskoy-oblasti-obvinyayut-v-pytkah-zaklyuchennyh-113496.html (Дата обращения 28.02.2020).
6. СК возбудил еще два уголовных дела о пытках заключенного Макарова в ИК Ярославля. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/5721881 (Дата обращения 28.02.2020).
7. ФСИН обяжет колонии и СИЗО отчитываться за нарушения прав заключенных. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mhg.ru/news/fsin-obyazhet-kolonii-i-sizo-otchityvatsya-za-narusheniya-prav-zaklyuchennyh (Дата обращения 28.02.2020).
8. Ярославский омбудсмен назвал проблему побоев в колониях системной. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/incidents/20180723/1525136400.html?inj=1 (Дата обращения 28.02.2020).

Корнилова Инна Валерьевна,
старший преподаватель кафедры образовательного и информационного права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВОЛОНТЕРСТВО В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волонтерская деятельность сегодня активно развивается в России. Инициатива проявляется как «снизу», гражданами и различными общественными объединениями, и организациями, так и «сверху»: различные инструменты стратегического планирования, такие как государственные программы, национальные проекты, предусматривают развитие волонтерства, его финансовую поддержку со стороны государства, в частности, в сфере образования, молодежной политики и патриотического воспитания. Волонтерство даже стало предметом обсуждения Президентом РФ с рабочей группой, готовящей проект о внесении поправок в Конституцию, которая состоялась 13 февраля 2020 года. Представитель Всероссийского движения «Волонтеры Победы» предложила внести изменения в статью 114 Конституции РФ, закрепить полномочия Правительства РФ по поддержке волонтерской деятельности. Такое изменение полномочий, по словам автора поправки, «закрепит важность волонтерской деятельности, важность этой ценности в нашем обществе… поможет системно, постоянно оказывать поддержку со стороны государства волонтерам»[273].

[273] Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // [Электронный ресурс]. URL http://kremlin.ru/events/president/news/page/4 (Дата обращения 20.02.2020).

Волонтерство и его поддержка постепенно становятся неотъемлемым и важным элементом деятельности образовательных организаций[274]. Повсеместно создаются волонтерские центры, правовой статус которых, как ранее отмечал автор, не урегулирован российским законодательством[275]. В частности, волонтерский центр успешно работает в Московском городском педагогическом университете, он занимается не только организацией деятельности волонтеров, но и их обучением посредством Школы волонтера. Можно однозначно говорить о том, что при широком распространении добровольческой деятельности в системе образования РФ наблюдается недостаточность правового регулирования данных отношений образовательным законодательством. Наряду с уже названной проблемой неопределенного правового положения волонтерских центров, можно указать на аналогичную неопределенность в правовом статусе несовершеннолетних волонтеров, в вопросе о возможности для образовательных организаций выступать в качестве организатора волонтерской деятельности и другие проблемы[276].

С 2013 года, когда начал применяться Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) произошли существенные изменения в области волонтерства: заметно увеличилось число волонтеров и волонтерских организаций в России, выросла их роль в решении различных вопросов общественной жизни, в том числе в сфере образования и патриотического воспитания. Волонтерство действительно становится областью, которая объединяет граждан и государство, расширяет возможности их взаимодействия, порождает новые правовые отношения и правовые институты. И если общество испытывает потребность зафиксировать произошедшие изменения на уровне Основного закона, стоит обдумать возможность внесения изменений и в образовательное законодательство, в первую очередь в Закон об образовании. Следует согласиться с Н.М. Ладнушкиной, что «совершенствование федерального законодательства в сфере образования связано с изменением правовых отношений»[277].

---

[274] См.: Корчагина Т.В. Конституционные и международно-правовые основы права на образование// Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2016. С.264-265, Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие. – М.: Книгодел, 2019. С.25.

[275] Корнилова И.В. Волонтерская деятельность как реализация права обучающихся на участие в общественных объединениях / И. В. Корнилова // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – Москва: Саратовский источник, 2020. – С.119.

[276] Там же, С. 117 – 120.

[277] Ладнушкина Н.М. Совершенствование законодательства в сфере образования / Н. М. Ладнушкина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Рязань: Издательство «Концепция», 2016. – С. 270.

Какие изменения представляются необходимыми автору? В первую очередь, по аналогии с предложенными поправками в Конституцию РФ, дополнить перечень полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере образования полномочием «поддержка образовательных организаций и организаций, осуществляющих обучение, выступающих в качестве организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности и иным образом участвующих в добровольческой (волонтерской) деятельности, в том числе в рамках государственных программ и национальных проектов». Для этого предлагается дополнить часть первую статьи 6 Закона об образовании пунктом 13.2 (в части полномочий федеральных органов государственной власти); часть первую статьи 8 – пунктом 12.2 (в части полномочий органов государственной власти субъектов РФ); часть первую статьи 9 – пунктом 6.1 (в части полномочий органов местного самоуправления).

Также необходимо расширить компетенцию образовательной организации в части организации и поддержки волонтерства. Автору представляется, что закрепленное в пункте 19 части 3 статьи 28 Закона об образовании полномочие, согласно которому в компетенцию образовательной организации входит содействие деятельности общественных объединений обучающихся, не обеспечивает в полной мере возможность самой образовательной организации выступать в качестве организатора добровольческой (волонтерской) деятельности. Предлагается дополнить часть 3 статьи 28 Закона об образовании пунктом 19.1 в следующей редакции: «Выступать организатором добровольческой (волонтерской) деятельности, в том числе создавать волонтерские центры как структурные подразделения образовательной организации, заключать договора с добровольцами (волонтерами), содействовать участникам образовательных отношений в их добровольческой (волонтерской) деятельности».

Соответствующим образом необходимо расширить перечень прав иных участников образовательных отношений на участие в волонтерской деятельности. Предлагается дополнить статью 34 Закона об образовании частью 5.1 в следующей редакции:

«5.1. Волонтерская деятельность обучающихся включает следующее:

1) обучающиеся имеют право участвовать в добровольческой (волонтерской) деятельности индивидуально и под руководством образовательной организации - организатора добровольческой (волонтерской) деятельности (в том числе волонтерского центра в образовательной организации), иные права в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности, предусмотренные законодательством Российской Федерации»;

2) несовершеннолетние обучающиеся в возрасте до четырнадцати лет участвуют в добровольческой (волонтерской) деятельности с согласия их родителей (законных представителей) или совместно с ними.».

В отношении родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся часть 3 статьи 44 Закона об образовании дополнить пунктом 9 в следующей редакции: «9) участвовать совместно со своими детьми, являющимися несовершеннолетними обучающимися в данной образовательной организации в добровольческой (волонтерской) деятельности, в том числе деятельности волонтерского центра образовательной организации».

Также предлагается в отношении педагогических работников образовательной организации часть 3 статьи 47 Закона об образовании дополнить пунктом 11.1 «Право на участие в добровольческой (волонтерской) деятельности». Представляется целесообразным включение данного права в перечень академических прав и свобод педагогических работников в связи с тем, что сегодня предлагается включать волонтерскую деятельность в содержание образовательных программ для решения различных воспитательных задач[278].

Данные изменения сделают более полной нормативную базу для участия в волонтерской деятельности образовательных организаций, создадут условия для развития локального нормотворчества образовательных организаций в данной сфере, а самое главное, помогут участникам образовательных отношений свободно участвовать в волонтерской деятельности. Безусловно данные предложения не являются исчерпывающими, необходимо дальнейшее совершенствование механизмов правового регулирования волонтерства в образовательных организациях, особенно важным представляется автору урегулировать правовой статус волонтерского центра в силу того, что Национальный проект «Образование» предлагает развивать именно такую форму организации волонтерской деятельности. Возможным вариантом автору представляется принятие модельного акта, например, «Модельного положения о волонтерском центре образовательной организации».

Литература

1. Звонарева Н.А. Формирование и коррекция индивидуального стиля деятельности учителя (И.С.Д.) (коммуникативный аспект): Учебно-методическое пособие/ Н.А. Звонарева - М.: Книгодел, 2019.
2. Корнилова И.В. Волонтерская деятельность как реализация права обучающихся на участие в общественных объединениях // Гарантии прав

[278] Крутицкая Е.В. Организация волонтерского центра в вузе от компетенций к организационной структуре / Е. В. Крутицкая. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. – С. 9.

ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. -Москва: Саратовский источник, 2020.
3. Корчагина Т.В. Конституционные и международно-правовые основы права на образование / Т.В. Корчагина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Под общ. ред. Д.А. Пашенцева- М., 2016.- С. 264-265.
4. Ладнушкина Н.М. Совершенствование законодательства в сфере образования/ Н.М. Ладнушкина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. - Рязань: Издательство «Концепция», 2016.

Корчагина Тамара Владимировна,
к.п.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ
Звонарева Наталия Алексеевна,
к.пс.н, старший преподаватель кафедры методики преподавания истории,
обществознания и права Института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Во всем мире в основе образовательных реформ лежат близкие взгляды на преподавание и обучение, происходит внедрение широкого спектра педагогических инноваций в образовательную школьную систему. Одним из ведущих компонентов реформ в сфере образования в настоящее время является отход от традиционного обучения когнитивным умениям и навыкам[279].

Критическое мышление одно из важнейших качеств личности, являющееся необходимым условием ее эффективной социализации и, в дальнейшем, профессионального функционирования. В процессе критического осмысления различных проблем субъект мышления приходит к выявлению сторон, которые ранее оказывались незамеченными, это может

[279] Фадель Ч, Бялик М, Триллинг Б. Четырехмерное образование. Компетенции, необходимые для успеха. Пер. с англ. – М.,2018. – с.141-158 ; Сапух Т.В. Развитие критического мышления как базис студентоориентированного образования. // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – № 9. – стр. 202-216 ; Клустер Д. Что такое критическое мышление? / Д. Клустер // Перемена: Международный журнал о развитии мышления через чтение и письмо. – 2001. – № 4. – С. 36-40.

подтверждать, обогащать, конкретизировать или наоборот – кардинально менять представление о рассматриваемых явлениях и процессах.

Современный учитель правовых дисциплин должен не только сам обладать данной компетенцией, но и уметь так организовать учебный процесс, чтобы обучающиеся получали навыки критического мышления, такие как: анализ информации, выявление основных проблем, интерпретация точек зрения, анализ первоисточников, сравнение и обобщение, различение факта от мнения, анализ вторичных источников, понимание причины и следствия, анализ СМИ, синтезирование информации, демонстрация обоснованного решения, его принятие; в предметной области – умение применять правовые знания для оценки правовых норм и анализ правовых ситуаций, умение формулировать собственную позицию в конкретной ситуации. Таким образом, следует отметить, что обозначенные процессы носят двусторонний характер, чем и определяется сложность их формирования. С одной стороны, учитель правовых дисциплин должен сам в ходе подготовки овладеть требуемыми компетенциями, с другой стороны, его подготовка должна позволить сформировать подобные навыки у обучающихся. Следовательно, только критически мыслящий учитель правовых дисциплин способен передать эти навыки обучающимся и проблема инструментов развития критического мышления в пространстве подготовки студентов является первостепенной.

В ходе подготовки студентов МГПУ, обучающихся по образовательной программе педагогического образования (профиль право и обществознание), и накопленного опыта работы преподавателей было установлено, что развитие критического мышления будущего учителя правовых дисциплин помогает успешнее решать образовательные задачи воспринимать, анализировать и оценивать правовую информацию, находить пути решения профессиональных педагогических и правовых задач как индивидуально так и в процессе эффективного и комфортного общения.

Обогащение интеллектуального опыта в образовательном процессе происходит через рациональное включение приемов критического мышления в контексте правовой подготовки. В процессе освоения дисциплин модуля «Современное правовое образование» выполняется большой объем заданий, связанных с использованием правовой информации для решения теоретических и практических задач. На первом этапе в рамках специальных учебных занятий в библиотеке и прохождения научно-исследовательской практики перед студентами ставятся задачи по подбору источников правовой информации для исследования, оценке надежности и актуальности полученных данных.

Правовая информация содержит как официальную правовую информацию, имеющую юридическое значение и исходящую от полномочных государственных органов, так и неофициальную правовую

информацию, включающую материалы и сведения теоретического, справочного характера, материалы правоприменительной практики. Работа с правовой информацией для будущего учителя права – это умение пользоваться различными средствами ее поиска, проверки и использования при решении учебных задач. Студенты осваивают приемы работы с профессиональными правовыми поисковыми системами, электронными базами данных, библиотечными системами, узкопрофильными и специализированными ресурсами. При работе с неофициальной правовой информацией происходит обсуждение различных точек зрения известных ученых, политиков, практиков, обсуждение спорных вопросов, вызывающих затруднения в теории и на практике. Это позволяет снизить степень зависимости от манипулятивной информации медийных источников, многочисленных общедоступных изданий с непроверенной информацией.

Знание системы нормативных актов и умение работать с официальной правовой информацией помогают студентам оценивать ее актуальность и полноту. На следующем этапе решается задача по подбору и оценке неофициальной правовой информации, приемов определения ее актуальности, правдивости, достоверности. Требования к результатам работы с информацией могут различаться в зависимости от предметного содержания задания – от написания рецензии на статью, монографию, составления аннотированного перечня источников до поиска статьи, пункта нормативного акта. Предметная правовая подготовка и аналитические навыки работы с правовой информацией позволяют сделать важный шаг по развитию критического мышления.

В подготовке будущего учителя права значительное место занимают задания по решению практических правовых проблем и задач. Наиболее эффективными формами работы являются совместные обсуждения в форматах дискуссии, круглого стола, конференции, дебатов. Существуют и специальные правовые приемы, и формы, адаптированные для учебного процесса и нацеленные на их разрешение, такие как переговоры, медиация, учебный суд, анализ казусов[280]. Модель коллективного обсуждения и принятия решений ввиду особенностей условий для обсуждения предоставляет возможность сформулировать свои аргументы, услышать иную точку зрения, оценить за и против каждого из предложенных решений. Все это создает условия для формирования критического мышления.

Решение правовых казусов в формате правовых кейсов, материалов правового квеста, учебных задач распространенная форма познавательной

[280] Юридическая клиника – образование, основанное на практическом опыте: учебно-методическое пособие. – Часть 1. – М.: 2015 – 308 с.

деятельности в правовой подготовке[281]. Решение практической правовой задачи связано со сложной умственной деятельностью, основанной на установлении логических связей между юридическими фактами и правовыми предписаниями. Это требует от студентов знания алгоритма (процесса) принятия решений при работе с практическими правовыми задачами. Адаптированный инструментарий принятия решения по правовому делу помогает студенту понять особенности правовой работы, моделировать работу юриста, приобретать навыки рефлексии. Применение этого инструментария помогает студентам получить опыт принятия взвешенных, ответственных решений.

Подводя итог, следует отметить, что в практической подготовке будущего учителя правовых дисциплин значительное место должны занимать современные образовательные технологии, направленные на развитие критического мышления. Этому, в свою очередь, способствует овладение умением работать с правовой информацией, освоение моделей решения практических правовых задач, правовых казусов в формате правовых кейсов, материалов правового квеста, приемов, прошедших успешную апробацию и внедренных в учебный процесс Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ.

Литература

1. Бунимович Е.А. Право знать! Правовые квесты Учебно-методическое пособие. Выпуск 2 / Ю.В. Гаврилова, Р.С. Данелян , С.В. Данелян / Под общ. ред. А.И. Рожкова, Н.С. Шутиковой. — М.: Книгодел, 2017. – 160 с.
2. Бунимович Е.А. Право знать! Правовые квесты Учебно-методическое пособие. Выпуск 3/ Р.С. Данелян, С.В. Данелян, А.В. Звонарев / Под общ. ред. А.И. Рожкова, Н.С. Шутиковой. — М.: Книгодел, 2018. – 156 с.

[281] Бунимович Е.А., Гаврилова Ю.В., Данелян Р.С., Данелян С.В., Звонарев А.В., Куракина Ю.В., Питько Е.В., Половникова А.В., Путинцев В.А., Шутикова Н.С. Право знать! Правовые квесты: Учебно-методическое пособие. Выпуск 2 / Под общ. ред. А.И. Рожкова, Н.С. Шутиковой. – М.: Книгодел, 2017, Бунимович Е.А., Данелян Р.С., Данелян С.В., Звонарев А.В., Куракина Ю.В., Питько Е.В., Половникова А.В., Ростокинский А.В., Шутикова Н.С. Право знать! Правовые квесты: Учебно-методическое пособие. Выпуск 3 / Под общ. ред. А.И. Рожкова, Н.С. Шутиковой. – М.: Книгодел, 2018, Бунимович Е.А., Данелян Р.С., Данелян С.В., Звонарев А.В., Куракина Ю.В., Мажинская Н.Г., Мажинский Р.А., Мещерякова Т.Ф., Питько Е.В., Половникова А.В., Ростокинский А.В., Шутикова Н.С. Право знать! Правовые квесты: Учебно-методическое пособие. Выпуск 4 / Под общ. ред. Р.С. Данелян, А.В. Звонарева. – М.: Книгодел, 2019, Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. С. 5-6, Куксин И.Н., Кривенький А.И., Северухин В.А. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин / М.: Книгодел, 2018. – С.5-8, Корнилова И.В. Добровольчество (волонтерство): международно-правовые аспекты/ И.В. Корнилова // Российское и международное право: общее и особенное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. – М., 2019. С. 403.

3. Бунимович Е.А. Право знать! Правовые квесты Учебно-методическое пособие. Выпуск 4/ Р.С. Данелян, С.В. Данелян, А.В. Звонарев / Под общ. ред. Р.С. Данелян, А.В. Звонарева. — М.: Книгодел, 2019. – 164 с.
4. Клустер Д. Что такое критическое мышление? / Д. Клустер // Перемена: Международный журнал о развитии мышления через чтение и письмо. – 2001. – – № 4. – С. 36-40.
5. Корнилова И.В. Добровольчество (волонтерство): международно-правовые аспекты/ И.В. Корнилова // Российское и международное право: общее и особенное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. – М., 2019. С. 403-406.
6. Куксин И.Н., Кривенький А.И., Северухин В.А. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин / М.: Книгодел, 2018. – 56 с.
7. Сапух Т.В. Развитие критического мышления как базис студентоориентированного образования / Т.В. Сапух //Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – № 9. – С. 202-216
8. Северухин В.А. Современные проблемы российской государственности. Учебное пособие / В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2013. – 88 с.
9. Юридическая клиника – образование, основанное на практическом опыте: учебно-методическое пособие. Часть 1. М.: 2015 – 308 с.

Костылева Елена Дмитриевна,
к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры «Правоведение» МГТУ им. Н.Э. Баумана

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ПОНИМАНИИ СООТНОШЕНИЯ СВОБОДЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема свободы и безопасности человека является одной из самых актуальных проблем современности. Право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в статье 22 Конституции РФ, является одним из фундаментальных и неотчуждаемых прав человека, которое принадлежит ему от рождения, не зависит от принадлежности к гражданству государств и дает ему возможность действовать в соответствии со своей волей, сохраняя при этом нравственно-духовную ценность личности.

Традиционно свобода взаимосвязана со статусом человека, его взаимоотношением с окружающим миром. Свобода человека, подразумевает возможность самостоятельно определять свои поступки, возможность

распоряжаться своим временем. Право на свободу подразумевает саму свободу, как возможность совершать любые правомерные действия[282].

Понятие «свобода» как категория имеет различные грани: свобода слова, свобода мысли, свобода выбора, свобода личности и т.д., в зависимости от уровня отношений между личностью и обществом. Абсолютной свободы личности не может быть в принципе, если человек живет в социуме. Физическая, нравственная, психологическая, индивидуальная свобода человека означает степень дозволенности его действий в процессе жизнедеятельности, не ущемляющей интересы общества. Свобода человека одновременно налагает на него ответственность, выдвигая в рамках общественных отношений определенные ограничения, в пределах которых он считается свободным.

По мнению С.А. Авакьяна, свобода человека может быть интеллектуальной или физической и дополняется правом на личную неприкосновенность[283].

В неразрывной связи с правом на свободу находится личная неприкосновенность человека, эти понятия взаимодополняют друг друга, но не совпадают. Неприкосновенность личности – принцип, согласно которому недопустимо вмешательство в личное пространство человека, физическое, психическое, духовное. Устанавливая общие условия ограничений прав и свобод, Конституция РФ тем самым защищает человека и его права от произвольных действий, посягающих на свободу личности со стороны государства.

Проблему пределов свободы человека в целом можно рассматривать как проблему правовых ограничений. Ограничение свободы следует понимать, как установленный законодательством предел реализации человеком его прав и свобод, который находит свое выражение в запретах, которые служат обеспечением необходимого баланса между интересами личности, общества и государства. Формально-юридическое значение конституционных основ ограничения прав и свобод, в том, что они выражают концепцию определения границ свободы человека. Обеспечение подлинной свободы личности возможно только при полноценной реализации конституционных основ ограничения прав и свобод человека, в действующем законодательстве конкретного государства, соответствующим нормам международного права.

Основополагающие законодательные акты стран-членов Совета Европы содержат нормы, регулирующие свободу и личную неприкосновенность и нормы об ограничении прав и свобод. Одним из определяющих признаков понятия ограничения права, является установление пределов свободы

[282] Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты прав человека, обеспечивающих нравственно-духовную ценность личности, в Российской Федерации / Е. Д. Костылева // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. Научно-теоретический журнал. – 2016. – № 1. – С. 94.

[283] Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс/ С.А. Авакьян – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т.1. – М.: Юрист, 2007. – С. 576-577.

личности, целью является достижение компромисса между интересами личности, общества и государства.

Критерием ограничения свободы необходимо рассматривать крайнюю необходимость, обусловленную невозможностью иным способом защищать правоохраняемые блага, при соблюдении соразмерности вводимых ограничений.

Следовательно, причиняемый вред должен быть меньше, чем предотвращаемый вред, то есть должна соблюдаться разумная достаточность мер государственного ограничения прав и свобод человека.

Безопасность – это степень защищенности жизненно важных интересов человека от внутренних и внешних угроз, а также она является показателем уровня зрелости правового государства.

Безопасность и свобода – основа человеческого развития, а также общества и государства. Набор конституционных свобод имеет свой смысл и легитимность только как часть системы безопасности[284]. Понятия свобода, безопасность, неприкосновенность личности взаимообусловлены и неотделимы друг от друга, но важнейшее значение все же имеет свобода.

Нравственность обуславливает основу развития личности и общества, предполагает соблюдение человеческого достоинства, чести, справедливости, приверженность правде, доброте и гуманности, законопослушание, национальную и религиозную толерантность. Она несовместима со стремлением к господству, с угнетением, коррупцией, криминальностью, с ложью и обманом общественности, с эгоизмом.

Нравственность и безопасность теснейшим образом взаимосвязаны. Понятие нравственности можно определить как совокупность обязательных велений, присущих совести человека, управляющих его волей и деятельностью с целью не нанесение ущерба собственной репутации, своей чести, достоинству, интересам общества. В основе нравственности лежат традиции и обычаи, которые сформировались в течение продолжительного времени у какого-либо народа, проживающего на определенной территории.

Общественная нравственность образует определенную сферу, противостоящую существованию в обществе угроз и проявлений наиболее распространенных человеческих проступков и преступлений, отвечает за ограждение людей от столкновения с ними в повседневной жизни.

Многие конституции стран-членов Совета Европы содержат нормы об ограничении прав и свобод. Положения о поддержании и обеспечении общественной безопасности нашли непосредственное отражение во многих европейских конституциях, преследуя цели охраны прав личности, государствами устанавливается возможность ограничения свободы граждан в строго оговоренных законом случаях и с соблюдением предписанных процессуальных процедур.

---

[284] Елагин А.Г. Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека / А. Г. Елагин // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 6-8.

Таким образом, понятие безопасности, становясь все более широким, в то же самое время все больше конкретизируется. В законодательстве многих стран мира оно до сих пор не закреплено. Безопасность лежит в основе ограничения свобод человека и диктуется необходимостью уважения нормального функционирования общества и государства. Однако любые ограничения допустимы в том случае и в той мере, в каких они предусмотрены в конституциях.

Есть конституции, в которых, при определении ограничений свободы, существуют отсылки к закону, который четко устанавливает для законодателя задачи и пределы регулирования соответствующих отношений, и основные содержательные положения этого регулирования. Практически во всех конституциях предусмотрена возможность ограничения прав и свобод, которые могут помешать восстановлению порядка при чрезвычайных обстоятельствах, но такие действия носят временный характер. При особых правовых режимах может рассматриваться как приостановление прав.

В основном приостановление прав выражается как временное ограничение реализации права или исключительный способ реализации ограничения (например, Румыния), как принудительная мера, применяемая к нарушителям закона, имеется ввиду невозможность, по решению суда осуществлять права на протяжении определенного периода времени (например, Молдова), как лишение утрата конкретного права на определенное время (Германия). Ограничение права применяется в основном в мирное время, а приостановление права при чрезвычайном или военном положении. Например, Конституция Испании не содержит института ограничения основных прав, а позволяет их приостановление.

Ограничение свободы человека может быть обосновано не только самой конституцией. Например, в Чехии конкретизация прав и свобод, а также их ограничение предусмотрены не только Конституцией, но и Хартией основных прав и свобод Чехии (Чешской Республики) от 9 января 1991 года.

Анализ конституций стран-членов Совета Европы позволил выделить общие основания ограничения свободы человека, это – пределы реализации свободы человека, обеспечивающие соблюдение баланса между интересами человека, общества и государства.

Провозглашая право на свободу, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) имеет в виду личную свободу, в то же время определяет случаи и условия лишения свободы с целью поддержания правопорядка, требующие наказания лиц, совершивших те или иные правонарушения. Под «лишением свободы» понимаются все формы задержания, ареста, помещения под стражу, которые изолируют человека от общества, нарушают его право на свободное передвижение.

Определяя степень лишения свободы, необходимо учитывать такие основания как вид, продолжительность, условия и последствия ареста и заключения под стражу. Конвенция, гарантируя защиту физической свободы

лица от произвольного ареста или заключения под стражу, рассматривает лишение свободы и задержания только в случаях, перечисленных в статье 5. Следовательно, государства-участники Конвенции не имеют право создавать свои основания для задержания и должны действовать в пределах, установленных Конвенцией.

Для того чтобы лишение свободы соответствовало Конвенции, оно должно отвечать двум условиям: законности и правомерности. Поэтому национальным судебным органам предусмотрено толковать внутреннее право справедливо и правомерно, соблюдая общие принципы, соответствующие Конвенции, то есть лишение свободы должно соответствовать цели, предусмотренной одним из случаев пятой статьи.

Задержание и арест трактуются Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и российским процессуальным законодательством по-разному. Правда, с точки зрения применения статьи 5 Конвенции это не имеет принципиального значения, поскольку, во-первых, и то, и другое – лишение свободы, во-вторых, нормы Конвенции вступают в силу с момента фактического лишения свободы, а не с момента оформления соответствующего процессуального документа.

Опираясь на практику своей работы, а также практику Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации выработал такие критерии ограничения законом основных прав, как 1) соразмерность ограничений конституционно признаваемым целям и 2) сохранение существа и реального содержания права.

Ограничения прав должны быть соразмерны защищаемым Конституцией РФ ценностям и соблюдать баланс интересов общества и государства.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс/ С.А. Авакьян – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. Т.1. – М.: Юрист, 2007. – С. 576-577.
2. Елагин А.Г. Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека / А. Г. Елагин // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 6-8.
3. Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты прав человека, обеспечивающих нравственно-духовную ценность личности, в Российской Федерации / Е. Д. Костылева // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. Научно-теоретический журнал. – 2016. – № 1. – С. 94.

Кочеткова Елена Викторовна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
МГУТУ им. К.Г. Разумовского,
Тагиева Ульвия Ульви кызы,
студентка 4 курса МГУТУ им. К.Г. Разумовского

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В период сложной экономической ситуации большая часть граждан все чаще сталкиваются с проблемой неплатежеспособности. В связи с чем в значительных масштабах приобретает актуальность проблема кредитования населения. Возникновение же института банкротства физических лиц дает возможность освобождения от долгов перед кредиторами в случае честных сделок и соблюдения всех формальностей.

В 2015 году в нашем государстве вступил в силу Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (далее – Закон о банкротстве физических лиц), что стало основанием для законного погашения долгов для российских граждан. По новому законодательству банкротами могут выступать не только юридические, но и физические лица, а также индивидуальные предприниматели.

Закон о банкротстве физических лиц предусматривает право физического лица, а также индивидуального предпринимателя обращаться в суд для признания банкротства при наличии следующих оснований:

1) долг не менее 500 тысяч рублей;

2) срок неуплаты долга, превышающего три месяца, при отсутствии стабильного дохода для его погашения.

Возможно, было бы целесообразнее использовать не фиксированную сумму, а исчислять в процентном соотношении суммарного долга к размеру ежемесячного дохода, включающего в себя не только заработную плату, но и все возможные источники дохода, такие как стипендия, пособии, льготы.

Дела, связанные с банкротством физических лиц, рассматриваются арбитражными судами по следующему алгоритму:

1) подача заявления;

2) рассмотрение заявления;

3) назначение финансового управляющего;

4) процедура реструктуризации;

5) процедура реализации имущества;

6) признание банкротства;

7) списание долгов.

На основании статьи 213.3 Закона о банкротстве физических лиц подача заявления в суд о признании лица банкротом может быть направлено самим должником, конкурсным кредитором или уполномоченным органом. Одним из существенных условий является и то, что физическое лицо обязано

обратится в суд с заявлением при условии, если требования одного кредитора приводят к неисполнению данным лицом денежных обязательств по уплате платежей в полном объеме перед другими кредиторами, при этом срок не должен превышать тридцати рабочих дней со дня, когда он узнал о несостоятельности своего дохода для погашения своих долгов. Также к основным документам должник обязан приложить документы, перечисленные в статье 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»:

1) списки кредиторов;

2) опись имущества;

3) сведения о доходах;

4) копия страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования.

После смерти должника кредиторы, а также их наследники могут обратиться в арбитражный суд о признании банкротства умершего должника. Необходимо отметить, что оставление без движения или возвращение заявления о признании должника банкротом вызвано тем, что граждане не в состоянии обратиться за юридической помощью из-за финансовой неустойчивости.

На начальном этапе банкротства физического лица уполномоченными органами проверяется его платежеспособность. Суд должен установить, имеется ли у должника собственность, реализованная в целях погашения долга, либо возможного получения прибыли. Параллельно с этими действиями принимаются меры по обеспечению сохранности имущества должника и назначается временный управляющий. О начале процедуры банкротства физического лица в обязательном порядке уведомляются все известные кредиторы, которые в течение двух месяцев могут предъявить ему свои требования. После признания судом банкротства физического лица приостанавливается применение штрафных санкций, пеней, неустоек. Сам должник будет считаться банкротом в течение последующих пяти лет с момента вынесения в отношении него судебного решения. В случае, когда должник добровольно отказывается от возбуждения процедуры банкротства, то кредитор имеет право обратится с иском в суд о признании должника банкротом.

Банкротство физического лица влечет за собой определенные последствия. После признания должника банкротом в течение пяти лет с даты окончания в отношении должника процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве, он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам или договорам займа без указания на факт своего банкротства; дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению должника; в течение трех лет он не вправе занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом.

Рассмотрев процедуру банкротства физических лиц, можно указать его преимущества и недостатки.

На основании вышеизложенного можно сформулировать основные преимущества процедуры банкротства для граждан:

– использование различных способов погашения задолженности, предоставляет возможность в добровольном порядке удовлетворить требования всех кредиторов;

– наличие дополнительного времени для погашения задолженности в пользу удовлетворения требований кредиторов;

– наличие более эффективных способов распоряжения имуществом, нежели продажа имущества должника по экономически невыгодной цене приставами-исполнителями на торгах;

– невозможность признания банкротом повторно не ранее 5 лет после признания лица банкротом в первый раз;

– предоставление права кредиторам переселять должников из единственного жилья в жилье меньшей площадью, при этом нормой будет 15–20 кв. м. на члена семьи. Разницей же будет покрываться часть долга.

Следует также отметить, что одним из первых шагов в направлении к упрощению процедуры банкротства физических лиц стало снижение суммы государственной пошлины, уплата которой необходима для открытия процедуры банкротства, которая была снижена в 20 раз и с 1 января 2017 г. составляет 300 рублей для физических лиц против 6 тыс. рублей, которые граждане должны были платить раньше.

Основными недостатками данной процедуры являются:

– серьезная предварительная юридическая подготовка к процедуре банкротства, которая включает в себя: грамотное составление заявления и собрание необходимых документов (на основании неправильно указанных данных в заявлении или отсутствия каких-либо документов суд может принять определение об оставлении дела без движения);

– длительный процесс банкротства, который может растянуться на несколько лет, что весьма усложняет жизнь гражданина. Поскольку в этот период должник, который и так находится в затруднительном финансовом положении, обязан оплачивать работу финансового управляющего, почтовые расходы судов, публикацию в газете, обеспечивать выплаты в рамках реструктуризации кредиторам. Для граждан, обращающихся в суд, гораздо выгоднее и целесообразнее сразу перейти к процедуре реализации имущества, минуя стадию реструктуризации. Установление четко ограниченного срока на реструктуризацию долгов, который не должен превышать 3 года, с одной стороны отвечает интересам кредиторов, но с другой – может быть недостаточным для выплаты довольно крупной суммы денег;

– законодательное закрепление возможности подать в суд заявление о банкротстве физического лица только в случае, когда объем денежных требований к нему составляет не менее 500 тыс. рублей;

– ограничения, предусмотренные законодательством для физических лиц, получивших статус банкрота: невозможность выехать за границу, открыть свое дело, получить кредит в кредитной организации, занимать руководящую должность. Однако эти меры не являются постоянными, так как с течением времени, при условии погашения долгов, гражданин будет полностью восстановлен в своих правах.

На сегодняшний день закон о банкротстве физических лиц зарекомендовал себя с положительной стороны, однако в нем есть пробелы, которые постепенно устраняются. В дальнейшем предполагается изменение ставки финансового управляющего, упрощение процедуры банкротства физических лиц. Министерство экономики разработало ряд поправок, которые обсуждаются другими ведомствами и банками. Возможные поправки в действующее законодательство о банкротстве физических лиц коснутся, прежде всего, граждан с небольшими доходами. Кроме того, должник, претендующий на упрощенную процедуру банкротства как минимум за полгода до подачи заявления должен прекратить статус индивидуального предпринимателя.

В целом же следует признать, что, несмотря на многочисленные негативные последствия, банкротство несет в себе для человека, оказавшегося в проблематичной ситуации, позитивные последствия. Например, все финансовые обязательства, которые имелись на момент оформления банкротства, списываются с должника, если будет признано, что его имущества недостаточно для погашения имеющейся задолженности. Это позволит человеку, имеющему проблемы, начать все сначала и разобраться с финансовыми сложностями, мешающими ему нормально жить.

Литература

1. Банкротство. Конспект лекций: моногр. - М.: А-Приор, 2017. – 128 с.
2. Белых В.С. Банкротство граждан: критерии, статус, процедуры / В.С. Белых. – Проспект, 2015. – 128 с.
3. Белых В.С. Понятие, критерии и признаки несостоятельности граждан / В.С. Белых // Арбитражный суд Свердловской области. Круглый стол на тему: «Банкротство физических лиц: проблемные вопросы». – 2017. – С.8-15.
4. Ганюшин О.Е., Терещенко Т.А. На опережение: Верховный Суд высказался по отдельным вопросам процедуры несостоятельности (банкротства) граждан // Закон. – 2015. – № 12. – С. 98-105.
5. Игбаева Г.Р. Пробелы реализации норм о банкротстве физических лиц / Г. Р. Игбаева // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 125-127.

6. Исик, Л. В. Банкротство и финансовое оздоровление / Л.В. Исик. – М.: Дело и сервис, 2017. – 272 с.
7. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения [Текст] / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и экономика. – 2015. – № 10. – С. 18-26.
8. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизм освобождения гражданина-должника от обязательств как следствие его банкротства: условия и порядок применения [Текст] / С.А. Карелина, И.В. Фролов // Право и экономика. – 2015. – № 10. – С. 18-26.
9. Мухачев И.Ю. Правовое регулирование деятельности арбитражного управляющего при несостоятельности (банкротстве): Дис. канд. юрид. наук. / И.Ю. Мухачев. – М., 2004. – 192 с.
10. Ткачев, В.Н. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России: моногр. / В.Н. Ткачев. – М.: Городец, 2016. – 528 с.

Крупеня Елена Михайловна,
д.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
Смолина Ирина Геннадиевна,
к.ю.н., старший научный сотрудник сектора социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Постсоветский период развития права, а вместе с ним и правовой жизни общества отмечен тем, что на референдуме была принятая и пока еще остается действующей Конституция Российской Федерации 1993 г. Она дала импульс для развития отечественной общеправовой теории, закрепив понятия новые для правовой системы или обладающие элементами новизны.

В числе прочих новелл в Основном законе национальной правовой системы России указывалось, что государство является социальным. И именно в этом качестве Российская Федерация презентует доминирующий вектор внутренней политики, которая «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Особенно это актуально в отношении тех граждан, которые по сравнению с другими являются менее защищенными в социальном плане.

Тем не менее, отметим, что отраслевые науки (на примере науки

конституционного права) едва ли могут прирастать новым знанием о социальном государстве без качественной теории. С сожалением приходится констатировать, что специалисты в области общей теории государства и права и методологии юриспруденции современного периода проявляют более чем сдержанный интерес к общей теме социального государства и ее сюжетов.

Необходимость разработки качественной теории социального государства подтверждается рядом факторов. В их числе отметим лишь некоторые:

– неопределенность в понятиях, при помощи которого описывается нормативный и правореализационный уровень существования социального государства в современных условиях развития общества. Социальное государство описывается представителями науки конституционного права слишком различно, а иногда и полярно: это и «патерналистское государство», и «собес», и государство «всеобщего благоденствия», и обеспечивающее «затратные социальные права граждан», и гарантирующее «минимальный стандарт социальных услуг» и др. В случае последней интерпретации за пределами анализа остается необходимые в такой ситуации корреляции между функциями государства – на этот счет в науке сложилась трудно достижимая конвенция - и государственными услугами;

– представители науки конституционного права постулируют, что социальное государство обладает самостоятельной сущностью. Дополняется эта констатация тем, что социальное государство обязательно аттестуется как правовое. А историографический аспект темы используется для аргументации тезиса: социальное государство – это высшая ступень в эволюции, которая придет на смену государству правовому.

– понимание социального государства в условиях современной науки смещает центр анализа на его человекоразмерность; внимание акцентируется на том, что функциональная достаточность социального государства проявляется в форме «хорошего управления» - именно оно обеспечивает «мир и спокойствие, удовлетворенность граждан качеством жизни в соответствии положениями Международного пакта с пакт о социальных и экономических правах, выполнение которых обеспечено всеми имеющимися в государстве ресурсами! Применительно к социальному государству хорошее управление важно рассматривать в контексте правовой политики: законотворчества, реализации принятых законов и иных нормативных правовых актов, прогнозировании издержек, в том числе социально-политических (правовой мониторинг в широком смысле этого слова).

В дополнение к изложенному выше заметим, что несомненный интерес, как представляется, прежде всего, в практическом плане вызывает вопрос об оценки эффективности деятельности государства в отношениях с гражданами, обладающими социальными правами – органической составляющей системы прав человека, поскольку отвечает потребностям

современной юридической теории и практики. В этой связи стоит только приветствовать появление исследовательских проектов, которые нацелены на получение важного для практики результата.

Своевременность таких разработок и значимость для общеправовых исследований поддерживается несколькими обстоятельствами. Во-первых, предпринятым обобщением имеющихся доктринальных подходов к оценке эффективности функционирования современных государств в пределах различных национальных правопорядков, которые позиционируют себя в отношениях с гражданами в качестве социального государства. Во-вторых, принципиальные для решения научной проблемы оценки эффективности деятельности государства выводы и положения обусловлены значительным количеством примеров из опыта государств различных правовых систем (Обобщение опыта Австралии, Великобритании, Венгрии, Дании, Италии, Канады, Новой Зеландии, США), включая практику современной Российской Федерации. В-третьих, выработкой рекомендаций по закреплению дефиниций «эффективность государственного управления» и «социальный эффект» в нормативном правовом акте - в этом видится пример надлежащего научного сопровождения деятельности субъектов правотворчества.

Результатом серьезного анализа различных точек зрения ученых-правоведов, в том числе и специалистов в сфере компаративистики, и предложенного инновационного подхода к общетеоретическому анализу эффективной оценки социальной функции государства является введение в научный оборот общеправовой теории таких определений понятий как «эффективность государственного управления» и «социальный эффект». В числе результатов исследования, которые обладают новизной по отношению к имеющемуся знанию в области общеправовой теории социального государства, стоит отнести стремление «взглянуть» на процесс оценки эффективности при реализации социальной функции государства как на явление институциональное, придать ему свойства юридического процесса, выделив такую характерологическую черту как стадиальность др.

Соглашаясь в целом с логикой исследования, цель которого состоит в том, чтобы «выявить и раскрыть особенности института оценивания государственного управления - одного из атрибутов воздействия современного государства на общественные отношения в социальной сфере»,

трудно, тем не менее не заметить следующего. А именно: ряд положений исследования носят исключительно дискуссионный характер, и именно поэтому нуждаются в уточнениях: [1]не понятен вывод относительно недостатков, имеющихся «… у новых моделей государства («Государство рациональной бюрократии», «государство всеобщего благосостояния», «корпоративная модель государственного управления», «сервисное государство» «хорошее управление» (good governance), «новое государственное управление» (new public management), «сетевое управление», «электронное государство» и др.) , а они, как можно

предположить, побудили автора исследования остановится на выборе классической версии государственного управления, сформированной два столетия назад; [2]полагаем, что было бы уместным конкретизировать, т. е. назвать и перечислить использование каких именно частноправовых методов в регулировании публично - правовых отношений позволяет зафиксировать и обеспечить реальное действие механизма ответственности органов государственной власти в случае неэффективного исполнения социальной функции государством? ; [3]в дополнительной аргументации нуждается утверждение о необходимости увеличения «присутствия» российского государства в сфере социального обслуживания населения . При том, что автор критикует сложившуюся в Российской Федерации модель социального облуживания населения. И это, несмотря на то что похожая модель весьма успешно применяется в зарубежных странах.

В контексте решения вопроса об эффективности социального государства, следует помнить и о величинах, количественных показателях, показывающих качество функционирования социального государства. Результативность социального государства в обществе в актуальном состоянии оставляет ряд вопросов: во-первых, о детерминациях между результатами и ресурсами (вложениями, в решение социальных проблем. Представляется, что следует сместить анализ с самих ресурсов (напр. финансовых) на то, чтобы имеющимися ресурсами достигать большего положительного результата; это позволяет при значительных вложениях ожидать и более значительного социального эффекта и достигать заявленных нормативных показателей.

Конечно, вопрос распределения и использование государством ресурсов для решения проблем социально незащищенных граждан проблематизирует вопрос реализации публичных статусов гражданами со специальной компетенцией. Иными словами, хорошее управление в социальном государстве поставлено в зависимость от конкретных чиновников, т.е. от того, как граждане, обладающие специальной (компетентностной) правосубъекностью – все, кто персонифицируют государственную власть, действуют в своей повседневной управленческой реальности, реализуя свой служебный статус.

Перспективность такого анализа в современных правоведческих разработках поддерживается прагматическим «поворотом» в науке, для которого характерна редукция социальных процессов и явлений (в нашем случае – социального государства), прежде всего, в контексте человеческого поведения, со свойственным ему целеполаганием, осознанностью, заинтересованностью, ментальным комплексом в структуре субъективной внутренней реальности человека и др. чертами.

Литература

1. Еремина О. Ю. Теоретико-правовые основы оценки эффективности государственного управления в социальной сфере: автореферат … к.ю.н. М., 2020.
2. Крупеня Е.М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дисс. д.ю.н. Курск, 2019.

Куксин Иван Николаевич,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ*

Проводимые в России преобразования носят сложный и противоречивый характер. Однако не любое противоречие деструктивно. Противоречие выступает движущей силой и необходимым источником развития системы. Обозначенные области, где особенно проявились и обострились противоречия, сподвигли руководство страны к изменению Конституции Российской Федерации путем внесения в нее поправок, а также подготовку и реализацию национальных проектов, которые должны обеспечить прорыв не только в социально-экономической и научно-технической областях, но и повысить уровень жизни, создать условия и возможности для раскрытия таланта и самоорганизации каждого человека.

Начиная с 90-х годов прошлого века, в рамках проводимых судебно-правовых реформ, в России стали внедряться новые подходы и механизмы в разрешении юридических конфликтов, которые опираются на мировую практику. Их новизна заключалась в обосновании и внедрении новых, альтернативных подходов в правоприменительной практике в противовес традиционному карательному подходу. Противоречивый характер развития российского общества не мог не затронуть и такую область как рост числа юридических дел, рассматриваемых судами, особенно мировыми, что свидетельствует об увеличении конфликтности в обществе. Так, например, в 2018 году мировые судьи, судьи районных судов и Мосгорсуда рассмотрели 1 928 069 дел и материалов. Эта цифра в сравнении с 2017 годом выросла на 25 % (на 382 829)[285].

* Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс

[285] [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/208810/ (дата обращения: 04.03.2020).

Приведенные цифры нагрузки на судей дают основание активно использовать институт примирения как самостоятельный и эффективный способ разрешения юридических конфликтов.

С учетом ограниченности листажа статьи автор сосредоточит внимание на судебном примирении в рамках действующего российского законодательства. Судебное примирение – это новый институт разрешения юридических конфликтов в российском судопроизводстве, который позволяет лицам, раскаявшимся и возместившим причиненный ущерб, в рамках правового поля избежать судебного преследования. Следовательно, примирение сторон – это обоюдное согласие сторон на мирное разрешение юридического конфликта.

Целями судебного примирения является достижение сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования правового конфликта с учетом интересов сторон. Этому способствуют и задачи, которые заключаются в сближении позиций сторон по делу, выявлении дополнительных возможностей для урегулирования конфликта.

К этой процедуре разрешения юридического конфликта, в рамках судопроизводства, предъявляется ряд общих требований, которые отражены в *принципах*, на которых построен весь примирительный процесс.

Принцип *добровольности* позволяет участникам без внешнего давления определять кандидатуру судебного примирителя по взаимному согласию. Принцип *сотрудничества* нацеливает стороны на конструктивный и созидательный характер урегулирования конфликта в основе которого лежит атмосфера доверия и взаимного уважения, а также предусматривает взаимодействие сторон друг с другом, судебным примирителем и судом. Принцип *равноправия* ориентирует судебного примирителя, чтобы он соблюдал равноудаленность от участников конфликта, не ставя кого-либо из них в преимущественное положение и не ограничивая их в правах.

Принцип *конфиденциальности* обеспечивает участникам ограничение в распространении информации.

Участниками судебного примирения выступают стороны (представители сторон), судебный примиритель, а также другие лица, но по согласованию со сторонами и судебным примирителем, а также лицо, способствующее проведению судебного примирения (например, переводчик). С учетом того, что судебному примирителю отводится одна из ключевых задач в примирении сторон, закон возлагает на него реализацию принципов *независимости* и *беспристрастности*, обеспечивающих надлежащую организацию судебного разбирательства.

При согласии сторон о проведении примирительной процедуры суд выносит *определение* о проведении судебного примирения по юридическому делу.

Стороны, договорившись на проведение судебного примирения, обязаны выбрать судебного примирителя. Его кандидатура определяется по

взаимному согласию сторон из списка судебных примирителей, который формируется и утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации на основе предложений судов общей юрисдикции о кандидатурах судебных примирителей из числа судей в отставке, изъявивших желание выступать в качестве таковых.

Выбранный сторонами примиритель в пределах своих прав ведет весь примирительный процесс, руководствуясь Регламентом проведения судебного примирения, утвержденным Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 года № 41.

Судебное примирение проводится в форме переговоров и может включать в себя следующие стадии.

1. *Открытие судебного примирения*. При открытии судебного примирения председательствующий устанавливает личность каждой из сторон, а также обстоятельства, которые могут повлиять на проведение процесса примирения. Затем разъясняет участникам процесса цели судебного примирения, свою роль в нем, а также права и обязанности участников, в том числе и иных лиц.

2. *Изложение обстоятельств спора и определение интересов сторон*. Второй этап предусматривает изложение каждой из сторон сути спора и путей его урегулирования. Здесь особое внимание уделяется как сторонами, так и судебным примирителем на те разногласия, которые указаны сторонами и которые послужили причиной обращения в суд. Примиритель уточняет у каждой из сторон, какого результата они хотели бы достичь, а также уточняет об участии в судебном примирении иных лиц.

3. *Формулирование сторонами вопросов для обсуждения*. На основе изложенного сторонами предмета спора судебный примиритель совместно с участниками спора формирует список вопросов, требующих обсуждения. В ходе этой процедуры происходит обмен мнениями между участниками, в ходе которого судебный примиритель обязан обеспечить им равные возможности для высказываний своих мнений, а при необходимости – получения дополнительной информации.

4. *Индивидуальная беседа судебного примирителя со сторонами и их представителями*. Для исключения осложнений в ходе примирительной процедуры, председательствующий по своей инициативе либо по просьбе сторон имеет право на проведение индивидуальных бесед с каждой из сторон. По результатам обмена мнениями он информирует другую сторону.

5. *Выработка сторонами предложений по урегулированию спора и достижению результатов примирения*. На этом этапе примиритель фиксирует те предложения, которые высказывают стороны примирения, выделяя те из них, по которым достигнуто соглашение и те вопросы, которые требуют дополнительных переговоров. Такая тактика позволяет судебному примирителю постепенно вести стороны к положительному результату примирения.

6. *Оформление результатов примирения, в том числе заключение мирового соглашения, соглашения о примирении*. Как только стороны достигли компромисса по принципиальным вопросам спора, судебный примиритель и стороны обсуждают поступившие предложения по урегулированию спора и вырабатывают решение по достижению примирения. Если участники затрудняются обобщить и сформулировать поступившие предложения по урегулированию спора, судебный примиритель объявляет перерыв с целью дать возможность сторонам дополнительно изучить внесенные предложения по урегулированию спора, а самому – провести дополнительные индивидуальные переговоры со сторонами (стороной).

7. *Завершение судебного примирения*. Как только стороны достигли результата примирения и не истекли установленные судом сроки проведения судебного примирения, оно считается завершенным.

Для закрепления достигнутого положительного результата (результатов) примирения, суд принимает *мировое соглашение* в письменной форме. Соглашение о примирении готовится сторонами при содействии судебного примирителя.

Утвержденное судом мировое соглашение о примирении подписывается сторонами или их представителями. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания.

При утверждении мирового соглашения суд не вправе изменять или исключать из него какие-либо условия, согласованные сторонами. Однако он вправе предложить сторонам исключить из мирового соглашения отдельные условия, противоречащие закону или нарушающие права и законные интересы других лиц.

Суд, вынося определение по вопросу об утверждении соглашения о примирении, указывает: «утверждено соглашение о примирении» или «сторонам отказано в утверждении соглашения о примирении»; условия соглашения о примирении; возвращение истцу из соответствующего бюджета части уплаченной им государственной пошлины в размере, установленном федеральным законом о налогах и сборах; распределение судебных расходов.

Мировое соглашение составляется и подписывается в количестве экземпляров, превышающих на один экземпляр количество лиц, заключивших мировое соглашение. Один из этих экземпляров приобщается судом, утвердившим мировое соглашение, к материалам дела.

Курушин Сергей Анатольевич,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
Самарского филиала МГПУ

О ПРАВЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ, НА РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО

На протяжении всей мировой истории неоднократно случалось, что представители одного народа или бывшие граждане одного же государства оказывались за пределами страны своего изначального происхождения. Происходило это в основном по причине изменения государственных границ, когда территория проживания народа оказывается отторгнута в пользу иного государства, либо же вследствие различного рода социальных конфликтов, в результате которых граждане конкретной страны оказываются вынуждены покинуть ее пределы.

Хотя подобные случаи имели место на протяжении всей истории человечества, особенно богатым на подобные примеры выдались XX век и начало XXI века, на протяжении которых происходили многочисленные межгосударственные и внутригосударственные конфликты, массовая эмиграция и депортация целых народов, провозглашение независимости одних государств и прекращение существования других. Не обошли стороной подобные события и Россию в ее недавнем прошлом. Данный факт получил официальное признание со стороны высшего руководства нашей страны: так, в марте 2014 года Президент России В.В. Путин, в своей речи, заявил, что русский народ после развала СССР оказался самым большим разделенным народом в мире[286].

Вопросы определения понятия «соотечественники», как и точный подсчет численности соотечественников за рубежом на современном этапе являются наиболее актуальными и проблемными вопросами исследования данного феномена. В статье 1 Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» содержится понятие соотечественников, под ними понимаются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии, граждане Российской

[286] См., например: Путин: Русский народ оказался самым большим разделенным народом мира // Взгляд. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/news/2014/3/18/677718.html (Дата обращения: 03.03.2020); Официальный сайт Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. [Электронный ресурс]. URL: http://rs.gov.ru/ru/activities/5 (Дата обращения: 05.03.2020); Полонский А. Русские без России: Как живётся нашим соотечественникам за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Frusskie-bez-rossii-kak-zhivjotsja-nashim-sootechestvennikam-za-rubezhom_218836 (Дата обращения: 05.03.2020).

Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации, иные лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации.

Признание своей принадлежности к соотечественникам является актом самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией[287]. –

По данным 2011 года во всем мире насчитывалось около 35 млн российских соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации: примерно 24 млн в ближнем и 11 млн – в дальнем зарубежье[288]. В 2016 году в ближнем зарубежье насчитывалось 14,2 млн этнических русских и 42,75 млн русскоязычных граждан и 6,8 и 21,3 млн, соответственно, в Восточной Европе[289].

Согласно статистике МВД РФ, на начало 2017 года в России пребывало около 2,5 млн граждан Украины. При этом с начала 2014 года свыше 230 тыс. украинских граждан обратились с заявлениями об участии в государственной программе по добровольному переселению соотечественников в Россию, а около 175 тыс. человек пожелали приобрести гражданство[290]. В первом полугодии 2018 года в российское гражданство принято около 126,5 тыс. человек[291].

Политика многих государств на современном этапе направлена на поддержку своих соотечественников, проживающих за рубежом, а также на стимулирование их возвращения к себе на родину – посредством

---

[287] Взаимодействие с соотечественниками за рубежом // Официальный сайт Правительства Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: http://kvs.spb.ru/vzaimodejstvie-s-sootechestvennikami-za-rubezhom/ (Дата обращения: 03.03.2020).

[288] Чепиницкая П. Р. Категория «соотечественники за рубежом» в модусе этносоциологии и сетевая структура «Русского мира» / П. Р. Чепиницкая // Теория и практика общественного развития. 2011. – № 8. – С. 102.

[289] Герасимова В.А. Российские соотечественники за рубежом / В. А. Герасимова // Пост советские исследования. – Т. 2. № 1 – М. 2019. – С. 908-909. 904-922.

[290] МВД: 2,5 млн граждан Украины находятся на территории России // Газета.ru. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/01/04/n_9528515.shtml (Дата обращения: 03.03.2020).

[291] Кириллова О. Интервью // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet.info/compatriots/articles-and-presentations-on-the-problem-of-compatriots/18166/ (Дата обращения: 03.03.2020).

предоставления им ряда льгот и пособий при переезде и, что также немаловажно, упрощения порядка приобретения гражданства. Ряд государств придают «праву на возвращение» особенно большое значение и закрепляют его даже на уровне конституции (например, Армения, Польша, Китай и т.д.). При этом льготный порядок приобретения гражданства гарантируется законом по общему правилу на основании принципа крови – иными словами, правом на приобретение гражданства в упрощенном порядке обладают лица, которые могут доказать свою этническую принадлежность к государствообразующей нации.

В текущем законодательстве России также действует несколько нормативно-правовых актов, призванных способствовать поддержке соотечественников, проживающих за рубежом в целом и содержащих положения о порядке приобретения ими гражданства, в частности. Во-первых, это уже упоминавшийся Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», в котором дается определение понятия соотечественника, излагаются принципы и цели государственной политики России в отношении соотечественников, определяются меры их материальной и информационной поддержки. Во-вторых, это Указ Президента России от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» который дополняет названный закон в части содействия переселению соотечественников в Россию.

Наконец, действует и так называемый «закон о русском языке», который представляет собой дополнение Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и предусматривает приобретение российского гражданства в упрощенном порядке, чему посвящены части 2.1 статьи 14 и статья 33.1 Закона. В соответствии с этими статьями иностранные граждане и лица без гражданства могут быть признаны носителями русского языка, то есть лицами, владеющими русским языком и повседневно использующими его в семейно-бытовой и культурной сферах на основании успешного прохождения ими собеседования, проведенного специальной комиссией. После чего данные лица получают право на приобретение российского гражданства в упрощенном порядке. Однако при этом данная процедура имеет существенные ограничения.

Так, в качестве носителей русского языка могут быть признаны только те лица, которые проживают или ранее постоянно проживали на территории Российской Федерации либо на территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации, либо если они имеют таких родственников по прямой восходящей линии (ч. 1 ст. 33.1). Таким образом, тем русским (русскоязычным) соотечественникам, чьи родственники по прямой

восходящей линии (сын – отец – дед) проживали за пределами нынешних границ Российской Федерации, придется по-прежнему приобретать разрешение на временное проживание и вид на жительство в общем порядке, и лишь только после прохождения этих процедур они получат право быть допущенными до собеседования.

На наш взгляд, положение в законе о признании лица носителем русского языка должно быть более инклюзивным и распространяться не только на вышеуказанных лиц, но также и на тех, которых таких родственников не имеют и в России находятся на временном проживании или временном пребывании.

Необходимо подчеркнуть, что данный подход отнюдь не означает того, что любой иностранный гражданин, говорящий по-русски, должен получить возможность приобретения российского гражданства в упрощенном порядке. Формулировка «лица, владеющими русским языком и повседневно использующие его в семейно-бытовой и культурной сферах», уже данная в законе в его текущей редакции представляется нам вполне удачной и достаточной для признания лица достойным кандидатом на приобретение гражданства, особенно в совокупности с требованием отказа от гражданства иностранного государства, уже предусмотренным в соответствии с пунктом «в» части 2.1 статьи 14 ФЗ «О гражданстве». При этом вторая часть фразы «повседневно использующие его в семейно-бытовой и культурной сферах» является здесь ключевой. Русский язык должен быть для человека родным изначально, либо же стать таковым после определенного периода жизни этого человека. «Признание своей принадлежности к соотечественникам... является актом их самоидентификации» – так гласит часть 2 статьи 3 Федерального закона «О государственной политике …». Естественно, этот акт не может быть произвольным, он должен иметь под собой основания. Язык же и является тем самым фундаментом национальной идентичности.

Следует также отметить, что при проведении процедуры признания лица носителем русского языка необходим максимально строгий подход, поскольку принятие решения о признании лица носителем русского языка исключительно на основании проведенного собеседования, по нашему мнению, в некоторых случаях может быть основой для служебных злоупотреблений.

Предложенное нами дальнейшее упрощение порядка приобретения гражданства приведет, соответственно, к значительному увеличению числа натурализованных граждан. В связи с этим следует иметь в виду, что по закону больших чисел не все представители данной категории лиц проявят себя как добропорядочные и законопослушные граждане. Поэтому, вероятно, наряду с некоторым упрощением в порядке предоставления гражданства необходимо расширить список уголовно наказуемых деяний, совершение которых влечет за собой отмену решения о приобретении гражданства. На

наш взгляд было бы справедливым отнести к ним все тяжкие и особо тяжкие преступления.

Литература

1. Взаимодействие с соотечественниками за рубежом // Официальный сайт Правительства Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: http://kvs.spb.ru/vzaimodejstvie-s-sootechestvennikami-za-rubezhom/ (Дата обращения: 03.03.2020).
2. Герасимова В.А. Российские соотечественники за рубежом / В. А. Герасимова // Пост советские исследования. – Т. 2. № 1 – М. 2019. – С. 908-909. 904-922.
3. Кириллова О. Интервью // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://komitet.info/compatriots/articles-and-presentations-on-the-problem-of-compatriots/18166/ (Дата обращения: 03.03.2020).
4. МВД: 2,5 млн граждан Украины находятся на территории России // Газета.ru. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/01/04/n_9528515.shtml (Дата обращения: 03.03.2020).
5. Официальный сайт Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. [Электронный ресурс]. URL: http://rs.gov.ru/ru/activities/5 (Дата обращения: 05.03.2020)
6. Полонский А. Русские без России: как живётся нашим соотечественникам за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: https: //yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Frusskie-bez-rossii-kak-zhivjotsja-nashim-sootechestvennikam-za-rubezhom_218836 (Дата обращения: 05.03.2020).
7. Путин: Русский народ оказался самым большим разделенным народом мира//Взгляд. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://vz.ru/news/2014/3/18/677718.html (Дата обращения: 03.03.2020).
8. Чепиницкая П. Р. Категория «соотечественники за рубежом» в модусе этносоциологии и сетевая структура «Русского мира» / П. Р. Чепиницкая // Теория и практика общественного развития. 2011. – № 8. – С. 102.

Ладнушкина Нина Михайловна,
к.п.н., доцент кафедры образовательного и информационного права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время в профессиональном сообществе идет серьёзное обсуждение новой модели государственной регламентации образовательной деятельности.

В рассматриваемой новой модели разрешительной процедурой может остаться только лицензирование образовательной деятельности без государственной аккредитации, а государственный контроль и надзор в своем нынешнем виде трансформируется в единый вид контроля и надзора, который будет включать в себя как контроль соблюдения требований законодательства, так и контроль качества образования[292].

Также рассматривается вариант, где в соответствии с проектом федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» для одного федерального органа государственной власти может быть предусмотрен один вид государственного контроля (надзора). В связи с этим предполагается в государственном контроле (надзоре) в сфере образования выделить несколько подвидов, таких как «государственный контроль (надзор) в сфере дошкольного образования», «государственный контроль (надзор) в сфере начального, основного и среднего общего образования», «государственный контроль (надзор) в сфере дополнительного образования», «государственный контроль (надзор) в сфере среднего профессионального образования», «государственный контроль (надзор) в сфере высшего образования» и «государственный контроль (надзор) в сфере дополнительного профессионального образования». При этом планируется объединить лицензионный контроль с государственным контролем (надзором) в сфере образования, соединив лицензионные требования и обязательные требования, направленные на нивелирование социально значимых рисков, подлежащие проверке.

При любом варианте контрольно-надзорные отношения в сфере образования будут регулироваться федеральными законами «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». В настоящее время проекты данных законов представлены на обсуждение общественности и заинтересованных структур.

[292] Чернявский А.Г., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Государственная регламентация образовательной деятельности / А. Г. Чернявский, Н. М. Ладнушкина, Д. А. Пашенцев, С.И. Феклин. – М.: Инфра-М, 2020. – С. 7-10.

Проект федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» кардинально отличается от ныне действующих норм по проведению проверок.

Одним из основных отличий является выстраивание процедур контроля и надзора с использованием системы управления рисками, то есть контрольно-надзорные органы будут больше внимания уделять тем юридическим лицам, где больше всего выявляются нарушения обязательных требований, установленных законодательством, и эти нарушения несут определенную угрозу охраняемым законом ценностям. В сфере образования охраняемой законом ценностью является право на получение образования[293].

Важной составляющей законопроекта является приоритетность профилактической работы по отношению к проведению контрольно-надзорных мероприятий. Также государственный контроль должен обеспечивать стимулы к добросовестному соблюдению обязательных требований и к минимизации потенциальной выгоды от нарушения обязательных требований. С этой целью в законопроекте предусмотрен широкий набор средств и механизмов проведения профилактической работы. К числу профилактических мероприятий законопроектом отнесены: информирование, обобщение правоприменительной практики, выпуск руководств по соблюдению обязательных требований, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, выдача рекомендаций по соблюдению обязательных требований, осуществление консультирования, профилактическое сопровождение, самообследование, профилактический визит и иные мероприятия.

В свою очередь, законопроектом предусматриваются новые способы проведения контрольно-надзорных мероприятий. Помимо выездной и документарной проверки, теперь будет возможно проведение выездного обследования, контрольной закупки, мониторинговой закупки, выборочного контроля, инспекционного визита, рейда. При этом предполагается, что все новые способы осуществления контроля связаны с меньшими издержками для контролируемых лиц по сравнению с традиционным проведением проверок, а некоторые из них предполагается проводить без взаимодействия с контролируемыми лицами с использованием средств дистанционного автоматизированного контроля.

Частота плановых проверок зависит от индикаторов социально значимых рисков.

В целом же, законопроект «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» носит общий, можно сказать, рамочный характер, где устанавливаются «общие правила игры» и не отражаются конкретные особенности той или иной отрасли, в том числе и сферы образования. Его реализация должна быть обеспечена принятием ряда

[293] Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 9.

нормативных правовых актов, в том числе включающих в себя федеральные законы о видах контроля, которыми могут быть урегулированы некоторые важные особенности осуществления того или иного вида контроля (надзора), положения о видах контроля, принимаемые Правительством Российской Федерации и устанавливающие конкретное содержательное наполнение мероприятий при осуществлении каждого вида контроля, административные регламенты, регулирующие конкретные административные процедуры. Именно с ними каждому руководителю образовательной организации следует знакомиться близко, так как именно они будут регулировать процедуры контроля и надзора в каждой отдельно взятой сфере, в том числе и сфере образования.

Если законопроект «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», так или иначе, связан с действующим Федеральным законом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», то законопроект «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» является абсолютно новым нормативным правовым актом, не имеющим аналога в действующем законодательстве.

В тоже время наличие такого нормативного правового акта является необходимым в силу того, что в настоящее время в рамках государственного надзора уполномоченными органами выявляются нарушения обязательных требований, установленных законодательством, предусмотрены меры по пресечению выявленных нарушений, устранению их последствий и (или) по восстановлению правового положения, существовавшего до такого нарушения обязательных требований, но самого понятия «обязательные требования» нет. Нет и процедур, и порядка установления этих требований, а ведь требования затрагивают деятельность большого количества юридических лиц, в том числе и образовательных организаций[294]. На сегодняшний момент в отношении образовательных организаций обязательные требования установлены различными ведомствами, и только органами управления образованием требования установлены 80 нормативными правовыми актами. И многие из них противоречат друг другу и уж тем более не помогают образовательным организациям нормально функционировать.

Исходя из этого, и вытекает необходимость понимания, что такое обязательное требование, кем и как оно устанавливается, на какой срок, как может быть отменено или оспорено. Ответы на эти вопросы и представлены в законопроекте «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».

[294] Ладнушкина Н.М. Совершенствование законодательства в сфере образования / Н. М. Ладнушкина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2026 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Рязань: Издательство «Концепция», 2016. – С. 270.

Законопроект содержит определение понятия обязательного требования, определяет цели и основные принципы установления обязательных требований, общие условия установления обязательных требований, полномочия по установлению обязательных требований, порядок разработки и вступления в силу нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, а также положения о возможности установления экспериментальных правовых режимов в сфере применения обязательных требований.

Значимым, на наш взгляд, является то, что любые обязательные требования должны быть опубликованы, внесены в публичный реестр и действовать ограниченный срок (по умолчанию только пять лет). В том случае, когда предполагается продлить срок действия обязательного требования, то необходимо показать, как нормы фактически действуют на всех регулируемых. В свою очередь новые требования без оценки регулирующего воздействия и экспертизы — не принимаются.

Законопроектом также предусмотрено, что положения нормативных правовых актов, которыми устанавливаются обязательные требования, должны предусматривать сроки вступления в силу либо 1 марта, либо 1 сентября соответствующего года, но не ранее чем через три месяца после дня их официального опубликования, если иное не установлено федеральным законом или международным договором.

Очень декларативно, но вводится право оспорить обязательное требование в случае, если, по мнению заявителя, оно нарушает какой-либо федеральный закон — или в органе, его издавшем, или в суде. И нет указаний на ответственность органов, которые устанавливают обязательные требования с нарушением установленного порядка.

В тоже время следует отметить, что законопроектом установлено, что требования, установленные в отношении одного и того же предмета регулирования, не должны противоречить друг другу (а требования по одному и тому же вопросу не должны проверяться несколькими госорганами). Если же противоречие возникает, а вызвавшие его правовые акты имеют одинаковую юридическую силу, граждане и организации могут самостоятельно выбрать, какой из них соблюдать.

И в заключении важно отметить, что законопроектом закрепляется возможность выпуска органами, уполномоченными Правительством Российской Федерации, и органами, которым право на официальное разъяснение предоставлено законодательством Российской Федерации, официальных разъяснений обязательных требований.

Литература

1. Ладнушкина Н.М. Совершенствование законодательства в сфере образования / Н. М. Ладнушкина // Права и свободы человека и гражданина:

теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2026 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Рязань: Издательство «Концепция», 2016.
2. Пашенцев Д.А. Право на образование и проблемы его реализации / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2.
3. Чернявский А.Г., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И. Государственная регламентация образовательной деятельности / А. Г. Чернявский, Н. М. Ладнушкина, Д. А. Пашенцев. – М.: Инфра-М, 2020.

Львов Алексей Витальевич,
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В XVII В.

Источники материального обеспечения приказных людей в XVII столетии можно условно подразделить на основные (легальные) и дополнительные (полулегальные). К первой группе относились: денежные и поместные оклады, «дачи в приказ», праздничные выплаты. Во вторую группу входили доходы, относившиеся к «кормлению от дел»: почести, поминки и посулы.

В целом, к концу XVII в. происходит сильное ухудшение материального положения приказных людей. Различие в казенном обеспечении высших и низших должностей администрации существенно увеличивается. В первую очередь это различие проявилось в наделении и владении землей. Будучи служилыми людьми, дьяки и подьячие были включены в систему поместных окладов. Однако практически большинство из них земельными дачами не владели. Напротив, в течение второй половины XVII в. количество землевладельцев из этой категории служилых людей существенно сокращается. Особенно пострадали средние землевладельцы, тогда как крупные земельные дачи думных и некоторых приказных дьяков сохранились[295].

Заметим, что понятие «крупные владения» для XVII и XVIII вв. совсем не равнозначны. Если в XVIII в. помещичьи имения в несколько тысяч, а порой десятков и даже сотен тысяч, крестьянских душ были нередким явлением, то для XVII в. владелец 500 дворов считался крупным помещиком. Так, один из самых богатых думных дьяков И.А. Гавренев, возглавлявший

[295] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: 1987. – С. 90-146.

Разрядный приказ, имел 797 дворов и в списке вотчинников стоял на 14 месте, тогда как такой крупнейший государственный деятель, как А.Л. Ордин-Нащокин, вообще не имел никаких земельных владений.

Процесс такой жесткой дифференциации в имущественном положении приказных людей хорошо прослеживается и в выдаче денежных окладов, которые стали в XVII в. вторым после натурального жалования источником материального обеспечения служилых людей.

Так средний размер оклада в XVII в. колебался для думного дьяка от 200 до 555 окладов; для приказного дьяка – от 52 до 100 окладов; для московского подьячего ль 1 до 50 окладов. При этом если размеры окладов думных дьяков росли в течение века (с 216 (1627 г.) до 370 (1686 г.)), то оклады приказных дьяков и подьячих уменьшались (дьяки: со 100 (1627 г.) до 88 (1686 г.); подьячие: с 14 (1627 г.) до 10 (1686 г.))[296].

Таким образом, разница в окладах высших и низших приказных чинов заметно возрастает. Это говорит о том, что к концу века среди приказных заметно ускоряется процесс имущественной дифференциации; расстояние между начальниками и подчиненными неуклонно растет. В окладах каждой категории приказных служащих существовали порой значительные различия. Причиной этому было то обстоятельство, что величина оклада зависела от срока службы и степени профессиональной квалификации. Например, в Москве годовое жалование подьячего младшей статьи равнялось 1 рублю, тогда как размер жалования подьячего старшей статьи мог доходить до 50 рублей в год. К концу XVII столетия наиболее частыми стали денежные оклады в 5, 10 и 20 руб.

Эти суммы давали достаточное обеспечение, поскольку во второй половине XVII века для того, чтобы прокормить только себя необходимо было тратить минимум 2-2,5 руб. в год. При этом ежедневный труд работника с низкой квалификацией оценивался в 1 алтын (3 копейки), что составляло 7 рублей 50 копеек за пятидневную рабочую неделю. Таким образом, получаемое жалование было достаточным для обеспечения себя на протяжении от 3 до 5 дней[297].

Чем больше становилось подьячих, тем быстрее уменьшались размеры максимальных окладов, и росло количество служащих, вообще не получавших жалования. За 55 лет (с 1627 до 1683 гг.) при увеличении общей численности московских подьячих в 3 раза (с 575 и 1702 чел.), количество неверстанных денежными окладами, выросло в 40 раз (с 1 до 40%).

Обратим внимание также на то, что в данный период, вследствие неуклонного роста числа служащих, государство вынуждено тратить на содержание центральной администрации все большие средства. В конце XVII

[296] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – С. 120-126.
[297] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса / Л. В. Милов – М.: 2001. – С. 487-488.

в. расходы на содержание аппарата достигли 2% всех государственных доходов[298].

Более всего различались размеры окладов приказных подьячих. Величина оклада при этом зависела не только от уровня профессиональной подготовки служащего, но и от того, где он служил. Оклады были различны как для служащих центрального, местного аппарата, так и для приграничных уездов. Также они зависели от размеров городов, где проходила служба. Формально находясь на одной должности, подьячие в пределах одной приказной избы могли иметь до 10, а то и 16 различных степеней окладов. Старый подьячий получал в 15 раз больше, чем молодой.

К концу века в местных учреждениях жалование выплачивалось далеко не в полном объеме, а число неверстанных (то есть формально не призванных на службу) подьячих порой могло достигать половины их состава в рамках одной избы. Поэтому, невзирая на значительное повышение государством трат на содержание госаппарата, при неуклонном росте количества приказных, казенное жалование для большинства из них сократилось и перестало обеспечивать достаточный уровень жизни[299].

Еще одной серьезной причиной, ухудшившей материальное положение служащих приказов, стал рост цен на хлеб и другие продукты питания. Если с середины XVI в. до начала XVII в. цены на хлеб увеличились в 5 раз, то к концу XVII столетия, хотя они в 1,5 раза снизились, но все же превышали цены второй половины XVI в. в 3,5 раза. Таким образом, по свидетельствам самих приказных людей, прожить на денежное жалование окалывалось невозможно.

Конечно, не стоит забывать о дополнительных казенных выплатах или материальном стимулировании служащих из средств самих приказов, размеры которого в некоторых случаях превышали казенный оклад. Особое место среди них занимали так называемые праздничные деньги – своеобразные премии по случаю крупных религиозных праздников или различных важных событий в жизни царя и членов его семьи. Праздничные деньги выдавались обычно от 5 до 10 раз год.

Производились также и государственные дачи в приказ, представлявшие собой выплаты на служебные расходы по приобретению писчей бумаги, расходов на освещение и отопление помещений и т. п. Заметным дополнением к денежным выплатам служило натуральное жалование (хлебное, соляное, суконное и пр.).

Однако и в тех учреждениях, где оклады были достаточно большими, были свои проблемы. Так, самые крупные оклады были в Посольском и Малороссийском приказах, но, даже при получении большого жалования,

[298] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – С. 23, 136.
[299] Там же. С. 133-136.

службы в этих приказах многие избегали, считая ее невыгодной, так как там не было широкой возможности «кормиться от дел»[300].

Литература

1. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма/ Н.Ф. Демидова – М.: 1987.- 146 с.
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса / Л. В. Милов – М.: 2001. –200 с.

Матчанова Зоя Шарифовна,
к.ю.н., доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ТРУДЯЩИХСЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения»

Вопрос о критериях эффективности правового регулирования различных сфер общественных отношений является весьма актуальным в современной юридической науке. Востребовано исследование данной темы и в контексте определения критериев эффективности международно-правового регулирования. Международный контекст усложняет оценку эффективности правового регулирования, поэтому выделение конкретных критериев напрямую зависит от сферы регулирования. Так, например, то, что актуально и характерно для сферы военно-технического сотрудничества, может оказаться не целесообразным в сфере социально-гуманитарной и т.д.

В рамках настоящей статьи выявим критерии эффективности международно-правового регулирования такой социально значимой сферы, как защита прав трудящихся.

Общими критериями эффективности в данном случае, на наш взгляд, будут являться следующие: во-первых, улучшение условий труда; во-вторых, улучшение качества жизни трудящихся.

[300] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – С. 128-130, 137-141.

Улучшение условий труда – это наиважнейшая составляющая международно-правового регулирования трудовой сферы в целом.

Напомним, что еще в Уставе Международной Организации Труда было закреплено, что государства принимают обязательства по улучшению условий труда путем:

- регламентации рабочего времени;
- регламентации набора рабочей силы;
- борьбы с безработицей;
- гарантии заработной платы, обеспечивающей удовлетворительные условия жизни;
- защиты трудящихся от болезней, профессиональных заболеваний и от несчастных случаев на производстве;
- защиты детей, подростков и женщин;
- предоставления пенсий по старости и инвалидности;
- защиты интересов трудящихся, работающих за границей;
- признания принципа равной оплаты за равный труд;
- организации профессионального и технического обучения и других мероприятий.

От того, в каких условиях трудящиеся по всему миру выполняют свои самые разнообразные трудовые функции, зависит и результат их работы (что важно и для конкретного работодателя, и для общества в целом) и, конечно же, сохранение и развитие потенциала трудящихся, возможности выполнять свою работу длительный период, на высоком профессиональном уровне, без вреда для своего физического и психического здоровья.

Важно не забывать, что неблагоприятные, несправедливые условия труда, получая широкое распространение, являются социально травмирующими[301] и способны привести к деструктивным процессам в обществе и государстве.

Улучшение качества жизни трудящихся – по сути, главная цель международно-правового регулирования труда. Посредством трудовой деятельности каждый человек, где бы он ни находился, какую бы работу ни выполнял, не только реализует свои способности, умения, навыки, но и, прежде всего, обеспечивает себя и свою семью средствами к существованию, к реализации жизненно важных потребностей и запросов (причем, как сугубо материальных, так и духовных).

[301] Об использовании понятия «социальная травма» в современной юриспруденции см. подробнее: Дорская А.А. Понятие социальной травмы: юридическое измерение / А. А. Дорская // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти Ф.М. Рудинского. – М., 2018. – С. 41-45; Игнатьева М.В. Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции / М. В. Игнатьев // Российское государствоведение. – 2018. – № 3. – С. 73-78; Бочкарев С.В. Социальная травма и революция в правовом дискурсе. Опыт Франции и России / С. В. Бочкарев // Герценовские чтения – 2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. – СПб., 2018. – С. 49-51.

Отметим, что при принятии Декларации о целях и задачах Международной Организации Труда было провозглашено, что Организация будет способствовать принятию странами мира программ, имеющих целью:

- полную занятость и повышение жизненного уровня;
- расширение социального обеспечения;
- необходимую защиту жизни и здоровья рабочих;
- защиту благосостояния детей и матерей;
- обеспечение необходимого питания, жилища, возможностей для отдыха и культуры;
- обеспечение равных возможностей в области общего и профессионального образования и многое другое (нами приведены лишь некоторые позиции, максимально раскрывающие такое направление, как улучшение качества жизни, или, если следовать терминологии, используемой в Декларации, - повышение жизненного уровня).

В целом, качество жизни трудящихся – важнейший показатель эффективности правового регулирования, а потому улучшение качества жизни[302] выделяется нами в качестве одного из общих критериев.

К *специальным критериям* отнесем: во-первых, общемировое и/или региональное снижение численности нарушений трудовых прав человека; во-вторых, наличие реальных организационно-правовых возможностей защитить трудовые права в случае их нарушения.

Общемировое и/или региональное снижение численности нарушений трудовых прав человека и его объективная оценка вызывают определенные трудности. Любой количественный критерий, а именно таким, по существу, и является названный критерий, только на первый взгляд представляется самым объективным, непредвзятым, прозрачным. Казалось бы, обобщение национальных показателей, содержащихся в официальных статистических данных и отчетности, представляемой соответствующими компетентными органами, должно давать объективную картину. Но необходимо учитывать существенную латентность нарушений трудовых прав. Это обстоятельство вызвано разными причинами, в числе которых, например, менталитет населения в отдельных странах – привычка терпеть ущемление прав и различные нарушения в сфере труда, или же неверие в реальность защиты трудовых прав. Последнее из обозначенного позволяет нам выделить еще один критерий, который оговорим далее.

Наличие реальных организационно-правовых возможностей защитить трудовые права в случае их нарушения выступает в качестве весьма важного критерия эффективности правового регулирования рассматриваемой сферы, и особый акцент должен быть сделан именно на практической осуществимости (реальности) защиты трудовых прав. Иными словами, создаваемые международно-правовыми нормами инструменты и механизмы

[302] Дорская А.А. Улучшение качества жизни большинства членов общества как критерий результативности правовых реформ / А. А. Дорская // Правозащитник. – 2014. – № 1. – С. 2.

защиты должны реально работать на всех уровнях, прежде всего, на уровне национальном. Международно-правовое регулирование защиты прав трудящихся ориентировано на то, чтобы во всех странах мира, насколько это возможно, был бы достигнут такой уровень развития общественных отношений в сфере труда, при котором каждый трудящийся чувствовал бы свою защищенность от дискриминации[303], произвола, несправедливости.

Анализируя специальные критерии важно помнить, что в центре внимания всегда должны быть люди (в международном ракурсе уточним и применим понятие «население стран мира»). Итак, население стран мира должно в реальности ощущать, осознавать, испытывать в каждодневной жизни действие международно-правовых стандартов защиты прав. Защита прав, включая трудовые права, не должна восприниматься как нечто недоступное или доступное лишь немногим. Очевидно, что даже при самом удачном, разумном, продуманном правовом механизме, возможны разного рода нарушения, препятствия, трудности как объективного, так и субъективного характера, но, несмотря на это, каждый трудящийся должен иметь возможность восстановить нарушенные права, т.е. каждому должен быть обеспечен доступ к реально осуществимой, действенной, своевременной, а, значит, и эффективной защите трудовых прав. Только в этом случае можно констатировать эффективность правового регулирования.

Помимо прочего, отметим в завершение, что эффективное национальное (внутригосударственное) и международное правовое регулирование защиты трудовых прав является неотъемлемой составляющей достойного труда. Данное понятие несколько десятилетий назад вошло в научный и общественный оборот, и его внедрение, утверждение и развитие также принесло дополнительные возможности для более полного и правильного понимания критериев эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере труда, что в очередной раз подтверждает важность согласования норм международного и внутригосударственного права.

Таким образом, как можно резюмировать на основе вышеизложенного, критерии эффективности международно-правового регулирования защиты прав трудящихся весьма разнообразны. В данном случае невозможно сводить все к какому-то единственному критерию, поскольку важна комплексная, многоплановая оценка эффективности в исследуемой сфере – сфере, во многом уязвимой, а потому весьма чувствительной для населения всех стран мира, что подтверждает и отечественный, и зарубежный опыт, причем как в контексте анализа современной ситуации, так и в исторической ретроспективе.

[303] Алешина А.В., Косовская В.А. Международно-правовые стандарты в сфере недопущения дискриминации трудящихся / А. В. Алешина, В. А. Косовская // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 2. – С. 95-98.

Литература

1. Алешина А.В., Косовская В.А. Международно-правовые стандарты в сфере недопущения дискриминации трудящихся / А. В. Алешина, В. А. Косовская // Общество. Среда. Развитие. – 2014. – № 2. – С. 95-98.
2. Бочкарев С.В. Социальная травма и революция в правовом дискурсе. Опыт Франции и России / С. В. Бочкарев // Герценовские чтения – 2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. – СПб., 2018. – С. 49-51.
3. Дорская А.А. Понятие социальной травмы: юридическое измерение / А. А. Дорская // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти Ф.М. Рудинского. – М., 2018. – С. 41-45.
4. Дорская А.А. Улучшение качества жизни большинства членов общества как критерий результативности правовых реформ / А. А. Дорская // Правозащитник. – 2014. – № 1. – С. 2.
5. Игнатьева М.В. Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции / М. В. Игнатьев // Российское государствоведение. – 2018. – № 3. – С. 73-78.

Мельников Александр Георгиевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник службы внешнеторговых контрактов и соглашений ПАО «РКК «Энергия»

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС КОСМОНАВТА

В современном мире можно выделить одну примечательную тенденцию: на протяжении XIX–XXI вв. правовые границы постепенно распространялись на пространства, ранее бывшие зонами «правового вакуума», – Арктику, Антарктиду, наконец, в космос. Все изведанное мировое пространство, до которого только может дотянуться человек, как справедливо отмечается в литературе, сегодня превращено им в правовое пространство и становится предметом спора и даже юридического конфликта в вопросе установления и расширения правовых границ[304].

Это создает предпосылки 1) к формированию и развитию космического права, ядром которого являются основные международно-правовые документы (за исключением, Конвенции о международной ответственности за ущерб), регулирующие деятельность государств в области освоения космического пространства, 2) к выработке терминологии и дефиниций космического права как отрасли, которые играют роль первоисходного

[304] Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – М., 2018. – С. 110.

материала, «кирпичиков» в создании нормативного правового документа, важной логической чертой правовой нормы, семантическим ядром, благодаря которому норма права функционирует[305]. Однако, несмотря на неоднократное использование в правовых актах такого термина, как «космонавт», юридическая дефиниция этого термина долгое время отсутствовала.

Первое упоминание термина «космонавт» содержится в ст. V Договора по космосу 1967 г., где указывается, что космонавты рассматриваются в качестве «посланцев человечества в космос», однако такое определение не привносит ясности в содержание этого термина.

Российский законодатель часто конкретизирует юридическое содержание терминов, что наглядно видно на примере термина «космонавт»[306]. Согласно Закону РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» космонавтом является гражданин Российской Федерации, выразивший желание участвовать в космических полетах и отвечающий установленным профессиональным и медицинским требованиям, отобранный для подготовки и осуществления космических полетов на основе конкурса (статья 20). В указанном Законе ничего не говорится об иностранных гражданах, проходящих подготовку к космическому полету в Российской Федерации, либо участвующих в полете на пилотируемом космическом объекте Российской Федерации.

Следуя толкованию положений ст. 2 Положения о космонавтах Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 10.05.2017 № 551, упомянутая в п. 1 ст. 20 Закона РФ «О космической деятельности» формулировка относится скорее к термину «космонавт Российской Федерации», а не ко всем космонавтам вообще. С другой стороны, в п. 2 ст. 9 «О Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос"» указывается, что в космическом полете на пилотируемом космическом корабле РФ могут участвовать иностранные граждане, но «как члены экипажа или участники космического полета», отбор которых, как известно, осуществляется на основании соответствующих соглашений (договоров) между Правительством Российской Федерации и правительствами заинтересованных стран, а также соглашений, договоров и контрактов между Государственной корпорацией «Роскосмос» и зарубежными или российскими юридическими лицами[307].

---

[305] Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.:, 2016. – С. 206.

[306] О развитии отечественной доктрины о конкретизации юридических норм, о терминологической конкретизации см.: Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2011. – № 6. – С. 41–49; Он же. Отечественная правовая мысль о феномене «конкретизация юридических норм» // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26 – 28 мая 2010 г.) / отв. редактор В.И. Лафитский. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – С. 115–123.

[307] См.: п. 3.2 Административного регламента Федерального космического агентства по исполнению государственной функции по обеспечению отбора и подготовки космонавтов, утвержденного приказом Роскосмоса от 11.10.2010 № 156.

Поскольку, начиная с 2001 года и, как в настоящее время планируется, - до 2024 года (с перспективой - до 2030 года) пилотируемая космонавтика сосредоточена исключительно на полетах к/на Международную космическую станцию (далее - МКС), то на практике статус иностранных космонавтов в Российской Федерации и их правовое положение регулируются международными договорами (контрактами) на космические полеты и соответствующими положениями межправительственного соглашения по МКС.

Так, при полетах на МКС для иностранных космонавтов в международных контрактах и соглашениях принято и успешно используется (в различных вариантах) следующее определение участника космического полета (далее – «УКП»), «УКП» - участник космического полета, который должен соответствовать Принципам, регулирующим методы и критерии отбора, назначения, подготовки и сертификации членов экипажей МКС (экипажей основных экспедиций и экспедиций посещения), подписанным 28 ноября 2001г., и успешно прошедший Государственную медицинскую комиссию[308]». Соответствующая международным соглашениям РФ дефиниция, используемая в Кодексе поведения экипажа Международной космической станции (одобренным Распоряжением Правительства РФ от 27 октября 2000 года N 1522-р) члена экипажа МКС - «любое лицо, утвержденное на полет на МКС, как в составе экспедиционного экипажа, так и экипажа посещения МКС, с момента назначения в экипаж на конкретный полет и вплоть до завершения послеполетной деятельности, связанной с данным полетом» (п. 7 ст. С Кодекса), не противоречит используемому в контрактах (соглашениях) определению УКП и успешно используются в настоящее время в практической космонавтике.

Следует отметить, что используемые для целей МКС правовые дефиниции являются временной, частной юридической конструкцией, адаптированной для сотрудничества по МКС, и не могут применяться для юридического оформления космических полетов вне МКС (например, к Луне, в открытом космосе, к другим небесным телам).

Таким образом, из приведенного можно заключить, что российское законодательство разделяет юридическое содержание терминов «космонавт», «космонавт Российской Федерации», «иностранный космонавт», «участник космического полета», «член экипажа», что не лучшим образом сказывается на практическом их использовании.

Кроме того, к сфере проблемных вопросов о правовом статусе космонавтов примыкает вопрос о гражданской принадлежности командира экипажа пилотируемого космического объекта. Так, в соответствии с п.3 ст. 20 Закона РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности»,

[308] Следует отметить, что приведенная формулировка, соответствующая статусу УКП, появилась не сразу, а только начиная с полета на МКС Марка Ша́ттлворта (Mark Richard Shuttleworth) на МКС - второго космического туриста в апреле 2002 года. Первый космический турист Деннис Тито (Dennis Anthony Tito) осуществил полет на МКС в апреле 2001 года в качестве «космонавта».

командиром экипажа космического корабля (станции, пилотируемого объекта) Российской Федерации может быть назначен только космонавт-гражданин Российской Федерации. Иными словами, если в качестве космонавта (иностранного космонавта) в состав членов экипажа российского космического корабля может быть назначен как российский, так и иностранный гражданин, то командиром может быть только гражданин РФ.

В данном случае российское законодательство использует подходы, свойственные морскому и воздушному праву для командиров судов. Необходимость изменения такого подхода возникла в 2000-х годах,

когда имелся значительный дефицит командиров российских воздушных судов. В этой связи в Воздушный кодекс РФ были внесены соответствующие изменения, позволяющие назначать командиром российского воздушного судна иностранного гражданина, что позволило привлечь в РФ иностранных граждан в качестве командиров (и членов экипажей) российских гражданских судов[309].

Поскольку при обеспечении полетов коммерческих космонавтов существует необходимость в возможности назначении командиром российского космического корабля иностранного гражданина (для повышения рентабельности такой коммерческой сделки), экономически выгодно было бы использовать тот же подход и в российском космическом праве.

Данная проблема весьма значительна для практической коммерческой космонавтики и заметно сужает объемы российской космической деятельности по организации коммерческих пилотируемых полетов (по оценке автора, не мене, чем на 30-50%). Так, чтобы обойти это ограничение, предпринимались попытки получения иностранными гражданами гражданства РФ специально для того, чтобы участвовать в полете в качестве командира экипажа (один из примеров - полет Т. Мусабаева на орбитальную станцию МИР в 1994 году), однако процедура получения второго гражданства занимает значительное время, да и далеко не всегда возможна (так, например, в случае Т.Мусабаева решение принималось лично президентами РФ и Республики Казахстан).

В качестве дополнительной альтернативы по организации возможности назначения командиром российского космического корабля иностранного гражданина могла бы быть рассмотрена возможность передачи права собственности на российский космический корабль (либо ином, ограниченном, вещном праве) иностранному юридическому лицу по соответствующему договору, что потребует решения целого ряда сложных юридических задач, связанных, прежде всего, с присвоением государству юридического лица статуса «запускающего государства» с возложением на него абсолютной ответственности за ущерб третьим лицам, необходимостью

[309] Федеральный закон от 20.04.2014 № 73-ФЗ «О внесении изменений в статью 56 Воздушного кодекса Российской Федерации», а также Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

обеспечения страхования такого ущерба, а также страхованию иных, предусмотренных национальным правом этого государства рисков.

Литература

1. Власенко Н.А. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2016.
2. Залоило М.В. Отечественная правовая мысль о феномене «конкретизация юридических норм» / М. В. Залоило // Наследие юридической науки и современность: Материалы заседаний V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26 – 28 мая 2010 г.) / Отв. редактор В.И. Лафитский. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011.
3. Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2011. – № 6.
4. Международное космическое право: учебник / под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2014.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М., 2019.
6. Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – М., 2018.

Минченко Татьяна Петровна,
д. филос. н., профессор кафедры философии и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В СВЯЗИ С ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена противоречиям в современном законодательстве об образовании и законодательстве о воинской обязанности и военной службе, что, в свою очередь, противоречит современным вызовам, обозначенным,

например, в междисциплинарной коллективной монографии «Глобальные процессы и формирование глобального образования»[310].

Проблема рассматривается в контексте истории призыва студентов в Вооруженные Силы в советский период и перспектив в условиях современных глобальных процессов.

Кратко выделим основные этапы реализации права на отсрочку от призыва в Вооруженные Силы студентам вузов в советское время.

По закону «Об обязательной военной службе» от 18.09.1925 г., мужчины, обучающиеся в учебных заведениях, получали отсрочку от призыва до завершения образования.

Закон «О всеобщей воинской обязанности» от 01.09.1939 устанавливал обязанность отбывать военную службу всем гражданам СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения. Постановлением СНК СССР «Об организации военной подготовки студентов высших учебных заведений на 1941/42 учебный год» от 08.10.1941 в учебный процесс вводился обязательный 60-часовой курс военной подготовки студентов, в том числе и девушек, что было вызвано условиями войны.

Однако, уже в 1944 году, студенты советских вузов были освобождены от призыва, многих студентов отозвали с фронтов для продолжения образования. Приоритет высшего образования как большей, по сравнению с воинским долгом, ценности был закреплен в статье 35 Закона о всеобщей воинской обязанности 1967 года: «Отсрочка от призыва на действительную военную службу для продолжения образования предоставляется: а) студентам дневных (очных) высших учебных заведений. Лица, отчисленные из вузов за недисциплинированность и неуспеваемость, теряют право на повторную отсрочку для продолжения образования…».

Со времени завершения войны и до распада СССР, а также в постсоветской России, учащиеся дневных отделений вузов получали право на отсрочку от призыва в Вооруженных Силах до окончания обучения.

На практике отсрочка от призыва часто превращалась в освобождение от срочной службы. В вузах с военной кафедрой студенты проходили сборы в летние каникулы, а при выпуске становились лейтенантами запаса. Выпускники вузов без военной кафедры служили на один год меньше стандартной срочной службы.

С одной стороны, была искусственно создана альтернатива: «или хорошая учеба в вузе – или служба в армии», тем самым у части студентов был сформирован стимул для получения высшего образования, не связанный с интересом к изучаемым дисциплинам и будущей профессии, что в дальнейшем негативно сказалось на качестве выпущенных специалистов. С

[310] Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. / под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. – Кн. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 200 с.; Кн. 2. – М.: МГПУ, 2019. – 276 с.

другой стороны, укреплению этой альтернативы способствовало ухудшение обстановки с дисциплиной в Вооруженных Силах.

В начале 1980-х по целому ряду причин значительно снизилось число призывников. Кроме того, ввиду значительно увеличившейся сложности военной техники стал актуальным призыв в армию более образованных граждан. Таким образом, стал обосновываться приоритет воинской обязанности над ценностью высшего образования, в том числе под предлогом борьбы с привилегиями для будущей интеллигенции, хотя в среднем доход рабочего был в два раза больше, чем доход молодого специалиста после окончания вуза.

Правовое оформление нового приоритета шло через ряд изменений в законодательстве: от Указа Президиума ВС СССР от 17 декабря 1980 г., внесшего поправку в статью 35 Закона «О всеобщей воинской обязанности», согласно которой отсрочка представлялась студентам не всех вузов, а только «включенных в перечень…, утверждаемый Советом Министров СССР» до приказа Минвуза СССР от 13 марта 1984 года № 44с об отмене отсрочки во всех вузах. Журналист Д. Климов, попавший под действие этого приказа, оценил ситуацию следующим образом; «Министерство обороны, войдя в преступный сговор с профильным образовательным министерством, отменило отсрочку от призыва в армию и флот, невзирая на наличие военных кафедр»[311].

Список вузов, студенты которых не подлежали призыву, не публиковался и постоянно пересматривался, что сделало ситуацию непрозрачной, переведя важнейший вопрос о призывниках-студентах с уровня закона на уровень согласования министерств, т. е. на уровень волюнтаризма.

В 1989 г., после полного вывода советских войск из Афганистана, вернулся приоритет образования по отношению к воинской обязанности: в статью 35 Закона «О всеобщей воинской обязанности» была возвращена норма об отсрочке от призыва студентам всех вузов, отказ от дальнейших призывов студентов: отсрочка предоставлялась «студентам дневных (очных) высших учебных заведений. Лица, отчисленные из вузов за неуспеваемость, нежелание учиться или за недисциплинированность, теряют право на повторную отсрочку для продолжения образования».

16 мая 1996 г. Б. Н. Ельцины подписал указ, предписывавший завершить к 2000 г. формирование армии полностью на контрактной основе, однако позже в него был внесен ряд изменений, которые оставили в силе и призывную систему.

В современной России альтернативу «учеба в вузе – служба в армии» регулируют действующий закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998, а также закон «О образовании в РФ» от 29.12.2012.

---

[311] Климов Д. «Экспедиция называется». Флотские будни московского студента / Д. Климов. – М., СПб.: [Б. и.]. – Изд. 2-е. – 2018. – С. 7.

В действующем законодательстве, регулирующем отсрочку от службы в армии во время учебы в вузе, существуют следующие противоречия.

1. Закон не гарантирует всем студентам-очникам непрерывность учебного процесса в вузе – в пункте 2 статьи 24 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» сказано, что отсрочка предоставляется при обучении по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, но с оговорками: во-первых, если обучающиеся не имеют диплома бакалавра, специалиста или магистра, во-вторых, – не свыше установленных федеральными государственными образовательными стандартами сроков получения высшего образования.

Повторная отсрочка от призыва предоставляется, если студент получил «академический отпуск или перешел с одной образовательной программы на другую, имеющую государственную аккредитацию образовательную программу того же уровня образования, если срок обучения увеличивается не более чем на один год». Таким образом, пункт 2 статьи 24 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» не предусматривает возможности обеспечения принципа непрерывности образования для студентов, перешедших с уровня бакалавриата (4 года обучения) на уровень специалитета (в случае 5,5 лет обучения).

2. Не защищены семьи, в которых один сын и один родитель, в том числе в случае погибшего родителя (независимо от профессии) или родитель-инвалид, который «не находится на полном государственном обеспечении», но в отношении которого отсутствует «заключение федерального учреждения медико-социальной экспертизы по месту жительства граждан, призываемых на военную службу, в постоянном постороннем уходе», несмотря на реальную необходимость такого ухода.

3. Не урегулирован вопрос о срочной службе студентов, обучающихся в военных учебных центрах (далее – ВУЦ) и потерявших отсрочку при отличной учебе, например, вследствие перехода в рамках одного вуза с бакалавриата на специалитет. Помимо того, что абсурдным представляется сам факт призыва на срочную службу студента, обучающегося в ВУЦ, законодательно не закреплен академический отпуск студентов ВУЦ, их отчисляют, а потом могут не восстановить. Есть прецеденты, когда по гражданской специальности студенту на факультете предоставляется академический отпуск в связи с призывом на срочную службу (без сохранения стипендии), одновременно в учебном военном центре оформляется приказ об отчислении по «добровольному» заявлению самого студента, в связи с невозможностью продолжать обучение» … «по независящим от гражданина причинам», в соответствии с пунктом 37 «Положения об учебных военных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

Преобразование учебных военных центров в военные учебные центры в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3.07.2019 г. № 848 «Об

утверждении Положения о военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» оставляет названную проблему нерешенной.

4. Также в случае с ВУЦ особенно наглядно видно, как не соблюдается декларируемый принцип о том, что «материальное положение семьи военнослужащего срочной службы не может быть ухудшено». Студентам ВУЦ, даже имеющим оценки «удовлетворительно», по договорам с Министерством образования, вузы выплачивают ежемесячную дополнительную стипендию, в 2–3 раза превышающую среднюю стипендию обычного студента вуза, обучающегося на бюджетной основе, а также предоставляют единовременную выплату на приобретение специальной формы одежды. Военнослужащий по призыву, в отношении которого считается, что он находится «на полном государственном обеспечении», сможет рассчитывать на денежное довольствие в размере до 2 тысяч рублей в месяц[312].

5. Студенты, потерявшие отсрочку (особенно это касается осеннего призыва), вынужденно прерывают обучение без сдачи экзаменов за семестр, хотя иногда организуется досрочная сессия. 12-месячный перерыв в учебе в связи с призывом негативно сказывается на дальнейшем обучении в силу принципиально различных подходов в армии к призывнику, а в вузе – к студенту.

Солдат (матрос) срочной службы значительно органичен в правах, согласно статье 160 Устава внутренней службы ВС РФ, он отвечает «за точное и своевременное исполнение возложенных на него обязанностей, поставленных ему задач и соблюдение при этом требований безопасности военной службы, а также за исправное состояние своего оружия, вверенной ему военной техники и сохранность выданного ему имущества. Он подчиняется командиру отделения». Студенту предоставляется вся полнота прав, кроме того, обучение в вузе предполагает наряду с дисциплиной, развитие исследовательских, творческих способностей, инициативы, что противоречит требованиям к военнослужащему в армии.

ФЗ от 18.03.2019 «О внесении изменений в статью 24 Федерального Закона "О воинской обязанности и военной службе”» не решает вышеперечисленные проблемы.

В заключение отметим, что вышеприведенные противоречия в законодательстве и практике применения не согласуются с развитием образования в условиях современных глобальных процессов, концепцией социального государства и идеей непрерывности образования. Сам факт

[312] Приказ Министра обороны РФ от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих ВС РФ и предоставления им и членам их семей отдельных выплат». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73313281/#40000 (Дата обращения: 07.03.2020).

частого обновления законодательства, с учетом взаимосвязанности норм права, порождает противоречия.

Конструктивной перспективой действительного решения проблемы является формирование профессиональной армия на контрактной основе, что снимает множество противоречий по призыву студентов. В свою очередь, необходимым условием решения вопроса о достаточном финансировании профессиональной армии является ликвидация коррупции в структурах государственной власти и в армии.

Литература

1. Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. / под общ. ред. С.А. Бурьянова, А.И. Кривенького. – Кн. 1. – М.: МГПУ, 2019. – 200 с.; Кн. 2. – М.: МГПУ, 2019. – 276 с.
2. Климов Д. «Экспедиция называется». Флотские будни московского студента / Д. Климов. – М., СПб.: [Б. и.]. – Изд. 2-е. – 2018. – 128 с.

Орлов Михаил Александрович,
аспирант 2-го года обучения Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОСИСТЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОСНОВА ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ АВТОМАТИЗАЦИИ

Вопрос о возможности и необходимости автоматизации в праве периодически рассматривается в юридической литературе. Вместе с тем, подавляющее большинство исследований в данной области посвящены автоматизации трудовой деятельности юристов. Работ, посвященных применению автоматизации на уровне правовой системы, практически не существует. В данной статье мы дадим краткий анализ модели распространения правовой информации[313] и постараемся определить, возможна ли автоматизация на уровне всей правовой системы.

В случае применения автоматизации на уровне всей правовой системы, такая автоматизация понимается в широком смысле и предполагает под собой не только сокращение трудозатрат на обеспечение деятельности правовой системы, но и, например, создание единой информационной экосистемы на основе существующей правовой системы. Такая система, по

[313] О понятии правовой информации см. Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики / О. Ю. Рыбаков // Журнал российского права. – 2015. – № 4.

нашему мнению, должна включать как минимум 4 информационных подсистем:

– подсистема правотворчества, задача которой сводится к созданию проектов решений о внесении изменений в действующую правовую систему на основе анализа данных, полученных от подсистемы «обратной связи»;

– подсистема правоприменения, основной задачей которой является наиболее эффективное доведение информации о нормах права до субъектов правового воздействия без ее искажения, а, следовательно, формирование максимально неискаженного правосознания у представителей общества;

– подсистема «обратной связи» осуществляет сбор максимально большого количества данных о процессе и результате правоприменения, осуществляет их первичный учет и анализ, и передает эти данные в подсистему правотворчества;

– подсистема распространения правовой информации – единственная подсистема, представляющая собой исключительно технический придаток для остальных подсистем, служащая главным образом для целей бесперебойной передачи информации без возможности ее модификации при передаче между субъектами и (или) объектами информационного воздействия.

Схема взаимодействия данных информационных подсистем представлена на Рисунке 8.

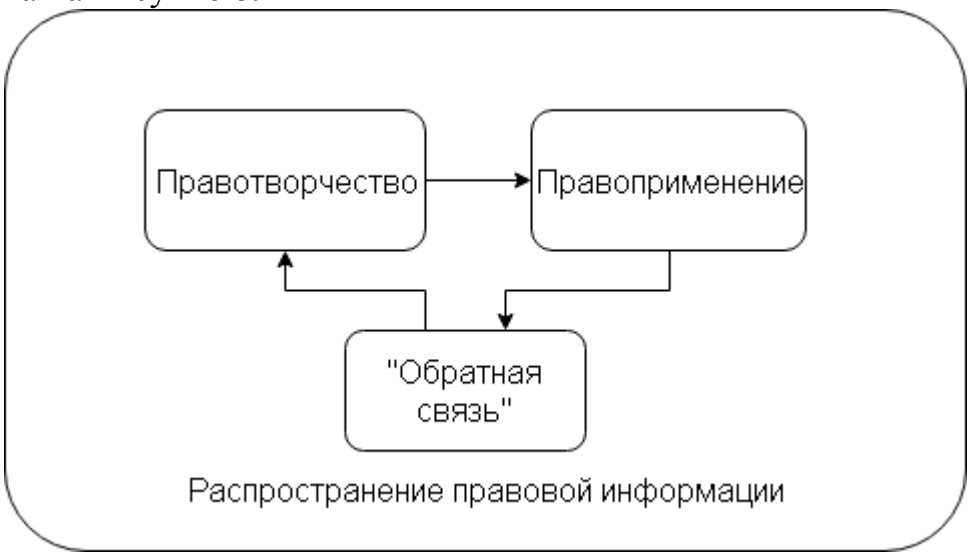

Рисунок 8

Все процессы, происходящие внутри данных подсистем, должны быть в необходимой степени автоматизированы. При достижении сплошной автоматизации при условии замкнутости такой информационной системы будет возможно говорить о стабильной и в достаточной степени саморегулируемой системе. Хотя, например, подсистема правотворчества должна в некоторой степени отступить от данного принципа для целей соответствия общим принципам права. Данная информационная подсистема должна одновременно предоставлять диапазон вариантов для решения сложившихся проблем в правовой системе и не допускать принятие решений,

находящихся вне предложенного диапазона. Таким образом, не нарушается принцип ответственности государственных органов за принимаемые ими решения, так как ответственность не перелагается на информационную систему.

В свою очередь подсистема «обратной связи» наоборот должна быть максимально автоматизирована и исключать какое-либо влияние извне на нее. Однако если мы попытаемся внедрить данную подсистему в существующую Российскую правовую систему, то неизбежно столкнемся с манипулированием данных в силу т.н. доминирования исполнительной власти.[314] Как отмечает профессор Северухин В.А, «если же устанавливается доминирование исполнительной власти, то, несмотря на некоторые первоначальные положительные аспекты, возникают более серьезные проблемы и, как правило, на более продолжительный срок, чем при доминировании законодательной власти. В данном случае речь идет о наступлении на права и свободы граждан, на демократические институты государства»[315]. Подобный «перекос» в системе разделения властей создает для исполнительной власти поле для сохранения своего доминирующего положения, в том числе путем давления на подконтрольные в данной системе государственные органы статистики. Таким образом, создается патовая ситуация, при которой органы законодательной власти принимали бы решения, основываясь, в том числе, на скомпрометированных данных от органов государственной статистики. При этом имеющиеся ограничения в информационной подсистеме правотворчества использовались бы не с целью разумного ограничения человеческого фактора, а с совершенно противоположной целью – недопущения противодействия со стороны законодательных органов.

Подобные угрозы общественному порядку при развитии информационной среды в обществе отмечал и Даниэл Белл. Как отмечает Иванов В.Ф., «он *(Даниэл Белл – прим.авт.)* анализировал угрозы, которые создают новые технологии для частной жизни. Это и угроза полицейского и политического наблюдения за индивидами при помощи совершенной аппаратуры, и сбор правительственными и коммерческими учреждениями банков данных. При этом Даниэл Белл вспоминал один из трюизмов политики: когда какое-либо агентство, обладающее властью, устанавливает бюрократические нормы и стремится во чтобы то ни стало насаждать их, возникает угроза злоупотреблений. При контроле за информацией злоупотребления могут быть и при сокрытии, и при незаконном обнародовании информации»[316].

---

[314] Северухин В.А. Доминирование исполнительной власти: современные проблемы / В. А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 2 (26). – С. 32.

[315] Там же. С. 35.

[316] Иванов В.Ф. Теории информационного общества: Дэниел Белл // 62 мир социальных коммуникаций : наук. журн. [гол. ред. А.М. Холод]. – Т. 9. – К. : КиМУ, ДонНУ, КПУ, 2013. – С.23.

При таких обстоятельствах автоматизация сбора данных для принятия решения относительно правовой системы с помочью законодательных органов безусловно вредна и недопустима. Решением в данной ситуации будет передача функций сбора данных частной организации или специальному государственному органу, не включенному ни в одну из ветвей власти (по аналогии с правовым статусом Центрального банка России). Обеспечив хотя бы минимальную независимость такой организации возможно рассчитывать на определенную долю объективности в предоставляемых данных.

Однако мы преследуем цель сбора и передачи именно чистых, неискаженных данных. Решением уже этой проблемы могут стать технологии сбора, обработки и передачи Больших данных, которые успешно зарекомендовали себя как в бизнесе, так и в государственном управлении.[317] Собирая большое количество необработанных данных, система самостоятельно анализирует их по заранее заданным параметрам. При этом данные берутся в основном из открытых источников, что существенно ускоряет процесс их сбора. Данные подвергаются анализу таким образом, чтобы они отображали наиболее значимые показатели для принятия правового решения. Наконец, технология Больших данных позволяет внедрить индикативное регулирование с использованием подсистемы правотворчества. Законодательный орган будет руководствоваться полученными данными и при этом такие данные будут гарантированно неискаженными, т.к. были обработаны в автоматическом режиме.

Следует отметить, что создание информационных подсистем является только первым этапом разработки единой информационной экосистемы. По нашему мнению, каждая существующая отрасль права должна иметь свою информационную микросистему, в рамках которой осуществлялся бы обмен бесперебойный обмен правовой информации. Такие микросистемы должны быть органически связаны с подсистемами на основе как вертикального, так и горизонтального взаимодействия. Разделение на такие микросистемы необходимо из-за различий в принципах правового регулирования в различных отраслях права. Например, передачу информации в публичных правоотношениях, по нашему мнению, эффективнее всего осуществлять централизовано, с использованием, прежде всего государственных программно-технических средств. В то же время передача правовой информации в рамках частных правоотношений может осуществляться и с использованием разработанных в частном порядке программно-технических средств.

Такая модель автоматического распространения правовой информации и принятия решений с использованием собранных Больших данных позволит как преодолеть извечную проблему отсталости правового регулирования от

[317] См. напр. Gang-Hoon Kim, Silvana Trimi, and Ji-Hyong Chung. 2014. Big-data applications in the government sector. *Commun. ACM* 57, 3 (March 2014), 78-85

сложившихся общественных отношений, так и спрогнозировать на основе модельного анализа действие норм права в автоматическом режиме.

Литература

1. Иванов В.Ф. Теории информационного общества: Дэниел Белл // 62 мир социальных коммуникаций: наук. журн. [гол. ред. А. М. Холод]. – Т. 9. – К.: КиМУ, ДонНУ, КПУ, 2013. – С.23.
2. Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики / О. Ю. Рыбаков // Журнал российского права, 2015. – № 4.
3. Северухин В.А. Доминирование исполнительной власти: современные проблемы / В. А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 2 (26).
4. Gang-Hoon Kim, Silvana Trimi, and Ji-Hyong Chung. 2014. Big-data applications in the government sector. Commun. ACM 57, 3 (March 2014), 78-85.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,
д.ю.н., профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «БЛОКЧЕЙН» НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ[318]

В современных условиях технологическое развитие становится одним из наиболее значимых факторов, оказывающих воздействие на правовую систему общества и правовое регулирование. Цифровые технологии, меняя окружающую действительность, влияют на право, его форму и содержание[319]. К числу цифровых технологий, позволяющих говорить о возможном создании более гибких, чем сегодня, механизмов и средств правового регулирования, относится блокчейн и заключаемые на его основе смарт-контракты.

Блокчейн как распределенная база данных, существующая в виде последовательной цепочки блоков, может кардинальным образом изменить функционирование всей банковской и страховой системы. Более того, под воздействием этой технологии в перспективе может поменяться и

[318] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ – научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий»
[319] Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019. – С. 13.

политическая система общества, в том числе, избирательная система и существующие технологии принятия политических решений[320].

Технология блокчейн позволяет автоматизировать многие действия, имеющие правовое значение, например, совершение и удостоверение сделок, она также обеспечивает конфиденциальность данных. По мнению зарубежных юристов, благодаря этой технологии право ждут революционные изменения. Станут ненужными такие привычные институты, как нотариат и регистрационная палата, банки, а возможно, и само государство как контролирующий орган. Исследователи полагают, что технология блокчейн позволит снизить «риски коррупции, недобросовестного использования административных ресурсов и коллизий правовых норм»[321]. Кроме того, блокчейн меняет структуру отношений, возникающих по поводу цифрового имущества. С помощью смарт-контрактов эта технология позволяет обмениваться всеми видами товаров и услуг, обеспечивая достоверность сделок, что может порождать новый вид экономических отношений. В конечном итоге, блокчейн в перспективе сможет успешно конкурировать с правом, способствуя созданию альтернативного механизма разрешения споров, а также предотвращению их возникновению в экономическом обороте. Децентрализованный оборот имущества, в том числе, цифрового, на основе технологии «блокчейн», во многих случаях позволяет обходиться без права. Являясь системой распределенных данных, достоверность которых гарантирована самой структурой, блокчейн дает возможность заключения смарт-контрактов. Первые шаги, сделанные в этом направлении участниками общественных отношений, показывают хорошие перспективы смарт-контрактов в плане возможности занять важное место в системе применения права, прежде всего, в сфере экономики. Смарт-контракты предоставляют контрагентам возможность устанавливать коммерческие отношения без надзора центральной власти, и даже не зная при этом друг друга[322]. Сама электронная система гарантирует действительность и честность сделки. Все это в итоге означает формирование новой группы общественных отношений в экономике, которые находятся вне правового регулирования. Для общества, которое привыкло использовать именно право в качестве универсального регулятора, возникновение такого типа отношений сопоставимо с глобальной революцией. Можно предположить, что появление экономических отношений, которые находятся вне правового регулирования, может существенно сказаться на стабильности экономического оборота. Говорить в связи с этим о частичном отказе от права как регулятора экономики преждевременно, но сложно отрицать, что модель правового регулирования

[320] Boris Barraud. Les blockchains et le droit. Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé) / Wolters Kluwer édition életronique 2018.

[321] Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / Иванов А.Ю., Башкатов М.Л.,. Галкова Е.В. и др. – М.: Издательство НИУ «Высшая школа экономики». – 2017. – С. 22.

[322] Залоило М.В. Теория права перед вызовами цифровизации (на примере смарт-контрактов) // Правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий (смарт-контрактов): сб. материалов круглого стола (19 декабря 2018 г.) / под общ. ред. Ю.В. Трунцевского. – М.: Издательство «Юрист». – 2019. – С. 170.

отношений в сфере экономики, а вслед за этим и в иных сферах, в перспективе может серьезно поменяться.

Связанные с использованием технологии «блокчейн» широкие возможности могут применяться не только при совершении сделок между физическими и юридическими лицами, но также и в сфере заключения государственных контрактов. Также представляется перспективным внедрение этой технологии в судебную систему, а также и в правотворческую деятельность. В целом, в достаточно близкой перспективе сквозные технологии смогут повысить качество правотворчества, скорость совершения процессуальных действий, будут способствовать более эффективной работе отечественной судебной системы, что в свою очередь должно позитивно сказаться на развитии общественных отношений.

Литература

1. Boris Barraud. Les blockchains et le droit. Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé) / Wolters Kluwer édition életronique 2018.
2. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / Иванов А.Ю., Башкатов М.Л., Галкова Е.В. и др. – М.: Издательство НИУ «Высшая школа экономики». – 2017.
3. Залоило М.В. Теория права перед вызовами цифровизации (на примере смарт-контрактов) // Правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий (смарт-контрактов): сб. материалов круглого стола (19 декабря 2018 г.) / под общ. ред. Ю.В. Трунцевского. – М.: Издательство «Юрист». – 2019.
4. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2019.

Петрова Дарья Анатольевна,
к.полит.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке»

На основании изучения основополагающих документов ОДКБ - Договора о коллективной безопасности (далее Договор) и Устава

Организации - был выделен ряд технико-юридических особенностей написания уставных документов Организации.

Во-первых, статус положений Договора и степень их обязательности для стран-участниц не являются очевидными. Так, по ст. 2 Устава положения Договора являются «обязывающими». В тексте пропущен важный разъясняющий момент: «обязывающий» к чему? Действующая формулировка не вводит императивной нормы соблюдать положения Договора, поэтому страны-участницы самостоятельно трактуют, к чему именно их обязывают положения Договора. Например, положения Договора могут быть «обязывающими» к перечитыванию или иному другому действию, что странам-участницам покажется выгодным.

Во-вторых, Договор не принуждает государства оказывать военную помощь в случае военной атаки против государств-участников или угрозе безопасности.

Статья 4 Договора напоминает аналогичную статью Североатлантического договора, однако регламентирует оказание «необходимой» помощи. То есть будет предоставлена та помощь, которую государства-участники сочтут необходимой.

По ст. 2 Договора предоставление помощи не является автоматическим. На консультативных совещаниях государства могут решить, чем именно они могут помочь в случае кризиса или не помогать вовсе.

В итоге мы можем говорить о том, что Договор о коллективной безопасности составлен очень аккуратно в отношении взаимных обязательств. Скорее можно говорить о том, что Договор изначально не мыслился создателя как устойчивая площадка по обеспечению безопасности и точно не как мощный военный блок.

Добровольность участия, щепетильность в вопросах независимости и осторожность в распределении обязательств еще раз подчеркивается и в Преамбуле Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года: «Деятельность ОДКБ осуществляется на основе неукоснительного уважения независимости, добровольности участия, равенства прав и обязанностей государств – членов, невмешательства во внутренние дела государств…» .

И еще одно подтверждение аккуратности формулировок и упора на согласованность действий в Стратегии до 2026 г.: «При координации и согласовании коллективных инициатив, позиций и действий государств – членов ОДКБ приоритет отдается политико-дипломатическим мерам».

Приведем еще один документ ОДКБ - Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности организации Договора о коллективной безопасности - для систематизации основных черт взаимодействия стран-участниц ОДКБ:

1. Принятие во внимание суверенитета стран-участниц Договора. Вопрос о применении силы и мер воздействия принимается исключительно на основании обращения одного или нескольких государств, а также с учетом мнения пострадавшей стороны (пункт 3.2, 2.1). Механизм применения мер воздействия без официального обращения не рассматривается.

2. Коллегиальность решений. Решение о принятии мер принимается коллегиально либо в рамках совместных консультаций (п. 3.1), либо Советом коллективной безопасности (п. 3.2). Исключена ситуация неравенства участников, как, например, в Совете безопасности ООН.

3. Принцип неавтоматического оказания помощи. Положение не исключает ситуации, что коллективный орган может и не принять решения о применении силы даже в случае агрессии.

При всей аккуратности формулировок нельзя говорить о том, что сотрудничество меду государствами ОДКБ полностью парализовано. Договор оставляет возможности для выгодного сотрудничества в сфере безопасности, которыми в случае политической воли могут воспользоваться участники соглашения. К таким примерам можно отнести меры по укреплению обороноспособности посредством подготовки высших военных кадров, особенно когда инициатива обучения исходит от России. А также вопросам противодействия незаконной миграции, предотвращения транспортировки наркотиков и решение приграничных разногласий. Стратегия 2016 г. дает полный перечень таких направлений взаимодействия.

Литература

1. Власенко Н.А. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2016.

Пономарев Михаил Викторович,
к.и.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ДОКТРИНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ «СОЦИАЛ-КОНСЕРВАТИВНОЙ ВОЛНЫ» НАЧАЛА XXI ВЕКА

В политическом и интеллектуальном пространстве начала XXI века консерватизм представлен очень широким спектром умонастроений, идей, концепций, стратегий, дискурсов. Их востребованность сопряжена, прежде всего, с кризисом глобалистской парадигмы и теми социально-

психологическими издержками, которые порождены информационной открытостью, инновационной изменчивостью, мультикультурным разнообразием современного общества, многочисленными «рисками» и «вызовами» в его развитии. Не случайно, поэтому, электоральные процессы в самых разных странах мира показывают в последние два десятилетия явное доминирование политических лидеров и партий, продвигающих программы социал-консервативного толка.

Социальный консерватизм представляет собой мировозренческую систему, основанную на признании позитивной роли модернизационных процессов в развитии человечества, но при отказе усматривать в них самоцель. Как отмечается в программных документах Европейской Народной партии, объединяющей социал-консерваторов в Европарламенте, стабильность и сплоченность общества определяются «балансом традиций и современности», и прогресс может быть действенным, только если он опирается на фундаментальные ценности, преемственность социальных и культурных институтов[323]. Провозглашая человека, его свободу и достоинство эпицентром своих убеждений, социал-консерваторы утверждают, что столь же естественным является стремление видеть в Боге источник истины, справедливости, добра и красоты, и отрицание этой духовной максимы ведет к неправильному пониманию человеческой свободы. Причем, речь в данном случае идет не о собственно религиозных убеждениях, а о признании подлинной основой любого человеческого сообщества априорных ценностных установок. Поэтому значимость свободы видится не в достижении тех или иных утилитарных целей, а во взрослении человеческой личности, способности гармонично сочетать свои устремления с общественным ценностным императивом в ходе солидарного, ответственного социального сотрудничества.

Исходя из такого мировоззренческого кредо социал-консервативная часть современного политического класса ориентирована на особый тип реформаторской стратегии, суть которой емко сформулировал Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Духовное единство народа и объединяющие моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, самобытной культуре, памяти своих предков, каждой странице отечественной истории»[324]. Как следствие, эпицентром социал-консервативной стратегии является «политика идентичности» – укрепление исторической памяти, защита семейных ценностей, поддержка

[323] Party platform EPP. 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.epp.eu/our-commitments/platform/ (Дата обращения: 12.02.2020). Manifesto EPP. 2012 / [Электронный ресурс]. URL: https://www.epp.eu/our-commitments/manifesto-2012/ (Дата обращения: 12.02.2020).

[324] Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В.В. Путина. 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html (Дата обращения: 12.02.2020).

родного языка и национальной культуры в целом, продвижение религиозно-конфессиональной культуры как важной части духовной жизни общества, соответствующие реформы в сфере образования и просвещения. Социал-консерваторы вполне активно реагируют на актуальную «повестку дня», в том числе на проблемы, связанные с цифровизацией и инновационным развитием экономики, демографическими и миграционными процессами, экологической безопасностью, обеспечением законности и правопорядка. Но по многим вопросам их «охранительная» позиция заметно отличается от либерально-ориентированного медийного мейнстрима. Это касается, в первую очередь, разнообразных аспектов гендерной политики, масштабов и характера миграционных процессов, задач современного образования, проблем информационной открытости и мультикультурного многообразия. В последние годы все более заметным трендом становится и переход социал-консерваторов к политике «экономического национализма».

Специфика политического мышления социал-консерваторов и, прежде всего, их стремление видеть пути решения любых актуальных проблем в сплачивании общества вокруг базисных ценностей и социальных институтов предполагает важность конституционно-правовой проблематики. Причем, речь идет не об отдельных реформах, призванных повысить эффективность тех или иных властных институтов или политических процедур. Для социал-консерваторов принципиально важен особый взгляд на конституционный строй как фундамент социального организма нации. Показательна в этом плане позиция лауреата Пулитцеровской премии Чарльза Краутхаммера, который утверждал, что «конституционализм как политическая философия представляет собой реформированный, саморегулирующийся консерватизм», и что в современных условиях принципиально важно укреплять глубинные основы конституционного строя, неотделимо связанные с национальным духом, национальной историей, национальной политической традицией – «только на этой основе возможно легитимное обоснование действий государства»[325]. Рассуждая в таком русле Краутхаммер выдвинул идею «нового конституционализма» как особого правового мышления, основанного на «сознательном обосновании конституционного текста» и тесно связанного с традиционалистской ценностной рефлексией. Многие современные авторы, особенно в США, Канаде, Великобритании, вкладывают этот смысл в понятие «конституционный консерватизм» и соотносят его с нынешней политической стратегий социал-консерваторов.

В англосаксонских странах такой подход емко сочетается с концепцией «Живой Конституции», в том числе с установкой на расширительное доктринальное толкование формальной конституции (при ее наличии), консолидацию всей системы источников конституционного права на основе такого толкования, а не отраслевой структуры права или иерархии норм по

[325] Krauthammer C. Toward a Constitutional Conservatism (essay) // Krauthammer C. The Point of It All: A Lifetime of Great Loves and Endeavors, Crown Forum, 2018. P. 348.

юридической силе. Вполне органичен такой подход и для исламского конституционализма, особенно его суннитской версии. В странах же, где преобладает формально-юридическое понимание конституционализма, и эпицентром систем конституционного права являются именно формальные конституции, ситуация выглядит сложнее. Полномасштабное реформирование таких конституций в русле социал-консервативной стратегии затруднено тем, что оно может достаточно явно (на уровне «буквы закона») вступить в противоречие с прежней логикой развития конституционного права, отражающей либерально-демократические ценности и ставшей своего рода «стандартом» конституционализма на рубеже XX-XXI вв.

Пути и риски такой «национализации» конституционного права наглядно показало принятие Основного закона Венгрии 2011 г., который был сочтен многими зарубежными экспертами «несоответствующим европейским традициям конституционализма»[326]. Причиной критики являлись не только «угрожающие демократии» реформы в системе публичной власти и правосудия Венгрии, но и радикальный разворот конституционной доктрины в сторону христианских ценностей, безусловного верховенства национальных интересов, приоритета публичного права. Характерно, что и венгерский лидер Виктор Орбан называл произошедшее «конституционной революцией»[327]. Но с точки зрения нормативного материала Основной закон Венгрии отнюдь не выглядит принципиальной альтернативой «европейским традициям». Изменения, которые Орбан позиционировал как антитезу либеральной демократии, с формально-юридической точки зрения оказались скорее «точечными», но знаковыми именно в доктринальном плане («защита интересов традиционной семьи», «брак как союз мужчины и женщины», «право на жизнь с момента зачатия», «обязанность каждого в пределах своих возможностей содействовать выполнению государственных и общественных задач» и т.д.). Таким образом, Основной закон 2011 г. не столько изменил институциональный фундамент конституционного строя, сколько дал толчок для радикального обновления политического режима Венгрии в русле социал-консервативного мышления.

Еще один яркий пример конституционной реформы, радикально меняющей доктрину, но лишь точечно затрагивающей «букву Конституции», показал Китай. Комплекс поправок, внесенных в Конституцию КНР в 2018 г., коснулся более 20 статей, но суть их свелась к единственной доктринальной

[326] European Commission for Democracy through Law. Opinion on the regulatory concept of the Constitution of the Republic of Hungary. 25-26.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)016-e (Дата обращения: 12.02.2020).

[327] Orbán Viktor beszéde a Fidesz – Magyar Polgári Szövetség XXVIII. Kongresszusán. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kormany.hu/hu/a-miniszterelnok/beszedek-publikaciok-interjuk/orban-viktor-beszede-a-fidesz-magyar-polgari-szovetseg-xxviii-kongresszusan (Дата обращения: 12.02.2020).

новелле: политический курс нынешнего китайского лидера Си Цзиньпина был закреплен как «новая эра» наряду с реализацией идей Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Эта пафосная и, казалось бы, сугубо ритуальная «ремарка» на деле имела огромное значение для трансформации политического режима Китая – она закрепила разворот от «левацких» (классовых) и «либеральных» (технократических) идей к стратегии «великого возрождения китайской нации» и «реализации китайской мечты» как реформ, которые не только продолжают строительство «социализма с китайской спецификой», но и являются частью «истории более чем 5000-летней цивилизации китайской нации». Тем самым, формально не отказываясь от коммунистических и социалистических идей, китайское руководство легализовало политическую философию социал-консервативного толка, которая позиционируется как торжество неоконфуцианских ценностей[328].

Приведенные примеры важны для понимания сущности конституционной реформы, разворачивающейся в Российской Федерации в 2020 г. Установка на реализацию социал-консервативной стратегии национального развития, закрепилась на уровне политической элиты нашей страны еще с 2003-2004 гг., и с тех пор ее значимость только росла, в том числе и в рамках массового сознания. Необходимость соответствующих корректив конституционной доктрины за эти годы отмечали многие политики, общественные деятели и ученые. Концепция конституционной реформы 2020 г. не предполагает радикальных изменений в «букве Конституции», но сумма предлагаемых новаций имеет вполне определенную смысловую направленность. Так, различные коррективы в системе властных отношений сопряжены с общим вектором консолидации системы публичной власти, что в свою очередь рассматривается как важнейший фактор сплочения российского общества перед лицом новых проблем и рисков развития. Достаточно спорный, на первый взгляд, порядок внесения и принятия изменений, в том числе связанный с процедурой «всенародного голосования», позиционируется как проявление плебисцитарной демократии («высшей формы демократии», по ремарке Президента В.В. Путина). Отказ от безусловного верховенства международного права трактуется как необходимость защитить государственный суверенитет и национальные интересы. Подобные шаги не меняют основы конституционного строя Российской Федерации, но обеспечивают безусловную легитимность социал-консервативной стратегии вне зависимости от перипетий электоральных процессов.

[328] Гаврилова Ю.В. «Эра Си Цзиньпина»: трансформация современного конституционно-правового режима Китайской Народной республики / Ю. В. Гаврилова // Актуальные проблемы публичного права: вопросы теории и практики. Сб. материалов Международной научно-практической конференции Центрального филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – С. 20-25.

Литература

1. Гаврилова Ю.В. «Эра Си Цзиньпина»: трансформация современного конституционно-правового режима Китайской Народной республики / Ю. В. Гаврилова // Актуальные проблемы публичного права: вопросы теории и практики. Сб. материалов Международной научно-практической конференции Центрального филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – С. 20-25.
2. Krauthammer C. Toward a Constitutional Conservatism // Krauthammer C. The Point of It All: A Lifetime of Great Loves and Endeavors, Crown Forum, 2018. P. 344-370.

Порываева Наталья Федоровна,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАРСИНГА

Современный мир характеризуют процессы повсеместной глобальной технологизации и цифровизации, а также сопутствующее этим процессам большие массивы информации, объемы которых имеют тенденцию к неконтролируемому увеличению[329]. Как справедливо отмечается в литературе, начавшаяся во второй половине XX в. информационная революция породила кардинально новую среду обитания человека – цифровую[330]. Благодаря интернету генерируется громадное количество информации, объемы которой уже измеряются в зеттабайтах[331]. По прогнозам к 2025 году объем данных в интернете составит 175 зеттабайт[332]. Генераторами информации в сети интернет являются частные лица, частные организации, сообщества людей, государственные организации, государственные органы.

Чтобы ориентироваться в массиве информации, представленной в сети Интернет, работают автоматизированные поисковые системы. Любую информацию, на любом языке в любом объеме можно найти за несколько

[329] При этом цифровая среда меняет систему общения, обеспечивая человеку мгновенный доступ к огромному массиву информации. Человечество превращается в единую «глобальную деревню», что ведет к универсализации правовой традиции, к сближению аксиологических составляющих различных национальных правовых традиций (Цит. по: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП, 2019. – С. 18).
[330] См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: ИЗиСП, 2019. – С. 97.
[331] 1 зеттабайт равен триллиону гигабайт.
[332] [Электронный ресурс]. URL: https://www.seagate.com/ru/ru/our-story/data-age-2025/. (Дата обращения: 15.02.2020 г.).

секунд, введя правильный запрос. Как обрабатывать полученную информацию? Вполне логично, что в эпоху технологизации найденную информацию можно скачивать и обрабатывать, не только вручную, но и автоматически. Однако это не так просто, как кажется.

Парсинг (Parsing) – автоматизированный сбор, обработка, структурирование и хранение информации с интернет-ресурсов. Парсер может быть в виде программы или скрипта.

Парсинг состоит из двух этапов: 1. Скрапинг (Scraping): запрос веб-сервера и запрос данных, размещенных на веб-страницах (в форматах HTML, XHTML, XML и др); 2. Непосредственно сам парсинг (parsing): извлечение, обработка данных и сохранение извлеченных данных в нужном формате.

По названию 1-го этапа весь процесс автоматизированного сбора может носить название скрапинг (характерно для англоязычных источников). В русскоязычных источниках преобладает название парсинг[333].

Как общественное явление парсинг появился давно, практически вместе с появлением сети интернет. Еще в середине 90-х годов прошлого века, в научных работах обсуждалась проблема создания программ для парсинга данных[334].

В настоящее время парсинг применяется в различных целях: образовательных, научных, личных. С развитием интернет-торговли парсинг широко и активно применяется в коммерческих целях для мониторинга цен, ассортимента товаров, трафика товарооборота, прогнозирования рынка, маркетинговых исследований и т.д. Существуют компании, занимающиеся промышленным парсингом сайтов. Существуют платформы с готовыми формами парсеров. Очень активно сеть интернет «парсят», индексируя страницы веб-сайтов, боты поисковых систем, определяя тем самым эффективность самой поисковой системы. То есть парсинг широко и активно используется для автоматизации рутинных процессов по поиску и скачиванию данных. В любой сфере парсинг может повысить эффективность и производительность процессов. Особенно роль парсеров увеличивается в последнее время с развитием машинного обучения, для которого нужны большие объемы данных, собираемых автоматизировано.

---

[333] Запрос поискового слова «парсинг» на портале научной электронной библиотеки elibrary.ru выдает 1496 результатов из 33628881, запрос поискового слова «скрапинг» - 40 результатов из 33628881. Некоторые из результатов: Морозкин Н.К., Музычкин П.А. Разработка модуля парсинга данных портала госзакупок для аналитических платформ / Н. К. Морозкин, П. А. Музычкин // В сборнике: Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы материалы VI ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 164-170.; Бабарицкий П.А., Сокуренко Ю.А., Государев И.Б. Анализ и имплементация методов парсинга веб-ресурсов. Анализ зарубежных и отечественных источников по теме исследования // Альманах научных работ молодых ученых XLVII научной и учебно-методической конференции Университета ИТМО. – 2018. – Том 7. – С. 51-53.; Щукова К.Б. Разработка парсера для извлечения и анализа данных в области судопроизводства// Современная техника и технологии. – 2015. – № 11. – С. 90-92.

[334] Бабарицкий П.А., Сокуренко Ю.А., Государев И.Б. Анализ и имплементация методов парсинга веб-ресурсов. Анализ зарубежных и отечественных источников по теме исследования // Альманах научных работ молодых ученых XLVII научной и учебно-методической конференции Университета ИТМО. – 2018. – Том 7. –С.52.

Однако, несмотря на давнее существование парсинга и больших перспектив его использования в связи с глобальной цифровизацией, отношения к парсингу как общественному явлению неоднозначное. С одной стороны, с ростом накопления массивов данных в эпоху технологизации без автоматизированного сбора и обработки данных очень трудно обойтись. С другой стороны, парсинг, бывает очень агрессивным, анонимизированным с обходом всех защит и способным вывести из строя работу интернет-ресурсов – мишений парсеров, не говоря о имеющих место нарушениях авторских, смежных прав при использовании полученных данных. Поэтому, учитывая активное повсеместное использование, парсинг вызывает ряд дискуссионных вопросов, как технических, так правовых и этических.

Анализ источников по заданной теме показывает, одним из главных правовых вопросов применения парсинга является вопрос законности его применения[335]. Несмотря на устойчивые общественные отношения, сложившиеся при применении парсинга, в рамках российского законодательства парсинг собственного правового регулирования не имеет. Нет прямой правовой нормы, запрещающей или разрешающей парсинг[336].

Однако указанное законодательство не может полностью урегулировать отношения, складывающиеся при применении автоматизированного сбора информации, в том числе парсинга[337]. Одной из проблем, является складывающийся дисбаланс между интересами правообладателей и пользователей, в пользу первых[338]. Другая проблема заключается в том, что владельцы интернет-ресурсов создают защиту от автоматизированного сбора

---

[335] См, например: Рожкова М.А. Скрапинг / парсинг интернет-ресурсов – что это такое и законно ли это? // Закон.ру. 2019. 30 декабря / [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/30/skraping_parsing_internet-resursov_chto_eto_takoe_i_zakonno_li_eto (Дата обращения: 15.02.2020); Беляев Д., Лазуткин В. Когда парсинг является законным. [Электронный ресурс] URL: https://pro.rbc.ru/news/5da824219a794785a904976b. (Дата обращения: 15.02.2020); Waterman T. Web scraping is now legal. [Электронный ресурс] Jan 29, 2020. URL: https://towardsdatascience.com/web-scraping-is-now-legal-6bf0e5730a78. (Дата обращения:15.02.2020)

[336] Так, Конституцией Российской Федерации предусмотрено право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (часть 4 статьи 29). К парсингу применимо и законодательство об информации, например: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в части защиты персональных данных, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ в части защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

[337] Как известно, право должно иметь меру в качественном показателе – не вторгаться в сферы, для права не характерные, и в количественном отношении – когда речь идет о конкретных пределах правового регулирования (см.: Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. – М.: ИЗиСП. 2018. – С. 40).

[338] Е.А. Войниканис отмечает, что «господствующая парадигма (соответственно и действующее российское законодательство) защищает как основополагающую ценность контроль доступа к результатам интеллектуальной деятельности со стороны правообладателя. Данная парадигма вступает в противоречие с общим вектором развития отношения общества к информации, который заключается в движении от максимально закрытых систем знания, доступ к которым рассматривается как привилегия, к открытым системам знания и информации, доступ к которым является не эксклюзивной возможностью, а неотъемлемым правом каждого» (Цит. по Черняковский А.В. Проблемы ограничения прав граждан на доступ к информации в сети «Интернет» / А. В. Черняковский // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 356).

информации, усложняя парсинг многократно, что в свою очередь вызывает только разработку более высокоуровневых парсеров, обходящих созданные защиты. Создание таких парсеров требует больших профессиональных навыков. При этом автоматизированное скачивание в личных, образовательных, научных целях с таких сайтов становится недоступным среднестатическому пользователю. В будущем при дальнейших процессах развития цифровизации и накопления еще больших объемов информации, ситуация может только усугубиться. Отсутствии прямого регулирования автоматизированных процессов получения общедоступной информации может привести к дискриминации, в пользу больших компаний, обладающих большими данными и контролирующих большие данные. Как средство здесь бы помогло предоставление владельцев интернет ресурсов бесплатных, хорошо функционирующих API для автоматизированного сбора данных в некоммерческих целях и платных API, для скачивания информации в коммерческих целях либо предоставление информации в форматах, удобных для автоматизированного скачивания.

С учетом вышеизложенного возможно сформулировать выводы, что парсинг является устойчивым сложившимся общественным явлением, имеющим давнюю историю существования. Однако в рамках российского законодательства парсинг собственного правового регулирования не имеет. Вопросы правового регулирования процесса автоматизированного сбора данных являются важными, поскольку в эпоху больших объемов информации, становится уже непросто обрабатывать вручную информацию даже простым пользователям сети интернет. В тоже время вопросы регулирования процесса автоматизированного сбора данных являются и сложными, так как необходимо найти баланс между риском избыточного регулирования автоматизированного сбора данных, и риском несоответствия правового регулирования объемам, и целям сложившихся в данной сфере отношений.

Литература

1. Waterman T. Web scraping is now legal [Электронный ресурс] Jan 29, 2020. URL:https://towardsdatascience.com/web-scraping-is-now-legal-6bf0e5730a78 (дата обращения – 15.02.2020)
2. Бабарицкий П.А. Анализ и имплементация методов парсинга веб-ресурсов. Анализ зарубежных и отечественных источников по теме исследования/ П.А. Бабарицкий, Ю.А. Сокуренко, И.Б. Государев // Альманах научных работ молодых ученых XLVII научной и учебно-методической конференции Университета ИТМО. – 2018. – Том 7.
3. Беляев Д., Лазуткин В. Когда парсинг является законным. [Электронный ресурс] URL: https://pro.rbc.ru/news/ 5da824219a794785a904976b. (Дата обращения: 15.02.2020).

4. Морозкин Н.К. Разработка модуля парсинга данных портала госзакупок для аналитических платформ / Н. К. Морозкин, П. А. Музычкин // В сборнике: Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы материалы VI ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – 2019.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: ИЗиСП, 2019.
6. Рожкова М.А. Скрапинг / парсинг интернет-ресурсов – что это такое и законно ли это? / М. А. Рожкова // Закон.ру. 2019. 30 декабря / [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/30/ skraping_parsing_internet-resursov_chto_eto_takoe_i_ zakonno_li_eto (Дата обращения: 15.02.2020).
7. Философия права: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор О.Ю. Рыбаков. – М.: ИЗиСП. 2018.
8. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП, 2019.
9. Черняковский А.В. Проблемы ограничения прав граждан на доступ к информации в сети «Интернет» / А. В. Черняковский // Юридическая техника. – 2018. – № 12.
10. Щукова К.Б. Разработка парсера для извлечения и анализа данных в области судопроизводства// Современная техника и технологии. – 2015. – № 11.

Протасов Валерий Николаевич,
д.ю.н., профессор кафедры теории государства и права
Российской правовой академии

АСПЕКТЫ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аспекты бюрократического управления наукой и образованием в Российской Федерации. Вузовская наука после организации в 2013 г. Федерального агентства научных организаций (ФАНО) осталась в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, которое так управляет вузовским образованием, что подавило науку. Ведь наукой в вузе занимаются не кто иные, как преподаватели. С образованием Министерства науки и высшего образования если что и изменилось, то не в лучшую сторону.

Недавно обновленное Правительство России должно задуматься о прекращении, во всяком случае ослаблении, непомерного и бессмысленного (с точки зрения реальных задач российского государства) бюрократического

прессинга, непосильного давления на рабочую часть социального организма современной России – труд врачей, учителей, преподавателей вузов.

Отдельно следует сказать о выдвинутой российским Министерством образования и науки заманчиво звучащей и внешне привлекательной идее «непрерывного образования», воплощение которой на практике сделало из аспирантов школяров. Эта идея разумна только внешне. В известной степени она рациональна для практических работников, но в таком виде она ничего нового в себе не несет. А вот для сферы науки она не годится и даже вредна. Министерские авторы и разработчики идеи «непрерывного образования» не учитывают важнейшего обстоятельства: сфера обучения («получения образования») и сфера создания нового знания (научного творчества) требуют от субъекта принципиально разных качеств. Для обучения нужно уметь усваивать чужое знание, для науки – создавать свое. Никаким «непрерывным образованием» ученого не создать: или способность к научному творчеству есть, или ее нет. Творческие способности в науке, разумеется, можно и нужно развивать. Но делается это не методом «непрерывного образования», а решением научно-исследовательских задач. Молодым ученым нужно создавать материальные и организационные условия для научной работы, а не отвлекать их от нее посещением многочисленных «занятий» с последующей сдачей зачетов и экзаменов.

Договор верховной власти и бюрократии как фактор национального управления. Иррациональные приемы властвования как симптом крайней степени бюрократизации управленческой системы – это часть более общей проблемы факторов, определяющих такое состояние бюрократически организованных систем управления. Фактором, конечно, являются собственные закономерности развития бюрократической системы, сама логика ее внутреннего развития (самосохранения и экспансии). Однако это развитие всегда происходит в определенных условиях социальной среды, под влиянием внешних факторов, которые определяют скорость и масштабы бюрократизации управленческой системы. В масштабе государства такими факторами являются (а) состояние общества как объекта управления, степень его приближения к идеалу гражданского общества и (б) характер взаимоотношений бюрократии и верховной власти.

Принципы, положенные в основу договора верховной власти и бюрократии, во многом определяют поведение бюрократии, те приемы, которые она использует в управлении населением. Форма такого договора многоаспектна и имеет комплексный характер: это и конституция, другие юридические и неюридические письменные акты, устные договоренности и молчаливые соглашения (на основе конклюдентных действий). Сущностная часть подобных договоров заключена в молчаливом соглашении: классовая солидарность, например, не требует письменных договоренностей.

Договор между верховной властью и бюрократией в той или иной мере присутствует в каждой стране современного мира. Здесь важны принципы, которые положены в основу такого договора. Суть молчаливого соглашения верховной власти и бюрократии современной России состоит в том, что российская бюрократия взяла на себя задачу держать население в узде (чего стоит одно только исчезновение профсоюзов из реальной жизни российского общества), а верховная власть, со своей стороны, предоставила бюрократии целый ряд серьезных привилегий, позволила очень многое. Такой привилегией является, в частности, особое пенсионное обеспечение работников государственных органов (не работников государственных организаций, а именно лиц, состоящих в государственных органах, т.е. во властной части государства). Закон о пенсионном обеспечении в современной России – это образчик неправового закона (пенсия судьи в 10 раз превышает пенсию профессора, который этого самого судью к профессиональной деятельности готовит). Страна, так относящаяся к материальному обеспечению профессуры и ученых вообще, ни на какой социальный «прорыв» рассчитывать не может.

К привилегиям современной российской бюрократии относятся разрешение со стороны верховной власти иметь начальникам государственных организаций непомерные «зарплаты» (в десятки и сотни раз превышающие размер оплаты труда рядовых работников)[339], введение «своей» меры уголовно-процессуального пресечения в виде «домашнего ареста» («коррупционная составляющая» которой беспредельна), практика юридической безнаказанности высокопоставленных бюрократов и их детей[340], «классовый» (в широком смысле этого слова) характер уголовного законодательства современной России и др. Не надо, например, быть семи пядей во лбу, чтобы понять, какие и чьи тайны охраняют нормы статьи 138.1 действующего УК Российской Федерации, о которой уже неоднократно ставился вопрос в российских СМИ[341], в том числе на встрече В.В. Путина с журналистами в декабре 2017 г. «Противодействие» коррупции в России следует начать с ликвидации этой статьи. Сам факт ее существования заставляет усомниться в искренности деклараций бюрократии о борьбе с коррупцией.

Кстати, примечателен сам термин «противодействие», используемый в теории и практике современной российской борьбы с коррупцией, в том числе в названии специализированных государственных органов – «управлений экономической безопасности и противодействия коррупции» (УЭБ и ПК). В этом названии нет ни слова обещания бороться с коррупцией

[339] Это касается и ректоров государственных вузов.

[340] Отдельные «посадки» высокопоставленных чиновников зачастую обусловлены наличием в их деле некой неправовой компоненты, которая и имеет решающее значение.

[341] См., например: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2013/04/24/n_2873553.shtml (Дата обращения: 06.03.2020 г.).

и коррупционерами. По поводу «экономической безопасности» можно предположить, что речь идет об их собственной экономической безопасности (средством формирования и укрепления которой как раз и является взятка), а при слове «противодействие» сразу представляются два участника японской борьбы «сумо», сошедшиеся в неподвижном клинче. Как известно из школьного курса физики, «противодействие» — это лишь способ уравнивания силы действия (действие и противодействие). Это то состояние, которое в народе обозначается формулой «и ни туда, и ни сюда». Российских противников коррупции по должности теперь надо официально именовать не борцами с ней, а «противодейственниками». В этой роли они, в лучшем случае, – «противовесы» коррупции, но никак не борцы.

Разросшийся бюрократический спрут – наиболее опасный внутренний враг государства. А если этот спрут еще и поражен коррупцией, то его опасность для общества возрастает многократно. Уступки бюрократическому спруту со стороны верховной власти опасны не только для населения страны, но и для самой верховной власти.

Особый статус и всевластие бюрократии в современной России можно пытаться объяснить существованием в ней так называемой «либеральной оппозиции», поведение которой, действительно, нуждается в пристальном внимании российского государства. Но почему от засилья бюрократии должен страдать простой народ, который хорошо знаком с управленческой деятельностью псевдолибералов и на дух их не переносит? Ведь не российский народ строит им «ельцин- и гоголь-центры», а та же самая российская бюрократия. Правда, на народные деньги, которые можно было бы употребить с большей пользой для страны.

Опора верховной власти современной России на бюрократию была в определенной мере вынужденной. Однако наступает такой этап развития России и реформирования систем управления, когда опорой верховной власти должно быть непосредственно население страны, сам народ.

Новый политико-бюрократический прием российской бюрократии. Примечателен современный российский феномен «зарплат» руководителей государственных (!) организаций, в сотни и более раз превышающих заработные платы рядовых членов трудового коллектива. Характерный пример – «начальник» ФГУП (федерального государственного унитарного предприятия) «Почта России», ежемесячная «зарплата» которого составляла до недавнего времени 12 млн. руб., что в тысячу (!) раз больше того, что выплачивают за месяц труда рядовому почтальону. Это, конечно, абсурд. Но за каждым бюрократическим абсурдом кроется нечто рациональное с точки зрения интересов бюрократической системы. Похоже, что огромные, непомерные «зарплаты» начальников государственных организаций выполняют роль концентраторов, своего рода конденсаторов, финансовых средств, с тем чтобы вышестоящее бюрократическое звено точно знало, где

деньги. Это предположение находит подтверждение в сообщении российских СМИ о возбуждении уголовного дела по факту утверждения чиновницей Минкомсвязи выплаты 128 млн руб. зарплаты и премий главе «Почты России».

Бюрократия меркантильна по самой своей природе. Ее суть как раз и заключается в ориентации на собственный интерес. И именно этим можно пытаться объяснять отмеченный феномен. Однако более глубокий анализ позволяет выявить более серьезный, политический аспект этого явления. Изобретатель этого управленческого приема достоин членства ордена иезуитов. Руководитель государственной организации, которому назначена «зарплата» в десятки и сотни раз превышающая месячную оплату труда рядового работника, уже не принадлежит трудовому коллективу с точки зрения его интересов: он оказывается в стане бюрократии и разделяет, защищает ее интересы. Такой «начальник» никогда не будет организовывать трудовой коллектив на борьбу за интересы работников, ущемленные бюрократией, не поведет коллектив за собой: он находится по другую сторону «баррикад». Такой руководитель государственной организации куплен бюрократией на корню, и будет свято блюсти ее интересы. Отсюда безжалостный бюрократический прессинг трудового коллектива со стороны администрации государственной организации.

Отмеченный политико-бюрократический прием «закупки» руководителей государственных организаций применяется повсеместно и во всех слоях государственно-организованной социальной системы Российской Федерации. Крым только-только присоединился к России, а уже месячный «заработок» главного врача больницы составил 150 тыс. рублей, а зарплата санитарки этой же больницы – 7 тысяч.

Следует признать, что в описанной ситуации задействована не лучшая российская традиция оценивать человека по занимаемой им должности. Так исторически сложилось и укоренилось, что в России всегда кормила, создавала почет и уважение именно должность. В современной России даже академические звания присваиваются за занимаемые должности. Звания академиков и «член-корров» могут быть выданы директорам НИИ, «начальникам» больших библиотек с некоторым научным уклоном, «президентам» финансовых систем или «просто» за высокую государственно-административную должность.

Прохода Владимир Анатольевич,
к.соц.н., старший научный сотрудник кафедры философии образования МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве России

ДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИЯН

Проблема доступности отечественного образования разных уровней постоянно привлекает внимание исследователей[342]. Обеспечение доступности качественного образования для всех слоев населения России, выступает в качестве одной из ключевых целей деятельности органов управления образованием, для реализации которой проводятся различные трансформации системы. Так, в числе задач национального проекта «Образование» декларируется создание современной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и *доступность образования* всех видов и уровней. Проведение опросов по рассматриваемой проблематике выступает в качестве канала обратной связи, позволяющего выявить оценку населением эффективности реализуемых мер. В таком контексте представляется актуальным обращение к результатам авторитетного межстранового проекта.

Эмпирической базой для публикации послужили некоторые материалы девятой волны (2018 г.) социологического исследования «Европейское социальное исследование» (ESS). Опрос проведен среди населения в возрасте 15 лет и старше по национальной репрезентативной случайной выборке. В каждой стране опрошено от 781 (Республика Кипр) до 2745 респондентов (Италия). Метод сбора первичной социологической информации – личное интервью (face-to-face) на дому у респондентов. Российское социальное исследование, являющееся ассоциированной частью (related study) ESS, проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в ноябре 2018 г. – феврале 2019 года, размер выборки - 2416 респондентов. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайтах www.europeansocialsurvey.org и www.ess-ru.ru. Для обеспечения сопоставимости данных в разных странах использована процедура взвешивания.

Для выявления мнения жителей европейских государств о доступности образования у респондентов интересовались, в какой мере соответствует нынешнему положению дел в стране следующее утверждение: «*В целом, сегодня у каждого человека в нашей стране есть справедливый шанс*

[342] См., например. Абанкина И. В., Доступность дошкольного образования / И. В. Абанкина, Л. М. Филатова // Вопросы образования. – 2018. – № 3. – С. 216-246. Громов А.Д. и др. Доступность высшего образования в регионах России / А. Л. Громов. – М.: НИУ ВШЭ. – 2016. — 32 с. Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация / Д. Л. Константиновский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 5 (99). – С. 40-60.

получить тот уровень образования, к которому он стремится?». Предусматривалась оценка по шкале от «0» – совсем не подходит до «10» – полностью подходит. Доступность отечественного образования получает сравнительно низкие оценки россиян (средний балл – 5,44; SD = 2,71). В процентах около трети респондентов (32,8 %) констатируют отсутствие или скорее отсутствие (от 0 до 4 баллов) справедливых шансов на получение желаемого уровня образования. Почти каждый пятый респондент (19,9 %) выбрал нейтральные (середина шкалы) пять баллов. Наконец только менее половины (47,3 %) опрошенных россиян характеризуют шансы как справедливые или скорее справедливые. При этом максимальные десять баллов отметило 9,7 % опрошенных.

В сравнении с большинством стран-участниц проекта, в России фиксируются одни из самых пессимистичных оценок. Это позволяет сделать вывод о разочаровании некоторой части населения современной системой образования, свидетельствует о наличии проблем с доступностью качественного образования разных уровней, что отчасти соотносится с результатами других исследований[343]. Для сравнения средний балл в Эстонии составил 7,48 балла (SD = 2,27), в Норвегии – 7,42 балла (SD = 1,91), в Чехии – 7,29 балла (SD = 1,91), Финляндии – 6,82 балла (SD = 2,17). Хуже чем в России ситуацию с доступностью образования оценивают только жители Италии – 5,31 балла (SD = 2,37) и Франции – 4,75 балла (SD = 2,37). Показатели, в целом сопоставимые с российскими, фиксируются в Венгрии – 5,48 балла (SD = 2,59), Республике Кипр – 5,57 балла (SD = 2,61), Сербии – 5,57 балла (SD = 3,38).

В контексте декларированной органами управления необходимости обеспечения доступности образования для всех слоев населения России представляется интересным выявить оценки респондентов, традиционно относимых к категориям, социально ущемленным в возможностях получения образования. К их числу исследователи относят представителей бедных семей, инвалидов, жителей сельской местности[344]. Это потребует рассмотрения ответов россиян на вопрос о согласии или несогласии со следующим утверждением: «*По сравнению с другими людьми в России у меня был справедливый шанс получить тот уровень образования, к которому я стремился (ась)?*». Предусматривалась оценка по шкале от «0» – совсем не подходит до «10» – полностью подходит.

Проведенный анализ показал, что оценка доступности отечественного образования, значимо связана с уровнем дохода семьи респондента. В целом, чем выше уровень дохода, как в абсолютном выражении, так и при

[343] Система образования и ЕГЭ. Левада-центр. Пресс-выпуск. 21.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2016/06/21/sistema-obrazovaniya-i-ege/ (Дата обращения: 28.02.2020).

[344] Проблемы доступности высшего образования / Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М.: «СИГНАЛЪ», 2003. – 173 с. Королева Е.Г. Доступность образования для молодежи и взрослых в новых условиях / Е. Г. Королева // Человек и образование. – 2008. – № 3 (16). – С. 53-56 и др.

субъективной оценке тем чаще россияне заявляю о справедливости шансов на получение желаемого образования. Например, средний балл среди наименее обеспеченных респондентов (доход всех членов семьи после вычета всех налогов – менее 12 тыс. рублей в месяц) – 5,89 (SD = 2,84), что существенно ниже, чем аналогичный показатель среди наиболее обеспеченных россиян (доход всех членов семьи после вычета всех налогов – более 80 тыс. рублей в месяц) – 7,12 (SD = 2,3). Полученные данные могут свидетельствовать о снижении финансовой доступности качественного образования. Таким образом, именно малообеспеченные россияне чаще ощущают несправедливость в доступе к образованию.

При рассмотрении оценок респондентов в зависимости от места проживания выявлена следующая зависимость – лучше оценивают доступность образования жители российских городов (большой город – 6,62 балла, SD = 2,5; небольшой город или поселок городского типа – 6,31, SD = 2,65) нежели респонденты из сельской местности – 6,19 (SD = 2,77). Территориальный барьер срабатывает на разных уровнях, и может быть связан с менее высоким качеством школьного образования, ограниченной доступностью дополнительных занятий, дополнительной финансовой нагрузкой (оплата транспорта, питания, жилья) и др.

Прослеживается зависимость оценок респондентов и от состояния их здоровья. Чем ниже субъективная самооценка здоровья, тем ниже россияне оценивают доступность образования в стране. Хуже остальных опрошенных справедливость шансов получить желаемое образование оценивают респонденты с очень плохим здоровьем – 5,6 балла, при этом имеет место существенный разброс оценок – SD = 3,44. Для сравнения россияне, оценившие здоровье как очень хорошее – 6,87 балла (SD = 2,51), хорошее – 6,55 (SD = 2,46), среднее – 6,37 (SD = 2,61), плохое – 6,02 (SD = 2,98). Полученные данные могут свидетельствовать об актуальности проблемы реализации инклюзивного образования в современной России.

Таким образом, полученные результаты позволяют констатировать, что по сравнению с большинством стран–участниц ESS, в России фиксируются одни из самых пессимистичных оценок доступности отечественного образования. Это свидетельствует о наличии проблем с доступностью качественного образования разных уровней у некоторой части россиян. Сравнительно часто, ощущают несправедливость в возможностях получения желаемого образования представители малообеспеченных семей, жители сельской местности, а также россияне, оценивающие свое здоровье как очень плохое или плохое.

Литература

1. Абанкина И. В. Доступность дошкольного образования / И. В. Абанкина, Л. М. Филатова // Вопросы образования. – 2018. – № 3. – С. 216-246.

2. Громов А.Д. и др. Доступность высшего образования в регионах России / А. Л. Громов и др. – М.: НИУ ВШЭ. – 2016. — 32 с.
3. Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация / Д. Л. Константиновский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 5 (99). – С. 40-60.
4. Королева Е.Г. Доступность образования для молодежи и взрослых в новых условиях / Е. Г. Королева // Человек и образование. – 2008. – № 3 (16). – С. 53-56.
5. Проблемы доступности высшего образования / Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М.: «СИГНАЛЪ», 2003. – 173 с.

Рахманова Екатерина Николаевна,
д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СПОРТ[345]

Спорт неразрывно связан с правами человека. Спортом может заниматься любой человек независимо от расовой принадлежности, цвета кожи, пола, возраста, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, собственности, рождения или другого статуса.

В статье 1 Олимпийской Хартии указывается, что «…каждый должен иметь возможность заниматься спортом, не подвергаясь дискриминации, в духе Олимпизма, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры», без опасения, что будут нарушены права, свободы и безопасность человека[346]. Аналогичным образом, спорт понимается в Международной хартии физического воспитания, физической активности и спорта ЮНЕСКО[347]. Спорт упоминается во многих международных документах и резолюциях. Например, в 2013 г. по инициативе России Совет по правам человека ООН на 24-й сессии принял резолюцию 24/1 (A/HRC/RES/24/1) «Поощрение прав человека через спорт и

[345] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия коррупции в сфере спорта»
[346] Олимпийская хартия (в действии с 15 сентября 2017 г.) / [Электронный ресурс]. URL: https://olympic.ru/upload/documents/team/charter/olimpiyskaia-hartiia-15-sentiabria-2017.pdf (Дата обращения: 03.03.2020 г.).
[347] [Электронный ресурс]. URL: http://vespo.com.ua/enciklopediya-sporta/mezhdunarodnaya-hartiya-fizicheskogo-vospitaniya-fizicheskoy-aktivnosti-i-sporta/ (Дата обращения: 03.03.2020 г.).

идеалы олимпийского движения»[348].

Но несмотря на названные выше, а также многие другие документы, еще предстоит пройти долгий путь для обеспечения надлежащей защиты прав человека во многих областях спорта.

По-прежнему существует значительный разрыв между волей к достижению максимальных результатов и достоинством, правами и свободами спортсменов такими как: свобода передвижения, свобода выражения мнений, религиозные свободы, права на образование, трудовые права, право на частную жизнь и т. д. В этом смысле большое значение имеет понимание, что основные права спортсменов не могут быть основаны на дихотомии «спортсмены» и «другие».

Но нарушения прав человека, связанные со спортом, затрагивают не только спортсменов. Серьезные вопросы соблюдения прав человека возникают во время подготовки к так называемым мега-соревнованиям (олимпийским играм, международным спортивным соревнованиям и т. п.). Они варьируются от нарушения трудовых прав до прав мигрантов, от прав детей до прав женщин и т. д. Так, в Китае подготовка к летней олимпиаде сопровождалась принудительными выселениями, была введена жесткая цензура. То же происходило и в Бразилии, в которой массовые выселения затронули около 170 тыс. человек[349].

Проблемы соблюдения прав человека приобретают особую остроту, учитывая количество трудящихся-мигрантов, привлекаемых для подготовки к чемпионатам.

В последние годы в мире появилось понимание необходимости соблюдать права человека в более широком контексте применительно к спортивным соревнованиям различного уровня. Три наиболее известные международные спортивные организации – Международный олимпийский комитет (МОК), Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) и Международная федерация футбола (ФИФА) взяли на себя обязательство контролировать соблюдение прав человека, как при подготовке к спортивным мероприятиям, так и во время их проведения.

В этой связи следует отметить новый подход МОК к процессу выдвижения городов-кандидатов на зимние Олимпийские игры 2026 года. Согласно разработанной анкете, национальные правительства, региональные власти и все города-кандидаты должны гарантировать МОК уважение, защиту и устранение любых нарушений прав человека[350].

УЕФА также разработал новые требования к ЕВРО-2024, в которых

---

[348] Спорт и идеалы олимпийского движения / [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC/AdvisoryCommittee/Pages/HumanRightsThroughSport.aspx (Дата обращения: 03.03.2020 г.).

[349] Сегрейв Дж., Карп И., Медунянин А. Олимпийские игры в Рио де Жанейро. Актуальные вопросы и проблемы / Дж. Сегрейв, И. Карп, А. Медунянин // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2016. – № 1 (138). – С. 209-219

[350] [Электронный ресурс]. URL: http://vespo.com.ua/enciklopediya-sporta/mezhdunarodnaya-hartiya-fizicheskogo-vospitaniya-fizicheskoy-aktivnosti-i-sporta/ (Дата обращения: 12.02.2020 г.).

теперь прямо упоминаются защита прав человека и управление рисками[351]. ФИФА аналогичным образом пересмотрела свои требования к участию в чемпионате мира 2026 года[352].

Помимо четкого упоминания Руководящих принципов ООН для защиты интересов потребителей[353], в вышеназванных документах перечисляются обязательные для соблюдения пакты о правах человека ООН, конвенции МОТ, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка и Руководящие принципы ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) для многонациональных субъектов предпринимательской деятельности, в соответствии с которыми в период подготовки и проведения мега-спортивных мероприятий «лица, действующие от имени правительства / государственных органов», должны защищать и уважать права отдельных лиц[354].

В начале 2017 г. ФИФА создал специальный Консультативный Совет по правам человека. Это независимый орган, состоящий из восьми международных экспертов в области прав человека.

Право на защиту является неотъемлемой чертой прав человека. Но пока практика рассмотрения подобных дел показывает обратное. Так, в 2017 году в швейцарский суд был подан иск нидерландским профсоюзом FNV, бангладешской федерацией профсоюзов строительной и деревообрабатывающей отраслей, а также бангладешским конгрессом свободных профсоюзов BFTUC. Иск был подан от имени Надима Шарифула Алама – гражданина Бангладеш, который работал на строительстве спортивных объектов в Катаре в 2014–2016 годах. ФИФА обвинялось в противоправных действиях и поведении, нарушающем права человека. В иске содержалось требование к ФИФА усилить давление на власти Катара и заставить их принять «минимальные трудовые стандарты для мигрантов, работающих на строительстве спортивных сооружений». Речь шла о том, что работники международного стадиона Халифа, в основном из Бангладеш, Индии и Непала, среди которых был Надим Шарифул Алам месяцами не получали зарплату и содержались в убогих помещениях. «Алама заманили в Катар красивой историей, и он заплатил 3 976 евро (4 400 долларов) рекрутеру», – говорилось в заявлении FNV, – «в обмен на это он должен был выгружать корабли в течение полутора лет в

[351] UEFA EURO 2024 Tournament Requirements / [Электронный ресурс]. URL: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Regulations/02/46/30/61/2463061_DOWNLOAD.pdf (Дата обращения: 15.02.2020 г.).

[352] Third report by the FIFA Human Rights Advisory Board including the Board's Recommendations from OCT 2018 - APRIL 2019 / [Электронный ресурс]. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/third-report-by-the-fifa-human-rights-advisory-board.pdf?cloudid=sxdtbmx6wczrmwlk9rcr (Дата обращения: 15.02.2020 г.).

[353] Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей (Приняты 22.12.2015 Резолюцией 70/186 на 81-ом пленарном заседании 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант Плюс

[354] [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-humanrights.org/en/node/78309 (Дата обращения: 15.02.2020 г.).

качестве современного раба, жить в ужасных условиях с тысячами таких же рабочих в специально построенном лагере, должен был сдать свой паспорт»[355].

Но швейцарский суд отклонил данный иск по формальным основаниям. Адвокат истца Лизбет Зегвелд объясняет случившееся так: «То, что суд смог вынести это решение всего через три недели после подачи иска, отклонив дело по формальным основаниям, свидетельствует о том, что суд просто не хотел рассматривать дело, подобное этому. Это прискорбно и не вписывается в нынешнюю эпоху, когда люди обычно не боятся рассматривать и осуждать сложные нарушения прав человека»[356].

В документах, о которых говорилось выше, содержатся ссылки на международные стандарты в области прав человека и средства правовой защиты. При этом, сразу следует отметить, что они ограничены стандартами, «применимыми в принимающей стране».

Проблема с обеспечением правом на защиту заключается в том, что, поскольку международное право, включая международное право прав человека, основано на согласии, не все государства, принимающие Олимпийские игры или международные соревнования соглашаются соблюдать одинаковые обязательства в области прав человека. Это полностью относится, например, к Франции и США, будущим хозяевам Олимпийских игр в 2024 и 2028 годах. Так, Франция ратифицировала все основные международные документы по правам человека, за исключением Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и нескольких факультативных протоколов. А США лишь подписали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о правах ребенка и Конвенцию о правах лиц с ограниченными возможностями, но не ратифицировали их.

В результате стандарты доступа к средствам правовой защиты в случае нарушений прав человека могут значительно различаться в зависимости от обязательств страны в области прав человека.

В связи с вышесказанным, центральным вопросом остается, в какой степени эти обязательства могут позволить исправить связанные с мега-соревнованиями злоупотреблениями в области прав человека. Представляется, что это может происходить двумя способами: либо путем облегчения доступа к существующим в странах механизмам защиты прав человека, либо путем создания нового международного механизма.

Таким новым механизмом может стать, учрежденный 25 июня 2018

[355] Swiss court rejects lawsuit against FIFA over Qatar World Cup. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dw.com/en/swiss-court-rejects-lawsuit-against-fifa-over-qatar-world-cup/a-37038148 (Дата обращения: 15.02.2020).

[356] Swiss court rejects case against FIFA on formal grounds. [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanrightslawyers.nl/en/news/swiss-court-rejects-case-against-fifa-on-formal-grounds/ (Дата обращения: 15.02.2020).

года в Женеве, Центр спорта и прав человека. Его задачей является разработка эффективных мер для предотвращения, смягчения и устранения последствий нарушений прав человека, связанных со спортом. Расположенный в Женеве центр также должен заниматься вопросами злоупотреблений, связанных с мега-спортивными мероприятиями[357]. Центр создан под эгидой Института по правам человека и бизнеса (IHRB), его возглавляет Мэри Робинсон, бывший президент Ирландии и бывший Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека.

Литература

1. Сегрейв Дж., Карп И., Медунянин А. Олимпийские игры в Рио де Жанейро. Актуальные вопросы и проблемы / Дж. Сегрейв, И. Карп, А. Медунянин//Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2016. – № 1 (138). – С. 209-219.

Романов Алексей Юрьевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СВОЙСТВА И ЗНАЧЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) уполномочен давать разъяснения судам по вопросам судебной практики. В отличие от законодательства советского периода, предусматривавшего общеобязательность и руководящий характер разъяснений Верховного Суда СССР[358], современное российское законодательство не содержит подобных характеристик разъяснений ВС РФ, хотя указывает на общеобязательность судебных постановлений, форму которых и принимают разъяснения ВС РФ, даваемые его Пленумом.

Полагаем, что отсутствие прямого указания в законе на общеобязательный характер разъяснений ВС РФ не свидетельствует о снижении их роли, отсутствии необходимости у нижестоящих судов руководствоваться ими. Наоборот, нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права, выраженного в разъяснениях ВС РФ,

[357] Joint Statement Diverse Coalition Commits to Establishing Centre for Sport & Human Rights in 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ihrb.org/uploads/news-uploads/Centre_for_Sport_and_Human_Rights_-_Joint_Statement_-_English.pdf (Дата обращения: 17.02.2020 г.).
[358] Пашенцев Д.А. История отечественного государства и права / Д. А. Пашенцев, А. Г. Чернявский – М.: Инфра-М, 2016.

является основанием для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора[359]. Кроме того, несмотря на указание в законодательстве на то, что ВС РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики судам, на практике ими руководствуются и иные субъекты, не только судебные органы, но и органы исполнительной власти, физические и юридические лица[360].

Установление в рамках праворазъяснительной деятельности ВС РФ обязательных для последующего исполнения правоположений, не выводимых из существующих юридических норм, не является уже в чистом виде толкованием, а представляет собой правотворческую деятельность в рамках конкретизации юридических норм[361]. Таким образом, ВС РФ в своей праворазъяснительной деятельности не только толкует юридические нормы, но и осуществляет посредством их конкретизации определенного рода правотворческие функции, вырабатывая новые, конкретизирующие правила (правоположения).

Содержание разъяснений ВС РФ составляют толкование и конкретизация юридических норм[362]. В случае, когда в указанных разъяснениях содержатся результаты осуществленной им конкретизации неопределенных или недостаточно определенных юридических норм, конкретизации при наличии пробелов в праве, правоположения, содержащиеся в разъяснениях, приобретают нормативный характер, поскольку:

разъяснения ВС РФ – органа государственной (судебной) власти – предусмотрены законодательством и даются его Пленумом в установленном порядке;

разъяснения ВС РФ воплощаются в определенных внешних формах, самой распространенной из которых является обзор судебной практики, утверждаемый постановлением Пленума ВС РФ;

разъяснения ВС РФ обязательны для исполнения всеми субъектами права;

круг лиц, которым адресованы разъяснения ВС РФ, персонально не определен;

разъяснения ВС РФ рассчитаны на многократное применение и содержат общие правила.

---

[359] См. ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 341 Кодекса административного судопроизводства РФ.

[360] В силу системного толкования норм Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» разъяснения ВС РФ, даваемые его Пленумом и облекаемые в форму постановлений, являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории России.

[361] Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм/ М.В. Залоило // Адвокат - 2011. № 11. С. 28–37.

[362] Власенко Н.А. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики/ Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 49–55.

Разъяснения ВС РФ надлежит отграничивать от смежных правовых понятий (судебной практики, правоположений, судебного прецедента). Разъяснения ВС РФ являются формой, в которую облекается судебная практика[363].

Правоположения вырабатываются в процессе праворазъяснительной (правоинтерпретационной и правоконкретизирующей) деятельности ВС РФ и являются результатом толкования и конкретизации юридических норм, следовательно, правоположения представляют собой содержание разъяснений ВС РФ. Разъяснения ВС РФ, обладая нормативным характером, не являются судебным прецедентом. Вместе с тем, судебный прецедент как индивидуальный правоприменительный акт, решение суда, вынесенное по конкретному делу и ставшее образцом при рассмотрении аналогичных категорий дел, способен породить судебную практику, одной из форм которой являются разъяснения ВС РФ.

Разъяснения ВС РФ влияют на развитие правовой системы России в целом. В случае выявленных в ходе обобщения судебной практики и дачи разъяснений по вопросам судебной практики ВС РФ недостатков нормативных правовых актов и медленной реакции правотворческих органов по их устранению регулятивная роль указанных разъяснений повышается, поэтому праворазъяснительная деятельность ВС РФ, результатом которой являются правоконкретизирующие положения, выраженные в форме разъяснений Пленума ВС РФ, является стимулом непрерывного развития и совершенствования нормативно-правового массива, индикатором тех изменений и дополнений, которые надо внести в действующее законодательство и иные нормативные правовые акты[364].

Полагаем, что в правотворческом процессе всех уровней и видов (законотворчество и подзаконное правотворчество Российской Федерации и ее субъектов, муниципальное и локальное правотворчество) необходим учет разъяснений ВС РФ, содержащих правоконкретизирующие положения. В Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Положении о законопроектной деятельности Правительства РФ[365], а также законе о нормативных правовых актах в России, необходимость принятия которого давно назрела и широко обсуждается в юридической доктрине[366], целесообразно указать на необходимость учета при подготовке нормативного правового акта соответствующих разъяснений ВС РФ, содержащих правоконкретизирующие положения нормативного характера в области предметного регулирования проектируемого нормативного правового акта.

---

[363] Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. – М., 2017. – С. 69.

[364] Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 20–29.

[365] Постановление Правительства РФ от 30.04.2009 № 389 «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации».

[366] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М., 2019.

Литература

1. Власенко Н.А. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики/ Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. 2016. –№ 8.
2. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2019. – № 9.
3. Залоило М.В. Понятие и виды правореализационной конкретизации юридических норм / М. В. Залоило // Адвокат. – 2011. – № 11.
4. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М., 2019.
5. Пашенцев Д.А. История отечественного государства и права/ Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский - М.: Инфра-М, 2016.
6. Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. – М., 2017.

Романова Галина Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРЕВОДЕ ЗЕМЕЛЬ И ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ В ДРУГУЮ

Включение земли в активный оборот (предоставление и изъятие) земельных участков, который в основном сопровождается разно уровневым правовым регулированием процесса перевода земель в земли населенных пунктов, в том числе при переводе земель лесного фонда и сельскохозяйственного назначения в иные категории земель относится к проблемам правовой конструкции, поскольку отражается и в судебной практике[367].

Изучая проблемы, возникающие на практике при переводе земель в земли населенных пунктов, лесных земель и земель сельскохозяйственного

[367] В частности, определением Верховного суда РФ от 18.12.2013 № 4-АПГ13-14 удовлетворено заявления о признании недействующими ряда постановлений правительства Московской области № 664/17 от 04.05.2012, № 665/17от 04.05.2012, № 666/17от 04.05.2012, поскольку оспариваемые акты приняты с нарушением процесса утверждения разрешения о включении земельных участков в границы конкретного населенного пункта, поскольку об этом соответствующее решение участников долевой собственности согласно п. 1 ст. 14 Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» не испрашивалось.

назначения в иные категории земель, следует отметить возросшее их большинство, поскольку в России такая практика находится в начальной стадии своего формирования. С учетом указанных проблем, возникающих на практике при переводе земель в земли населенных пунктов, а также при переводе земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда в другие категории земель следует отметить, что механизмы категорирования земельных территорий должно обладать взаимосвязью с механизмами образования земельных участков[368].

Задержка принятия экстренных и целенаправленных мер в части усиления систем Гослеснадзора, государственного пожарного надзора в лесах приведет к дальнейшему снижению качества лесохозяйственных работ, росту фактов нерационального использования участков лесного фонда, включая нарушения земельного категорирования, к росту числа других нарушений лесного законодательства.

Решение указанных проблем требует проведения скоординированных мероприятий на основе единой государственной программы по интенсификации всех направлений ведения лесного хозяйства в соответствующего раздела землепользования, а также подъема его на более высокий организационно-технологический и технический уровень, обеспечения многоцелевого, непрерывного использования лесов и лесных участков на основе научных разработок и современных инновационных достижений В сфере землепользования и лесных технологий на региональном (муниципальном) уровне.

При этом общие правила образования земельных участков из земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности согласно статье 11.3 ЗК РФ императивно констатируют необходимость принятия соответствующего решения компетентным органом на образование земельного участка за исключением случаев образования: участков огороднического, садоводческого или дачного некоммерческого объединения граждан; земельных участков, предоставленных гражданам на праве постоянного (бессрочного) пользования, праве пожизненного наследуемого владения и т.п.

Так, например, постановлениями Правительства Москвы от 03.07.2007 № 569-ПП и от 10.06.2014 № 323-ПП скорректирован соответствующий порядок предоставления земельных участков, согласно которому Департамент земельных ресурсов города Москвы уполномочен:

1) утверждать проекты границ земельных участков на основании проектов межевания территории города Москвы, разработанных по заказу Москомархитектуры в составе проектов планировки территории или в виде отдельного документа;

[368] Романова Г.В., Дорохова Е.С. Правовое регулирование определения кадастровой стоимости земли: проблемы и пути решения / Г. В. Романова, Е. С. Дорохова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 72.

2) заключать от имени Правительства Москвы договоры купли-продажи земельных участков и подписывать соответствующие акты приема-передачи земельных участков при возмездном и безвозмездном предоставлении земельных участков в частную собственность;

3) осуществлять сбор необходимых документов и материалов для принятия решений о предоставлении земельных участков;

4) разрабатывать проекты решений о предоставлении земельных участков в частную собственность;

5) применять утвержденные примерные формы документов о решениях общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в части формирования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом; и т.д.

В свою очередь, содержание статьи 11 ЗК РФ устанавливает пределы полномочии органов местного самоуправления в области земельных отношений, которые включают: осуществление резервирования земель и изъятия, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд; установление с учетом требований законодательства Российской Федерации правил землепользования и застройки территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований; и пр.

С учетом вышеизложенного следует обратить внимание на требования градостроительного (территориального) зонирования, регламентированные в главе 4 ГрдК РФ. Например, в части 1 статьи 34 ГрдК РФ обозначены условия установления территориальных зон при подготовке правил землепользования (застройки): учет возможного сочетания в одной территориальной зоне разных видов использования участков земли; учет функциональных зон, генерального плана поселения и пр.; учет сложившейся территориальной планировки и землепользования; учет планируемых изменений границ земель разных категорий; и т.д.

Вместе с этим, согласно части 6 статьи 30 ГрдК РФ градостроительный регламент должен учитывать ограничения использования земельных участков, устанавливаемые ЗК РФ и других федеральных законов.

Значит, в нормах ГрдК РФ отражена обязательная взаимосвязь требований территориального зонирования с требованиями земельного категорирования. То есть, можно подытожить, что:

– во-первых, правовые пределы компетенции предоставления участков должны определять минимальный правовой уровень категорирования земли (например, категории муниципальных земель сельскохозяйственного назначения не могут изменяться без согласования с соответствующим муниципалитетом), для чего целесообразно в пункт 2 части 1 статьи 8 ЗК РФ о региональном полномочии перевода муниципальных сельхозземель добавить условием «по согласованию с собственником»;

– во-вторых, механизмы категорирования земельных территорий должно обладать взаимосвязью с механизмами образования земельных участков, для чего требуется дополнить часть 6 статьи 11.9 ЗК РФ о запретах к образованным участкам условием их соответствия категории целевого назначения земли; то есть, скорректированная часть 6 статьи 11.9 ЗК РФ определяет: «Образование земельных участков не должно приводить к вклиниванию, вкрапливанию, изломанности границ, чересполосице территорий других муниципальных образований, невозможности размещения объектов недвижимости, нарушению категории целевого назначения земли и другим;

– в-третьих, механизмы градостроительного зонирования, обозначенные в главе 4 ГрдК РФ, могут служить основанием для перевода земель из одной категории в другую при соответствии всем требованиям многоотраслевого и многоуровневого федерального законодательства в сфере земельных отношений, для чего следует в пункт 3 статьи 4 Закона № 172-ФЗ слова «землеустроительной документации» заменить словами «правила землепользования и застройки, градостроительный регламент»;

– в-четвертых, в федеральном законодательстве необходимо обозначить организационно-правовую конструкцию координатора земельных отношений, отвечающего за соответствие требований категорирования земель требованиям рационального использования земельных участков; т. е., часть 1 статьи 9 ЗК РФ целесообразно дополнить пунктом 6.1 в следующей редакции: «проверка Минэкономразвития России соответствия требований категорирования земель принципам ЗК РФ согласно части 1 статьи 1 ЗК РФ».

Таким образом, основные предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего перевод земель из одной категории в другую, обусловлены практической необходимостью эффективного взаимодействия норм ГрдК РФ, ЗК РФ и других федеральных законов. Правовые пределы компетенции предоставления участков должны определять минимальный правовой уровень категорирования земли.

Механизмы категорирования земельных территорий должно обладать взаимосвязью с механизмами образования земельных участков, а механизмы градостроительного зонирования, обозначенные В главе 4 ГрдК РФ, могут служить основанием для перевода земель из одной категории в другую при соответствии всем требованиям многоотраслевого и многоуровневого федерального законодательства в сфере земельных отношений. В федеральном законодательстве необходимо обозначить организационно-правовую конструкцию координатора земельных отношений, отвечающего за соответствие требований категорирования земель требованиям рационального использования земельных участков.

Пробелы региональных регуляторов могут восполняться судебными решениями, в том числе с целью учета времени перехода земли в другую

категорию; судебная практика конкретизировала правила отнесения участка к фонду перераспределения земель судебной практикой могут устанавливаться материальные нормы, касающиеся земельных участков в судебном решении также разъясняется практика правомочий в отношении распоряжения и целевого использования земельных участков; суд высшей инстанции изменил судебное решение в отношении перевода земель лесного фонда в земли населенного пункта, применив конституционно-правовые нормы и условия исходного правового положения земли и т.д.

К проблемам, возникающим на практике при переводе земель в земли населенных пунктов, а также при переводе земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда в другие категории земель относятся:

1) разноуровневое правовое регулирование перевода земель; множество пробелов в законодательстве относительно полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в рамках перевода земель в земли населенных пунктов, а также при переводе земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда в другую категорию земель;

2) продолжение земельной реформы и отсутствие общей системы управления земельными участками всех категорий как исходных элементов земельного фонда;

3) отсутствие надлежащей правовой процедуры изменения черты города.

Литература:

1. Анпилогова Д.С. Организация и деятельность органов власти в городе Москве: монография / Анпилогова Д.С. Афанасьева С.А., Борисова Н.Е. и др.; под ред. А.Ю. Царёва. – Москва РУСАЙНС, 2019. – 158 с.
2. Бойкова О.Д. Правовые проблемы отнесения земель или земельных участков в составе земель населенных пунктов к категории целевого назначения/ Бойкова О.Д. // Право и права человека Сборник студенческих статей. Отв. ред. А.В. Звонарев. – Москва, 2018. С. 456-462.
3. Рощина Д.С. Проблемы, возникающие при переводе земель из одной категории в другую/ Рощина Д.С. /Право и права человека Сборник студенческих статей. Отв. ред. А.В. Звонарев. – Москва, 2018. С. 572-576.
4. Романова Г.В., Дорохова Е.С. Правовое регулирование определения кадастровой стоимости земли: проблемы и пути решения / Г. В. Романова, Е. С. Дорохова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 72.

Ростиславлев Дмитрий Александрович,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

Л. ДЕ БОНАЛЬД ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ

Великая французская революция конца XVIII в. оказала глубокое и многоплановое воздействие на развитие европейской цивилизации. Революционеры стремились упразднить все традиционные государственно-правовые, социально-политические и культурные учреждения, объявив их наследием Старого порядка. Реакция против революции имела столь же всеобъемлющий характер. Первый этап формировавшейся доктрины консерватизма получил название традиционализма, поскольку его идеологи рассчитывали восстановить традиционные учреждения, разрушенные революцией[369].

В 1796 г. в Гейдельберге был издан капитальный труд, заложивший основы консервативной доктрины. Он назывался «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе, доказанная рассуждением и опытом истории» (далее – «Теория…»)[370]. Автор, Л. де Бональд, провинциальный дворянин из Оверни, сражался против революции в составе эмигрантского корпуса принцев – братьев короля, а после роспуска корпуса в конце 1792 г. продолжил борьбу в качестве политического писателя. В «Теории…» он подверг критике весь комплекс учреждений, основанных революционерами. Л. де Бональд доказывал безальтернативность учреждений Старого порядка. Среди них – организацию армии. Важность этой темы была обусловлена практическими целями борьбы с революционными армиями, которые экспортировали республиканские учреждения в Европе, а также принципиальными идеологическими основаниями. Л. де Бональд был сторонником сохранения сословно-корпоративного устройства общества, при котором дворянство как служащее сословие составляло основу королевской армии, являлось почти монопольным обладателем офицерских должностей.

Автор «Теории…» видел истоки дворянского сословия во франках, составлявших дружину Хлодвига при завоевании Галлии в период раннего средневековья. При Каролингах дружинники были наделены феодами и превратились в наследственно служащее обществу сословие. Л. де Бональд осуждал феодальную раздробленность, когда клановые, семейные интересы преобладали над общественными. Столь же негативно он отзывался об

[369] Ростиславлев Д.А. Л. де Бональд о «духе народов» / Д. А. Ростиславлев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 2. – С. 21.
[370] В настоящей статье используется издание указанного труда в собрании сочинений Бональда: Oeuvres completes de M. de Bonald. V. 1. P. 122-953.

участии многих дворян в мятеже против монарха в период Фронды. Л. де Бональд был решительным противником занятий дворянами торговлей и промышленным производством, поскольку личные интересы предпринимателей преобладают над общественными. Формирование, так называемого, «нового дворянства» из числа предпринимателей в Англии, по мнению автора «Теории…», привело к ослаблению королевской власти в этой стране. Он с удовольствием цитировал Ш. Монтескье, полагавшего, что достоинства французского дворянства были залогом могущества государства.

Л. де Бональд категорически возражал против расформирования в последние десятилетия XVIII в. элитных частей, составлявших «Военный дом короля» (Maison militaire): лейб-гвардейцев, жандармов и легкой кавалерии, конных гренадеров, мушкетеров, французских гвардейцев. Maison militaire достиг наибольшего расцвета в период правления Людовика XIV[371]. Королевская гвардия, особенно мушкетеры блестяще проявили себя на полях сражений, которые вел «король–солнце». Однако, изменения вооружений и военной тактики в XVIII в. сделали эти подразделения малополезными в войнах и закрепили за ними в основном презентационные функции личной охраны короля. Финансовый кризис, разразившийся во Франции в 70–80-е гг. XVIII в., заставил министров короля настаивать на расформировании этих дорогостоящих подразделений. Особенно болезненным для автора «Теории…» было известие о роспуске рот королевских мушкетеров и конных гренадеров, осуществленное министром Сен-Жерменом в 1775 г. в целях экономии финансовых средств. Л. де Бональд, служивший в роте мушкетеров, требовал восстановления этого подразделения, которое, по его мнению, обеспечивало наилучшее военное образование молодых дворян. Французский исследователь Старого порядка Э. Фор отмечал и военно-политическое значение мушкетеров: они сыграли решающую роль в подавлении весной 1775 г. народных беспорядков, названных Мучной войной[372]. Трудно предположить, как бы развивались события, предшествовавшие французской революции 1789 г., окажись в распоряжении правительства эти элитные части. Во всяком случае швейцарские гвардейцы короля, подразделение которых было сохранено в начале революции, отдали свои жизни, защищая Людовика XVI и членов его семьи во время республиканского восстания в Париже 10 августа 1792 г.

Л. де Бональд настаивал на восстановлении и других подразделений Maison militaire: конных гренадеров и жандармерии, в составе которых служили не только дворяне, но и простолюдины. Звание гренадера, по его мнению, служило наградой для храбрых и верных солдат. В жандармерии автор «Теории…» видел учреждение, объединявшее для прохождения

[371] Блюш Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш. – М.: Ладомир. 1998. – С. 260.
[372] Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 года. / Фор Э. Опала Тюрго. – М.: Прогресс, 1979. – С. 210, 410.

службы дворян и буржуа. Социальную мобильность внутри системы Старого порядка Л. де Бональд считал свидетельством соответствия устоев дореволюционной Франции конституции, основанной на Божественном законе[373]. Отметим, что в последние десятилетия существования Старого порядка доступ разночинцев в ряды французского офицерства был существенно затруднен. Принятый в 1750 г. закон, согласно которому кавалерам ордена Св. Людовика, прослужившим 30 лет в армии офицерами, предоставлялось право пожизненного (личного) дворянства, а дослужившимся до генералов – потомственное, был фактически отменен в 1781 г., когда для производства в офицеры было установлено требование - принадлежность к дворянству 4-х поколений предков[374]. Это вызвало возмущение значительной части общества. Не случайно в наказах избирателей депутатам Генеральных штатов в 1788 г. содержалась критика системы назначения на командные должности[375].

Л. де Бональда беспокоили факты нарушения прав провинциального дворянства, интересы которого он представлял. Выдающийся исследователь истории военного искусства А.А. Свечин отмечал, что французский офицерский корпус страдал от разделения дворянства на представленных ко двору, доказавших свое дворянское происхождение, начиная с XIV века, и на менее искушенное в родословных вопросах провинциальное дворянство. В дореволюционный период вся тяжесть службы ложилась на выходцев из провинции, а высшие должности доставались придворным, плохо знавшим военное дело. Фаворитизм, процветавший при дворе, приводил к назначениям на военные должности множества лиц, не являвшихся командирами подразделений. Так, во Франции, обладавшей 150-тысячной армией, было 1044 генерала, тогда как в Пруссии на 200-тысячную армию приходилось всего 87 генералов. Общее количество офицеров во французской армии превышало в два раза численность командного состава в Пруссии[376].

Л. де Бональд справедливо замечал, что обилие высших офицеров приводило к девальвации офицерских званий. «Во Франции уже стыдно быть лишь капитаном и вскоре придется краснеть полковникам», – утверждал автор «Теории…»[377]. По его мнению, лишь радикальное сокращение численности офицерского корпуса в два раза могло вернуть уважение к воинским званиям.

Из-за опасений назначения на командные должности придворных фаворитов Л. де Бональд призывал отдавать предпочтение при заполнении

[373] Bonald L. de. Op. cit. P. 882-883.
[374] Свечин А.А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. – Т. 1. – С. 304-305.
[375] Франция накануне революции: по наказам 1789 года / Эдм. Шампьон - СПб.: А. И. Иванчин-Писарев и Н. Е. Кудрин. – 1906. – С. 152-159.
[376] Свечин А.А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. – Т. 1. – С. 306.
[377] Bonald L. de. Op. cit. P. 883.

вакансий в армии лицам с выслугой лет, а не с талантами, критерии определения которых зачастую субъективны и спекулятивны. Автор «Теории…» полагал, что управление армией должно осуществляться на основании приказов вышестоящих офицеров, а инициатива отдельных командиров не имела определяющего значения. Кстати, эти принципы управления армией, которые, казалось, были опровергнуты в периоды революционных войн, впоследствии восстановил Наполеон[378]. Л. де Бональд признавал при этом, что капитанов военных кораблей, которые из-за специфики ведения морского боя должны принимать самостоятельно ответственные решения, следовало назначать с учетом их знаний и талантов[379].

Рядовой состав армии в средние века формировался из рекрутов, завербованных добровольно за оплату, а с конца XVII в. также из солдат, призванных на основании воинской повинности и служивших в подразделениях, получивших название милиции. Необходимое для конкретных военных кампаний число милиционеров обеспечивалось путем разверстки по приходам. Воинская повинность была крайне непопулярной среди населения, милиция плохо организована, офицеры недостаточно компетентны и зачастую коррумпированы[380]. Однако именно всеобщая воинская повинность позволила создать во время революции массовую армию, подавлявшую своей численностью и энтузиазмом войска европейских монархий. Л. де Бональд учел опыт революционных армий. В «Теории…» он предложил восстановить дореволюционную милицию, подняв престиж воинской службы и устранив существовавшие в прошлом административные недостатки. Рассуждения Л. де Бональда опирались на тезис об обязанности каждого француза служить интересам общества. Освобождать от рекрутского набора, по его мнению, можно было лиц, необходимых для семей – отцов и старших сыновей – а также служащих обществу иным образом. Жеребьевку следовало проводить среди самых достойных кандидатов, получивших сертификаты, свидетельствовавшие об их достоинствах, от родственников или опекунов, а также от магистратов и от священника. Отсутствие таких сертификатов вело к ограничению прав, например, занимать должностные места и сочетаться браком. Ополченец должен был служить в течение 8 лет. Община оплачивала расходы, связанные со службой. Чтобы подчеркнуть почетный характер службы Л. де Бональд предлагал снабдить милиционеров особыми знаками. Ту же цель имела рекомендация создать конные отряды милиционеров. Л. де Бональд

[378] Свечин А.А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. – Т. 1. – С. 334-335.
[379] Bonald L. de. Op. cit. P. 887.
[380] Свечин А.А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. – Т. 1. – С. 307.

полагал, что такая мера могла привлечь в ряды ополченцев юношей из обеспеченных семей[381].

Стремясь превратить армию в консервативную силу общества, Л. де Бональд настаивал на религиозном воспитании солдат и офицеров. Корпоративный дух армии обеспечивался восстановлением практики наименований полков в соответствии с названиями традиционных провинций Франции. Иерархия званий и должностей подчеркивалась специальными знаками для высших и младших офицеров, особой формой, которая вызывала уважение у солдат[382]. Большое значение в «Теории…» придавалось системе личных наказаний и особенно поощрений, которая должна была стимулировать среди солдат и офицеров не дух индивидуализма, а стремление служить обществу[383].

Предложения Л. де Бональда об организации армии вполне соответствуют принципам, на которых основывалась доктрина традиционализма. Автор «Теории…» был убежден в жизнеспособности учреждений Старого порядка. Причины их кризиса он видел в распространении в обществе духа индивидуализма, социальной апатии. «Все хотели быть на особицу, и никто вместе с обществом», – с печалью признавал Л. де Бональд… Государство могло заставить служить себе не почетом, а лишь деньгами»[384]. Кризис, вызванный подобными настроениями, власть стала лечить, бездумно реформируя государственные и правовые учреждения, что спровоцировало революцию. Л. де Бональд критиковал чиновных реформаторов на исходе Старого порядка, среди них военного министра Сен-Жермена, которые своими непродуманными действиями разрушали армию, настраивали солдат и офицеров против монархии. «Мания делания охватывает исключительно низкие умы, стремление сохранять характерно для умных людей»[385]. Консервативный мыслитель полагал, что исправлять следовало общественные настроения, не изменяя традиционную конституцию Франции.

Литература

1. Блюш Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш. – М.: Ладомир. 1998. – 815 с.
2. Ростиславлев Д.А. Л. де Бональд о «духе народов» / Д. А. Ростиславлев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 2. – С. 21-25.

[381] Bonald L. de. Op. cit. P. 889-894.
[382] Ibid. P. 882, 884.
[383] Bonald L. de. Op. cit. P. 895-911.
[384] Bonald L. de. Op. cit. P. 882
[385] Ibid. P. P. 912-913.

3. Свечин А.А. Эволюция военного искусства: с древнейших времен до наших дней: [В 2-х т.]. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1927-1928. Эволюция военного искусства. – Т. 1. – 1927. – 383 с.
4. Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 года. / Фор Э. Опала Тюрго. – М.: Прогресс, 1979. – 567 с.
5. Франция накануне революции [Текст]: по наказам 1789 года / Эдм. Шампьон; Пер. с фр. М. А. Брагинского. – СПб.: А. И. Иванчин-Писарев и Н. Е. Кудрин, 1906. – 224 с.
6. Bonald L. de. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et par l'histoire. Oeuvres completes de M. de Bonald V. 1-3 Paris, 1859. Tome I. P. 122-953.

Рязанов Евгений Енкирович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института экономки и права ГАОУ ВО МГПУ

КАТЕГОРИЯ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Реформа гражданского законодательства, приводящаяся в настоящее время в России, затронула практически все гражданско-правовые институты. Не осталось без внимания и вещное право.

Считается, что наиболее социально значимые положения содержатся в разделе обязательственного права, поскольку именно нормы обязательственного права регулируют экономические материальные отношения, а они, в свою очередь, определяют наше современное бытие.

С этим трудно спорить, однако, справедливости ради следует напомнить, что экономические отношения, отражающие некую динамическую характеристику перемещения материальных благ, становятся бессмысленными без определения начальных и завершающих точек такого перемещения, а это обеспечивается нормами, определяющими статичное положения субъектов к перемещаемым материальным благам, то есть нормами вещного права. Таким образом, сама возможность экономического движения и экономических отношений определяется вещным правом, а, следовательно, вещное право значимо для экономики не менее, а быть может, и более норм обязательственного права.

Позволю предположить, что приоритетное развитие обязательственного права по сравнению с другими гражданско-правовыми институтами, а особенно – вещного права, неизбежно приведет к разбалансировке всей

системы гражданско-правовых связей, что приведет к затруднениям в области правоприменения.

Современная реформа гражданского законодательства коснулась и норм российского вещного права, однако, на наш взгляд стремление к реформированию затронуло в большей степени законотворческую сторону этого процесса, отодвинув на второй план научное осмысление данной проблемы.

Как известно, некоторая неточность формулировок нормы статьи 216 ГК РФ, описывающей виды вещных прав в ранних редакциях этого кодифицированного закона, воскресила научную дискуссию о природе ограниченных вещных прав: объективной или нормативной.

Во времена социализма, в период плановой экономики в СССР эта дискуссия носила чисто теоретический характер, и влияния на правоприменительную практику иметь не могла. Другое дело – эпоха рыночной экономики. Теперь чисто теоретический вопрос, установлен ли перечь и содержание ограниченных вещных прав только законом, приобрел актуальное правоприменительное значение с точки зрения проблемы защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Один из сторонников «жесткой», нормативной регламентации вещных прав – Суханов Е.А. полагает, что набор субъективных гражданских прав, относящихся к вещным, должен быть четко установлен законом в виде закрытого списка, который, одновременно, четко определяет содержание каждого ограниченного вещного права. Позиция аргументирована тем, что Суханов Е.А. в вещных правах видит необходимость четкого понимания любым третьим лицом своей обязанности, что может быть обеспечено, по его мнению, только четкой регламентацией законодательством видов и содержания вещных прав[386].

Указанная позиция в конечном счете одержала верх, и в новой редакции статьи 216 ГК РФ мы видим четко установленный список ограниченных вещных прав, признаваемых российским законодателем, а содержание каждого из названных в статье 216 ГК РФ видов ограниченных вещных прав раскрыто в отдельных нормах ГК РФ, посвященных каждому из отдельных видов этих вещных прав.

Исключение сделано для отношений по залогу вещей, нормы о котором, исходя из предназначения залогу, помещены в раздел «Обеспечение исполнения обязательств».

Несмотря на сказанное выше, вопросы о том, является ли список ограниченных вещных прав в России закрытым и может ли содержание ограниченного вещного права определяться чем-либо, помимо закона, остается открытым и не решенным до настоящего времени.

Основанием для подобного утверждения выступают:

[386] Суханов Е.А. Вещное право / Е. А. Суханов. – М: «Статут», 2016. – С. 32

– неопределенность российского законодателя в сущности владения, как правового явления;

– фактическое допущение нормой статьи 8 ГК РФ возникновения субъективных гражданских прав не только из закона;

– изменение сущностных принципов ограниченных вещных прав.

Не секрет, что в тексте современного Гражданского кодекса РФ владение вещью рассматривается одновременно и как элемент субъективного права собственности, и как некоторое фактическое положение, имеющее правовое значение. Это означает, что гражданское право признает владение, осуществляемое по основаниям, которые законом не предусмотрены.

Подробнее хотелось остановиться на последнем обстоятельстве. Дело в том, что имеющийся проект предстоящих изменений в Гражданский кодекс России предполагает появление в нашей правовой действительности целого ряда новых ограниченных вещных прав, таких, например, как право застройки, право на приобретение чужой недвижимой вещи и ряд других[387].

Обращает на себя внимание, что многие новые ограниченные вещные права, которыми будут пользоваться субъекты гражданского права в Российской Федерации, носят, во-первых, срочный характер, а во-вторых, в качестве основания возникновения они предполагают не столько публичный (административный) распорядительный акт, как было ранее, а соглашение сторон.

Таким образом, один из сущностных признаков ограниченного вещного права – его бессрочный характер – становится исчерпанным и исключается, что в свою очередь вынуждает пересматривать содержание и признака абсолютности, хотя и не существенным образом. В свою очередь, срок действия ограниченного вещного права будет определяться соглашением сторон, а, следовательно, принцип императивного регулирования начинает заменяться на принцип диспозитивности при формировании условия существования ограниченного вещного права.

Необходимо отметить, что изначально запланированная в проекте федерального закона срочность существования ограниченного вещного права производит эффект фактического сближения вещного и обязательственного субъективного права таким образом, что вещно-правовой статус лица теперь превращается в отдельный объект материально-правового интереса, а, следовательно, имеет все необходимое для трансформирования в товар. Именно это обстоятельство учтен в проекте нового закона при реформирования вещных прав, который стал предусматривать возможность

[387] См., например, «Вещная реформа. Ограничение вещных прав по новому». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/483054/ (Дата обращения: 03.03.2020), Комментарий к проекту Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресрус]. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/11059.html/ (Дата обращения:03.03.2020).

отчуждения ограниченного вещного права, принадлежащего конкретному лицу на основании договора.

Это обстоятельство позволяет прогнозировать переход субъективного ограниченного вещного права в разряд имущества, что в свою очередь открывает дорогу для свободного формулирования сторонами условий договора об установлении ограниченного вещного права, включая его конкретное содержание в конкретном случае, применительно к конкретной вещи.

Свободное установление участниками гражданского оборота содержания ограниченного права на чужую вещь в договорном процессе, исходя из взаимосогласованных и совпадающих интересов, несомненно, создает новые объекты гражданских прав в виде отчуждаемых ограниченных вещных прав, а, следовательно, будет способствовать экономическому развитию общества.

Таким образом, развитие теории сущности ограниченных вещных прав еще не завершено, и концепция объективной сущности ограниченных вещных прав нуждается в дальнейшем изучении и разработке.

Это позволит перевести на другой уровень экономический статус собственника вещи, и даст ему более широкие возможности использования этого статуса в своих интересах.

Кроме того, открытие списка ограниченных вещных прав позволит решить некоторые проблемы договорного права через включение в систему договорных отношений группы вещных договоров и противопоставления им группы обязательственных договоров. Это, в свою очередь, сделает более актуальным вопрос об изменении системы общей части гражданского права путем перемещения норм общих положений о договоре из раздела обязательственного права в раздел общих юридических фактов вместе с гражданско-правовыми сделками.

Литература

1. «Вещная реформа. Ограничение вещных прав по -новому». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/483054/ (Дата обращения: 03.03.2020)
2. Суханов Е.А. Вещное право / Е. А. Суханов. – М: «Статут», 2016. – С. 32

Северухин Владимир Александрович,
к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

XXI век ознаменовался интенсивным развитием информационных технологий и формированию так называемой цифровой реальности. Эта реальность, ее именуют также «третьей промышленной революцией», фактически проникла и охватила все сферы деятельности человека: цифровая экономика, интернет, банковская деятельность, образование, здравоохранение и т.п. Цифровые технологии активно применяются в сфере государственного управления. Претерпели изменения формы и характер взаимоотношений между личностью и государственными органами, между гражданами.

Роботы и новые технологии вытесняют личностные контакты, порой обезличивают ответственность должностных лиц и государственных органов и организаций. Процесс цифровизации активно нарастает. А это требует от государства своевременные изменения в нормативно-правовой базе. Необходимо понимание, что не соответствует цифровому вызову, а какие позиции отсутствуют. Несвоевременное реагирование государства на новые вызовы чреваты опасностями для самого существования власти, ее институтов, конституционных устоев государства, прав и свобод человека и гражданина. В рамках действующей конституции и законодательства могут начаться процессы, которые разрушают и само государство. Это звучит на первый взгляд парадоксально, т.к. цифровизация, несомненно, прогрессивное явление и неизбежный путь развития человечества, но, как и при быстрой езде, необходимо соблюдение ряда условий и правил. В противном случае результаты могут быть негативными как для водителя (читай – государства), так и для пешеходов (читай – граждан).

Позитивные и негативные стороны научно-технического прогресса общеизвестны. С одной стороны, несомненные блага его результатов, с другой – угроза существования самого человечества. В демократических государствах, где гражданское общество развито и имеет традиции воздействие на власть, такие процессы протекают менее болезненно. В странах недемократических научно-технический прогресс, в том числе, и цифровизация, как показывает опыт, используются для укрепления действующего политического режима и несменяемости власти. После Второй мировой войны большинство государств закрепили во вновь принятых конституциях демократические институты: политический плюрализм, право частной собственности, принцип разделения властей, права человека и пр. Но в отдельных случаях такие конституции рассчитаны быть фасадом для

международного демократического сообщества. С использованием политических технологий, преимуществ той же цифровизации, тоталитарным режимам удается удерживать в повиновении население, а результаты научно-технических достижений дают новые возможности для укрепления своих позиций, тотального контроля за гражданами и организациями.

Что происходит в России? Стратегия развития информационного общества, которая утверждена президентским Указом 09.05.2017 г., а также программа «Цифровая экономика» свидетельствует о том, что власть осознает необходимость внедрения информационных технологий. Однако, не все протекает гладко. Реформы здравоохранения, образования, пенсионную реформу вряд ли можно оценить как успешные. Рост экономики по официальной статистике за последние годы незначительный. Большая часть населения пребывает в бедности.

В сферу образования, науки, здравоохранения, да и в сферу государственного управления пришли так называемые «эффективные менеджеры». В ряде случаев идет внедрение, как пишет профессор Протасов В.Н. «иррациональных методов властвования»[388]. В средствах массовой информации периодически появляются публикации о негативных последствиях такой управленческой деятельности.

В экономических и социальных сферах наблюдаются попытки воспроизвести западные модели управления. Но в российских условиях и традициях результаты не всегда положительные. Тоже самое наблюдается в сфере правового регулирования. Новые институты, которые нами восприняты из западных традиций права, и которые закреплены в российском отраслевом законодательстве, сами по себе апробированные, но на практике проявляют себя, в ряде случаев, негативно. Примеры: приказное производство, ускоренное производство, сделка со следствием. В чем дело? На наш взгляд, основные проблемы в следующем: отсутствие эффективных институтов гражданского общества, нарушение принципа разделения властей и регулярности сменяемости власти, отсутствие реального политического плюрализма, ограничение свободы средств массовой информации. Есть еще одна позиция. Существенное различие отдельных норм конституции и законодательных актов различных уровней, которые в ряде случаев сводят на нет права, предоставленные в основном законе. Зависимость судебной власти от исполнительной власти привело к тому, что правосудие на невысоком уровне.

Намечаемые изменения в Конституции РФ судя по готовящимся поправкам не смогут существенно повлиять на демократизацию общественной жизни. Основное веление реальности – необходимость

[388] Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления / В. Н. Протасов. – М.: Российская академия наук. Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 55-61.

существенного изменения уровня жизни большинства населения. Институты капиталистического общества, свобода конкуренции, обеспечение прав частного бизнеса, снижение роли государства в экономике – это те рычаги, которые могли бы ускорить рост ВВП, благосостояния граждан.

Что касается действующего права, в том числе и международного. Принято ряд международных документов, рекомендующих государствам привести национальное законодательство в соответствии с новыми реалиями.

В Российской Федерации ситуация следующая. Действующее законодательство и практика его применения не обеспечивают в должной мере защиты персональных данных, т.е. речь идет не только о паспортных данных, которые фактически в свободном доступе не только для государственных органов и негосударственных организаций, но и для криминальных структур. Можно отметить следующее. В стране стало меньше уличной преступности, квартирных краж, угона автомобилей, но резко выросло количество преступлений связанных с использованием компьютерных технологий и цифровизации в целом. Правоохранительные органы в ряде случаев действуют с большим опозданием, предупреждение подобных правонарушений не отлажено.

Действующие нормы законодательства не в состоянии защитить частную жизнь в цифровую эпоху. В то же время в крупных городах и прежде всего в городе Москве фактически сформирована система цифрового контроля над гражданами. Около 200 тысяч видеокамер в столице в круглосуточном режиме фиксируют передвижение граждан, начиная от подъезда. Негосударственные организации также широко используют камеры записей видеонаблюдения. Но государственные органы пытаются получить доступ и к сообщениям в социальных сетях граждан.

Использование роботов, автономных транспортных средств, товарных датчиков, искусственного интеллекта, Интернета открывают новые возможности для прогресса, но и предоставляют государству возможности усиления контроля за гражданами и негосударственными организациями.

Что на наш взгляд можно предпринять для защиты прав и свобод человека и гражданина? По-видимому, назрела необходимость привести действующее законодательство в соответствии с международными рекомендациями. Права человека следует рассматривать как цифровые права. Реально это будет возможно, если существенно активизируются институты гражданского общества, будет восстановлен конституционный принцип разделения властей, политический плюрализм станет реальностью.

Литература

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (Дата обращения: 16.03.2020).

2. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления / В. Н. Протасов // Государство и право. – 2017. – № 10. – М.: Российская академия наук. – С. 55-61.

Сиваков Олег Васильевич,
к. ю. н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В обществе, расколотом на классы, слои, страты, трудно, если не невозможно, достигнуть консенсуса в отношении социальной справедливости. Однако это не означает, что право не должно отвечать требованиям справедливости, разделяемым большинством общества. В основе понятия «право», по своему происхождению лежит понятие «справедливость». Поэтому, несмотря на то что понятие «справедливость» является, прежде всего, категорией морали, оно не может не быть положено в основание права. Иначе, если право несправедливо и противоречит морали общества, оно будет игнорироваться, не выполняться, вызывать общественное возмущение, которое вполне может приводить к социальным потрясениям. Еще Сократ, считал справедливость лучше всякого золота.

Исходя из классового подхода К. Маркс считал, что любое право, предполагает неравенство, поскольку всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не равны друг другу (один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.) и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. Как замечает К. Маркс, чтобы избежать этого, право вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным[389]. Средством достижения справедливости в обществе К. Маркс видел в переустройстве его на коммунистических началах, и при этом отмечал, что на переходном этапе развития общества от капитализма к коммунизму, который называется социализмом, справедливости и равенства достигнуть еще нельзя, поскольку на этом этапе уничтожается только та «несправедливость», которая связана с переходом средств производства из частной в общественную собственность, а другая несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления по труду (а не по потребностям), может быть устранена только при полном коммунизме, при

[389] К. Маркс. Критика Готской программы. ПСС. – 2-е издание. – т. 19. – С. 19. – Изд. Государственной политической литературы. – М., 1961 г.

котором осуществится правило: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Как совершенно справедливо указывает К. Маркс, право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

В 2006 г. Организацией Объединенных Наций был принят документ под названием «Социальная справедливость в открытом мире: роль Организации Объединенных Наций», в котором указывалось, что под социальной справедливостью понимается справедливое и гуманное распределение плодов экономического роста, а ее игнорирование означает фактическое согласие на будущее, омраченное насилием, репрессиями и хаосом. При этом отмечалось, что социальная справедливость невозможна без сильной и согласованной политики перераспределения, разработанной и реализуемой государственными органами. Всемирный день социальной справедливости был провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН в специальной резолюции от 18.12.2007 г. и который отмечается 20 февраля ежегодно.

В 2008 года Международная организация труда (МОТ) единогласно приняла Декларацию МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации, в которой указывается, что труд не является товаром и что нищета где бы то ни было представляет собой опасность для всеобщего процветания, в связи с чем деятельность МОТ должна быть направлена на достижение полной занятости и повышение уровня жизни, обеспечение минимальной заработной платы и проведение мер расширения социального обеспечения во всех странах в целях предоставления основного дохода всем нуждающимся. МОТ объявляет, что будет рассматривать все международные экономические и политические стратегии с позиции достижения социальной справедливости.

Рассматривая с указанных позиций социальную справедливость в Российской Федерации вряд ли можно считать справедливыми условия оплаты труда в нашей стране, основанные на МРОТе на базе прожиточного минимума трудоспособного человека, поскольку размеры его настолько малы, что не позволяют содержать семью, иметь детей. А таких работников у нас свыше трех миллионов. Это служит также еще одним фактором демографического кризиса в стране и оправдывает требования российских профсоюзов о необходимости увеличения МРОТ хотя бы до 25–27 тысяч рублей, как об этом было заявлено на съезде Федерации Независимых профсоюзов России в мае 2019 г. Ограниченные и малоэффективные попытки власти помочь нуждающимся гражданам вырваться из нищеты, в том числе через механизм социального контракта, кардинально ничего не решают[390]. Количество бедных, в целом по России, за последние годы не уменьшается, хотя и имеются некоторая маятниковые колебания.

[390] Балашова Е.Ф, Сиваков О.В. Правовое регулирование социального контракта / Е. Ф. Балашова, О. В. Сиваков // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. – Выпуск 9. – Изд. «Саратовский источник». – М., 2019. – С. 27-31.

В этих условиях, когда государство не может обеспечить достойную жизнь своим гражданам, надо сделать все, чтобы граждане сами позаботились о себе, для чего, следует, в частности, создать оптимальные условия для развития в нашей стране самозанятости, то есть труда свободных граждан, которые не имеют над собой работодателей и сами не являются наемными работниками. Поэтому надо не бороться с самозанятостью, относя ее к теневой экономике, а наоборот всячески поощрять самозанятость граждан, создавать для них наилучшую правовую среду, которая позволяет им обеспечивать себе достойную жизнь.

Другим направлением самоорганизацию граждан, отвечающим требованиям социальной справедливости, можно считать народные предприятия и другие организации народной солидарности, участники которых одновременно являются и собственниками, и работниками этих предприятий, работая на себя. Однако указанная самоорганизация граждан также не имеет на сегодня правового обеспечения, что требует скорейшей разработки и принятия соответствующего закона о народных предприятиях, поскольку прежний закон фактически не работает.

Кроме того, не надо забывать при этом, что в соответствии с документами Международной организации труда МРОТ – это уровень оплаты неквалифицированного труда, что даже не упоминается в Трудовом кодексе РФ. Принимая во внимания, что большинство работников в нашей стране не имеют иных источников дохода, кроме заработной платы, масштаб бедности в этих условиях запределен и не может не вызывать справедливого гнева народа. А если к тому же учесть, что мы живем в богатейшей по своему природному потенциалу стране, то никакого иного вывода, кроме вывода о том, что источником бедности и нищеты населения является преднамеренная социально-экономическая политика власти не может не быть сделано. Последние попытки власти, озвученные в послании Президента и направленные, в том числе, на повышение уровня жизни граждан, могут привести к успеху только в том случае, если будет коренным образом изменена социально-экономическая политика государства. Социальная справедливость в современных условиях должна стать целью и условием развития всех отраслей российского права.

Учитывая разворачивающуюся на наших глазах цифровую революцию, которая предполагает создание цифровой среды не только в экономике, но и во всем укладе жизни социума, и которая влечет вытеснение из производства работников, замену их роботами, искусственным интеллектом, и, как следствие, исчезновение сотен и тысяч профессий, которые оказались теперь никому не нужны, угрожающий рост безработицы, власти страны начинают постепенно осознавать масштабы перемен и принимают некоторые меры для решения возникающих здесь проблем. С этим связана обсуждение в правительстве и обществе возможности перехода на четырехдневную рабочую неделю, которое было поддержано профсоюзами, и некоторые

другие меры. Переход мировой экономики к новому технологическому укладу, основанного на информационных технологиях, автоматизации и роботизации, ведет к массовому высвобождению из производства десятков миллионов работников, что с неизбежности ставит перед властью вопрос об их дальнейшей судьбе. Одним из способов решения этой проблемы, по нашему мнению, может быть введение государственного гарантированного дохода сначала для части наиболее нуждающихся граждан, а затем и для всех малообеспеченных и, относящихся к бедным по своим доходам, категориям населения.

Многочисленные доплаты, компенсации, пенсии, пособия и другие выплаты для лиц, находящихся по своим доходам ниже прожиточного минимума, как нам представляется, можно заменить единым государственным гарантированным доходом, обеспечивающим им этот минимум и который несомненно должен учитывать расходы граждан на жизненно необходимые товары и услуги (в том числе расходы на средства связи) и которые до сего времени не учитывались при исчислении прожиточного минимума, основанного на потребительской корзине, а сама корзина должна быть пересмотрена с учетом современных потребностей граждан. Механизм государственного гарантированного дохода, должен быть закреплен федеральным законом, а также пересмотром законодательства в сфере социального страхования и обеспечения с учетом имеющегося международного признанного показателя порога риска бедности от среднего дохода. Кроме того, было бы лучше, если кроме закрепления в Конституции РФ, по предложению Президента, положения о том, что МРОТ должен быть не ниже прожиточного минимума, внести в нее также право на государственный гарантированный доход, подлежащий индексации, для всех граждан страны, находящихся за чертой бедности.

Литература

1. К. Маркс. Критика Готской программы. ПСС – 2-е издание. – т. 19. – Изд. «Государственная политическая литература». – М., 1961 г. – С. 19.
2. Балашова Е.Ф, Сиваков О.В. Правовое регулирование социального контракта / Е. Ф. Балашова, О. В. Сиваков // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. – Выпуск 9. – Изд. «Саратовский источник». – М., 2019. – С. 27-31.

Смирнова Вера Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Российского университета транспорта,
Ситникова Марина Олеговна,
студентка магистратуры Юридического института Российского университета транспорта

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Институт банкротства является важным элементом в рыночной экономике страны. Приоритетной целью любого государства является стабильность экономического развития и устойчивость рыночных отношений.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в России возникло в XVIII в. и продолжает совершенствоваться по сегодняшний день. Всю историю его существования оно находится в поле пристального внимания законодателя, ученых–юристов и практикующих юристов. В настоящее время, специальным законом, регулирующим отношения банкротства в Российской Федерации, является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве). За последние 18 лет было разработано и принято более 90 редакций к данному закону. И в настоящее время правовое регулирование несостоятельности (банкротства) можно назвать одним из самых активных законотворческих направлений в России.

В современное время проблема защиты прав и законных интересов кредиторов при банкротстве юридических лиц приобрела очень большое значение и нуждается в более детальном и ситуационном решении. Главной целью законодательства о несостоятельности (банкротстве) является справедливое распределение между всеми кредиторами имущества должника в случае банкротства последнего[391].

Правовой статус кредиторов при банкротстве юридических лиц закреплен непосредственно в Законе о банкротстве.

Проблема защиты прав и законных интересов кредиторов при банкротстве на протяжении долгого времени является одной из важнейших, которую пытается решить законодатель. Новые ситуации нарушения прав и законных интересов кредиторов возникают исключительно в процессе правоприменения законодательства о несостоятельности (банкротстве) и требуют современного правового регулирования. Правоприменительная практика Закона о банкротстве достаточно разнообразна.

[391] Смирнова В.В., Ситникова М.О. Проблемы доказывания аффилированности конкурирующих кредиторов при банкротстве юридических лиц / В. В. Смирнова, М. О. Ситникова // Аграрное и земельное право. – 2018. № 1 (157). – С. 144.

Данная проблема, несомненно, должна решаться комплексно, различными законодательными актами, а также с помощью ситуационного анализа правоприменительной деятельности участников дел о банкротстве. Очевидным является факт необходимости внесения изменений в действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) с целью предотвращения существующих ситуаций, влекущих нарушение прав и законных интересов кредиторов при банкротстве юридических лиц.

Пробельность существующего правового регулирования института несостоятельности (банкротства) приводит к невозможности равноценного и законного удовлетворения требований всех кредиторов, а также к частым нарушениям прав и законных интересов кредиторов.

Одной из таких проблем является аффилированность лиц, участвующих в деле о банкротстве юридического лица. Для решения этой проблемы, по нашему мнению, статью 19 Закона о банкротстве необходимо дополнить пунктом, следующего содержания: «Судом может быть признано наличие аффилированности при участии в деле одного и того же представителя для нескольких сторон». Также целесообразным будет дополнение статьи 19 Закона о банкротстве пунктом, который по сути своей является отражением первоначального проекта статьи 53.2 ГК РФ, следующего содержания: «Судом может быть признано наличие аффилированности между лицами, при наличии иной взаимосвязи между участниками дела о несостоятельности (банкротстве), не указанной в пункте 3 настоящей статьи, в случае, если будет доказано, что эти лица получили фактическую возможность влиять на юридическое лицо в результате их согласованных действий».

Кроме того, наличие ситуаций аффилированности арбитражного управляющего с лицами, участвующими в деле о банкротстве, приводит к невозможности равноценного и законного удовлетворения требований всех кредиторов. Аффилированный арбитражный управляющий осуществляет свою деятельность с предпочтением в сторону должника, либо определенного кредитора, тем самым нарушая права и законные интересы иных участников процесса. Для ликвидации таких ситуаций целесообразным будет передать право выбора и представления кандидатур арбитражных управляющих в компетенцию суда с использованием механизма, предложенного Минэкономразвития[392]. Исключение из процедуры назначения арбитражного управляющего человеческого фактора, несомненно, приведет к невозможности утверждения заинтересованного арбитражного управляющего, недобросовестно осуществляющего возложенные на него полномочия.

Следующей проблемой можно считать ликвидационную направленность процедур, применяемых при банкротстве юридического лица.

[392] Минэкономразвития предлагает выбирать арбитражных управляющих случайным образом. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/202151/ (Дата обращения 28.02.2020).

Существующий в настоящее время механизм, направленный на восстановление платежеспособности должника, является нежизнеспособным. В сложившейся ситуации является невозможным полностью удовлетворить заявленные кредиторами требования.

Законопроект, подготовленный Минэкономразвития «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) в части регулирования вопросов применения процедур наблюдения и финансового оздоровления» призван улучшить положение добросовестных должников, дать им новые правовые средства и возможности по реструктуризации своей задолженности и восстановлению платежеспособности. Это, в конечном счете, приведет к увеличению размера удовлетворенных требований кредиторов.

В сложившейся правоприменительной ситуации необходимо вернуться к обсуждению и развитию данного законопроекта и вынести его на рассмотрение в Правительство России для решения существующей проблемы ликвидационной направленности процедур банкротства.

Еще одной проблемой является неведение сторон о зарубежных производствах в отношении должника, что приводит к большим финансовым потерям. Для решения существующих проблем необходимо:

– во-первых, как минимум, создать единую международную электронную базу в отношении дел, касающихся иностранных должников и компаний, имеющих активы в различных государствах, что позволит добиться прозрачности в отношении зарубежных производств должников и сократить финансовые потери как юридических лиц в отдельности, так и государства в целом;

– во-вторых, для формирования единой мировой практики рассмотрения дел о трансграничной несостоятельности (банкротстве) адаптировать и принять с учетом экспертного заключения и современной ситуацией развития международного рынка существующий проект федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» основанный на Типовом законе ЮНИСТРАЛ.

Низкий процент удовлетворения требований кредиторов при банкротстве юридических лиц связан длительными сроками подготовительных процедур, которые создают благоприятную возможность для того, чтобы должник успел вывести все имеющиеся у него активы. Для повышения эффективности применяемых процедур при банкротстве юридического лица целесообразным будет являться отмена процедуры наблюдения для банкротства юридических лиц. По такому пути пошел законодатель, регулируя процесс банкротства физических лиц. Упразднение процедуры наблюдения как минимум на 7 месяцев сократит длительность процесса о банкротстве. Принимая во внимание тот факт, что при проведении процедуры наблюдения руководство должника продолжает

осуществлять свою деятельность, а временный управляющий и кредиторы не имеют существенной возможности как-либо сохранить конкурсную массу или оспорить сделку должника, 7-ми месячный срок имеет большое значение для сохранения конкурсной массы.

Существующей проблемой является отсутствие в Законе о банкротстве специальных обеспечительных мер. Невозможность переноса по ходатайству кредиторов проведения первого собрания кредиторов в случае оспаривания требований мажоритарного должника, а также в случае признания недействительными судебных актов, на основании которых требования таких кредиторов были включены в реестр требований должника, влечет к неправомерному определению дальнейшей судьбы процесса о несостоятельности (банкротстве). Считаем целесообразным для предотвращения подобных ситуаций добавить в Закон о банкротстве специальную обеспечительную меру, которая позволяла бы по ходатайству лиц, участвующих в деле, блокировать (откладывать) первое собрание кредиторов в случае оспаривания требований мажоритарных кредиторов в рамках дела о банкротстве и в случае признания недействительными судебных актов, на основании которых требования таких кредиторов были включены в реестр требований должника. Также необходимым механизмом будет введение обязанности проведения оценки судом, на основании отчета арбитражного управляющего, целесообразности введения именно процедуры конкурсного производства, а не иной процедуры, как это предусмотрено, например, по отношению к вопросу о прекращении процедуры конкурсного производства[393].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что данная отрасль будет претерпевать изменения в течение еще нескольких лет.

Внесение изменений в Закон о банкротстве, несомненно, приведет к уменьшению случаев злоупотребления правом, повышению справедливости и законности рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве).

Литература

1. Минэкономразвития предлагает выбирать арбитражных управляющих случайным образом. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/202151/ (Дата обращения 28.02.2020).
2. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – август, 2019. – №8.

[393] Обзор судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – август, 2019. – №8.

3. Смирнова В.В., Ситникова М.О. Проблемы доказывания аффилированности конкурирующих кредиторов при банкротстве юридических лиц / В. В. Смирнова, М. О. Ситников // Аграрное и земельное право. – 2018. № 1 (157). – С. 144.

Соковиков Дмитрий Андреевич,
аспирант Российского государственного университета правосудия

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛИ «НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО ДОГОВОРА» КАК ФОРМЫ ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В научных работах, посвященных исследованию вопросов, связанных с такой формой права как «нормативный правовой договор», авторы, в качестве обоснования актуальности проводимого исследования, помимо недостаточности научных разработок по темам их работ, приводят следующие аргументы:

1) процессы, протекающие в экономике, политике, социуме и переосмысление значения данной формы права с точки зрения интегративного правопонимания [394];

2) формирование новых общественно-экономических отношений и расширение сферы применения нормативного правового договора, равно как и усиление процесса договорного правотворчества[395];

3) интеграция Российской Федерации в мировое сообщество и отсутствие концепции нормативного правового договора в различных отраслях права[396];

4) активизация регулирования общественных отношений посредством «нормативных правовых договоров» ввиду нестабильности правопорядка и ослабления традиционных форм права[397].

Представляется, что данные утверждения актуальны и в наше время, за исключением таких аргументов как отсутствие концепции нормативного правового договора и ослабления традиционных форм права, которые сами

[394] Филатова Н.А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.05. – М. 2016. – С 3.
[395] Толкачев Е.А. Нормативный договор в российской правовой системе договоров: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Саратов. 2006. – С. 3.; Ширабон О.В. Нормативно-правовой договор как источник современного российского права: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – 2007. – С. 3.; Парфенова Т.А. Нормативный договор как источник российского права: история и современность: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Челябинск. 2005. – С. 3.
[396] Еремин С.Г. Договор в финансовом праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14. – М. 2006. – С 3.
[397] Кулакова Ю.Ю. Нормативный договор в системе форм российского права. : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – М. 2005. – С. 3.

по себе вызывают сомнения. В свою очередь в последнее десятилетие количество работ, посвященных настоящей теме, сведено к минимуму по сравнению с аналогичным периодом с 2000 г. по 2010 г.

Неверным будет утверждение, что правовая категория «нормативный правовой договор» исчерпала свой исследовательский потенциал, так как до настоящего времени отсутствуют исследования, посвященные комплексно-системному анализу межрегиональных и внутрирегиональных нормативных правовых договоров, договорам политических партий, истории использования нормативных правовых договорам в правотворческой практике в сравнительно-правовом контексте и так далее.

Ввиду вышесказанного, представляется, что исследование оказываемого значения и влияния формы права «нормативный правовой договор» на правовую систему Российской Федерации посредством статистического метода будет являться объективной оценкой текущего состояния данной категории.

В настоящей работе будут проанализированы количественные показатели динамики заключения международных и внутрирегиональных договоров Российской Федерацией, Правительством России, а также Правительством города Москвы, посредством построения эмпирических графиков, которые отражают взаимосвязь двух признаков, изображенных в виде корреляционного поля[398].

За последние пять лет (с 01.01.2015 г. по 01.01.2020 г.) Российской Федерацией, Правительством России было подписано 433 международных нормативных правовых договоров, соглашений и конвенций.[399]

Следует отметить, что международный политический кризис и санкционные меры, принятые в отношении России вследствие вхождения в ее состав Республики Крым (в соответствии Договором между Россией и Республикой Крым «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18.03.2014 г.), не стали причиной снижения количества международных соглашений. Наоборот, данный договор послужил стимулом для увеличения количества и роли международных нормативных правовых договоров и соглашений для правой системы России. Это, в частности, подтверждается статистическими данными, а именно за пятилетний период, начиная с 2014 года, Российской Федерацией, Правительством России было подписано международных нормативных правовых договоров, соглашений и конвенций – 381[400].

Кроме того, анализируя статистику с начала 2000 года[401], можно отметить рост данного вида формы права. Период устанавливается равным

[398] Чесноков Н.А. Правовая статистика: учеб.-методич. пособие/ Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – С. 109.
[399] http://publication.pravo.gov.ru
[400] http://publication.pravo.gov.ru
[401] http://publication.pravo.gov.ru

одному календарному году, начиная с 1 января одного года и заканчивая 1 января следующего года.

Далее, следует провести анализ статистических данных заключения Правительством города Москвы договоров и соглашений в сфере межрегионального сотрудничества[402]. Следует отметить, что деятельность Правительства Москвы выбрана объектом статистического анализа ввиду особого статуса города, установленного в том числе Законом РФ от 15.04.1993 № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации».

[402] https://www.mos.ru/depnpol/documents/

Из приведенного графика следует, что, начиная с 2010 года прослеживается стабильный рост количества заключенных Правительством Москвы нормативных правовых договоров межрегионального значения, что свидетельствует о росте влияния данной формы права.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) в настоящее время возросло значение и влияние формы права «нормативный правовой договор» на правовую систему Российской Федерации;

2) количество неисследованных вопросов, связанных с данной формой права, подтверждает наличие исследовательского потенциала;

3) в случае дальнейшего отсутствия исследований данной категории наука о праве не сможет помочь правоприменительным органам в разрешении коллизионных вопросов и вопросах повышения эффективности правового регулирования, что в свою очередь может привести к правовому нигилизму в данной сфере правовой системы;

4) международные политические события оказывают существенное влияние на динамику заключения нормативных правовых договоров.

Литература

1. Чесноков Н.А. Правовая статистика: учеб.-методич. пособие/ Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – С. 109.
2. Еремин С.Г. Договор в финансовом праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14. – М. 2006. – С 3.
3. Кулакова Ю.Ю. Нормативный договор в системе форм российского права.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – М. 2005. – С 3.
4. Парфенова Т.А. Нормативный договор как источник российского права: история и современность: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Челябинск. 2005. – С. 3.
5. Толкачев Е.А. Нормативный договор в российской правовой системе договоров: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Саратов. 2006. – С 3.
6. Филатова Н.А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.05. – М. 2016. – С 3.
7. Ширабон О.В. Нормативно-правовой договор как источник современного российского права: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – 2007. – С. 3.

Степаненко Равия Фаритовна,
д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ О ПАТРИОТИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ (АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ)

Правовая образовательная политика (в одном из своих определений) представляет собой целенаправленную и системную деятельность государства и учреждений просвещения, образования и науки по обучению и воспитанию личности в широком смысле, ценностям и идеалам права – как социокультурного, исторически сформировавшегося и функционирующего в современном миропорядке, феномена. В более узком, но не менее важном значении, концепция правовой образовательной политики обосновывает те стратегические и магистральные направления юриспруденции (юридической науки, образования и практики в их синергии), которые способствуют повышению авторитета судейской и законодательной ветвей власти, правоприменительной деятельности и, собственно, самих правовой науки и образования. Последние, являясь одними из базовых компонентов российской правовой системы, исторически бытийствуют и эволюционируют в идейно-патриотических контекстах государственной политики в целом. Подверженность и приверженность юридической науки и образования такому направлению идеологии государства как национальная самоидентичность и патриотизм, демонстрируют их лояльное отношение к тем идеалам, которые сегодня, пока не приобретя современных отчетливых контуров, в тоже самое время, чрезвычайно важны для формирования правового сознания и правовой культуры, особенно подрастающего поколения российских правоведов (студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых), обучаемых и причастных к образовательному процессу как в государственных, так и негосударственных вузах.

Стратегии государственной власти в части формирования концепции патриотизма, аподиктически воспринимаемые научным юридическим сообществом в парадигмальной любви к Отечеству, нравственном чувстве долга перед Родиной, преданности общественным интересам и социальным ценностям, всегда являлись отражением национального правовоззрения.

Ценностно-мировоззренческие предпосылки правопонимания обосновывались и обосновываются авторитетными представителями ученых-правоведов как высшие идеалы отечественного права и государства, формулируемые в нормах-идеях, нормах-принципах прежде всего

конституционных положений[403], в которых основной закон России постулирует патриотические смыслы отечественной государственности.

Исторически воззрения на взаимосвязь права и патриотизма стимулируют к осознанию и восприятию высших ценностей феномена патриотизма, посредством экстраполяции в область изучения теории права и государства, в которой, как отмечал И.А. Ильин: «патриотическое единение людей имеет в корне духовную природу, слагаясь и протекая в формах права и государства»[404]. В то же время известный мыслитель и правовед подчеркивает, что: «Человек может провести всю жизнь в пределах своего государства и не обрести своей родины... Ибо обретение родины есть акт духовного самоопределения...Человек, не обретший свою родину, проживет всю жизнь, ошибочно считая себя патриотом...»[405]. Таким образом правоведение интерпретирует истину высоких идеалов любви к Родине и ложность искусственно создаваемых образов патриотизма, чуждых смыслам права и государства, что принципиально важно для реализации задач юридической науки и образования.

Правовая политика как «искусство управления людьми (Сократ) или «искусство управления делами общества» (С.А. Муромцев) в сфере обучения являются и началом, и продолжением диалога о патриотизме и роли права, где юридическая наука и образование в этом монументальном процессе являются «проводниками» этих идей. Целью юридической науки как высшей формы человеческой деятельности, познающей существо права и правовую сущность государства, является обнаружение тех закономерностей и существенных связей государственно-правовых явлений, которые могут приблизить человеческое сообщество к идеалам социального порядка. На пути поиска решений многих проблем эволюции государственности и повышения качества жизни своих граждан, юридическая наука, конечно же, выявляет множество недостатков и даже недоразумений, препятствующих достижению этих целей. Правовая аналитическая деятельность направлена на выявление, а также минимизацию и «снятие» многих проблем, но не предполагала и не предполагает беспринципной критики юридических пробелов, недостатков и несовершенств в угоду отдельным оппозиционным вызовам современной глобальной среды.

Рассматривая стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных преобразований, С.А. Бурьянов и А.И. Кривенький заостряют внимание в своих работах на «планетарных вызовах техносоциоприродных систем», в которых отмечаются отдельные изъяны образовательных процессов.

---

[403] Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права. Образование и право. – 2017. – № 2. – С. 153-157.

[404] Ильин И.А. Теория права и государства/под ред. и с биограф. очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 292.

[405] Ильин И.А. Теория права и государства/под ред. и с биограф. очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 395.

Необходима модернизация образовательной сферы от однополярной к «бесполярной» системе межнациональных взаимодействий, формирование глобального мышления и многое другое, что служит предпосылками инновационного прорыва в развитии юриспруденции»[406], где «флагманской составляющей» является развитие его теоретических, нормативных и институциональных основ[407], важных для эволюции российского государства, права и личности, отмечают авторы. Эксплицитно, эти посылы содержатся и в стратегиях современной российской идеологии патриотизма.

В последние десятилетия увлеченность «вхождением» в глобальное пространство, явная озадаченность поиском своих позиций в международном, в т.ч. образовательном глобальном континууме, заметно размежевывает цели, задачи и пути их достижения современной российской идеологической доктрины и отечественной научной парадигмальности. Инициированные властными структурами процессы вхождения в международное пространство исследований и достижений российской науки, в т.ч. социогуманитаристики, сталкивается с рядом идеологических проблем прежде всего, патриотического характера. Однако: «Между идеологией и наукой есть принципиальная разница: цель науки – истина, цель идеологии – отстоять свой интерес (класса, нации, государства). Поэтому дело чести каждой науки работать для истины, оставаться на объективистских, строго научных позициях»[408], справедливо отмечает Н.В. Кроткова, изучая особенности постижения истинности российской юриспруденцией.

В ракурсе сказанного интенсифицируется проблема идентичности и патриотизма правовой науки, активно обсуждаемая сегодня учеными и правоведами. В частности, введение Министерством образования и науки методики расчета комплексного балла публикационной результативности российских исследователей, вызвало серьезную критику представителей научного социогуманитарного сообщества. Инициативы философов, филологов, антропологов, этнографов и др. гуманитариев демонстрируют критическую позицию ученых, принципиально не одобряющих принципы данной методики. Прежде всего, учет качества публикаций на основе квартильности журналов, учрежденных за рубежом и являющихся одними из форм зарубежной предпринимательской деятельности и бизнеса, вряд ли располагают к патриотическим настроениям в среде отечественных гуманитариев, в т.ч. правоведов.

---

[406] Бурьянов С.А., Кривенький А.И. Стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных процессов / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М. 2018. – С. 247-252.

[407] Бурьянов С.А., Кривенький А.И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 95-100.

[408] Кроткова Н.В. Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку / Н. В. Кроткова // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (159). – С. 79-81.

В ответ на «модернизацию» (по мнению российского Министерства образования и науки, это прежде всего изменение моделей наукометрических показателей публикационной результативности), Ученый Совет антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 10 февраля 2020 года озвучил свое обращение к общественности, отметив в нем «гибельность» данной методики для российской науки и научного творчества, что: «... *принципиально маргинализирует отечественную гуманитарную науку, обрекая ее на прозябание на задворках зарубежных наукометрических баз данных*»[409]. Риторичность вытекающего из данной цитаты вопроса экстраполирует обозначенную нами проблематику в сферу нахождения патриотизма в идеологии государственных служащих, непосредственно призванных на службу Отечества для развития патриотических настроений российских граждан, прежде всего молодежи. Снижение последних, кстати, в связи с «навязываемым исходом» российской гуманитарной науки из самой России, к сожалению, не настораживает саму власть, в отличие от иных непатриотических проявлений. Хотелось бы в этом контексте добавить, что ни качество, ни идеи, ни содержание российских исследований, преимущественно зарубежный бизнес не интересуют. Как думается, выгода и чистый прагматизм, лежат в основе фракционного подсчета калькулятора КБПР «рыночных образовательно-научных отношений», нивелируя культурно-цивилизационную, патриотическую идентичность, на которой акцентирует внимание социогуманитаристика и правоведение.

«Государство – правовая система такого масштаба и потенциала, как российская, не может существовать без осмысленной правовой идеологии»[410]. «Наше право должно вернуть утраченные позиции в российской ментальности, перестав поверхностно-политически слоняться по Европам»[411], утверждает патриотично в работе «Российская правовая система» (Москва, 2014) В.Н. Синюков.

Такая озабоченность авторитетных правоведов предельно ясна, она обосновывалась еще в учении И.А. Ильина, где к духовному и научному творчеству просматривалось особое отношение, так же как и особенное отношение к самому *ученому,* познающему правовую реальность и постигающему истину через любовь к своей Родине. Но это *о душе и чувствах к Родине российского ученого* говорил патриот Отечества И.А. Ильин, которые *вряд ли удастся измерить* калькуляторами КБПР и «фракционными подсчетами» зарубежного библиометрического администрирования.

---

[409] Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 495 с.

[410] Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права / О. Ю. Рыбаков // Образование и право. – 2017. – № 2. – С. 153-157.

[411] Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 495 с.

Литература

1. Бурьянов С.А. Стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных процессов / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 19 апреля 2018 года / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М. 2018. – С. 247-252.
2. Бурьянов С.А. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое / С. А. Бурьянов, А. И. Кривенький // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 95-100.
3. Ильин И.А. Теория права и государства/под ред. и с биограф. очерком В.А. Томсинова / И.А. Ильин – М.: Зерцало, 2008. – 550 с.
4. Кроткова Н.В. Взгляд на отечественную теоретико-правовую науку / Н. В. Кроткова // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (159). – С. 79-81.
5. Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права / О. Ю. Рыбаков // Образование и право. – 2017. – № 2. – С. 153-157.
6. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 495 с.
7. Российская Академия Наук. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ras.ru (Дата обращения: 08.03.2020).

Степанов Михаил Михайлович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры государствоведения, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВКАХ 2020 ГОДА

15 января 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин обратился с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации. В своем выступлении он указал на ряд направлений конституционных преобразований, которые затем текстуально были представлены в виде проекта закона о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» (далее – законопроект).

Предлагаемые Президентом изменения коснулись содержания 22 статей, расположенных в главах 3-8 Конституции РФ, что составляет 16% от общего количества статей Конституции Российской Федерации. При этом законопроект не затронул содержание ее 1, 2 и 9 глав. По количеству вносимых поправок главы располагаются в следующем порядке: 1) глава 5 «Федеральное Собрание» - 6 поправок; 2) глава 3 «Федеративное устройство» - 5 поправок; 3) глава 7 «Судебная власть и прокуратура» - 4 поправки; 4) глава 6 «Правительство Российской Федерации» - 3 поправки; 5) глава 4 «Президент Российской Федерации» и глава 8 «Местное самоуправление» - по 2 поправки.

Поправки затронули ряд важнейших положений государственности России, изменение которых, по мнению Президента, на сегодняшний момент является особенно актуальным и давно назревшим.

Так, обеспечивая суверенитет Российской Федерации, законопроект предусматривает, что Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, но только если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации

Ряд поправок направлен на перераспределение полномочий в структуре органов власти Российской Федерации и укрепление всей системы федеральных государственных органов. Например, предусматривается внесение изменений в статьи 83, 102, 103 Конституции, определяющие полномочия соответственно Президента, Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации. Также получит конституционное закрепление наличие в системе органов государственной власти России Государственного Совета.

Коррекции подвергнется и законодательный процесс в Российской Федерации, повысится его эффективность. Путем внесения изменений в статьи 107 и 108 Конституции в России вводится институт предварительного конституционного контроля. Одновременно значительно расширяются полномочия, и возрастает роль Конституционного Суда РФ (поправки в статью 125 Конституции).

Наконец, поправки в статьи 132 и 133 Конституции затрагивают статус органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с органами государственной власти, объединяя их в единую систему публичной власти в Российской Федерации.

Среди предложенных Президентом изменений в Конституцию Российской Федерации особое положение занимают поправки, касающиеся развития конституционного определения России, как социального государства. Так, законопроект устанавливает, что «в Российской Федерации гарантируются минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации и индексация социальных пособий и иных социальных выплат в порядке, установленном федеральным законом» (поправка в ст. 75 Конституции РФ).

Важность данной поправки заключается в том, что в Конституции России будут закреплены гарантии, которые позволят обеспечить гражданам России соответствие получаемой заработной платы, социальных пособий и социальных выплат меняющимся экономическим условиям. А это, в свою очередь, позитивно повлияет на уровень доходов наименее обеспеченных категорий россиян.

Также необходимо отметить, что вносимая поправка соответствует зарубежному опыту, т.к. в ряде государств, принявших новые конституции в конце XX века, закрепляются схожие положения. Так, о величине минимального размера оплаты труда говорится в конституциях Бразилии 1988 г., Азербайджана 1995 г., Польши 1997 г., Венесуэлы 1999 г. и ряде других. А индексация социальных выплат, например, закреплена в Конституции Испании 1978 г.

После неудовлетворительных результатов ряда пенсионных реформ[412], и начавшейся в 2019 году очередной пенсионной реформы, предусматривающей повышение пенсионного возраста, предложение Президента о закреплении в Основном законе важнейших принципов пенсионной системы является, как никогда актуальным и ожидаемым российским обществом. Проект закона указывает: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также регулярно осуществляется индексация размера пенсий в порядке, установленном федеральным законом» (поправка в ст. 75 Конституции РФ).

Особо хотелось бы выделить упоминание в законопроекте, применительно к формированию пенсионной системы Российской Федерации, принципа справедливости, который одновременно выступает и фундаментальной правовой ценностью.

Конституция России упоминает справедливость только один раз, в Преамбуле (вера «в добро и справедливость»). Как отмечает Н.С. Бондарь: «… на конституционном уровне категория справедливости присутствует

[412] См.: Напсо М.Б. Социально-экономические и правовые основы реформирования пенсионной системы / М. Б. Напсо // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 80-89.

лишь в преамбуле Конституции РФ. Однако ее императивные начала, обращенные в том числе в будущее, находят свое подтверждение и в сущностных и в структурно-содержательных характеристиках данной категории (в ее сочетании правовых и нравственных начал), пронизывающей всю систему конституционализма»[413].

В настоящее время правовым ценностям, зачастую, стал придаваться социальный характер. Поэтому конституционная категория справедливости раскрывает свое содержание через понятие социальная справедливость, которая стала одним из важнейших социально-экономических положений современного конституционного права[414]. Именно в таком контексте о справедливости говорит Конституционный Суд РФ. Рассматривая дела, касающиеся социальной защиты граждан, он неоднократно применял термин социальная справедливость[415].

Закрепление в законопроекте принципа справедливости имеет огромное значение для совершенствования правового регулирования организации и деятельности системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации. Ведь существующий в настоящее время размер пенсий граждан России не позволяет говорить о социальной справедливости в этой сфере. Поэтому, возможно, появление в Конституции положений, касающихся пенсионной системы, станет важным шагом на пути улучшения материального положения российских пенсионеров.

Принцип социальной справедливости, несомненно, проявляется и в положениях законопроекта, гарантирующих минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения и индексацию социальных пособий и иных социальных выплат.

Одобренный 11 марта 2020 года Государственной Думой в третьем чтении и Советом Федерации Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке) существенно отличается от законопроекта. Он не только сохранил, но и значительно усилил положения, касающиеся строительства в России социального государства. Так, Закон о поправке внес

---

[413] Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2015. – № 11. – С. 14-15.

[414] Чиркин В.Е. Социальная справедливость в конституционном праве / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2016. – № 7. – С. 6.

[415] См. напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 г. № 2-О «По жалобе гражданина Величко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции», пунктом 5 статьи 20 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и частью 9 статьи 43 Федерального закона «О полиции»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой» и др.

изменения в ст. 75 Конституции, которая теперь уже закрепила гарантирование государством минимального уровня оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения; формирование системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддержание ее эффективного функционирования; индексацию социальных пособий и иных социальных выплат. Кроме того, Закон о поправке дополнил ст. 75 Конституции следующими положениями: индексация пенсий должна осуществляться не реже одного раза в год, в Российской Федерации гарантируется обязательное социальное страхование и адресная социальная поддержка граждан.

Подводя итог необходимо отметить, что закрепление в Конституции России положений, в основе которых лежит принцип социальной справедливости и развивающих ее конституционную характеристику, как социального государства, является большим шагом на пути к формированию качественно новых стандартов социальной защиты и созданию новых ориентиров для развития текущего законодательства в сфере социального обеспечения граждан.

При этом необходимо учитывать, что если принцип справедливости и основанные на нем конституционные нормы будут закреплены формально, иметь лозунговый характер, и не будут реализованы на практике, то это приведет к их обесцениванию и утрате смыслового содержания. В целом это может отразиться на уровне доверия населения страны Конституции и власти России. А в частности – на результатах выборов в Государственную Думу Российской Федерации, которые должны состояться уже 19 сентября 2021 года.

Литература

1. Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2015. – № 11. – С. 5-18.
2. Напсо М.Б. Социально-экономические и правовые основы реформирования пенсионной системы / М. Б. Напсо // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 80-89.
3. Чиркин В.Е. Социальная справедливость в конституционном праве / В. Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2016. – № 7. – С. 5-12.

Стрельников Антон Олегович,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

О БАЛАНСЕ ВЛАСТЕЙ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ КОНСТИТУЦИИ (В АСПЕКТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ)

В недавнем Послании Федеральному Собранию Президент России обозначил ряд важных моментов, направленных на корректировку баланса властей в пользу власти законодательной и повышении ответственности органов исполнительной власти перед законодательной властью. Поэтому тема ответственности исполнительных органов власти представляется как никогда актуальной. Действительно в настоящее время, по мнению многих специалистов, сложились неоправданные диспропорции в пользу исполнительной власти, например, В.А. Северухин отмечает, что в юридической и политологической литературе сформировалась позиция о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, восстановлении баланса исполнительной и законодательной властей, в том числе и посредством развития парламентаризма[416]. В свою очередь, это предполагает усиление роли парламента в части возможностей привлечения исполнительных органов власти к ответственности. Также, как верно, констатирует А.М. Будаев, в настоящее время Президент страны при назначении на должность Председателя Правительства в процессе выбора кандидата не связан какими-либо ограничениями, кроме установленных действующим законодательством[417].

Необходимость изменений стала очевидной и для ученых, и для руководства страны и в указанном Послании было обозначено, что практически все фракции, представленные в Госдуме, полагают, что Федеральное Собрание готово взять на себя большую ответственность за формирование Правительства. Глава государства предложил изменить порядок формирования Правительства и доверить Госдуме не просто согласование, а утверждение кандидатуры Председателя Правительства. Президент констатировал, что в соответствии со статьями 111 и 112 Конституции России Президент лишь получает согласие Государственной Думы на назначение Председателя Правительства, а затем уже сам назначает и главу кабинета, и его заместителей, и всех министров. Кроме того, было обозначено что Госдуме предлагается доверить полномочия по утверждению

[416] Северухин, В. А. Доминирование исполнительной власти: современные проблемы / В. А. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2 (26). – С. 42.
[417] Будаев, А.М. Президент и Председатель Правительства в системе органов государственной власти России [Текст] / А.М. Будаев // Актуальные проблемы Российского права. – 2019. – №1 (98). – С. 61.

по представлению Председателя Правительства вице-премьеров и федеральных министров, за исключением «силовых». В таком случае Президент не будет иметь права отклонить данные кандидатуры и будет обязан назначить их на должности.

Была отмечена необходимость повышения роли и значения парламента страны, прежде всего Государственной Думы, а также самостоятельности и ответственности Председателя Правительства и всех членов кабинета, что должно сделать более эффективным, содержательным взаимодействие между представительной и исполнительной ветвями власти.

В то же время констатировалось, что Россия не может, по мнению Президента, существовать в форме парламентской республики и за Президентом, безусловно, должно сохраняться право определять задачи и приоритеты деятельности Правительства, как и право отстранять от должности Председателя Правительства, его заместителей и федеральных министров в случае ненадлежащего исполнения обязанностей или в связи с утратой доверия[418]. Кроме того, по мнению Президента, руководство Вооруженными Силами и всей правоохранительной системой должно быть за Президентом России.

Также было предложение предусмотреть, что назначение руководителей «силовых ведомств» Президент может проводить по итогам консультаций с Советом Федерации, что, по мнению Президента, сделает работу силовых органов более прозрачной и в большей степени подотчетной обществу.

При проведении конституционной реформы и изменении баланса ветвей власти важно опираться и на предыдущий опыт, в том числе и советского периода, а также периода становления современной России 1990–1993 годов.

Поэтому нельзя не отметить предшествующий опыт проведения конституционных реформ. В частности, в 1992 году был принят закон Российской Федерации «О Совете Министров – Правительстве Российской Федерации», статье 1 которого определялось, что Совет Министров является органом исполнительной власти подотчетным: Съезду народных депутатов, Верховному Совету, Президенту России. При этом приоритетом какие-то субъекты не обладали и были равноправными. При этом Председатель Совета Министров назначался на должность Президентом с согласия Верховного Совета, а это назначение утверждалось Съездом народных депутатов России. При этом если Верховный Совет или Съезд не утверждал кандидатуру, то Президент обязан был предложить другую кандидатуру на должность Председателя Совета Министров. И права роспуска Верховного Совета или Съезда у Президента не было, как и права внесения повторно той же кандидатуры. Согласно статье 8 названного Закона Президент мог назначить ВРИО Председателя Совета Министров на срок до трех месяцев и предложить Верховному Совету другую кандидатуру.

[418] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (Дата обращения 17.02.2020).

В данном механизме предусматривалась значительно более весомая роль законодательных органов власти в части контроля исполнительных органов власти[419].

Кроме этого, согласно статье 9 Закона министры безопасности, внутренних дел, обороны и иностранных дел также назначались с согласия Верховного Совета.

В настоящее время наиболее спорным моментом являются изменения, планируемые ввести в статьи 111 и 117 Конституции, касающиеся порядка формирования Правительства.

Если в части 4 статьи 111 Конституции сохраняется обязанность Президента распустить Государственную Думу при троекратном отклонении ею кандидатур Председателя Правительства, то это препятствует увеличению роли и значения законодательной власти.

Конечно, если следовать логике двойной ответственности Правительства перед Президентом и парламентом, следует упразднить право Президента на роспуск Государственной Думы при выражении ею недоверия Правительству. В таком случае, действительно она будет обладать реальным влиянием на Правительство.

В настоящее время, при попытке Госдумы привлечь к ответственности Правительство, последнее слово всегда остается за Президентом, что, безусловно, требует корректировки. Как верно отмечает Сушенко П.В., даже в процедурах с участием Государственной Думы решающее слово остается за Президентом, что значительно снижает значимость парламентского контроля в отношении Правительства[420].

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время, как верно отметил Президент России, общество готово к более зрелой и рациональной политической системе и диспропорции в пользу исполнительной власти нуждаются в исправлении.

Литература

1. Будаев А.М. Президент и Председатель Правительства в системе органов государственной власти России [Текст] / А.М. Будаев // Актуальные проблемы Российского права. – 2019. – №1 (98). – С.45-65.
2. Выскребенцева М. Ю. Развитие законодательства об ответственности Правительства и его членов в советский период [Текст]/ М. Ю. Выскребенцева // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 26. – С. 118–122.

[419] Стрельников, А. О. Об ответственности министров в имперской России [Текст] / А. О. Стрельников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – №3(35). – С.100.

[420] Сушенко, П.В. Отставка Правительства Российской Федерации как форма конституционно-правовой ответственности и как форма парламентского контроля [Текст] / П.В. Сушенко // Аллея науки . – 2018. – Т. 5 – № 5(21). – С. 869.

3. Сахаров Н.А. Полномочия Президента для реализации политического курса лидера: опыт М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина // Политическая наука – .2019. – № 4 . – С. 151-167.
4. Северухин В. А. Доминирование исполнительной власти: современные проблемы [Текст] /В. А. Северухин //Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 2(26). – С. 32–43.
5. Стрельников А. О. Об ответственности министров в имперской России [Текст]/А. О. Стрельников//Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019 – №3(35). – С.100–108.
6. Сушенко П.В. Отставка Правительства Российской Федерации как форма конституционно-правовой ответственности и как форма парламентского контроля [Текст] / П.В. Сушенко // Аллея науки. – 2018. –Т. 5 – № 5(21). – С. 866–870.

Токмовцева Маргарита Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ - АПАРТАМЕНТОВ

Содержание понятия «жилое помещение» соотноситься с понятием жилище, например, в нормах Конституции России, где провозглашается право каждого на жилище и его неприкосновенность. Непременной характеристикой жилого помещения является цель его назначения. Согласно части 1 статьи 17 ЖК РФ и пункту 2 статьи 288 ГК РФ суть предназначения жилого помещения заключается исключительно в проживании в нем. По этой причине гостиницы, санатории, дома отдыха и т.п. не являются жилыми помещения, т.к. имеют иное целевое назначение - являются местом отдыха или лечения. В отличие от места жительства данные помещения используются для временного пребывания. Статья 20 ГК РФ определяет место жительства как «место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает».

Вместе с тем на рынке недвижимости сформировалось множество таких понятий, как апартаменты, студии и лофты. Формально их относят к классу коммерческой недвижимости. Сложилось несколько противоположных точек зрения: одни ученые категорически отрицают возможность и необходимость признания нежилых помещений как самостоятельного объекта гражданских и жилищных прав, другие наоборот выступают за признание их таковыми,

основываясь на широкое использование данных объектов в гражданском обороте.

В целом понятие помещения содержится в Техническом регламенте о безопасности зданий и сооружений (ФЗ № 384 от 30.12.2009 г.): «помещение – часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями». Отдельно выделяется помещение с постоянным пребыванием людей, которым является «помещение, в котором предусмотрено пребывание людей непрерывно в течение более двух часов» (п. 14 и 15 ч. 2 ст. 2). Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» также относит помещение к объекту недвижимости (п. 1 ч. 4 ст. 8). Но это не вносит никакой существенной ясности в вопросе определения юридического статуса нежилого помещения, как самостоятельной единицы, а не части жилого здания, на которые имеют право собственники жилых помещений, расположенных в нем и т.д.

Действующим законодательством недостаточно точно регламентировано правовое положение апартаментов, известно только то, что они являются нежилыми помещениями. Гражданский кодекс РФ относит нежилые помещения к категории недвижимых вещей, отдельно подчеркивая, что границы таких помещений должны быть описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке. То есть нежилые помещения являются оборотоспособными, наряду с другими объектами недвижимости[421].

Понятие нежилого помещения упоминается в части 3 статьи 288 ГК РФ, которая устанавливает запрет на размещение в жилых домах промышленных производств. Такое действие допускается, только после осуществления процедуры перевода жилого помещения в нежилое, что осуществить в соответствии с нормами жилищного законодательства практически невозможно.

В основном апартаменты, как нежилое помещение, упоминаются в подзаконных актах, регулирующих строительную и туристическую деятельность, что связано с приравниванием апарт-отелей (зданий с апартаментами) к зданиям гостиничного типа, то есть местам временного пребывания.

В соответствии с ныне действующим Постановлением Госстандарта № 82 от 26 сентября 2001 года, апартаментом является «номер высшей категории в средстве размещения, состоящий из нескольких комнат, одна из которых имеет кухонное оборудование».

Иными словами, апартаменты по своей юридической природе являются разновидностью гостиничных номеров, то есть законодательно они не

[421] Токмовцева М.В. Правовые проблемы формирования сделок на рынке недвижимого имущества / М. В. Токмовцева // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – М., 2018. – С. 456-459.

признаются отдельным видом недвижимости. Соответственно апартаменты противопоставляются жилым помещениям, с точки зрения постоянства пребывания в них, а также возможности удовлетворения бытовых нужд[422].

С правовой точки зрения использование гражданами апартаментов в качестве постоянного места жительства обусловлено наличием пробелов в законодательстве, так как проконтролировать фактическое использование таких помещений представляется проблематичным, чем и пользуются многие девелоперы. Посредники на рынке недвижимости, имея главную цель, извлечение прибыли, понимают, что возведения такого рода объектов намного проще, чем жилых комплексов, с точки зрения, строительных, санитарных норм и регламентов, а также простоты ввода в эксплуатацию и т.д.

В настоящее время такой вид «недвижимости» получил широкое распространение, и пользуется довольно большим спросом на рынке, особенно в больших городах. В первую очередь, это обусловлено довольно низкой стоимостью апартаментов (на 10-20 % ниже стоимости «обычного» жилья), что обеспечивает его доступность для многих людей с низким доходом, которые, например, не хотят обременять себя довольно большими денежными вложениями через ипотечную систему приобретения жилья.

Также апартаменты, как правило, строятся в рамках многофункционального комплекса с развитой инфраструктурой, что чаще всего способствует их отнесению к сегменту бизнес и премиум класса объектов на рынке недвижимости. Так застройщик пытается выделиться на фоне как традиционного жилья, так и проектов конкурентов, для привлечения большего числа покупателей. С точки зрения закона апартаменты не относятся к жилому фонду, следовательно, есть большие возможности в планировке и перепланировке помещений. Все это вызывает довольно большой интерес людей к приобретению недвижимости такого формата.

С другой стороны, у апартаментов есть множество минусов. В первую очередь, в апартаментах невозможно получить постоянную регистрацию места жительства. Соответственно владельцам апартаментов будет довольно проблематично пользоваться услугами муниципальных учреждений, расположенных по месту их пребывания. Другими словами, у собственников апартаментов нет права на социальное обслуживание по месту их нахождения.

Во-вторых, они облагаются довольно высоким налогом. В отношении апартаментов налог на них исчисляется как на коммерческие помещения, соответственно, по более высоким ставкам – от 0,5 % до 2 %, тогда как на квартиры ставки варьируются от 0,1 % до 2 % (как налог на имущество).

---

[422] Токмовцева М.В. Правовые проблемы договора коммерческого найма жилого помещения / М. В. Токмовцева // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Автор-составитель О.В. Ефимова. – Москва, 2019. – С. 153-160.

Также довольно высоки эксплуатационные расходы. Обслуживающие управляющие компании, как правило, сами устанавливают тарифы, которые чаще всего значительно выше, чем для жилых домов.

Таким образом, практика и анализ рынка недвижимости в настоящее время показывает, что апартамент является квази-квартирой. В связи с этим было уже много инициатив с законодательным урегулированием данной сферы. Законопроект, который бы урегулировал статус апартаментов, обсуждается уже не первый год. Первоначально Министерство строительства рассчитывало на принятие такого закона еще в 2016 году. Предполагалось, что к апартаментам будут применяться те же законодательные нормы, что применяются к жилым помещениям многоквартирных домов.

Таким образом, позиция законодателя заключается в том, что нежилое помещение апартаменты рассматривается только в качестве составной части жилых домов. Соответствующая позиция просматривается и в Жилищном кодексе. Правовой режим нежилого помещения рассматривается только через регулирование перевода жилого помещения в нежилое (ст. 22–24 ЖК РФ), при этом никаких дефиниций последнего понятия не содержится.

Таким образом, понятие нежилого помещения, как отдельно обособленного объекта, законодателем не дается, что в целом логично, так как само по себе помещение, будь то оно жилое или нежилое, не может физически существовать в «отдельности» от какой-либо конструкции. Признак изолированности, который присущ жилым помещениям распространяется и на Апартаменты. Апартаменты как нежилое помещение может быть изолировано и пригодно для проживания, но с юридической точки зрения, данный вопрос требует определенной правовой регламентации.

Литература

1. Токмовцева М.В. Правовые проблемы формирования сделок на рынке недвижимого имущества / М. В. Токмовцева // Основные тенденции и перспективы развития современного права. Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – М., 2018. – С. 456-459.
2. Токмовцева М.В. Правовые проблемы договора коммерческого найма жилого помещения / М. В. Токмовцева // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. Сборник статей. Автор-составитель О.В. Ефимова. – Москва, 2019. – С. 153-160.

Туранин Владислав Юрьевич,
д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ЗАКОНОПРОЕКТА[423]

Системность присутствует практически в каждом сегменте жизни современного общества. Справедливо отмечается, что «можно рассуждать о системности как об общей тенденции развития человеческого общества в целом и о системности результатов его воздействия как производных воздействия человечества»[424]. Соответственно, системность целостно представлена и в праве. В частности, интересны для изучения методы системного анализа, применяющиеся в правотворчестве, и, особенно, в преломлении к созданию языкового контура правовых актов.

Отметим, что при формировании терминологического аппарата любого законопроекта (на федеральном или региональном уровне) могут использоваться различные методы системного анализа, которые условно можно разделить на количественные и качественные.

В основе количественных методов лежит цифровая информация. Это формализованные методы, основанные на точных данных, а также на их анализе и оценке.

В данном контексте можно выделить аналитический метод, используя который разработчики законопроекта проводят детальный анализ существующего языкового пространства, приходя к выводу о необходимости (или отсутствии такой необходимости) введения в текст законопроекта того или иного термина или его определения. Отметим, что здесь необходима объективная картина, позволяющая принять правильное решение и не нарушить языковую конструкцию законопроекта.

Актуальным является и статистический метод, используя который участники законотворческой деятельности (разработчики законопроектов, эксперты) могут получить достоверную информацию о количестве терминов и дефиниций, используемых в тех или иных законодательных актах, а также, например, о частотности их использования.

В современной законотворческой деятельности применяется и лингвистический метод, позволяющий провести анализ терминов и их дефиниций с позиции соблюдения правил современного русского языка,

[423] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Белгородской области в рамках научного проекта № 18-411-310002 «Организационно-правовые механизмы систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности».
[424] Герасимов Б.И., Попова Г.Л., Злобина Н.В. Основы теории системного анализа: качество и выбор. – Тамбов, 2011. – С. 6.

выявить существующие, а также предотвратить потенциальные ошибки при использовании языковых средств. Отметим в данной связи, что лингвистическая грамотность законопроекта формирует, в том числе, и его его позитивный имидж, что представляется весьма значимым в условиях модернизации отечественного законодательства.

Ещё одна группа методов системного анализа, которая может быть задействована при формировании терминологического аппарата законопроекта, — это качественные (или эвристические) методы. В их основе заложена оценка терминов и их дефиниций разработчиками (или экспертами) на основе имеющихся знаний, жизненного опыта.

Весьма интересен в этой связи метод подготовки сценария. Он заключается в разработке предварительного перечня юридических терминов, планируемых к введению в законодательный текст. Затем данный перечень анализируется с точки зрения необходимости каждого термина, отсутствия внутренних и внешних противоречий при его интерпретации, единства терминологии. Отметим, что метод подготовки сценария применяется не только в законотворческой, но в правоприменительной деятельности. Например, при разработке различных договоров[425].

В данном контексте применим и метод мозгового штурма, который характерен для групп разработчиков законопроектов и экспертов. При использовании данного метода, зачастую, задействуются и внешние эксперты. Так, например, при проведении независимых научных экспертиз терминологии законопроектов экспертами выявляется степень согласованности использованных в тексте проекта законодательного акта дефиниций юридических терминов с уже существующими дефинициями, используемыми в других законах и иных правовых актах. В рамках мозгового штурма обращается внимание и доктринальную ценность терминов, которая предполагает возможность раскрытия всех признаков понятия, а также установления чёткой связи нормативных предписаний (практики) с научным представлением о понятии (теории). В этой связи, в ракурсе проведения независимой научной экспертизы терминологии законопроекта проявляется взаимосвязь науки и практики, которая позволяет обеспечить стройность, логичность и научную обоснованность юридической терминологии. Доктринальная проработка юридических терминов, используемых в тексте законопроекта, необходима для укрепления всей системы российского законодательства, расстановки правильных акцентов при формулировании нормативных предписаний. Независимый взгляд учёного может точно определить терминологические недоработки, присутствующие в законодательном тексте, с позиции всеохватывающего видения тех или иных понятий в разрезе устоявшихся научных концепций.

---

425 Хрисанов В.А. Основные проблемы, возникающие при рассмотрении споров из договоров в сфере закупок, товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд (в том числе органов внутренних дел) / В. А. Хрисанов, В. Л. Михайликов, И. В. Тищенко, Л. Н. Меняйло // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3.– С. 206.

Это служит основой для формулирования выверенных и обоснованных выводов и рекомендаций. Кроме этого, возможность системной оценки текста законопроекта, понятийной «сверки», с нашей точки зрения, является объективным показателем необходимости научной экспертизы в современной законотворческой деятельности.

Не менее значим и диагностический метод анализа существующих и новых юридических терминов, который позволяет выявить предпосылки возникновения возможных ошибок при их использовании в законодательном тексте. Диагностика – это важная составляющая любого исследования, которая имеет первостепенное значение в таких чувствительных сферах, как право и язык.

Конечно же, приведённый нами перечень методов системного анализа не является исчерпывающим, мы затронули лишь некоторые из них, наиболее подходящие к законотворческой деятельности.

В заключение отметим, что применение количественных и качественных методов системного анализа необходимо для формирования по-настоящему эффективного терминологического аппарата законопроекта. Считаем, что использование данных методов позволит повысить качество как федерального, так и регионального законодательства[426].

Литература

1. Герасимов Б.И., Попова Г.Л., Злобина Н.В. Основы теории системного анализа: качество и выбор. – Тамбов, 2011.
2. Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 1.
3. Хрисанов В.А., Михайликов В.Л., Тищенко И.В., Меняйло Л.Н. Основные проблемы, возникающие при рассмотрении споров из договоров в сфере закупок, товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд (в том числе органов внутренних дел) / В. А. Хрисанов, В. Л. Михайликов, И. В. Тищенко, Л. Н. Меняйло // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3.
4. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2016.

[426] Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2016. – С. 161-189; Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 154–160.

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна,
д.ю.н., профессор, руководитель научного направления конституционно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

СОВРЕМЕННЫЕ ДОКТРИНЫ ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВОСУДИИ НА ПРИМЕРЕ ЕСПЧ

Особенностью реализации прав и свобод человека является их обусловленность правозащитными доктринами, устанавливающими пределы их ограничения. Эти доктрины перманентно возникают и развиваются в международно-правовой практике судебной защиты и затем органично приживаются в правосудии государств. Среди наиболее востребованных можно выделить современные доктрины пределов ограничения принципами прав человека и свободы усмотрения *(margin of appreciation).*

На уровне регионального правосудия ощутимых успехов в реализации доктрины пределов ограничения принципами прав человека достиг Европейский Суд по правам человека. В своих решениях ЕСПЧ формулирует критерии, основанные на принципах прав и свобод, призванные помочь национальным властям применять Конвенцию. Среди множества примеров можно привести, в частности, дело *Ibrahim and Others v United Kingdom* (критерии оценки справедливости процесса в уголовных делах по статье 6 Конвенции – принцип справедливости), дело *Roman Zakharov v Russia* (критерии оценки национальной системы оперативного наблюдения по ст. 8 Конвенции – принцип свободы), дело *Von Hannover v Germany* (установление баланса между статьями 8 и 10 Конвенции в делах о диффамации – принцип достоинства), дела *Uner v the Netherlands*, *Maslov v Austria* (высылка осужденных иностранных граждан – принципы уважения частной жизни, свободы и достоинства).

Доктрина пределов ограничения принципами прав человека позволяет обозначить главный критерий реализации другой взаимосвязанной с ней доктрины свободы усмотрения. Именно принципы прав и свобод человека в первую очередь выступают мерилом пределов свободы усмотрения.

Доктрина свободы усмотрения государства (*the margin of appreciation*) – один из основных инструментов ЕСПЧ в решении задачи нахождения баланса между эффективной защитой прав человека на европейском пространстве и уважением к многообразию культур и правовых систем европейских государств[427]. В частности, ЕСПЧ многократно применял данную доктрину применительно к свободе вероисповедания. В деле *Cha'are Shalom Ve Tsedek vs. France* он отказал ультраортодоксальной организации в

[427] McGoldrick D. A defence of the margin of appreciation and an argument for its application by the Human rights committee. // International and comparative law quarterly. Cambridge. 2016. Vol. 65. N 1. P. 22.

признании нарушением запрета на ритуальный забой скота, приняв во внимание позицию правительства, выдавшего подобную лицензию другой группе, которая могла обеспечить мясом потребности и этой общины.

В зависимости от определенных условий ЕСПЧ может при принятии своих решений исходить из широкой либо узкой трактовки свободы усмотрения государства. Здесь имеют значение природа права, его важность для субъекта, вид вмешательства и цель, потребовавшая ограничения права[428].

При широкой свободе усмотрения государства требуется найти более весомые причины, чтобы решения ЕСПЧ имели приоритет над решениями национальных судов, которые находятся «ближе к реалиям своей страны»[429]. В других случаях, когда, к примеру, речь идет об ограничении прав лиц, принадлежащих к особо уязвимой группе, свобода усмотрения государства будет значительно *уже* и для ограничения прав потребуются серьезные основания. Такой подход применялся ЕСПЧ в делах, касавшихся различия в обращении на основании пола, расы, сексуальной ориентации или умственной неполноценности.

Широкая сфера усмотрения государства означает, что ЕСПЧ будет проверять, не были ли принятые государством меры очевидно неразумными или произвольными. Узкая – требует, чтобы обоснование ограничения было убедительным, и соответственно качество приведенных государством аргументов будет строго оцениваться ЕСПЧ. При этом Суд может задаться вопросом, были ли принятые государством меры пропорциональны преследуемой цели. Анализ практики ЕСПЧ показывает, что тест пропорциональности включает оценку таких требований, как легитимность преследуемой цели и важность ограничиваемого права; необходимость его ограничения; значительность вмешательства; причины, приведенные государством в оправдание вмешательства, соотносимы и достаточны[430].

Несмотря на востребованность доктрины свободы усмотрения в практике ЕСПЧ, эту доктрину и ее применение критикуют государства, стоящие у истоков формирования европейского механизма защиты прав человека. Со ссылкой на идею демократии, они заявляют о недостаточной свободе усмотрения государства при разрешении ЕСПЧ дел. При разработке Европейской конвенции идея демократии сыграла ключевую роль в определении статуса ЕСПЧ, который должен был выполнять роль «пожарной сигнализации», срабатывающей при угрозе установления тоталитарного режима. По мнению ряда экспертов, с этой ролью ЕСПЧ не справляется в необходимой мере. В частности, Зыссет А. говорит о том, что ЕСПЧ не учитывает «демократическую дискуссию» при толковании содержания прав,

---

[428] Follesdal A. Exporting the margin of appreciation: Lessons for the Inter-American court of human rights // International journal of constitutional law. Oxford, 2017. Vol. 15. N 2. P. 363.
[429] McGoldrick D. P. 25.
[430] Follesdal A. P. 364.

гарантированных Конвенцией, и возможности их ограничения. По мнению Д. Макголдрика роль ЕСПЧ как толкователя «не согласуется с основополагающими стандартами демократических процедур»[431]. Джерард Дж. пишет о методологической критике роли консенсуса в определении широты свободы усмотрения государства и непосредственного отсутствия ясной и последовательной технологии определения консенсуса[432].

В целом можно заключить, что доктрина свободы усмотрения государства сложна и многоаспектна. Однако нужно учитывать тот факт, что она успешно используется в практике ЕСПЧ и признана 47 государствами разного уровня развития демократии. Ее применение могло бы служить инструментом построения общего правового пространства и в других регионах, а также на глобальном уровне в рамках деятельности Международного Суда ООН и КПЧ. Эта доктрина могла бы стать инструментом установления баланса между универсальными правами человека и национальными культурными особенностями государств.

Литература

1. Gerards J. Margin of appreciation and incrementalism in the case law of the European court of human rights // Human rights law review. Oxford, 2018. Vol. 18. N 3.

2. McGoldrick D. A defence of the margin of appreciation and an argument for its application by the Human rights committee. // International and comparative law quarterly. Cambridge. 2016. Vol. 65. N 1.

3. Matscher F. Le droit à un procès équitable dans la jurisprudence des organes de la Convention européenne des droits de l'homme // Commission Européenne pour la démocratie par le droit. Le droit à un procès équitable. Strasbourg, 2000.

4. Follesdal A. Exporting the margin of appreciation: Lessons for the Inter-American court of human rights // International journal of constitutional law. Oxford, 2017. Vol. 15. N 2.

5. Zysset A. Searching for the legitimacy of the European court of human rights: The neglected role of «democratic society» // Global constitutionalism. Cambridge. 2016. Vol. 5. N 1.

[431] Zysset A. Searching for the legitimacy of the European court of human rights: The neglected role of «democratic society» // Global constitutionalism. Cambridge. 2016. Vol. 5. N 1. P. 17,33.

[432] Gerards J. Margin of appreciation and incrementalism in the case law of the European court of human rights // Human rights law review. Oxford, 2018. Vol. 18. N 3. P. 500,502.

Фёклин Сергей Иванович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры образовательного и информационного права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Государственный контроль (надзор) в сфере образования представляет собой проверки соблюдения обязательных требований, установленных органами власти и закрепленных в законодательстве об образовании. Но существуют и такие отношения в сфере образования, которые регулируются иными отраслями права (административным, гражданским, трудовым, финансовым, бюджетным, налоговым, закупочным и так далее) и документами. В итоге многие вопросы, возникающие в деятельности образовательных организаций, оказываются неподконтрольными со стороны органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) в сфере образования. Этот факт и предопределяет необходимость осуществления ведомственного, учредительного или иного контроля за деятельностью образовательных организаций.

Понимание учредительного контроля обусловлено содержанием термина «учредитель». «Учредить» значит основать, завести, создать[1]. Учредитель – это создатель, основатель организации.

Учредителем федеральных государственных образовательных организаций являются Российская Федерация, региональных государственных образовательных организаций – субъект Российской Федерации, муниципальных образовательных организаций – муниципальное образование. Функции и полномочия учредителей образовательных организаций выполняют уполномоченные органы власти, что должно найти свое отражение в уставе образовательной организации.

Учредитель может осуществлять учредительный контроль только в рамках закрепленных за ним полномочий. Важно отметить, учредитель обладает широкими правами при назначении руководителя образовательной организации. Именно учредитель исполняет функции работодателя в отношении руководителя образовательной организации.

Полномочия учредителя закреплены во многих нормативных правовых актах, обзор которых авторами монографии был представлен в одном из методических пособий. Анализ нормативных правовых актов и уставов образовательных организаций позволяет утверждать, что учредитель обладает достаточно широкими полномочиями в сфере управления деятельностью образовательной организации и ее руководителя, в рамках которых осуществляет учредительный, финансовый, ведомственный и иной контроль.

[1] С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – С. 846; Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь». 6-е изд., перераб. и доп. М. (ИНФРА-М, 2011) // СПС КонсультантПлюс.

Учредительный контроль нередко отождествляют с ведомственным, под которым понимается проверка учредителя за деятельностью подчиненным (подведомственных) организаций. В сферу учредительного контроля попадают вопросы, не отнесенные законодательством к полномочиям государственных органов контроля (надзора).

Таким образом, учредительный контроль имеет иной предмет проверки, отличный от предмета государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Если государственный контроль проверяет соблюдение законодательства об образовании, то в рамках учредительного контроля выявляются иные нарушения, в том числе неисполнение правовых актов и (или) поручений учредителя.

В отличие от государственного контроля (надзора) в сфере образования по итогам учредительного контроля могут быть выявлены нарушения и ошибки в работе педагогических и иных работников. Учредитель в таком случае может уведомить руководителя образовательной организации о возможности и (или) необходимости привлечения виновных лиц к дисциплинарной или иной ответственности, подробно описанной в научной и методической литературе[1].

Учредительный контроль имеет ряд особенностей, которые с организационно-правовой точки зрения отличают его от государственного контроля в сфере образования:

– учредительный контроль регулируется ведомственными и (или) региональными (муниципальными) правовыми актами;

– процедура проведения проверок и оформление результатов не регламентируется Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;

– ведомственные и региональные (муниципальные) правовые акты, регулирующие вопросы контроля деятельности подведомственных образовательных организаций, должны определять цель, задачи, сроки и последовательность действий при осуществлении контрольных мероприятий, оформление их результатов, периодичность осуществления контроля;

[1] С.И. Фёклин. Об уголовной ответственности педагога // Юридический журнал директора школы. – 2003. – № 3. – С. 43-45; С.И. Фёклин. Признание работников образования должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции. Уголовная ответственность за взяточничество // Юридический журнал директора школы. – 2005. – № 4. – С. 62-67; С.И. Фёклин. Административная ответственность в сфере образования // Директор школы. – 2007. – № 2. – С. 84-95; С.И. Фёклин. Правовая ответственность руководителя образовательного учреждения: методическое пособие. – М.: Арсенал образования (3-е издание). 2011; С.И. Фёклин. Вопросы правовой ответственности руководителя образовательного учреждения. Методическое пособие. – М.: Новый учебник. 2008; С.И. Фёклин. Правовой статус педагогического работника в сфере трудовых отношений: методическое пособие. – М.: Арсенал образования (3-е издание). 2011; С.И. Фёклин. Правовая ответственность сотрудников летних детских лагерей // Народное образование. – 2009. – № 3. – С. 100-104; С.И. Фёклин. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними детьми // Народное образование. – 2009. – № 3. – С. 105-109; С.И. Фёклин. О дисциплинарной и материальной ответственности работников// Администратор образования. – 2010. – № 22. – С. 90-94; С.И. Фёклин. Юридическая ответственность руководителя образовательной организации // Школа управления образовательным учреждением. – 2013. – № 8 (28). – С. 25-29.

– учредительный контроль может проводиться учредителем в форме плановой и внеплановой, выездной или документарной проверки, в виде мониторинга, аудита или иных мероприятий;

– форма и процедура учредительного контроля определяется органов власти, наделенным полномочиями и функциями учредителя;

– в рамках учредительного контроля, как правило, анализируется эффективность и результативность деятельности образовательных организаций и (или) их руководителей, оказывается методическая и иная помощь.

Распределение контрольных полномочий между органами власти позволяет сделать проверки более результативными и эффективными. Так, федеральный государственный контроль качества образования позволяет обеспечивать соответствующее качество подготовки обучающихся и тем самым стимулирует учредителя на создание необходимых условий и материально-техническое обеспечение образовательного процесса. В свою очередь учредительный контроль, проверяя финансово-хозяйственную деятельность образовательных организаций и работу руководителя, позволяет развиваться и функционировать с учетом обязательных требований, установленных законодательством в сфере образования.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М., 1999. – С. 846;
2. Райзберг Б.А. «Современный экономический словарь»/ Л.Ш. Лозовский, Б.А. Райзберг, Е.Б. Стародубцева - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2011.
3. Фёклин С.И. Об уголовной ответственности педагога/ С.И. Фёклин // Юридический журнал директора школы. – 2003. – № 3. – С. 43-45

Циватый Вячеслав Григорьевич,
к.и.н., доцент кафедры внешней политики и международного права
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
Заслуженный работник образования Украины

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ МИРОУСТРОЙСТВА XXI ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

Интенсификация глобализации в XXI веке диктует современному миру новые условия социально-правовых отношений, когда инновационные

подходы и гуманитарные парадигмы все чаще становятся преобладающим фактором в решении проблем полицентричного мира в условиях глобализации[433].

Важную роль в современном мире обретают такие глобальные институты как институции по урегулированию социально-правововых отношений и соблюдения прав человека. Среди таких глобальных институтов ведущую роль играет Организация Объединенных Наций (ООН), которая изначально была предназначена для обеспечения широкого политического сотрудничества государств с целью поддержания мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, декларированию и контролю за соблюдением прав человека во всем мире. Не случайно именно ООН является наиболее представительным форумом для межгосударственных дискуссий по решению актуальных социальных и правовых проблем человечества и поддержанию социальной безопасности стран. Вообще сам факт основания ООН послужил фундаментом и катализатором активной деятельности правительств государств в деле разработки и принятия национальных и международных нормативных актов, регламентирующих минимальные социальные стандарты в странах, соблюдения базовых прав и свобод человека, что бесспорно стало первым шагом к социализации глобальной экономической, социокультурной и политико-юридической среды[434].

Впервые широкое международное правовое закрепление эти акты получили 10 декабря 1948 года – с принятием Генаральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека. По оценкам специалистов, с этого момента началось формирование новой, «правочеловеческой», области международного права, специфика которой состоит в том, что ее нормы не только определяют обязанности государств, но и отображают основоположные права и свободы человека, которые можно защищать при помощи международно-правовых средств.

В частности, статья 25 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая питание, одежду, жилье, медицинскую помощь и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи». Таким образом, международным сообществом был имплементирован главный социальный стандарт, или институт, мирового значения, обеспечение которого возлагалось на целостную организационно-функциональную систему ООН.

Полномасштабная реализация права человека на получение надлежащего качества жизни, социальную поддержку и социальную защиту, а следовательно, и регулирование социальных асимметрий глобального

[433] Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.
[434] Ritzer G., Dean P. Globalization: Conceptualization, Origins, and History. 2nd Edition. Oxford, 2019. 606p.

масштаба в системе ООН делегированы практически всем ее функциональным органам, прежде всего, высшим институциям – Генеральной Ассамблее и Экономическому и социальному совету ООН (ЭКОСОС).

Немалое значение в XXI веке приобретают функциональные комиссии и комитеты ЭКОСОС. Так, достаточно диверсифицированным набором функций социального содержания наделена Комиссия по социальному развитию при ООН. В обновленный в 1996 году перечень главных ее полномочий входят: улучшение представления мирового сообщества о социальном развитии, в частности посредством обмена информацией и опытом; рассмотрение вопросов, касающихся положения различных социальных групп, в том числе обзор соответствующих программ действий ООН в отношении данных групп; выявление проблем, тормозящих социальное развитие и требующих неотложного рассмотрения, и вынесение по ним конструктивных рекомендаций; предоставление консультаций и рекомендаций ЭКОСОС по вопросам социального развития. Ежегодно Комиссия по социальному развитию представляет на суд общественности свои доклады, в которых системно освещаются актуальные вопросы и проблемы социального развития мира и отдельных стран (регионов)[435].

Без сомнения, важная роль в функциональной и организационной структуре ООН отводится и другим направлениям деятельности, призванным сокращать имеющиеся социальные диспропорции между людьми и странами, содействуя тем самым всемирному социальному прогрессу.

К наиболее известным на сегодня самым развитым в функциональном и организационном плане глобальным институциональным механизмам регулирования социальных ассиметрий, инициированных Организацией Объединенных Наций, прежде всего, относится Глобальная стратегия устойчивого развития. Данная концепция была обобщена на всемирных саммитах ООН в 1992 и 2002 годах (в таких документах ООН, как «Повестка дня на XXI век», «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию», «Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию») при участии свыше 180 стран мира, многих международных организаций и выдающихся ученых. В глобальной стратегии устойчивого развития интегрально отображены три его главные компоненты в плане видения будущего развития общества: экономическая, экологическая и социальная. Свое современное и синтетическое воплощение социальная компонента устойчивого развития нашла в так называемых Целях развития тысячелетия (ЦРТ), сформулированных в Декларации тысячелетия (принятой 189 странами на Саммите тысячелетия Организации Объединенных Наций в сентябре 2000 года).

[435] Ивлев К. Совет по правам человека ООН / К. Ивлев. – М., 2020. – 124 с.

«Человекомерность» инновационных методов, которые на сегодня используются правовой наукой и образованием XXI века, является необходимой составляющей для образовательных и научных исследований в сфере юриспруденции. Особенно это актуализируется для образовательных и социально-правовых подходов, которые, как ни парадоксально, иногда теряют из вида человека как объект регулирования его социальной деятельности и институциональных отношений. В многостороннем мире XXI века глобализация превращается в господствующую тенденцию институциональных трансферов и процессов во всех сферах жизнедеятельности человека[436].

На образовательную и социокультурную сферу конструктивное и системное, неоднозначное и противоречивое влияние, фактически оказывает именно глобальная фаза институционального развития цивилизации в XXI веке[437]. Укрепляя и институционализируя свои социальные отношения с обществом, человек начинает занимать в нем все более весомое место[438].

В современной глобальной экономике, которую строят сегодня государства – лидеры современного полицентричного мироустройства, основными продуцентами и распространителями знаний и информации являются высшие учебные заведения, прежде всего – университеты, в т.ч. и в сфере юриспруденции.

Таким образом, сегодня уже актуализировалась безотлагательная необходимость системного анализа перспектив глобализации в сфере образования, и в частности – юридического образования, в котором важно отойти от теоретических стереотипов при усовершенствовании методологии образовательных исследований. Изменения в системе общественных отношений и системе прав и свобод человека, требуют от правового образования и юридической науки мобильности и адекватного ответа на задачи нового исторического этапа – развития и регулирования общественных отношений в полицентричном мире XXI века.

Наряду с институциональными, экономическими и геополитическими переменами, глобализация привела к новым размежеваниям социокультурного характера. Современные глобальные институты регулирования социальных асимметрий, в т.ч. и в сфере прав и свобод человека, используют диверсифицированный инструментарий разнообразных рычагов влияния на социально-экономическое и

---

[436] Бурьянов С.А. Некоторые подходы к перспективам развития образования глобального города // Российское и международное право: общее и особенное : Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева и д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, 2019. – С. 322-326.

[437] Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: Монография. – М.: Прометей, 2019. – 656 с.

[438] Северухин В.А. О некоторых аспектах интегративного правопонимания / В. А. Северухин // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2018. – № 4. – С. 34-42.

социокультурное положение граждан разных стран со стороны как национальных правительств, так и региональных и мировых институций.

Многолетнее функционирование институций по реализации экономических, экологических и социально-правовых интересов населения планеты дало возможность решить на сегодня ряд острейших социальных проблем, в частности, касающихся распространения высоких социальных стандартов из развитой зоны мира на остальные страны, правовой и социальной защиты иммигрантов, региональной унификации уровней доходов определенных социальных групп и категорий и др. Тем не менее современные институты регулирования социальных асимметрий нуждаются в существенной организационно-функциональной реорганизации и внешнеполитической защите.

Успешная реализация рассмотренных заданий в сфере прав и свобод человека, социальной составляющей политики государств, окажет неоценимое содействие дальнейшему развитию глобальных институтов социального регулирования и обеспечит более слаженную межгосударственную координацию общих действий, направленных на эффективное реагирование на вызовы глобальной среды.

Литература

1. Бурьянов С.А. Некоторые подходы к перспективам развития образования глобального города // Российское и международное право: общее и особенное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 17 апреля 2019 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева и д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева. – М.: МГПУ, 2019. – С. 322-326.
2. Глобализация и институциональная модернизация экономики России: теория и практика: Монография. – М.: Прометей, 2019. – 656с.
3. Ивлев К. Совет по правам человека ООН / К. Ивлев. – М., 2020. – 124 с.
4. Северухин В.А. О некоторых аспектах интегративного правопонимания / В. А. Северухин // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2018. – № 4. – С. 34-42.
5. Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття [Текст]: (інституціональний контекст) // Зовнішні справи. 2014. № 8. С. 26-29.
6. Ritzer G., Dean P. Globalization: Conceptualization, Origins, and History. 2nd Edition. Oxford, 2019. 606 p.

Шаповалов Николай Иванович
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Института экономики, менеджмента и права Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС КАК ЭТАП ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследуемого материала кроется в анализе положений, лежащих в основе современного развития экономики и общества, на примере уникального международного юридического и экономического образования Европейского Союза. В статье анализируются негативные последствия применения различных форм давления на объективные законы развития общества, являющиеся пережитками холодной войны, которые, к сожалению, используются сегодня в межгосударственных отношениях.

Важнейшей особенностью развития политических, социальных, экономических и духовных процессов второй половины XX века явился процесс их глобализации, который коренным образом повлиял на структуру международных отношений, изменил систему межгосударственных отношений и дал толчок укреплению международного права.

«Если в начале столетия, писал автор в “Australian Journal of Scientific Research”, национальные экономики шли по пути интенсивного развития в границах государств, а фашистская идеология Германии и Италии позволяла экономике развиваться за счет военных выгод, то конец Второй мировой войны и исчерпание возможностей интенсивное развитие на национальных территориях вытеснило экономику за пределы границ, и подтолкнуло ее к процессу ее глобализации через интеграцию. Процессы глобализации, касающиеся, прежде всего, экономической составляющей, постепенно превратили экономики отдельных государств в целостную экономическую систему, где национальные экономики становятся компонентами единого наднационального экономического организма, и их будущее определяется ходом развития экономики этого организма в целом»[439]. Сегодня это явление следует рассматривать как фактор, подтверждающий объективные законы развития общества. Современные попытки политическими средствами изменить этот фактор разрушительны и ведут к нарушению объективных законов развития общества и, в конечном итоге, к торможению такого развития.

«Интеграционные процессы в Европе имеют глубокие исторические корни, которые во многом определили порядок и этапы интеграции, а также

[439] N. Shapovalov “Impact on economic systems political means on the example of the European Union”, Australian Journal of Scientific Research, № 1. (5), January-June, 2014, p. 917

различные методы и правовые механизмы, применяемые на каждом этапе»[440].

Европейский Союз – очень сложная экономическая и политико-правовая структура, которая непрерывно видоизменяется уже более полувека. «В процессе своего развития интеграционная структура прошла ряд этапов»[441]. По мнению автора, справедливы высказывания отечественных и зарубежных исследователей, которые отмечают, что каждый из этапов развития общества, определенным образом повлиял на международное право, право Европейского Союза. Правовая природа каждого этапа европейской интеграции носит международно-правовой характер, вытекающий из международных договоров, регулирующих данные отношения, и является одним из направлений развития общества, которое, несомненно, является актуальным и представляет особый интерес для исследователя.

Рост взаимозависимости между государствами в современном мире напрямую зависит от соответствующих этапов развития общества и по-новому ставит вопрос о формах реализации государственного суверенитета в сфере международных контактов. От первоначальных этапов коллаборации, кооперации и последующей интеграции, вызвавшей рост самоидентификации общества государств-членов Европейского Союза и приведшей к Brexit, кризису в Каталонии, Ломбардии, Венето. Разумеется, причиной разразившегося кризиса стали не этапы развития общества, а грубейшие ошибки руководства Евросоюза, повлекшие нарушения объективных законов развития общества. Исследование подобных проблем представляет для России не только научный, но и практический интерес, поскольку Россия является частью мирового экономического пространства, и законы его развития полностью распространяются на Россию.

Выявляя исторические этапы, формы и движущие силы процесса прогрессивного развития общества в соответствии с объективными законами, реализующимися в определенной последовательности осуществления и смены экономического социокультурного и политического доминирования, автор приходит к выводу, что процесс глобализации не исчерпал себя, он видоизменяется. В настоящее время на фоне геополитических изменений в США, в Великобритании все чаще можно слышать термин международный стратегический альянс, которому предрекают диспетчерские функции в области внешней торговли. А, учитывая обострение геополитической ситуации в Сирии, Турция открыла свои границы для пропуска беженцев, что усиливает кризис в Евросоюзе, и способствует созданию международного стратегического альянса. Подобная ситуация чревата ростом геополитического веса регионов, что оказывает существенное влияние на развитие международной обстановки, которая в условиях неравномерного

[440] Шаповалов Н.И. Интеграционный процесс в Европе и его правовой статус/Н. И.Шаповалова // Право и экономика. – 2011. – № 6 – С. 69-71.
[441] Бирюков М.М. Европейское право: курс лекций / М. М. Бирюков. – М.: Изд-во Омега –Л. 2006. – С. 16.

экономического развития и обеспечения региональных государств природными ресурсами объективно способствует формированию новых экономических и военно-политических групп.

Историко-правовой анализ не только основополагающих документов, европейской интеграции, но и второстепенных, принятых на разных этапах осуществления интеграции, позволяет выявить общие постоянные факторы ассоциации и понять причины, побуждающие государства, к участию в глобализации, на том или ином этапе процесса интеграции. Это позволяет исследователю отслеживать динамику колебаний в обществе центростремительных и центробежных сил, которые определяют вектор политического взаимодействия Российской Федерации, с отдельными государствами–членами ЕС и Европейским Союзом в целом. Кроме того, научная новизна исследования состоит в обосновании принципиального положения, согласно которому процесс глобализации в настоящий период представляется формой национализма ведущих государств, стремящихся направить процесс интеграции в русло своих узконациональных интересов. В то время как принятие комплексных политических решений и механизма политического сотрудничества, сложившегося еще со времен существования Европейского сообщества, считается самым сложным для объединенной Европы и не может больше справляться с политическими вызовами Европейского союза[442]. Серьезность проблемы заключается в том, что подавляющее большинство политических решений требует суверенной воли, существующие интеграционные механизмы не имеют такой суверенной воли, которой обладают государства-члены ЕС, что в свою очередь способствует переходу на следующий этап глобализации.

Литература

1. Бирюков М.М. Европейское право: курс лекций / М. М. Бирюков. – М.: Изд-во Омега –Л. 2006. – С. 16.
2. Шаповалов Н.И. Интеграционный процесс в Европе и его правовой статус /Н. И.Шаповалова // Право и экономика. – 2011. – № 6 – С. 69-71.
3. Шаповалов Н.И. Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза / Н. И. Шестопалов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2012. – №3.– С. 34-40.

[442] Шаповалов Н.И. Правовая природа органов политической кооперации, их место и роль в системе органов Европейского Союза / Н. И. Шестопалов //Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». – 2012. – №3.– С. 34-40.

Шершнева-Цитульская Ирина Александровна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права
и философии Всероссийского государственного университета юстиции

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ ПАТРИАРШЕСТВА

Патриарший период является особым этапом государственно-церковных отношений в России. Он достаточно давно и устойчиво выделяется в отечественной историографии как этап, связанный с введением, развитием и ликвидацией должности патриарха в Русской православной церкви. Начало его связывают с 1589 г. – годом официального учреждения патриаршества в России, а окончание – с реформой церковного управления, осуществленной Петром I. Однако как отдельный объект исследования институт патриаршества в отечественной историко-правовой науке еще не рассматривался.

Впрочем, даже историки церкви, как представляется, недооценивают это событие, рассматривая его как рядовую веху церковной истории, полагая, что фактически введение патриаршества не повлекло за собой каких-либо серьезных изменений в церковном укладе Московского государства. В результате такое важное в истории российского государства и церкви событие как учреждение патриаршества остается «в тени» более ярких событий XVII столетия – Смутного времени и церковного раскола. А между тем, именно российским патриархам предстояло сыграть важную историческую роль и в отстаивании независимости России в Смутное время, и в учреждение на троне династии Романовых, и в переходе государства к абсолютизму во второй половине XVII в. Именно институт патриаршества в период династического кризиса конца XVI – начала XVII вв. вкупе с земскими соборами станет стабилизирующим началом в государстве и обществе. Именно с учреждением патриаршества состоится юридическое оформление автокефалии Русской православной церкви, в том числе признание этого факта остальными поместными православными церквями и Константинопольской патриархией. Тем не менее, в историографии проблемы остается не мало «белых пятен», в том числе проблема изучения причин учреждения патриаршества в правление Федора Ивановича.

В трудах дореволюционных авторов приводятся самые пространные объяснения: указывается на бедственное положение поместных православных церквей из-за османского гнета; отмечается зрелость Русской православной церкви, ее способность к самостоятельному управлению; в качестве внутренней причины отмечается наличие в России титула царя, занявшего в православном мире место византийского императора, а значит, при нем неизбежно было учреждение должности патриарха, наконец, можно встретить и мнение об исключительно субъективном желании учредить

патриаршество, исходившем от Б. Годунова[443]. Современные исследователи апеллируют к выводам предшественников, не выдвигая новых аргументов и гипотез[444], по-видимому, даже не задумываясь, что все указанные факторы могут выступить лишь в качестве предпосылок, а не причин учреждения патриаршества в России.

Между тем, все вышеперечисленные предпосылки, может быть, и сыграли некоторую роль в учреждении должности российского патриарха, но ни одна из них не была обусловлена событиями конца XVI века: царский титул был официально провозглашен в России с 1547 г.; духовенство восточного православия бедствовало уже с середины XV века; а определение степени «зрелости» Русской православной церкви – фактор явно субъективный, не объясняющий потребность введения патриаршества в конце XVI века. Впрочем, из современных исследований можно почерпнуть тезис о наибольшей заинтересованности во введении патриаршей должности со стороны государства, нежели церкви. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, опираясь на тот факт, что инициатором учреждения патриаршества являлась светская власть, но это не умаляет заинтересованности в этом событии и церковных кругов[445], тем более что высшие церковные иерархи непосредственно участвовали в переговорах с восточными патриархами по поводу учреждения патриаршества.

В историографии обойден также вопрос о противоположности двух тенденций российской истории: учреждения патриаршества как института церковной власти независимой от светской власти и укрепления в течение всего XVI века единоличной власти монарха. Патриаршество как таковое совершенно не вписывается в концепцию усиления верховной власти монарха с переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму, ибо патриарх фигура в политической жизни независимая от монарха и в определенной степени равная ему, учреждать которую было заведомо опасно с точки зрения развития суверенных прав царя, ведь совсем иное дело митрополит, который не может быть равен по статусу царю.

Думается, объяснить политику светской власти времен Федора Ивановича исходя только из внутрироссийских условий, не представляется возможным. Остается обратить внимание на внешний фактор, который, по-видимому, и стал определяющим в возникновении у светской власти желания учредить в России патриаршество.

---

[443] Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-ти т. Т. 10 / Н. М. Карамзин. – СПб.: Изд. А. Смирдина, 1852. Т С. 68.; Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях деятелей: в 2-х т. Вып. 3. Изд. 6-е / Н. И. Костомаров. – СПб.: Лит. Фонд, 1912. С. 580; Николаевский П. Ф. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. – № 7-8. – С. 4-7 и др.

[444] См., напр.: Макарий (Веретенников), архимандр. Патриаршество на Руси // Церковный вестник. 2005. № 11 (312); Тарасов Е. А. Учреждение патриаршества в 1589 г. как окончательная победа автокефалии Русской православной церкви // Русское патриаршество к столетию возрождения / сост. Е. С. Малер. – М.: Феория, 2018. – С. 37-38.

[445] Володихин Д. М. Митрополит Дионисий как автор идеи введения патриаршества в Москве// Русское патриаршество к столетию возрождения/ сост. Е. С. Малер. – М.: Феория, 2018. – С. 13-35.

Период для учреждения в России патриаршества был избран действительно подходящий, поскольку большинство православных народов находилось под гнетом Османской империи, вследствие чего церковная иерархия находилась в весьма стесненном положении и могла надеяться на материальную помощь и политическую поддержку только от русских царей. В июне-августе 1586 г. впервые Россию посетил один из четырех вселенских патриархов – Антиохийский патриарх Иоаким. Посещение Москвы не было главной целью путешествия, но если верить летописям, то именно Иоаким явился инициатором посещения Москвы, сделав небольшой крюк в своем путешествии. Он был принят 25 июня 1586 г. Федором Ивановичем в Кремле, где было озвучено желание царя об учреждении в России должности патриарха: «Изначала, от прародителей наших, киевских, владимирских и московских государей царей и великих князей благочестивых, поставлялись наши богомольцы митрополиты Киевские, Владимирские, Московские и всея России от патриархов Царяградских и Вселенских… А нам бы испросить еще у Него милости, дабы устроил в нашем государстве Московском Российского патриарха, и посоветовать бы о том с святейшим патриархом Иоакимом, и приказать бы с ним о благословении патриаршества Московского ко всем патриархам»[446]. Посредником в переговорах выступил царский шурин Борис Годунов. Отпуская патриарха Иоакима на родину, 17 июля 1586 г. царь отправил с ним своего подьячего Михаила Огаркова с богатыми дарами патриархам и с грамотами к Цареградскому патриарху Феолипту и Александрийскому патриарху Сильвестру.

Представляется, что приезд патриарха Иоакима не был совершенной случайностью, ибо за два года до этого события царь стал активно посылать восточным патриархам и другим представителям высшего духовенства богатые дары «на помин души своего родителя». Такое поведение можно объяснить невозможностью прямого обращения по дипломатической почте с истинными целями переговоров, опасаясь противодействия турецкого правительства.

Однако хлопоты Иоакима, предпринятые им после поездки в Москву, остались безрезультатными, поскольку произошла смена патриархов: Султан низверг патриарха Феолипта и на место его возвел в третий раз Иеремию II, находившегося до этого момента в заточении. А Иеремии, когда он возвратился на Константинопольскую кафедру, было не до того, чтобы заниматься вопросом об учреждении патриаршества в России. Но трудности с материальным обеспечением кафедры (даже кафедральная церковь была обращена в мечеть, и османское правительство предложило строить новую резиденцию для патриарха в другом районе столицы) заставили Иеремию II поехать в Россию.

Так, ровно два года спустя после знаменитой поездки патриарха Антиохийского Иоакима, в конце июня 1588 г. в Россию прибыл

[446] Цит. по: Макарий, митр. История Русской Церкви. Т. 6 / Митрополит Макарий. – М.: Litres, 2017. – С. 21.

Константинопольский патриарх Иеремия II. Уже 21 июля он был принят царем, одарившим патриарха Константинопольского и его свиту из средств казны. С этого момента начались длительные переговоры о введении патриаршества в России. Статейный список является основным историческим источником, повествующим о переговорах с Константинопольским патриархом. Нет оснований не доверять ему о наличии различных вариантах введения патриаршества, в том числе и об обсуждении проекта о переносе резиденции Константинопольского патриарха Иеремии во Владимир с оставлением в Москве митрополичьей кафедры. На последнем настаивал Федор Иванович, по-видимому, таким путем он собирался сделать Московского государство мировым центром православия. Стало быть, задачей светской власти являлось не как таковое учреждение патриаршества, а претензии на политико-религиозное покровительство всем православным народам, что вытекало из титула православного царя и доктрины «Москва – Третий Рим».

В целом в этих переговорах Иеремия придерживался традиционной для Константинопольской патриархии позиции непризнания самостоятельности Русской церкви, соглашаясь лишь на архиепископию, подобную Охридской в Болгарии. Но переговоры, длившиеся в течение полугода, когда патриарха Иеремию держали под надзором в Москве, закончились компромиссом. 13 января 1589 г. Иеремии было сообщено, что вследствие его отказа переехать со своим двором во Владимир, его готовы отпустить на родину под условием поставления им в России патриарха.

17 января по инициативе царя и митрополита Иова был созван в Москве Архиерейский собор в составе архиепископов Новгородского Александра, Казанского Иеремии, Ростовского Варлаама, епископов, архимандритов, игуменов и соборных старцев. Кандидатура будущего патриарха была выдвинута Собором и согласована с царем, а «наречение» (т.е. процедура провозглашения) первого российского патриарха Иова прошло 23 января 1589 г. в Кремле в царских палатах, а не в храме, что как отмечают историки церкви, было нарушением чина поставления патриарха на должность, дарованного Иеремией[447]. «Наречение» патриарха состоялось по приговору царя Федора Ивановича, а в мае 1589 г. была составлена Уложенная грамота о Русском патриаршестве, скрепленная подписями и печатями царя, двух патриархов и членов Архиерейского собора. Международно-правовое утверждение патриаршества в России проходило на общецерковных соборах в Константинополе 1591 и 1593 гг., где было окончательно утверждено российское патриаршество, но лишь на условиях пятого по счету патриархата в православном мире.

Таким образом, одной из главных причин учреждения патриаршества в России следует считать попытку упрочения международно-правового статуса Российского государства, а не укрепление позиции церкви внутри России.

[447] Там же. С. 120.

Однако попытка царской власти создать в России патриаршество, которое бы по своему статусу в православном мире заменило бы пришедший в упадок Константинопольский патриархат, провалилась, а царская власть была теперь ограничена полномочиями собственного патриарха.

Литература

1. Володихин Д. М. Митрополит Дионисий как автор идеи введения патриаршества в Москве// Русское патриаршество к столетию возрождения/ сост. Е. С. Малер. – М.: Феория, 2018. – 128 с.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-ти т. Т. 10 / Н. М. Карамзин. – СПб.: Изд. А. Смирдина, 1852. – 372 с.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях деятелей: в 2-х т. Вып. 3. Изд. 6-е / Н. И. Костомаров. – СПб.: Лит. Фонд, 1912. – 452 с.
4. Макарий, митр. История Русской Церкви. Т. 6 / Митрополит Макарий. – М.: Litres, 2017. – 934 с.
5. Николаевский П. Ф. Учреждение патриаршества в России / П. Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1879. – № 7-8.
6. Тарасов Е. А. Учреждение патриаршества в 1589 г. как окончательная победа автокефалии Русской православной церкви // Русское патриаршество к столетию возрождения/ сост. Е. С. Малер. – М.: Феория, 2018. – 128 с.

Шестопалов Михаил Андреевич,
преподаватель гуманитарно-правового колледжа
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ПО ПРОГРАММАМ СПО

За последние двадцать лет уровень развития науки, техники, медицины и др. значительно повысился. Возросла потребность в модернизации образования, обновлении ФГОС, которые бы отвечали не только современным запросам рынка труда, но могли бы быть актуальными на момент окончания выпускником образовательного учреждения[448]. Юриспруденция, являясь одной из классических гуманитарных специальностей, имеющих глубокие исторические корни, в настоящее время показывает свою динамику. Изменения касаются не только обновления

[448] Ладнушкина Н.М. Нормативно-правовые основы обучения детей, проявивших особые способности / Н. М. Ладнушкина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 59, Корчагина Т.В. Методика преподавания юриспруденции в высшей школе: учебное пособие. М: Книгодел, 2020. – С. 25.

законодательства, но и трансформации взглядов, форм и методов подготовки будущих юристов.

Начало этого процесса можно наблюдать на стадии получения обучающимся среднего профессионального образования. Существуют несколько федеральных государственных образовательных стандартов, в соответствии с которыми можно получить квалификацию юриста. К ним можно отнести ФГОС 40.02.01 Право и организация социального обеспечения, 40.02.02 Правоохранительная деятельность, 40.02.03 Право и судебное администрирование. Каждый из указанных стандартов предусматривает обязательное освоение теории государства и права как профессиональной учебной дисциплины.

Как замечал профессор Пиголкин А.С., изучение теории государства и права служит тем необходимым фундаментом, на котором в дальнейшем строится глубокое и сущностное понимание всех без исключения юридических дисциплин и процессов[449].

Теория государства и права считается в достаточной степени консервативной дисциплиной. Существует ряд учебников, учебных пособий, учебно-методических комплексов и практикумов, которые в своей основе не менялись последние 20–30 лет. Структура курса и его содержание унифицировано образовательными стандартами и включает себя закрытый перечень знаний и умений, направленных на формирование общих и профессиональных компетенций выпускника. Стандарты не предъявляют строгих требований к количеству часов, выделяемых на учебные занятия по теории государства и права. Каждая образовательная организация имеет возможность самостоятельно определить их количество, вид занятий, а также форму промежуточной аттестации.

В большинстве случаев образовательные организации отводят ведущую роль по данной дисциплине такому виду занятий, как лекция. Классическое изложение лектором материала занятия сегодня активно дополняется использованием средств мультимедийных технологий. Одной из важных тенденций стало обращение преподавателя к презентациям, подготовленным с использованием специальных программ. Краткий текст, яркие изображения, наглядные схемы, таблицы и диаграммы, а также пояснения, которые дает преподаватель по ходу показа того или иного слайда – все это делает лекцию более интересной и доступной. В настоящее время происходит процесс модернизации мультимедийной техники: образовательные организации оснащаются не только проекторами, но и специальными интерактивными панелями с сенсорным экраном, имеющими доступ к высокоскоростному интернету. Работа преподавателя с данными панелями значительно упрощает процесс поиска и иллюстрации необходимого правового материала. Следует помнить о негативных моментах использования мультимедиа в образовании, в т.ч. уменьшение живого общения между преподавателями и студентами, а также между

[449] Пиголкин А.С. Теория государства и права / А. С. Пиголкин. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – С. 13.

самими обучающимися[450]. Решить данную проблему призваны практические занятия по дисциплине.

Практические занятия как вид учебных занятий при изучении теории государства и права получили свое отражение во многих учебных планах. Как правило, целями практических занятий являются закрепление и систематизация рассмотренного на лекции материала, решение практических задач, работа с теоретическим и нормативным материалом. Стремление преподавателей разнообразить практические занятия выражается в использовании игровых форм. Удачным видится проведение деловых игр по темам, связанным с выбором формы государства, законодательным процессом, правовыми системами, объемом правосубъектности граждан, классификацией прав человека и др. Важным моментом является не только освоение материала, но и непосредственное общение преподавателя с обучающимися в формате беседы. Существуют исследования, согласно которым информация, приводимая лектором на занятии, усваивается лучше, если этот процесс сопровождать интерактивом. Запоминается до 70-80%, если на занятии обсуждать тему вместе с обучающимися, решать практические ситуационные задачи. В силу этого форматом практического занятия может быть дискуссия, круглый стол, семинар и др.

Таким образом, в настоящее время в соответствии с требованиями стандартов и с учетом последовательных изменений в образовательной среде имеется спрос на развитие практической формы проведения занятий по теории государства и права, а также изучение материала с использованием интерактивных средств обучения.

Литература

1. Ладнушкина Н.М. Нормативно-правовые основы обучения детей, проявивших особые способности / Н. М. Ладнушкина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1.
2. Корчагина Т.В. Методика преподавания юриспруденции в высшей школе: учебное пособие / Т.В. Корчагина / – М: Книгодел, 2020. – 36 с.
3. Пиголкин А.С. Теория государства и права / А. С. Пиголкин. – М.: Изд-во Юрайт, 2019.
4. Куксин И.Н. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин, А.И. Кривенький, В.А. Северухин – М.: Книгодел, 2018. – 56 с.
5. Мохова А.С. Современные средства мультимедиа и их применение/ А.С. Мохова, Г.С. Чебушев // Молодой ученый. — 2019. — №20. — С. 44-47.

[450] Мохова А.С. Современные средства мультимедиа и их применение /А.С. Мохова, Г.С. Чебушев // Молодой ученый. — 2019. — №20. — С. 44-47, Куксин И.Н. О понимании права, содержании правового воспитания и правовой культуры участников образовательных отношений / И.Н. Куксин, А.И. Кривенький, В.А. Северухин. – М.: Книгодел, 2018. – С. 4-6.

Шикула Ильмира Рифкатьевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Всегда хочется думать и верить, что в своей семье мы, как в надежном убежище сможем укрыться от стрессов и перегрузок нашего беспокойного мира. Чтобы ни угрожало нам вне дома, мы надеемся найти защиту и поддержку в любви тех, с кем мы поддерживаем самые близкие отношения. Однако для многих людей желание обретения семейного покоя оказывается невыполнимым, так как их близкие являются скорее источником угрозы, чем надежности и безопасности.

На Международной конференции «Предотвращая домашнее насилие: итоги и перспективы» (Москва, 7–9 апреля 2018 г.) указанное явление охарактеризовано как проблема национальной безопасности, подрывающая основы воспитания детей и влияющая на демографическую ситуацию в России.

Вымещение агрессии и злости на ближних, в особенности, на более слабых – женщинах, детях, престарелых и инвалидах – не знает политических и географических границ.

По данным правозащитной организации «Международная амнистия» ежегодно около 14 тысяч женщин погибают от рук своих мужей, и чаще всего их гибели предшествовало систематическое избиение[451].

Масштабы виктимизации и социальные последствия преступности в отношении женщин в России еще не осознаны в полной мере. Однако статистические данные ГИАЦ МВД России[452] свидетельствуют, что каждая четвертая жертва, погибшая в результате преступного насилия в семейно-бытовой сфере и каждая пятая жертва, которой причинен тяжкий вред здоровью – женщина. Указанных цифр, как представляется, уже достаточно, чтобы оценить ситуацию с насильственными посягательствами в отношении женщин в нашем государстве как весьма неблагополучную.

На учете в полиции стоит около 200 тысяч семейных дебоширов, однако истинные масштабы семейного насилия этими цифрами не исчерпываются.

[451] Шикула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений: проблемы теории и практики. Монография – М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2019. –251 с.

[452] [Электронный ресурс]. URL: www.mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (Дата обращения 05.03.2020).

Росту такого насилия в большей степени способствует и то, что как само общество не готово открыто обсуждать эту проблему, так и сами жертвы насилия не готовы придавать огласке произошедшие события[453].

Более того, при обращении женщин за помощью действует синдром «молчания ягнят», когда о зверских преступлениях не заявляют в полицию ни сами пострадавшие, ни их родственники, ни соседи.

Действующее уголовное законодательство также не в полной мере обеспечивает защиту женщин от домашнего агрессора, а отсутствие федерального закона о противодействии семейно-бытовому насилию[454], в котором были бы урегулированы основные моменты противодействия семейно-бытовому насилию (определение семейно-бытового преступления, принципы, субъекты и основные инструменты противодействия данному криминальному явлению) – усугубляет ситуацию с решением данной проблемы.

Кроме того, в настоящее время отсутствует единая система сбора официальной статистики и регистрации случаев насилия в семейно-бытовой сфере. Существенным пробелом существующей системы учета является недостаточное количество сведений о пострадавших. Например, если в учетной карточке указано, что потерпевшей является женщина, то ничего не говорится о ее родственных связях с лицом, совершившим преступление. Пока же основную информацию о насилии в семье, его причинах и условиях, личности преступника и пострадавшего дают социологические опросы, анкетирование, анализ документов, включенное наблюдение.

Структуру внутрисемейных насильственных преступлений в отношении женщин составляют в основном деяния, ответственность за которые предусмотрена в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», среди которых преобладают убийство (ст. 105), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания (статьи 111, 112. 115, 116); угроза убийством, преступления, посягающие на половую свободу и неприкосновенность (статьи 131–132).

С момента изменения Уголовного Кодекса РФ в 2003 г. существенно изменилась система рассмотрения дел по насилию в семье. Большинство из них попали в категорию *дел частного обвинения* (статьи 115, 116, ч. 1 ст. 117, ст. 119).

Такое выделение с точки зрения законодателей оправдывается тем, что эти преступления затрагивают права и интересы конкретных граждан и от их воли зависит, будут ли они возбуждать уголовные дела против обидчиков или нет.

Однако в реальности это привело к тому, что *пострадавшие остались практически без надлежащей защиты со стороны государства.*

---

[453] Римашевская Н.М. Разорвать круг молчания… О насилии в отношении женщин/ Н.М. Римашевская – М., 2005. – С. 14

[454] Проект федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию в Российской Федерации», размещенный на сайте Совета Федерации 28 ноября 2019 г., многие эксперты признают несостоятельным в юридическом и практическом аспектах.

Для участия в уголовном процессе потерпевшим необходимы определенные знания. Так, например, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных в статье 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») считаются уголовными делами частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Это означает, что уголовное дело будет возбуждаться не иначе как по заявлению пострадавшей стороны, а правоохранительные органы не принимают участие в доказывании вины, к примеру, домашнего тирана, так как эта обязанность лежит на плечах пострадавших, которые сами должны подавать заявление в мировой суд, самостоятельно собирать доказательства, представлять обвинение в суд (ч. 1 ст. 318**,** п. 2 ч. 4 ст. 321 УПК РФ)**.** Поэтому в основном такие преступления остаются латентными, а потерпевшие – незащищенными. В связи с этим возникает вопрос о переводе вышеуказанных преступлений из категории дел частного обвинения в категорию дел частно-публичного обвинения.

Еще одной проблемой является то, что на сегодняшний день потерпевшая сторона не может рассчитывать на адекватную социальную помощь и реабилитацию со стороны государства.

Напомним, что компенсация вреда не является безусловной обязанностью виновного лица и производится только при наличии обвинительного приговора суда (ч. 3 ст. 42 УПК РФ)**.**

Кроме того, потерпевший не может претендовать на компенсацию вреда, причиненного преступлением, и в случае, если преступник не установлен или установлен, но скрывается от следствия, в связи с чем привлечь его к уголовной ответственности не представляется возможным, т.е. социальная функция статьи 52 Конституции России**,** гарантирующей право на компенсацию причиненного ущерба, фактически не реализуется на практике.

В России отсутствует развитая, учитывающая международный опыт законодательная база, всесторонне регламентирующая меры правовой и социальной защиты пострадавших от насилия в семье[455]. Необходимо ввести как отдельную меру защиты охранный ордер, или внести дополнения в Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», включив защитный ордер в его главу 2 («Виды государственной защиты») как один из видов защиты.

Пробелы в нормативно-правовом регулировании предупредительной деятельности в сфере семейно-бытовой преступности не позволяют в полной мере реализовать весь арсенал профилактических возможностей всех служб органов внутренних дел, поэтому возникает необходимость в разработке нормативно-правовых документов, содержащих четкие механизмы стратегических и тактических форм деятельности служб и подразделений в сфере профилактики семейно-бытовой преступности, включающей основные направления виктимологической защиты женщин от семейно-бытового

[455] В России имеется положительный опыт по оказанию помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия: ЖКЦ «Фатима» и ОППП «Сердэш» (г. Казань РТ); кризисный центр «Сестры» (г. Москва) и т.д.

насилия (комплекс государственных мер, направленных на социальную реабилитацию женщин, пострадавших от внутрисемейного насилия посредством оказания правовой, медицинской, социальной и психологической помощи, возмещение причиненного вреда), в привлечении в системе виктимологической профилактики данного вида преступности государственных и общественных структур, в развитии системы повышения профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих деятельность по профилактике насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Снижению насильственной преступности в семейно-бытовой сфере и снижению латентности данного вида преступности будет способствовать установление гендерного баланса в различных сферах жизнедеятельности нашего общества, искоренение мифов о семейно-бытовом насилии и стереотипов о второстепенном положении женщин в семье.

Литература

1. Римашевская Н.М. Разорвать круг молчания… О насилии в отношении женщин/ Н.М. Римашевская– М., 2005. – С. 14
2. Шикула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений: проблемы теории и практики. Монография/ И.Р.Шикула– М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2019. – С. 25

Щекутьева Татьяна Борисовна,
преподаватель гуманитарно-правового колледжа
Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Деятельность педагога высшей школы направлена на решение большого количества задач и достаточно сложно организована. Очевидно, что ведущая деятельность – это педагогическая (как учебная, так и методическая), но, помимо нее, преподаватель ведет также организационно-управленческую, научно-исследовательскую, воспитательную деятельность.

Шрейн выделяет некоторые особенности, характерные для педагога высшей школы. Так, им отмечается высокая автономность профессии, что требует напряженного умственного труда. Следует помнить о повышенной степени профессиональной ответственности педагога. Необходимо осознавать потребность в непрерывном саморазвитии, так как преподаватель, как правило, занимается не только педагогической деятельностью (хотя и для

нее требуется постоянное самосовершенствование, освоение новых знаний), но и научной. А в последние годы к функциям педагога и исследователя добавилась функция менеджера. И еще одна особенность деятельности в сфере образования – это зависимость ее эффективности не только от того, кто обучает, но и от того, кого обучают[456].

Таким образом, на современном этапе педагог является ученым, обучающим, воспитателем и менеджером одновременно. Это подразумевает наличие высокой квалификации и в своей предметной области, и в других областях знаний.

В данной статье нами будет сделан акцент на особенностях педагогической работы с молодежью. Возрастная психология и смежные дисциплины достаточно подробно описывают особенности юношеского возраста. Однако, личность студента в современных условиях во многом отличается от того образа, который складывается под влиянием учебной литературы.

Очевидно, что интернет оказывает воздействие на формирование и развитие коммуникативной компетентности. Еще до школы ребенок начинает постепенно погружаться в информационную среду. К окончанию школьного обучения в подавляющем большинстве молодые люди не могут представить свою жизнь без социальных сетей.

Это имеет смысл, когда у человека присутствуют ограниченные возможности здоровья. Тогда интернет-общение становится средством социализации личности, позволяет взаимодействовать с социумом. Интернет важен и для поддержания удаленных контактов. Если же формируется интернет-зависимость, то остальные виды деятельности постепенно вытесняются, нарушаются реальные связи, ухудшается их качество. Специалистами отмечается проявление различных личностных деформаций, что, в конечном счете, может привести к дезадаптации личности.

Также надо отметить, что интернет не всегда способствует активизации познавательной деятельности студентов высшей школы. Во многих случаях он выступает в качестве шпаргалки, позволяет использовать информацию, найденную простейшим способом по ключевым словам. Это хорошо известно научным руководителям студенческих работ. Целью выступает не создание нового, актуального продукта, а прохождение системы «антиплагиат» и получение оценки.

Требования, предъявляемые к студентам в учебной деятельности, не всегда выполнимы, так как в среднем уровень познавательных возможностей снижен. Зачастую обучающимся сложно формулировать свои мысли, воспринимать информацию, использовать понятийный аппарат.

Сложности, возникающие в процессе общения, необходимо учитывать в педагогической деятельности. Требуется большее количество часов для отработки коммуникативных навыков. Для этого не обязательно кардинально

[456] Преподаватель в XXI веке: рек. указ. / О.П. Шрейн, Е.А. Штумпф; под ред. О.И. Ткаченко. – Челябинск: Изд–во ЮУрГУ, 2010. – С. 4

менять учебные планы. Преподавателю достаточно в рамках своей учебной дисциплины использовать различные интерактивные формы обучения. Это и работа в малых группах, и обсуждение кейсов, и деловые игры, круглые столы, дискуссии, - любые варианты на усмотрение педагога.

К подготовке и проведению таких занятий привлекаются как малоактивные, так и заинтересованные студенты. В некоторых случаях целесообразно создавать смешанные группы с участниками, обладающими разным уровнем знаний и способностей, в других предпочтительнее использовать индивидуальный подход в обучении.

На современном этапе обращает на себя внимание отсутствие безусловного принятия педагога в качестве источника правильной, истинной информации. Ранее также встречались студенты, которые не соглашались, например, с предложенной трактовкой каких-либо событий, но их было намного меньше.

Сейчас же информация, которую предоставляет преподаватель, может быть сразу же проверена любым студентом в сети интернет. В случае разночтений от педагога требуется способность найти сильные аргументы в защиту своей позиции, так как директивный стиль подачи материала зачастую вызывает его отторжение у обучающихся. В результате педагог должен уметь с достоинством выходить из сложных ситуаций, иметь широкий кругозор, в совершенстве владеть ораторским искусством, особенно искусством аргументации.

Для умелого преподавателя подобные ситуации являются вызовом, они позволяют оживить учебный процесс, делают его более эффективным, заставляют думать. Студент уже не является пассивным объектом педагогического воздействия, в него не «вкладывают» знания. Он – полноценный субъект, а «деятельность субъекта формируется и развивается в человеческих отношениях»[457], при этом обучение трансформируется в увлекательное совместное познание, сотворчество. Если при этом педагог критично относится не только к студентам, но и к себе, является профессионалом в своей области, но может признать свои ошибки, — это вызывает чувство уважения и принятия.

Таким образом, педагог высшей школы в современных условиях – это креативная личность, способная пробудить живой интерес к своему предмету. Это человек, способный признавать свою неправоту и совместно развиваться, меняясь к лучшему, ведь у студентов тоже есть чему поучиться.

---

[457]Остапенко И.А. Деятельность современного педагога высшей школы в свете изменений в психологической организации студента // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 40. – С. 54–58, Формы организации работы с источниками на уроках истории: Учебно-методическое пособие / Авт.-сост. Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина. — М.: Книгодел, 2020. — С.2-4., Звонарева Н.А., Корчагина Т.В. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88 - 89.

А для этого надо понимать, чем живет молодежь, что интересно современным студентам.

Литература

1. Есипова А. А.Образ современного педагога высшей школы / А. А. Еспипова, Б. Сатывалдиева // Педагогика высшей школы. – 2015. – № 3.1. – С. 75–78. [Электронный ресурс]. URL https://moluch.ru/th/3/archive/14/365/ (Дата обращения: 27.02.2020).
2. Звонарева Н.А. Анализ педагогических рисков в ходе подготовки и проведения правовых квестов в образовательных организациях / Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина // Гарантии прав ребенка – безопасность детства. Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Голышев А.В., Ладнушкина Н.М. – М.: Саратовский источник, 2020. – С. 88-92.
3. Корчагина Т.В. Методика преподавания юриспруденции в высшей школе: учебное пособие / Т.В. Корчагина – М: Книгодел, 2020. – 36 с.
4. Остапенко И. А. Деятельность современного педагога высшей школы в свете изменений в психологической организации студента // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 40. – С. 54-58. – URL: http://e-koncept.ru/2016/56900.htm.
5. Преподаватель в XXI веке: рек. указ. / О. П. Шрейн, Е. А. Штумпф; под ред. О.И. Ткаченко. – Челябинск: Изд–во ЮУрГУ, 2010. – 147 с.
6. Формы организации работы с источниками на уроках истории: Учебно-методическое пособие / Авт.-сост. Н. А. Звонарева, Т. В. Корчагина. — М.: Книгодел, 2020. — 36 с.

Яровая Марина Вячеславовна,
к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права
Школы права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ,
Дерябин Федор Юрьевич,
студент 5 курса Школы права Института права и управления
ГАОУ ВО МГПУ

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА ШОТЛАНДИИ ИЗ СОСТАВА СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Проблема взаимоотношений Англии и Шотландии получила в XXI веке особую актуальность в связи с проведением в 2014 году на территории Шотландии референдума о ее выходе из состава Великобритании. Хотя по итогу голосования 55,3 % населения проголосовало против отделения, на политическую повестку дня снова вернулась дискуссия о развитии

шотландского сепаратизма[458]. 31 января 2020 года вступил в силу статут парламента Великобритании – Акт Европейского Союза (Соглашение о Выходе) 2020 года (European Union Act 2020 (Withdrawal Agreement)), регулирующий особые условия выхода Великобритании из состава ЕС и устанавливающий крайней датой завершения данного процесса декабрь 2020 года[459]. Учитывая текущую ситуацию в Европе, вопрос об актуальности внутриполитического противостояния в Соединенном Королевстве вновь приобретает важный политический характер, т.к. именно он покажет успешность и состоятельность Великобритании, ее способность самостоятельно, вне Европейского Союза, осуществлять власть на своей территории, в частности - сохранить унитарность государства.

Необходимо учитывать сложность данной проблемы и ее исторические корни. Впервые противостояние Англии и Шотландии ярко прозвучало в вопросе борьбы за власть между Елизаветой I и Марией Стюарт (королева Шотландии 1561–1567 гг.). Лидеры шотландского правительства Морей и Мейтланд выступали за англо-шотландский союз. Мария же отказывалась признавать Елизавету I королевой Англии, надеясь на реализацию своих прав на английский престол. Компромисс мог быть возможным на условиях признания Марии своего статуса лишь как наследницы английского престола при жизни Елизаветы I (королева Англии и Ирландии 1558–1603 гг.). Казнь Марии Стюарт в 1587 году не прибавила стабильности между Англией и Шотландией.

Новую эпоху в англо-шотландских отношениях открывает английская революция (1640–1689 гг.). Получивший власть после реставрации монархии король Карл II (правил в 1660-1685 гг.) проводит неудачную политику по усилению своего влияния в стране, заключает тайный союз (Дуврский договор 1670 г.) с католической Францией, ведет войну против Голландии. Английский парламент, выступая против сближения с Францией, принимает серию Актов о присяге 1661, 1672 и 1678 годов. Согласно последнему, король, принимая на себя обязанности монарха должен был поклясться (а на деле – отречься), что не является католиком и исповедует исключительно англиканскую религию.

Попытка усиления королевской власти при короле Якове II Стюарте (правил в 1685–1688 гг.) привела к очередному кризису. Сам Яков, при том, что происходил из шотландской династии Стюартов, в правление Карла II долгое время провел во Франции и сблизился с высшими французскими государственными деятелями. Он отказывается отречься от католицизма, не исполняя предписание Акта о присяге 1678 года. Последовали восстания в Шотландии и Англии, которые хоть и были подавлены, но показали, что решения Якова II крайне непопулярны в народе (по изъятию земель,

[458] Scottish Independence Referendum Bill\ Scottish Parliamentary Corporate Body, 1-10 p. 2013

[459] European Union (Withdrawal Agreement) Act 2020, Printed and published in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Jeff James, Controller of Her Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament – 2-8 p., 2020

навязыванию католической веры в среде государственных служащих, введение новых налогов), что и приводит к Славной революции 1688 года и его свержению; корону получает его голландский зять Вильгельм III Оранский (правил в 1689–1702 гг.), внук английского короля Якова I. Это значило, что шотландский династический дом Стюартов был как бы отстранен английским парламентом от правления.

Именно в этот момент обостряются отношения между Англией и Шотландией: если английский парламент целиком и полностью поддерживал Вильгельма III, то в Шотландии парламент и народ придерживался политики мужской линии Стюартов. Разногласия так и не были улажены вплоть до смерти Вильгельма III, который успевает принять Акт о престолонаследии 1701 года. Акт гарантировал получение короны Анной Стюарт, однако де-факто на ней королевская ветвь Стюартов заведомо пресекалась[460].

Итак, со смертью Вильгельма III, власть перешла к королеве Анне Стюарт (правила в 1702-1714 гг.), дочери Якова II, а это означало, что Шотландия в одном шаге от того, чтобы лишиться всякой возможности влиять на Англию и ее парламент. Начинаются взаимные законодательные ограничения, выразившиеся со стороны Шотландии – в Акте о безопасности 1704 года[461], а со стороны Англии – в Акте об иностранцах 1705 года[462]. Дабы предотвратить дальнейшие разногласия Анна Стюарт была вынуждена заявить об объединении королевств в единое государство, с центральным парламентом в Англии. Очередной компромисс Короны завершился принятием Акта об Унии 1707 года, провозгласившим создание Объединенного королевства Великобритании (в I главе Акта)[463].

Таким образом, противостояние Шотландии и Англии за контроль над королевской властью, привело к становлению уникальной формы унитарного государства при наличии четырех историко-географических регионов: Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии (присоединена к Соединенному королевству Актом об Унии 1800 года).

Со смертью королевы Анны в 1714 году парламент призвал принять корону Великобритании Георга I – внука английского короля Якова I, представителя Ганноверской династии (правил в 1714–1727 гг.). Следующие столетие монархи Ганноверской династии, правящие в Великобритании,

---

[460] Согласно данному акту монархом в Англии мог быть только приверженец англиканской церкви, причем который ни разу за всю жизнь не менял своей веры, то есть находился в так называемом «полном сопричастии» с англиканской церковью. Из претендентов на престол исключались католики и лица, вступившие в брак с католиками, а также их дети. Таким образом, Акт о престолонаследии 1701 года фактически отстранял от притязаний на корону Англии всех живых представителей дома Стюартов - по мужской линии - Якова (брата будущей королевы Анны); потомков короля Карла по линии его дочери - герцогини Орлеанской (представителей Савойской династии); и потомков королевы Елизаветы I (представителей Пфальцской династии).

[461] Согласно акту о безопасности 1704 года, шотландский парламент выберет следующего монарха Шотландии из числа протестантских потомков шотландского королевского рода. Данный акт фактически объявляет о заочном отделении Шотландии от Англии.

[462] Акт об иностранцах 1705 года объявляет всех поданных Шотландии иностранцами по отношению к королевству Англии

[463] Union with England Act 1707, Act amended (25.1.1999) by 1998 c. 46, s. 37; S.I. 1998/3178, art. 2(2), Sch. 1

столкнулись с яростным якобитским сопротивлением, центр которого находился непосредственно в Шотландии. Учитывая, что многие из представителей шотландского нобилитета считали Акт о престолонаследии 1701 года самостоятельным актом английского парламента, который не имел юридической возможности лишать права на престол династию Стюартов, уже при Георге I начались якобитские мятежи и восстания.

Положение осложнялось тем, что был жив единственный сын короля Якова II Стюарта – Яков, претендовавший на английский престол как потенциальный король под именем Якова III, а также одновременно на трон Шотландии как Яков VIII. Его имя стало символом для первого (1715 год) и второго (1745 год) якобитского восстания в Шотландии, которые хоть и носили локальный характер, но все же представляли угрозу британской государственности, ведь были поддержаны королем Франции Людовиком XV (правил 1715-1774 гг.), который не только их спонсировал, но и предоставлял помощь в виде вооружения и снабжения. В ходе второго восстания якобитов в 1745 году, английские войска даже понесли несколько небольших поражений, а сами восставшие были возглавлены Чарльзом Стюартом, которого шотландцы считали претендентом на престол. Даже после поражения якобитов в битве при Каллодоне 1746 года мятежные настроения не иссякли, а Чарльзу Стюарту удалось бежать во Францию. Со стороны Георга II последовало принятие второго акта о разоружении 1746 г. и казней организаторов восстания (первый акт был принят после первого восстания якобитов в 1716 году и также был направлен на разоружение шотландских кланов, кроме того был объявлял запрет на ношение традиционной одежды). Притязания на британскую корону неоднократно оспаривались шотландским кланом Мак Дональдов, баронетом Уоткином Уильямсом-Винном, Девидом Морганом и другими якобитами. После смерти в 1766 году Чарльза Стюарта всякая объективная возможность потомков Стюартов оспорить корону стала по факту невозможна, особенно когда папа римский Климент XIV в том же 1766 году признал Ганноверскую династию легитимной, а ее монархов Великобритании, начиная с Георга II – единственными законными правителями государства[464].

Альтернативный список претендентов на престол Великобритании существует до сих пор в лице потомков Чарльза Стюарта (представители Савойской, Габсбургской и Баварской династий), они занимают десятые очереди на корону согласно Акту о престолонаследии 2013 года[465]. Таким образом, кроме национальных идей у сторонников выхода Шотландии из состава Великобритании есть немало оснований апеллировать к истории конфронтации правящих в Британии династий, начиная с конца XVI века.

[464] Szechi, Daniel; Sankey, Margaret. "Elite Culture and the Decline of Scottish Jacobitism 1716–1745". Past & Present. 2001., p. 66

[465] Succession to the Crown Act 2013/Official UK Statute Law Database / [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/20/enacted (Дата обращения 27.02.2020).

Однако, нужно признать, что на данный момент отделение Шотландии скорее поставит перед ней ряд новых серьезных вопросов. Не в последнюю очередь это проблемы позиционирования своей государственности в европейском пространстве и отсутствия у Шотландии практики ведения самостоятельной международной политики. Выход Великобритании из ЕС в 2020 году также нивелировал перспективы упрощенного включения гипотетически независимой Шотландии в ЕС. Это не отменяет вопроса о том, сможет ли она в случае отделения пройти жесткий ценз на вступление в ЕС, а если данная процедура затянется, то не станет ли она заложницей данной ситуации, оказавшись в политико-экономической «самоизоляции», что приведет к угрозе вновь попасть в сферу английского влияния. Учитывая все эти факторы, можно заключить, что, несмотря на долгую историю англо-шотландского противостояния, реальные перспективы выхода Шотландии из состава Великобритании довольно неопределенны.

Литература

1. Szechi, Daniel; Sankey, Margaret. "Elite Culture and the Decline of Scottish Jacobitism 1716–1745". Past & Present. 2001, 173 p.
2. European Union (Withdrawal Agreement) Act 2020, Printed and published in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Jeff James, Controller of Her Majesty’s Stationery Office and Queen’s Printer of Acts of Parliament – 2020. p. 108
3. Scottish Independence Referendum Bill\ Scottish Parliamentary Corporate Body, 150 p. 2013
4. Union with England Act 1707, Act amended (25.1.1999) by 1998 C. 46, s. 37; S.I. 1998/3178, art. 2(2), Sch. 1
5. Succession to the Crown Act 2013/Official UK Statute Law Database [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/20/enacted (Дата обращения 27.02.2020).

Научное издание

«Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития»

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (г. Москва, 23 апреля 2020 г.)

Подписано в печать 02.04.2019 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л.19,3. Усл.-изд. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ № 35

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовский источник»